

2026
№1

Психология и педагогика служебной деятельности

Psychology and pedagogics in official activity

Редакционная коллегия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- В. С. Агапов,**
доктор психологических наук, профессор
- И. С. Ганишина,**
доктор психологических наук, доцент
- И. В. Грошев,**
доктор психологических наук, доктор
экономических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат премии Правильства РФ
в области образования, лауреат премии
Правительства РФ в области науки и техники
- А. Н. Гусев,**
доктор психологических наук, профессор
- В. Ф. Енгальчев,**
доктор психологических наук, профессор
- И. П. Калошина,**
доктор психологических наук, профессор
- А. Г. Караяни,**
доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
образования, академик Академии военных наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
лауреат Государственной премии Российской
Федерации имени Маршала Советского Союза
Г. К. Жукова
- Л. Н. Костина,**
доктор психологических наук, профессор
- И. Б. Лебедев,**
доктор психологических наук, профессор
- О. И. Миронова,**
доктор психологических наук, доцент
- А. Н. Пастушеня,**
доктор психологических наук, профессор
- А. В. Прялухина,**
доктор психологических наук, доцент

Editorial Board

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

- V. S. Agapov,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- I. S. Ganishina,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor
- I. V. Groshev,**
Doctor of Psychology, Doctor of Economics, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate
of the Government of the Russian Federation in the field
of education, laureate of the Government of the Russian
Federation in the field of science and technology
- A. N. Gusev,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- V. F. Engalychev,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- I. P. Kaloshina,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- A. G. Karayani,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Education, Academician of the Academy of Military
Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation,
laureate of the State Prize of the Russian Federation
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov
- L. N. Kostina,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- I. B. Lebedev,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- O. I. Mironova,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor
- A. N. Pastushenya,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor
- A. V. Pryalukhina,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

В. Л. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Сорокоумова,
доктор психологических наук, профессор

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук, профессор

Л. А. Троицкая,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

С. И. Филиппченкова,
доктор психологических наук, доцент

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г. В. Щербаков,
кандидат психологических наук, доцент

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

Е. А. Евстифеева,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

Н. А. Ореховская,
доктор философских наук, профессор

Н. М. Твердынин,
доктор философских наук, кандидат технических наук

Л. А. Бокерия,
доктор медицинских наук, профессор, академик
Российской академии наук и Российской академии
медицинских наук, президент Научного центра
сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева

В. К. Дадабаев,
доктор медицинских наук, доцент

И. А. Дубровин,
доктор медицинских наук, доцент

Т. О. Жвания,
доктор медицины (Франция)

V. L. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Sorokoumova,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

D. V. Sochivko,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. A. Troitskaya,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. I. Filippchenkova,
Doctor of psychological sciences, Associate Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. V. Shcherbakov,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

E. A. Evstifeeva,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. A. Orekhovskaya,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. M. Tverdynin,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Technical Sciences

L. A. Bokeria,
Doctor of Medical Sciences, Professor, Academician
of the Russian Academy of Sciences and the Russian
Academy of Medical Sciences, president of the scientific
center of cardiovascular surgery named after A.N. Bakulev

V. K. Dadabaev,
Doctor of Medical Sciences, Associate Professor

I. A. Dubrovin,
Doctor of Biological Sciences, Associate Professor

T. O. Zhvania,
Doctor of Medicine (France)

С. В. Жуков,
доктор медицинских наук , профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания

А. Г. Иванов,
доктор медицинских наук, профессор

Д. Г. Иоселиани,
доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

А. Ю. Казаков,
доктор медицинских наук, профессор

Р. Е. Калинин,
доктор медицинских наук, профессор

И. О. Маринкин,
доктор медицинских наук, профессор

М. Б. Петрова,
доктор биологических наук, профессор

Н. Н. Слюсарь,
доктор медицинских наук, профессор

В. П. Трутен,
доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

Д. В. Федерякин,
доктор медицинских наук, доцент

Р. Н. Чирков,
доктор медицинских наук, доцент

Л. В. Чичановская,
доктор медицинских наук, профессор

Л. Шарвадзе,
доктор медицинских наук (Грузия), профессор

В. Г. Шестакова,
доктор медицинских наук, доцент

О. В. Штыгашева,
доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Республики Хакасия

О. О. Янушевич,
доктор медицинских наук, профессор

А. М. Мартазанов,
доктор филологических наук, профессор

S. V. Zhukov,
Doctor of Medical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

A. G. Ivanov,
Doctor of Medical Sciences, Professor

D. G. Ioseliani,
Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

A. Yu. Kazakov,
Doctor of Medical Sciences, Professor

R. E. Kalinin,
Doctor of Medical Sciences, Professor

I. O. Marinkin,
Doctor of Medical Sciences, Professor

M. B. Petrova,
Doctor of Biological Sciences, Professor

N. N. Slyusar,
Doctor of Medical Sciences, Professor

V. P. Truten,
Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation, Laureate of the Russian Government Prize in the field of education

D. V. Federyakin,
Doctor of Medical Sciences, Associate Professor

R. N. Chirkov,
Doctor of Medical Sciences, Associate Professor

L. V. Chichanovskaya,
Doctor of Medical Sciences, Professor

L. Sharvadze,
Doctor of Medical Sciences (Georgia), Professor

V. G. Shestakova,
Doctor of Medical Sciences, Associate Professor

O. V. Shtygasheva,
Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the Republic of Khakassia

O. O. Yanushevich,
Doctor of Medical Sciences, Professor

A. M. Martazanov,
Doctor of Philological Sciences, Professor

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. А. Алехин,

доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
образования

А. Н. Аббасов,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный учитель Азербайджанской Республики,
действительный член Академии педагогических
и социальных наук

И. И. Алиев,

доктор педагогических наук, заслуженный учитель
Азербайджанской Республики

Г. Г. Ахмедов,

доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член Российской академии
образования (Азербайджан)

Г. Б. Байрамов,

доктор педагогических наук, профессор,
действительный член Академии педагогических
и социальных наук

В. К. Батурин,

кандидат педагогических наук, доктор философских
наук, профессор, академик Российской академии
естественных наук

М. Н. Берулава,

доктор педагогических наук, профессор, академик
Российской академии образования

А. В. Вилкова,

доктор педагогических наук, профессор

А. Р. Галустов,

доктор педагогических наук, доцент

Н. Ф. Гейжан,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный
работник высшей школы Российской Федерации

Г. М. Гогиберидзе,

доктор педагогических наук (Грузия)

В. Н. Гуляев,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный
работник высшей школы Российской Федерации

В. Л. Дементьев,

доктор педагогических наук, профессор,
обладатель 5-го дана по дзюдо, заслуженный
работник физической культуры Российской
Федерации

PEDAGOGICAL SCIENCES

I. A. Alekhin,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Education

A. N. Abbasov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Teacher of the Republic of Azerbaijan,
Full Member of the Academy of Pedagogical
and Social Sciences

I. I. Aliyev,

Doctor of Pedagogical Sciences, Honored Teacher
of the Republic of Azerbaijan

G. G. Akhmedov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign member of Russian Academy of Education
(Azerbaijan)

G. B. Bayramov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full
Member of the Academy of Pedagogical and Social
Sciences

V. K. Baturin,

Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor
of Philosophical Sciences, Corresponding Member
of the Russian Academy of Education

M. N. Berulava,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Academician of Russian Academy of Education

A. V. Vilkova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. R. Galustov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor

N. F. Geizhan,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored
Worker of the Higher School of the Russian Federation

G. M. Gogiberidze,

Doctor of Pedagogical Sciences (Georgia)

V. N. Gulyaev,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored
Worker of Higher School of the Russian Federation

V. L. Dementiev,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
holder of the 5th dan in judo, Honored Worker
of Physical Culture of the Russian Federation

В. П. Жуковский,
доктор педагогических наук, профессор

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Международной академии наук
педагогического образования

Ф. К. Зиннуров,
доктор педагогических наук, кандидат
психологических наук, профессор

Б. М. Игошев,
доктор педагогических наук, профессор
М. Р. Илакавичус,
доктор педагогических наук, профессор

М. И. Ильясов,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный учитель Азербайджанской Республики

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

Н. И. Калаков,
доктор педагогических наук, профессор

А. Ф. Калашников,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

Т. В. Кириллова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. Н. Касумова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Л. Кубышко,
кандидат педагогических наук

А. А. Лобжанидзе,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Малыгин,
доктор педагогических наук, доцент

А. В. Морозов,
доктор педагогических наук, профессор

Т. Г. Мухина,
доктор педагогических наук, профессор

Н. М. Мухтарова,
доктор педагогических наук, профессор

С. С. Оганесян,
доктор педагогических наук, профессор

V. P. Zhukovsky,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Corresponding Member of the International
Academy of Sciences of Pedagogical Education

F. K. Zinnurov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate
of Psychological Sciences, Professor

B. M. Igoshev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
M. R. Ilakavicius,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

M. I. Il'yasov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Teacher of the Republic of Azerbaijan

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

N. I. Kalakov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. F. Kalashnikov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

T. V. Kirillova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. N. Kasumova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. L. Kubyshko,
Candidate of Pedagogical Sciences

A. A. Lobzhanidze,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Malygin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

A. V. Morozov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

T. G. Mukhina,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

N. M. Mukhtarova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

S. S. Oganesyanyan,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

А. С. Потапов,

доктор педагогических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации, заслуженный
работник высшей школы Российской Федерации

Е. В. Протас,

доктор педагогических наук, кандидат юридических
наук, профессор

Т. А. Поярова,

кандидат педагогических наук, доцент

А. А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
академик Российской академии образования

В. Ф. Родин,

доктор педагогических наук, профессор,
почетный работник сферы образования Российской
Федерации, академик Российской академии
естественных наук

Н. А. Тюгаева,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской
Федерации

И. В. Ульянова,

доктор педагогических наук, профессор

С. А. Фадеева,

доктор педагогических наук, доцент

В. Дж. Халилов,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный учитель Азербайджанской Республики,
действительный член Академии педагогических
и социальных наук

Н. Ю. Штрекер,

доктор педагогических наук, профессор

Н. Е. Щуркова,

доктор педагогических наук

Н. Ю. Ярычев,

доктор педагогических наук, доктор философских
наук, профессор

М. Н. Артеменков,

кандидат исторических наук, доцент

А. А. Бакаев,

доктор исторических наук, кандидат юридических
наук, доцент

A. S. Potapov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation, Honored Worker of Higher
Education of the Russian Federation

E. V. Protas,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Law,
Professor

T. A. Poyarova,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Science Worker of the Russian Federation,
Academician of Russian Academy of Education

V. F. Rodin,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honorary Worker of the Sphere of Education
of the Russian Federation, Academician
of the Russian Academy of Natural Sciences

N. A. Tyugaeva,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of the Russian
Federation

I. V. Ulyanova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

S. A. Fadeeva,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor

V. J. Khalilov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Teacher of the Republic of Azerbaijan,
Full Member of the Academy of Pedagogical
and Social Sciences

N. Yu. Shtreker,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

N. E. Shchurkova,

Doctor of Pedagogical Sciences

N. Yu. Yarychev,

Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor
of Philosophical Sciences, Professor

M. N. Artemenkov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

A. A. Bakaev,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law,
Associate Professor

<p>В. А. Динес, доктор исторических наук, профессор</p> <p>С. Ю. Наумов, доктор исторических наук, профессор</p> <p>Е. В. Савельева, доктор исторических наук, профессор</p> <p>И. О. Тюменцев, доктор исторических наук, профессор</p> <p>И. А. Уваров, доктор исторических наук, доцент</p> <p>А. А. Федулин, доктор исторических наук, профессор</p>	<p>V. A. Dines, Doctor of Historical Sciences, Professor</p> <p>S. Yu. Naumov, Doctor of Historical Sciences, Professor</p> <p>E. V. Savelyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor</p> <p>I. O. Tyumentsev, Doctor of Historical Sciences, Professor</p> <p>I. A. Uvarov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor</p> <p>A. A. Fedulin, Doctor of Historical Sciences, Professor</p>
<p>Р. Кварасхелия, доктор юридических наук, профессор (Грузия)</p> <p>Н. Ф. Медушевская, доктор юридических наук, доцент</p>	<p>R. Kvaraskhelia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Georgia)</p> <p>N. F. Medushevskaya, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor</p>
<p>Протоиерей Владимир Воробьев, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат физико-математических наук</p>	<p>Archpriest Vladimir Vorobiev, Rector of St. Tikhon's Orthodox University, Candidate of Physical and Mathematical Sciences</p>
<p>Н. Д. Эриашвили, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник сферы образования Российской Федерации</p>	<p>N. D. Eriashvili, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Laureate of the Russian Federation Government Prize in the Sphere of Science and Technology, Laureate of the Russian Government Prize in the field of education, Honorary Worker of Education of the Russian Federation</p>
<p>О. Н. Барабанов, доктор политических наук</p> <p>О. Г. Карпович, доктор политических наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации</p> <p>А. Степен-Кучинска, доктор политических наук, профессор (Польша)</p> <p>Ш. С. Сулейманова, доктор политических наук, доцент</p>	<p>O. N. Barabanov, Doctor of Political Sciences</p> <p>O. G. Karpovich, Doctor of Political Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation</p> <p>A. Stepien-Kuczynska, Doctor of Political Sciences, Professor (Poland)</p> <p>Sh. S. Suleymanova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor</p>
<p>В. А. Мальцев, доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования</p>	<p>V. A. Maltsev, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Laureate of the Russian Federation Government Prize in the Sphere of Education</p>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Главный редактор

И. В. Groшев,

доктор психологических наук,
доктор экономических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат
премии Правительства РФ
в области образования, лауреат
премии Правительства РФ
в области науки и техники

Главный редактор

Объединенной редакции

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники, лауреат
премии Правительства РФ
в области образования,
почетный работник сферы
образования РФ
e-mail: professor60@mail.ru

Редакция:

М. А. Андронаки,

Т. А. Гридчина,

В. С. Клементьева

Эксперт:

Ю. В. Чуманов,

кандидат психологических наук

Д. Э. Каллагова,

кандидат медицинских наук

Учредители:

Московский университет

МВД России имени

В.Я. Кикотя

117997, г. Москва,

ул. Академика Волгина, д. 12

Издательство «ЮНИТИ-ДАНА»

123298, г. Москва, ул. Ирины

Левченко, д. 1

Представительства:

Республика Крым:

В. В. Ковров,

кандидат педагогических наук,

доцент Тел/факс: +79780443432

e-mail: lev23@list.ru

Грузия:

г. Тбилиси: **М. Сулханишвили**

Тел/факс: +99532 242-12-07/08

e-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Израиль:

г. Иокнеат: **Л. Н. Тепман,**

доктор экономических наук,

профессор

e-mail: tepman32@list.ru

Абилова Ф. А. Проявления высокого профессионализма в процессе профессионально-личностного развития успешных женщин – сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.....	12
Аблеев С. Р. Виртуальная реальность как научная проблема: кванты, психика, компьютер.....	17
Агапов В. С., Роднова Ю. С. Историко-методологический анализ динамического подхода к изучению Я-концепции сотрудников органов внутренних дел.....	22
Балашова В. А., Ефимкина Н. В., Сухарева В. А. Динамические особенности профессиональной готовности сотрудников полиции.....	27
Борисова С. Е. Функции управления в границах вербальных репрезентаций руководителей подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции.....	33
Зуйкова А. А. Перспективы деятельности психологов органов внутренних дел по реабилитации наркозависимых в рамках межведомственного взаимодействия.....	39
Иванюк В. Ю., Мильчарек Т. П. Современные подходы к формированию психологической безопасности в образовательных учреждениях.....	43
Казарян Н. А. Условия и факторы развития личностно-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России.....	49
Карасева И. Д. Исследование особенностей воображения у детей с задержкой психического развития.....	53
Кулешова Е. А. Методолого-теоретические проблемы изучения правосознания осужденных, содержащихся в исправительных центрах.....	57
Марьясис И. Б., Гончарова Е. М. Профилактика виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних.....	61
Митин Ю. Д. К вопросу о профессиональном выгорании юристов.....	68
Молодкина Л. В. Психологический портрет «Природы» в феноменологической эстетике Анны-Терезы Тименецки.....	74
Олейникова П. Э. Специфика психологических барьеров управленческой деятельности младшего командного состава.....	77
Поднебесная Э. И. Формирование и развитие коммуникативной компетентности курсантов факультета психологии и пробации Академии ФСИН России.....	81
Потапов М. М., Барбашов А. Б., Гойхман Г. М. Экзистенциальные формы коммуникации в современных условиях.....	86
Саванин И. А. Исследование компонентов психологической готовности к деятельности (на примере военнослужащих).....	95
Цветков В. Л., Святенко О. О. Теоретические подходы к изучению психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях.....	99
Шлисере Ю. Г. Потенциал метода критических инцидентов в формировании межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников миграционной службы МВД России.....	104
Шарафутдинова Н. В. Специфика взаимосвязей показателей регулятивного компонента структуры профессионального самосознания курсантов.....	111

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Решением ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Психология и педагогика служебной деятельности» включен в утвержденный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Редакция и внешние рецензенты не несут ответственности за качество, правильность и корректность цитирования произведений авторами статей. Ответственность за качество, правильность и корректность цитирования произведений несут исключительно авторы опубликованных в авторской редакции материалов.

Свидетельство
о регистрации в РФ
ПИ № ФС 77-76162 от 03.07.2019

Распространяется по подписке
Индекс 80428 в каталоге
Агентства «Урал-Пресс Округ»

Адрес редакции
и издательства:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 12

Подписано в печать:
19 марта 2026 г.

Тираж 500 экз.

www.unity-dana.ru
www.niion.org

Арзуманиян Д. И. Речевая ситуация как одно из ключевых понятий в формировании коммуникативной компетенции курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.....	118
Голуб В. В., Голуб А. В. Педагогическая культура офицера в современных условиях: проблемы и пути решения.....	124
Джарпаркулов А. С. Правовые аспекты обеспечения безопасности в огневой и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и Кыргызской Республики.....	131
Дорошенко О. М., Нижниченко Н. Б. Разрыв семейных связей как печальная реальность XXI века.....	136
Казбеков Т. Ш. Цигун к структуре физической подготовки с использованием на занятиях в образовательных учреждениях МВД России.....	141
Козина Н. О. Профессионально-ориентированное обучение русскому языку иностранных слушателей в университете МВД: правовой и лингвистический компоненты.....	145
Костиков К. Н., Тихомиров В. А. Сравнительный анализ нормативно-правового обеспечения физической подготовки в вооруженных силах и Министерстве внутренних дел: общее и особенное.....	148
Лукинский И. С., Горшенева И. А. Становление академического гострайтинга: от отчуждения осмысленности труда к симуляции компетентности в эпоху искусственного интеллекта.....	153
Некрутов С. С., Братков К. И. К вопросу о патриотическом воспитании учащейся молодежи посредством военно-спортивной подготовки.....	159
Николаева Н. В. Проблемы педагогической дидактики в высшей школе: причины, следствия и пути преодоления.....	164
Полунина Е. Н., Марьина Н. Н. Компонентный и функциональный анализ термина «образование» на примере книги Гёте «Поэзия и правда».....	170
Ржаницына И. А. Перспективы и вызовы при интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения: влияние на качество подготовки кадров.....	174
Славко А. Л., Парфенова К. В. Влияние физической подготовки на стрессоустойчивость и психологическую готовность курсантов МВД России к оперативно-служебной деятельности.....	177
Третьяченко Е. И. Структура общепрофессиональных умений социального педагога: рефлексивный компонент.....	180
Ушаков М. А., Золотухин Д. В., Серпионова А. И. Методы активного восстановления в системе физической подготовки курсантов и слушателей МВД России.....	184
Фролова Т. Н. Основы методологии научного творчества.....	190
Хренков А. В., Иванова Ю. А., Аливердиева М. А. Экопедагогика: актуальные аспекты.....	194
Хромов В. А. Смешанное передвижение на занятиях физической подготовкой как средство развития функциональных возможностей курсантов образовательных учреждений МВД России.....	198
Шашурина Г. В. Научное творчество как фактор развития познания.....	201

CONTENTS 1/2026

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Abilova F. A. Manifestations of high professionalism in the process of professional and personal development of successful women – employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation.....	12
Ableev S. R. Virtual reality as a scientific problem: quanta, psyche, computer.....	17
Agapov V. S., Rodnova Yu. S. Historical and methodological analysis of a dynamic approach to the study of the self-concept of employees law enforcement agencies.....	22
Balashova V. A., Efimkina N. V., Sukhareva V. A. Dynamic features of professional readiness of police officers.....	27
Borisova S. E. Management functions within the boundaries of verbal representations by heads of Road Patrol Service Units of the State Traffic Police.....	33
Zuikova A. A. Prospects for the work of psychologists of law enforcement agencies in the rehabilitation of drug addicts in the framework of interdepartmental cooperation.....	39
Ivanyuk V. Yu., Milcharek T. P. Modern approaches to the formation of psychological safety in educational institutions.....	43
Kazaryan N. A. Conditions and factors of the development of personal and professional qualities of cadets of educational institutions of FPS of Russia.....	49
Karaseva I. D. A study of the features of imagination in children with mental retardation.....	53
Kuleshova E. A. Methodological and theoretical problems of studying the legal consciousness of convicts held in correctional centers.....	57
Maryasis I. B., Goncharova E. M. Prevention of juvenile victimization in the information space by juvenile affairs inspectors.....	61
Mitin Yu. D. On the issue of professional burnout among lawyers.....	68
Molodkina L. V. Psychological portrait of «Nature» in the phenomenological aesthetics of Anna-Teresa Tymianecki.....	74
Oleynikova P. E. The specifics of psychological barriers to management activities of junior command personnel.....	77
Podnebesnaya E. I. Formation and development of communicative competence of cadets of the Department of Psychology and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.....	81
Potapov M. M., Barbashov A. B., Goikhman G. M. Existential forms of communication in modern conditions.....	86
Savanin I. A. Research of components of psychological readiness for activity (on the example of military personnel).....	95
Tsvetkov V. L., Svyatenko O. O. Theoretical approaches to the study of psychological readiness of internal affairs officers to perform operational duties under special conditions.....	99
Shlisere Yu. G. Potential of the critical incident method in developing intercultural communicative competence among employees of the migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	104
Sharafutdinova N. V. The specificity of the interrelations of the indicators of the regulatory component of the structure of professional self-awareness of cadets.....	111

Editor-in-chief:

I. V. Groshev,

doctor of psychological sciences,
doctor of economic sciences,
professor, honored worker of
science of the Russian Federation,
laureate of the Russian
Government prize in the field of
education, laureate of the Russian
Government prize in science
and technology

*Editor-in-chief of Joint editorial
board*

N. D. Eriashvili,

candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics, professor, laureate of
the Russian Federation Government
prize in science and technology,
laureate of the Russian Government
prize in the field of education,
honorary worker of education of
the Russian Federation
e-mail: professor60@mail.ru

Editorial Office:

M. A. Andronaki,

T. A. Gridchina,

V. S. Klementieva

Expert:

Yu. V. Chumanov,

Candidate of Psychological
Sciences

D. E. Kallagova,

Candidate of Medical
Sciences

Founders:

**Moscow university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia**

named after V.Ya. Kikot'

117997, Moscow, Akademika
Volgina st. 12

«UNITY-DANA» publishing house

123298, Moscow,

Iryny Levchenko st. 1

Representation offices:

Republic of Crimea:

V. V. Kovrov,

candidate of pedagogical sciences,
associate professor

Tel/fax:+79780443432

e-mail: lev23@list.ru

Georgia:

Tbilisi: M. Sul Khanishvili

Tel/fax:+99532 2421207/08

e-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Israel:

Yokneam: L. N. Tepman,

doctor of economical sciences,
professor

e-mail: tepman32@list.ru

PEDAGOGICAL SCIENCES

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Psychology and pedagogics in official activity» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences.

The editorial board and external reviewers are not responsible for the quality, correctness and correctness of the citation of works by the authors of articles. The authors of the materials published in the author's editorial office are solely responsible for the quality, correctness and correctness of the citation of works.

Registration certificate
in Russia

ПИ № ФС 77-76162 dd. 03.07.2019

Distributed by subscription
Index 80428 in the Agency's
catalog «Ural-Press Okrug»

*Address of the editorial office
and publishing house:*

117997, Moscow, Akademika
Volgina st. 12

Signed in print on
March 19th, 2026

Order № 12

Circulation of 500 copies

www.unity-dana.ru
www.niion.org

Arzumaniyan D. I. Speech situation as a key concept in developing communicative competence of cadets and students in Russian MIA educational institutions.....	118
Golub V. V., Golub A. V. Officer's pedagogical culture in modern conditions: problems and solutions.....	124
Dzhaparkulov A. S. Legal aspects of ensuring safety in firearms and physical training for employees of internal affairs agencies of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic.....	131
Doroshenko O. M., Nizhnichenko N. B. The breakdown of relationships between parents and children as a sad reality of the 21st century.....	136
Kazbekov T. Sh. Qigong to the structure of physical training using in the classroom of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	141
Kozina N. O. Professionally oriented teaching of Russian to foreign students at the university of the Ministry of Internal Affairs: legal and linguistic components.....	145
Kostikov K. N., Tikhomirov V. A. Comparative analysis of the regulatory and legal support for physical training in the armed forces and the Ministry of Internal Affairs: common and peculiar.....	148
Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A. The evolution of academic ghostwriting: from the alienation of meaningful labor to the simulation of competence in the age of artificial intelligence.....	153
Nekrutov S. S., Bratkov K. I. To the question of patriotic education of students through military-sports training.....	159
Nikolaeva N. V. Problems of pedagogical didactics in higher education: causes, consequences and ways to overcome them.....	164
Polunina E. N., Maryina N. N. A componential and functional analysis of the term «education» using Goethe's «Poetry and Truth» as an example.....	170
Rzhanitsyna I. A. Prospects and challenges for integrating artificial intelligence into the educational process: impact on the quality of personnel training.....	174
Slavko A. L., Parfenova K. V. The influence of physical training on stress resistance and psychological readiness of cadets of the Ministry of Internal Affairs for operational and service activities.....	177
Tretyachenko E. I. Structure of general professional skills of a social teacher: reflective component.....	180
Ushakov M. A., Zolotukhin D. V., Serpionova A. I. Methods of active recovery in the physical training system for cadets and students of Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.....	184
Frolova T. N. Fundamentals of the methodology of scientific creativity.....	190
Khrenkov A. V., Ivanova Yu. A., Aliverdieva M. A. Ecopedagogy: relevant aspects.....	194
Khromov V. A. Mixed movement in physical training classes as a means of developing the functional capabilities of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	198
Shashurina G. V. Scientific creativity as a factor in the development of cognition.....	201

Научная статья

УДК 159.9; ББК 88.3

EDN: <https://elibrary.ru/ucjlqx>

ИИОН: 2018-0077-1/26-697

MOSURED: 77/27-024-2026-01-896

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная и организационная психология

Проявления высокого профессионализма в процессе профессионально-личностного развития успешных женщин – сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Фарида Ахмедага кызы Абилова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, farida.abilova@yandex.ru

Аннотация. По результатам контент- и психологического анализа публикаций представлена таблица, в которой отражены проявления высокого профессионализма женщин – сотрудников органов внутренних дел, что подтверждается их заслугами и почетными наградами. Среди ключевых аспектов выделены профессиональные способности женщин-сотрудников, длительность и гибкость профессионального опыта, их профессиональное самоопределение и идентичность. В профессиональной служебной деятельности у женщин-сотрудников отмечены проявления над-ситуативной активности как свойство субъектности.

Ключевые слова: интерес, профессиональная направленность личности, профессиональные способности, черты характера женщин-сотрудников, профессиональная культура, высокие достижения, заслуги

Для цитирования: Абилова Ф. А. Проявления высокого профессионализма в процессе профессионально-личностного развития успешных женщин – сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 12–16. EDN: UCJLQX.

Original article

Manifestations of high professionalism in the process of professional and personal development of successful women – employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation

Farida A. Abilova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, farida.abilova@yandex.ru

Abstract. This article, based on the results of a content and psychological analysis of publications, presents a table reflecting the high professionalism of female staff in internal affairs, as evidenced by their honorary achievements and awards. Key aspects highlighted include the professional abilities of female staff, the length and flexibility of their professional experience, and their professional self-determination and identity. In addition, female staff are noted to exhibit trans-situational activity as a characteristic of agency.

Keywords: interest, professional orientation of personality, professional abilities, character traits of female staff, professional culture, high achievements, merits

For citation: Abilova F. A. Manifestations of high professionalism in the process of professional and personal development of successful women – employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Psychology and pedagogy of service activity. 2026;(1):12–16. (In Russ.). EDN: UCJLQX.

В профессиональной служебной деятельности у 77 % женщин-сотрудников был выявлен интерес к служебной деятельности, любовь к государственной службе и убежденность в том, что женщины-сотрудни-

ки могут приносить пользу. Начнем с того, что вдохновившись А. Маслоу и тем, как он вывел черты самоактуализирующейся личности на основе биографических исследований знаменитых людей успешных в различ-

ных сферах деятельности¹ [4, с. 139–140], мы решили использовать аналогичный подход при определении характеристик и способностей успешных, самоотверженных и легендарных женщин – сотрудников органов внутренних дел. Для выполнения задуманного нами был проведен контент- и психологический анализ 237 статей и публикаций, посвященных женщинам-сотрудникам, из следующих изданий: «Петровка, 38» – были всесторонне изучены электронные публикации за период с 2011 г. по 2025 г., в период с 2020 г. по 2025 г. – газеты «Щит и меч» и журнала Министерства внутренних дел «Полиция Россия». В ходе работы наше внимание привлекло и юбилейное издание книги Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Проведенный контент- и психологический анализ материалов дал возможность отнести ключевые описания высокого профессионализма женщин-сотрудников, встречающиеся в текстах статей, к следующим параметрам: идейная, устойчивая профессиональная направленность личности; профессиональные способности: коммуникативные, организаторские, интеллектуальные, творческие, рефлексивные; черты характера: волевые, нравственные, интеллектуальные, эмоциональные; профессиональный опыт; профессиональное самоопределение; профессиональная идентичность; высокий уровень развития личности и субъекта, их сопряжение в профессиональной служебной деятельности: высокие достижения в профессиональной деятельности и карьере; заслуги как гражданина перед государством; готовность передавать профессиональный опыт коллегам, собственным детям, продолжившим семейную династию; передача этого опыта. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица 1

Результаты контент- и психологического анализа публикаций, в которых упоминаются проявления высокого профессионализма путем постоянного профессионально-личностного развития женщин – сотрудников милиции/полиции/органов внутренних дел

Проявления высокого уровня достижений профессионализма путем профессионально-личностного развития	Упоминание (в %)
1. Идейная, устойчивая профессиональная направленность личности женщин-сотрудников	
1.1. Ценностные ориентации, выражающиеся в предпочтениях и уважительном отношении к духовно-нравственным ценностям (жизнь, права и свободы человека, служение Отечеству, семья, созидательный труд, коллективизм, взаимопомощь, беспристрастность и пр., связанные с продолжением семейной династии)	77 %

¹ В лист самоактуализирующихся личностей попали Элеонора Рузвельт, Авраам Линкольн, Томас Джефферсон, Альберт Эйнштейн, Джейн Адамс, Уильям Джемс, Швейцер, Олдос Хаксли, Спиноза и др.

1.2. Интерес к служебной деятельности (индивидуальной и коллективной), преданность и любовь к государственной службе в органах внутренних дел как результат понимания ее значения, эмоционального переживания значимых служебных ситуаций	69 %
1.3. Профессиональные убеждения в виде суждений, принципов и идеалов о службе в органах внутренних дел	49 %
2. Профессиональные способности женщин-сотрудников	
2.1. Коммуникативные способности	73 %
2.2. Организаторские способности	49 %
2.3. Интеллектуальные и творческие способности	81 %
2.4. Рефлексивные способности и способности к саморазвитию	43 %
3. Черты характера женщин-сотрудников	
3.1. Волевые (целеустремленность, организованность, кропотливость, усидчивость, скрупулезность, честность, уверенность, требовательность, выносливость, настойчивость, решительность, мужество, инициативность, упорство, усердие, амбициозность, твердость, стойкость, самоотверженность, строгость, самоотверженность, уверенность и др.)	61 %
3.2. Нравственные (ответственность, принципиальность, честность, исполнительность, дисциплинированность, порядочность, добросовестность, гуманность, трудолюбие, отзывчивость, тактичность, достоинство и пр.),	65 %
3.3. Интеллектуальные (сообразительность, любознательность, открытость новому, объективность)	73 %
3.4. Эмоциональные (выдержанность, спокойствие, уравновешенность, сдержанность, стрессоустойчивость, терпение)	32 %
4. Профессиональный опыт женщин-сотрудников	
4.1. Длительный, целенаправленно и постоянно развиваемый и развивающийся профессиональный опыт, расширяющийся за счет получения второго образования, выполнения служебных обязанностей в особых условиях и экстремальных ситуациях, перехода на вышестоящие и руководящие должности	85 %
4.2. Гибкость профессионального опыта преодоления гендерных стереотипов во взаимоотношениях с руководителями-мужчинами, мужских служебных коллективах, с гражданами мужского пола; здоровьесбережения путем занятий спортом и творчеством, посещения театров, путешествий и пр.; продолжения профессиональной деятельности в другой местности (новых территориях Российской Федерации), после выхода на пенсию	77 %
4.3. Профессиональная культура, основанная на преданности и любви к службе в органах внутренних дел, становящаяся для коллег, граждан, собственной семьи и детей в качестве примера для подражания	46 %
5. Профессиональное самоопределение женщин-сотрудников как осознанное согласование возможностей с требованиями служебной деятельности и нахождение смысла этой деятельности	76,8 %
6. Профессиональная идентичность как основная тенденция и критерий становления профессионала и профессионально-личностного развития	81 %

7. Высокий уровень развития личности и субъекта женщин-сотрудников, их сопряжение в профессиональной служебной деятельности	
7.1. Высокие достижения в профессиональной деятельности и карьере (государственные награды – орден «За заслуги перед Отечеством I–IV степени», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», присвоение специального звания генерала, победители конкурса профессионального мастерства на звание «Лучший по профессии», повышение в должности, внеочередное присвоение специального звания, привлечение в качестве лекторов в комиссию ГИА, защита диссертаций и т. д.)	64 %
7.2. Заслуги как гражданина перед государством (почетный донор, мастер спорта, когда на пенсии – открыли центры помощи женщинам и детям и т. д.)	22 %
7.3. Готовность передавать профессиональный опыт коллегам, собственным детям, продолжившим семейную династию; передача этого опыта	53 %

В данной статье мы представим часть результатов и самых ярких примеров. Многие из женщин добились успеха в карьере и пришли к вершине профессионализма вследствие непрерывного профессионально-личностного развития и самосовершенствования, точного планирования и управления своей карьерой, определения личностного смысла и значимости службы и направления всех своих усилий на реализацию служебных целей, зачастую действия женщин-сотрудников при решении тех или иных служебных задач, превышали требования ситуации, тем самым проявляя надситуативную активность как проявления субъекта деятельности. На достижения высокого уровня профессионализма женщинами-сотрудницами указывают государственные и международные награды: полковник юстиции О. А. Губина [17] и полковник милиции в отставке Л. А. Исаенко были награждены медалью «За заслуги перед Отечеством» второй степени [19]; полковник полиции О. В. Химичева награждена медалями «За отличие в службе» I, II и III степеней и медалью «За безупречную службу» [5, с. 87]; Р. В. Данилова награждена медалью «За безупречную службу» I, II и III степеней и «За доблесть в службе» [5, с. 29]; полковник юстиции Ю. Ким и капитан полиции Ю. Тараско были удостоены медали Организации Объединенных Наций [8, с. 41; 9, с. 10]. Подчеркнем, что Ю. Тараско и О. В. Химичева являются продолжателями семейной династии в профессии. Указанная преемственность поколений говорит о традициях и ценностных ориентациях, характерных для семьи, а также о длительном интересе и готовности к передаче знаний и опыта, что в целом является эталоном идейной, устойчивой профессиональной направленности.

В своих заслугах женщины – сотрудники органов внутренних дел демонстрируют не только свой профессионализм, но и проявляют себя как зрелые личности и граждане, чье чувство долга и справедливости, стремление к служению государству, обществу, Родине и защите правопорядка указывают на исключительную преданность государству. Особого внимания заслуживают

женщины-сотрудники, которые несут службу в новых российских субъектах в непростых условиях: подполковник полиции Юлия Адушкина отмечает, что в командировках в Донецкую и Луганскую народные республики, Херсонскую и запорожскую области занималась делами по всем направлениям: ознакомление руководителей кадровых подразделений территориальных органов с нормами антикоррупционного законодательства, вопросы, связанные с порядком прохождения службы, переводом, аттестацией и многими другими нюансами [13, с. 4]. Так, Екатерина Кадочникова вместе с коллегами совершает выезды по Херсонской области, проводит беседы с детьми, выясняет наличие проблем у них и старается оказать помощь в их решении. Наряду с этим майор полиции знакомит родителей с обязанностями по содержанию и воспитанию несовершеннолетних [12, с. 12]. Приведем в пример и капитана юстиции Ирину Захарченко, которая в настоящее время несет службу в непростых условиях и сталкивается с необходимостью вести свою деятельность в составе следственно-оперативных групп под звуки от беспилотных летательных аппаратов и считает, что «...при этом важно оставаться человеческой, тактичной, справедливой и честной, перед законом, народом и главное – перед собой» [11, с. 12].

Говоря о профессиональных способностях женщин-сотрудников, подчеркнем, что на первом месте у 73 % были отмечены коммуникативные способности, среди них: умение найти индивидуальный и правильный подход к каждому гражданину; слушать и слышать проблемы людей, понимать другого человека и сопереживать ему, умение сочувствовать чужой беде; сохранять доброту, веру в людей и не очерстветь. Так, майор полиции Ольга Сохацкая отмечает, что «Самое важное в нашей работе – выстроить диалог. Только так можно донести суть проблемы, увидеть истинную картину, найти решение» [10, с. 6–7]. Организаторские способности у 49 %, проявились как в способности управлять собственной служебной деятельностью, так и определять приоритетные задачи и координировать работу служб, в том числе в особых условиях (например, планирование и контроль за коллективной работой, а также помощь и поддержка коллег). Интеллектуальные и творческие способности у 81 % рассматривались как совокупность свойств профессионально развитых познавательных качеств (внимательность и наблюдательность, бдительность; гибкость, сообразительность, широта, логическое мышление, развитая память на лица, профессиональное чутье, интуиция и пр.). Прочитаем подполковника полиции Анну Волокитенкову: «Я люблю творческие идеи, мне нравится внедрять новые технологии, вести профилактическую работу» [16].

Проведенный анализ статей и публикаций показал, что 43 % женщин-сотрудников анализируют результаты своей деятельности и признают допущенные ошибки, что в свою очередь указывает на рефлексивные способности и способности к саморазвитию. Подчеркнем, что процесс профессионально-личностного развития – это непрерывное саморазвитие, формирующее

путь к зрелости, к самоактуализации, вспомним, что советский психолог Борис Сергеевич Братусь рассматривал самоактуализацию как творческую активность психики, способную трансформировать как социальные процессы, так и внутреннее развитие индивида [1, с. 43–44].

Женщины – сотрудники органов внутренних дел, отличающиеся высокими показателями в служебной деятельности и стремящиеся к карьерному росту, отличаются готовностью к изучению нового, часто ищут возможности для получения второго высшего образования, ученой степени, участия в дополнительных образовательных программах, тренингах и т. д. В подтверждение сказанного приведем примеры, которые были выявлены в статьях в процессе контент- и психологического анализа: майор полиции Яна Бикаева считает, что «главное – не опускать руки и стремиться к совершенствованию» [15]; подполковник полиции Ольга Александрова Шувалова в своем интервью отметила: «...будьте всегда нацелены на успех, стремитесь к совершенству. Помните: “Дорогу осилит идущий”, повышайте профессиональные навыки, занимайтесь самообразованием» [18]; полковник полиции Елена Меркулова подчеркивает, что «главное – состояться и самовыразиться в своем направлении профессиональной деятельности» [14, с. 8–9].

Подводя итоги, отметим, что в процессе профессионально-личностного развития женщин – сотрудников органов внутренних дел важную роль играет совокупность ряда параметров: идейная направленность и сильная мотивация, профессиональные способности, черты характера. Наряду с этим в достижении вершин профессионализма значительную роль играет и ближайшее окружение: семья, руководитель или наставник, коллектив, а в стремлении расти в своей профессии важно поддерживать постоянную готовность к получению новых знаний и опыта.

В завершение хотелось бы вспомнить легендарных женщин-сотрудников: Паулина Онушонок – первая в истории женщина – начальник отделения милиции в Ленинграде, рискуя жизнью, раскрывала дела и создала первые детские комнаты; Элис Стеббинс Уэллс – убедила начальника впервые нанять на работу женщин-сотрудников и основала Международную ассоциацию женщин-полицейских; Джорджии Энн Робинсон – основала приют для женщин и детей и боролась против сегрегации в школах. Мы привели лишь часть имен из числа всех тех выдающихся женщин-сотрудников, которые работали на добровольных началах и не раз доказали свою приверженность службе, устойчивую идейную направленность и свой профессионализм.

Библиографический список

1. Братусь Б. С. Психология нравственного сознания в контексте культуры. М., 1994. 60 с.
2. Деркач А. А., Калинина И. В., Синягина Ю. В. Вопросы феминологии: профессиональный и личностный рост женщин. Ульяновск : СВНЦ, 2008. 341 с.
3. Джонсон Р. А. Она: глубинные аспекты женской

психологии / пер. с англ. В. К. Мершавки. М. : Когито-Центр, 2008. 109 с.

4. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб. : Евразия, 1999. 316 с.

5. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Т. 3. Ими гордится Университет : юбилейное издание / под ред. И. А. Калиниченко, К. К. Гасанова, А. В. Ендольцевой., А. Л. Миронова. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. 108 с.

6. Хорни К. Психология женщины / пер. с англ. А. М. Боковой, Т. В. Панфиловой, Л. Б. Сумм. М. : Академический Проект, 2009. 237 с.

7. Ситдикова С. Н. Акмеологические особенности развития карьерной успешности женщин : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. Ростов-н/Д : Южный федеральный университет, 2009. 196 с.

8. Караиванов В. Международное полицейское взаимодействие : поиск новых подходов // Журнал Министерства внутренних дел Российской Федерации «Полиция России». 2021. № 12. 63 с.

9. Дакаева И. Здравствуйте, мамА, папА! // Щит и меч. 2025. № 19 (1947). 16 с.

10. Косолапова О. Важно выстроить диалог // Щит и меч. 2022. № 45 (1829). 16 с.

11. Петренко Т. Главное – быть честной // Щит и меч. 2025. № 13 (1941). 16 с.

12. Петренко Т. Решая недетские проблемы // Щит и меч. 2024. № 12 (1892). 16 с.

13. Солдатов Д. Раскрывая секреты службы // Щит и меч. 2024. № 22 (1902). 16 с.

14. Фомина А. Настрой – позитивный, а вера в победу // Щит и меч. 2023. № 38 (1870). 16 с.

15. Вологодский С. Главное – труд и стремление! // Петровка, 38. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/glavnoe-trud-i-stremlenie> (дата обращения: 10.08.2025).

16. Данилкин А. Люблю соревноваться // Петровка, 38. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/lyublyu-sorevnovatsya> (дата обращения: 10.08.2025).

17. Питалев И. Ольга Кириллова – полковник полиции, начальник Главного управления по вопросам миграции МВД России // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20170407/1491564431.html> (дата обращения: 12.08.2025).

18. Рацева Е. С удовольствием отвлекаться от суеты // Петровка, 38. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/s-udovolstviem-otvlechysya-ot-suety> (дата обращения: 10.08.2025).

19. Телеканал «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/201303091536-e2l6.htm> (дата обращения: 04.08.2025).

Bibliographic list

1. Bratus B. S. Psychology of Moral Consciousness in the Context of Culture. Moscow, 1994. 60 p.
2. Derkach A. A., Kalinina I. V., Sinyagina Yu. V. Issues in Feminology: Women's Professional and Personal Growth. Ulyanovsk : SVNC, 2008. 341 p.
3. Johnson R. A. She: Deep Aspects of Female Psychology / translated from English by V. K. Mershavka. Moscow : Kogito-Center, 2008. 109 p.

4. Maslow A. Motivation and Personality / translated by A. M. Tatlybaeva. St. Petersburg : Eurasia, 1999. 316 p.
5. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. Vol. 3. The University is proud of them: anniversary edition / ed. by I. A. Kalinichenko, K. K. Gasanov, A. V. Endoltseva, A. L. Mironov. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017. 108 p.
6. Horney K. Psychology of Women / transl. by A. M. Bokovikova, T. V. Panfilova, L. B. Summ. Moscow : Academic Project, 2009. 237 p.
7. Sitdikova S. N. Acmeological Features of the Development of Women's Career Success : Cand. Sci. (Psychology) Dissertation : 19.00.13. Rostov-on-Don : Southern Federal University, 2009. 196 p.
8. Karaivanov V. International Police Interaction: Search for New Approaches // Journal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation «Police of Russia». 2021. № 12. 63 p.
9. Dakaeva I. Hello, Mom, Dad! // Shield and Sword. 2025. № 19 (1947). 16 p.
10. Kosolapova O. It is Important to Build a Dialogue // Shield and Sword. 2022. № 45 (1829). 16 p.
11. Petrenko T. The Main Thing is to Be Honest // Shield and Sword. 2025. № 13 (1941). 16 p.
12. Petrenko T. Solving Adult Problems // Shield and Sword. 2024. № 12 (1892). 16 p.
13. Soldatov D. Revealing the Secrets of the Service // Shield and Sword. 2024. № 22 (1902). 16 p.
14. Fomina A. Positive Attitude, and Faith in Victory // Shield and Sword. 2023. № 38 (1870). 16 p.
15. Vologodsky S. The Main Thing Is Hard Work and Striving! // Petrovka, 38. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/glavnoe-trud-i-stremlenie> (date of access: 10.08.2025).
16. Danilkin A. I love to compete // Petrovka, 38. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/lyublyu-sorevnovatsya> (date of access: 10.08.2025).
17. Pitalev I. Olga Kirillova – Police Colonel, Head of the Main Directorate for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20170407/1491564431.html> (date of access: 12.08.2025).
18. Ratceva E. It is a pleasure to escape from the hustle and bustle // Petrovka, 38. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/s-udovolstviem-otvlechsya-ot-suety> (date of access: 10.08.2025).
19. TV channel «Zvezda». URL: <https://tvzvezda.ru/news/201303091536-e216.htm> (date of access: 04.08.2025).

Информация об авторе

Ф. А. Абилова – слушатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Благодарности: автор благодарит за помощь при написании статьи научного руководителя Л. Н. Костину, начальника кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктора психологических наук, профессора.

Information about the author

F. A. Abilova – Student of the Faculty of Training Scientific-pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Acknowledgments: the author thanks for contribution in writing this article L. N. Kostina, Head of Psychology Department of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Duty Activities, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychology, Professor.

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159+316.77; ББК 87.212.24

EDN: <https://elibrary.ru/uluifn>

НИОН: 2018-0077-1/26-698

MOSURED: 77/27-024-2026-01-897

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности; 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Виртуальная реальность как научная проблема: кванты, психика, компьютер

Сергей Рифатович Аблеев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, asr028@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые актуальные аспекты проблемы виртуальной реальности (ВР): понятие виртуальности, онтологический статус и разновидности ВР, противоречивая природа ВР и теоретические подходы к ее научному осмыслению. Анализируя социально-психологические проблемы развития ВР, автор приходит к выводу, что техническая виртуальная реальность компьютера нередко негативно влияет на психическую виртуальную реальность сознания. Причины и условия возникающих в таких случаях психических девиаций ожидают серьезного научного изучения. Техническое совершенствование виртуального киберпространства требует опережающего развития человеческого сознания.

Ключевые слова: виртуальность, виртуальная реальность, психика, виртуальное киберпространство, онтология виртуальности, сознание

Для цитирования: Аблеев С. Р. Виртуальная реальность как научная проблема: кванты, психика, компьютер // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 17–21. EDN: ULUIFN.

Original article

Virtual reality as a scientific problem: quanta, psyche, computer

Sergey R. Ableev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, asr028@yandex.ru

Abstract. The article examines several current aspects of the problem of virtual reality (VR): the concept of virtuality, the ontological status and varieties of VR, its contradictory nature, and theoretical approaches to its scientific understanding. By analyzing the socio-psychological issues associated with the development of VR, the author concludes that computer-based, technical virtual reality often has a negative impact on the psychic virtual reality of consciousness. The causes and conditions of the mental deviations arising in such cases await serious scientific investigation. The technical refinement of virtual cyberspace requires the anticipatory development of human consciousness.

Keywords: virtuality, virtual reality, psyche, virtual cyberspace, ontology of virtuality, consciousness

For citation: Ableev S. R. Virtual reality as a scientific problem: quanta, psyche, computer. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):17–21. (In Russ.). EDN: ULUIFN.

Среди множества научных неологизмов начала XXI столетия особое место занимают понятия «виртуальность» и «виртуальная реальность». В научный дискурс они активно внедряются под влиянием физики микромира в конце XX века («виртуальные квантовые частицы»). Однако уже вскоре подобные понятия, так или иначе предполагающие концепт виртуальности, начинают широко применяться представителями самых

разных научных дисциплин. Теперь мы можем вполне определенно отметить, как минимум, три основных аспекта виртуальности: квантовый физический, психический и технический (компьютерный или кибернетический). Очевидно, что они имеют не только нечто общее, но и нечто специфическое.

В таком случае с философской точки зрения необходимо понять, что за ними стоит – как в общем, так

и в частном смысле. Иными словами, следует установить определенные корреляции: какие объекты, процессы, явления и отношения соотносятся с понятием *виртуальности* и что оно означает? В современной российской научной литературе многие авторы справедливо отмечают, что на сегодняшний день еще не сложилось целостного и комплексного понимания виртуальной реальности. Хотя эта проблематика занимает уже существенное место как в диссертационных, так и монографических работах начала XXI века.

Этимологически понятие «виртуальный» происходит от латинского слова *virtualis* – *возможный*. В философских энциклопедиях, *виртуальными* обычно называются объекты или процессы, которые реально не существуют, но могут возникать при определенных условиях. Обратим внимание на необычное утверждение – «*реально не существуют*». Оно выводит мысль на очень важный, малоизученный философский аспект, к которому далее мы еще вернемся.

Современные исследователи в осмыслении виртуальной реальности (ВР), как правило, выделяют несколько групп проблем или смысловых аспектов. Первый – онтологический: он предполагает изучение реальности как таковой и место ВР в общей структуре бытия. Второй – гносеологический: он связан с проблемами познания и научного языка. Третий – социальный: он охватывает осмысление воздействия «виртуализации» на человека и общество. Четвертый – психологический: он связан и изучением взаимодействия сознания и компьютерной ВР, а также влияния компьютерной ВР на человеческое сознание [7].

Несмотря на то, что понятие виртуальности в истории познания встречалось в работах некоторых философов (Василий Великий, Фома Аквинский, Готфрид Лейбниц и др.), так называемые «*виртуальные явления*» в науке первоначально появились при изучении некоторых проблем квантовой физики. В частности, там *виртуальными* стали называть *микрочастицы*, имеющие такие же квантовые числа, как и реальные частицы, но для них не выполнялось соотношение между энергией, импульсом и массой.

Эти частицы рассматриваются как переносчики взаимодействия, способствующего превращению (квантовым преобразованиям) реальных частиц. Однако в силу того, что такие процессы происходят в неуловимо короткое время, каким-либо экспериментальным способом виртуальные частицы зарегистрировать не получается. Более того, считается, что это, по всей видимости, в принципе невозможно. Поэтому среди теоретиков существует мнение, что виртуальные частицы представляют собой как бы *мнимые* или *математические объекты*, не обладающие какой-либо физической реальностью.

В информатике теперь тоже активно используется понятие *виртуальности* или точнее – *виртуальной реальности* (ВР), под которой в широком смысле понимается некоторая *компьютерная модель* или *кибернетическая симуляция* объективной реальности, созданная электронными техническими средствами и передаваемая человеку через его органы чувств. Средства погружения

человеческого сознания в компьютерную ВР постоянно совершенствуются. Вероятно, недалек уже тот день, когда человек станет с трудом отличать компьютерную модель реальности от реальности объективного существования. Данная тенденция развития техники невольно и неожиданно обостряет один из самых фундаментальных философских вопросов: *что есть реальность?*

Классическая и неклассическая научные парадигмы миропонимания в отличие от метафизической философии традиционно признавали только одну единственную реальность – *физическую* или *объективную*. Но это, строго говоря, весьма странная позиция. Она мимоходом перечеркивает и отменяет, например, всю глубину человеческого сознания. Она исключает его идеальное пространство, стирает внутренние миры человеческого духа, уничтожает психическую сферу субъективного опыта.

С точки зрения философской онтологии и глубинной психологии, такой подход без всяких оснований редуцирует *онтологические поля реальности* до крайне упрощенно понимаемого физического мира. Такое представление, как известно, кульминирует в теоретическом физикализме. Однако, с точки зрения постнеклассической науки, космологическая и квантовая реальность, по всей видимости, имеет намного более сложную онтологическую природу, чем это казалось европейским позитивистам и физикалистами XIX–XX веков [1].

На наш взгляд, именно эта проблема неявно проявилась в попытках номинативно отразить в научном дискурсе явления и процессы, существующие в какой-то другой, не совсем физической реальности: квази-квантовой, математической, компьютерной или психической. Таким образом, концептуальное значение здесь приобретает вопрос *онтологического статуса* виртуальной реальности.

В крайне упрощенном виде он может быть сформулирован следующим образом: виртуальная реальность существует или не существует? В теоретической парадигме классической науки корректный ответ на этот вопрос сформулировать невозможно. Признать, что виртуальная реальность существует и тождественна объективной (физической) реальности – будет ошибкой. Однако признать, что виртуальная реальность не существует – тоже будет ошибкой.

Среди множества предлагаемых подходов к осмыслению онтологического аспекта виртуальной реальности можно отметить несколько философски интересных вариантов. Один из них: понимание виртуальной реальности как «*бытия в небытии*», которое опирается на теоретическую концепцию так называемого субъективного субстанциализма (Р. А. Ярцев) [12].

Другой вариант: понимание виртуального как «*информационного уровня небытия в бытии*». Этот подход предполагает, что между небытием и бытием существуют определенные отношения онтологической когерентности (Р. А. Нуруллин) [9].

В подобных теоретических подходах наблюдаются весьма ценные когнитивные аспекты. Во-первых, попытка рассматривать виртуальность в определенном онтоло-

гическом контексте. Во-вторых, интуитивное понимание ее противоречивого характера (двойственности). Виртуальность не просто существует или не существует. Она возникает как бы на онтологической границе бытия и небытия. Можно предполагать, что ВР – это тоже разновидность реальности. Но реальности не физической. Это есть реальность другого рода или иного порядка бытия.

Чем задается этот порядок в онтологическом или субстанциальном смысле? Наша гипотеза такова: он задается *топологической структурой* и *метрикой* пространственно-временного континуума. Иными словами, особая онтология ВР возникает через специфические пространственные и темпоральные характеристики квантовых, психических или кибернетических паттернов бытия. В таком случае, виртуальная реальность может обладать так называемой «*нелинейной онтологией*».

В контексте рассматриваемого вопроса можно отметить также оригинальное понимание ВР в философии постмодерна: как «*совокупность симулякров*» – то есть специфических объектов, уподобляемых отчужденным знакам [4]. Однако, на наш взгляд, подобный подход является частным случаем и может иметь позитивное значение лишь при изучении киберпространства, т. е. виртуальной реальности технического порядка. Квантовая виртуальная реальность (КВР) и психическая виртуальная реальность (ПВР) по своей сути являются более сложными онтологическими явлениями и требуют иных теоретических конструкций для своего адекватного философского понимания.

В этой связи целесообразно обратить внимание на еще один интересный подход. Некоторые российские философы в осмыслении феномена ВР полагают необходимым включение в онтологические построения концепта «*трансцендентной реальности*» (А. Ф. Кудряшов, В. Н. Сагатовский, О. И. Елхова) [3; 6]. Указанные авторы справедливо отмечают, что именно *трансцендентное* придает необходимое измерение онтологическим построениям, без которого они были бы заведомо неполными и ограниченными. Почему это может иметь продуктивное философское значение в изучении ВР? Такой подход расширяет границы физической или объективной реальности. Оставаясь в традиционных границах физической реальности, мы исключаем когнитивные возможности понимания феномена виртуальности.

Теперь можно определенно утверждать, что ВР существует на стыке физической реальности и реальности иного онтологического порядка. Классическое философское понятие «*трансцендентность*» тут вполне подходит для определенной научной репрезентации сущности рассматриваемого вопроса. Причем оно здесь не предполагает никакого мистического или метафизического оттенков рационального смысла. *Трансцендентность* здесь означает гносеологический выход за пределы физического восприятия в более широкий *многомерный онтологический континуум* космического Универсуума. В этом контексте не следует забывать, что микрочастицы в современной физике считаются *многомерными объектами*, обладающими свойствами так называемой квантовой компактификации.

Вернемся теперь к очень важному аспекту ВР, который был отмечен выше. В теоретической парадигме постклассической науки ВР приобретает противоречивый (диалектический) онтологический статус. С одной стороны, она имеет условное (мнимое) физическое существование. С другой стороны, она проявляет вполне реальное существование иного рода, не субстратное или физическое, а *идеальное, информационное* или *математическое*. Виртуальные реальности разворачиваются (экзистенциально проявляются) в ином онтологическом пространстве – квантовом (КВР), психическом (ПВР) или информационном (ИВР). Если мы хотя бы в теоретическом смысле не признаем особый онтологический статус ВР, тогда мы фактически исключаем ее из природного бытия со всеми вытекающими отсюда когнитивными последствиями.

Нередко философы и представители частных наук в своих теоретических построениях вслед за большой гносеологической ошибкой совершают не менее значительную онтологическую ошибку. Следуя канонам классической научной рациональности (которая давно себя исчерпала), они мыслят парными (дуальными) категориями: прерывное или непрерывное, сознательное или бессознательное, живое или мертвое, корпускулярное или волновое, реальное или нереальное. Человеческому интеллекту на основе обыденного опыта так проще воспринимать действительность.

Однако действительность, как теперь выясняется, не вписывается в простую формальную логику. Природная действительность не только сложна по своей ноуменальной сути, но и противоречива в своей сложности. Интеллект путается в собственных формальных логических построениях и не сразу это замечает. Вот почему на определенном историческом этапе развития человеческого познания как реакция на подобные проблемы сначала возникает *диалектическая логика*, а затем (намного позже) и когнитивный *принцип дополненности*.

Оказывается, что всякое перемещение по своей сути является *прерывным* и *непрерывным* одновременно. Между сознательными и бессознательными состояниями существуют *пограничные состояния* сознания. Квантовые объекты проявляют себя в различных условиях как *корпускулы* (частицы) и как *волновые процессы* (физические поля). Никому не удалось пока внятно объяснить, чем принципиально отличается так называемое «*живое вещество*» от «*мертвого вещества*».

Так, например, некоторые авторы утверждают, что живые объекты обмениваются с окружающей средой энергией и веществом. Они полагают, что это есть основной критерий жизни. Допустим, что это действительно так. В таком случае океан представляет собой особую форму жизни. Ведь он постоянно обменивается с окружающей средой различными видами вещества и энергии. Некоторые исследователи утверждают, что все живые объекты порождают себе подобные формы и это есть исключительное свойство живого вещества. В таком случае квантовые микрочастицы могут рассматриваться как живые объекты, так как они порождают себе подобные другие квантовые частицы.

Эти простые иллюстрации показывают весьма непростую философскую проблему: формальная (дуальная) логика иногда ехидно насмехается над нашим познающим разумом. Поэтому в онтологическом смысле не так просто разделить вещи на *реальные* и *нереальные*. Такие упрощенные номинации оказываются философски некорректными при прямой постановке вопроса без дополнительных уточнений онтологического контекста.

Явления и объекты окружающего нас природного бытия, как это ни странно прозвучит, имеют разную степень реальности. Иначе говоря, они имеют *нетождественный онтологический статус*. Например, онтологический статус физического объекта (атома) не соответствует онтологическому статусу ментального образа этого объекта в человеческом сознании. Однако и сам атом, и его идеальный (виртуальный?) образ все же совершенно реальны. Корректно ли будет утверждать, что это есть реальности одного порядка?

Некоторые теоретики (физикалисты или логические бихевиористы) утверждают, что ментальный образ атома в человеческом сознании реально не существует. Ведь идеальное или психическое пространство сознания, по их глубокому убеждению, это не более чем метафизическая фантазия мистиков и философская иллюзия идеалистов. В таком случае почему человек способен описать все особенности физического объекта, спустя, например, три недели после его зрительного восприятия? Следуя логике предложенного физикалистского решения, надо сделать глубокий философский вывод о том, что каждый человек способен черпать информацию из *состояния нереальности*, то есть, проще говоря, из *онтологического Ничто*.

Этот ряд противоречий можно продолжить. Но и без того, как нам кажется, сущность проблемы вполне очевидна. В теоретических построениях надо учитывать разные степени, уровни или состояния реальности. Поэтому совершенно не случайно понятие *виртуальной реальности*, то есть *реальности возможной, мнимой или как бы несуществующей*, становится популярным теоретическим конструктом постклассической науки.

Психическая реальность сознания представляет собой, может быть, самый яркий случай виртуального статуса вещей. Объекты и события психической реальности как бы существуют и вместе с тем как бы и не существуют. Это неудобное логическое противоречие преодолевается через признание существования различных онтологических уровней реальности. Сколько их существует в природе вообще – это чисто метафизический вопрос, выходящий за эмпирические пределы современного научного разума.

Определенно можно утверждать лишь то, что персональное сознание представляет собой психический туннель или виртуальный портал, через который открывается сложная онтологическая иерархия различных слоев психической реальности. Это и есть тот беспредельный *психический космос*, который для последователей некоторых восточных философских систем (йога, буддизм и др.) традиционно представлял более существенный когнитивный и экзистенциальный интерес, чем простая физическая природа [1].

В общем случае, в теоретическом смысле надо рассматривать два основных вида виртуальной реальности – естественно существующую ВР и искусственно созданную ВР. Естественными разновидностями виртуальной реальности являются некоторые *квантовые объекты* и *субъективное психическое пространство* или *психика*. Мы обозначаем их как *квантовую виртуальную реальность* (КВР) и как *психическую виртуальную реальность* (ПВР).

Искусственным видом виртуальной реальности является *информационное* или *кибернетическое пространство* компьютерных устройств. В недалеком будущем, если глобальные катастрофы не разрушат цивилизацию, оно проникнет во все сферы человеческой жизни и станет вездесущим киберпространством со своей сложной инфраструктурой и разветвленными социальными функциями. Его можно назвать *технической виртуальной реальностью* (ТВР).

В философском смысле интересно обратить внимание на нелинейный эволюционный процесс дальнейшего усложнения структуры космического Универсума. Онтологическое расслоение единого исходного состояния Пространства (космологического вакуума в состоянии сингулярности) не останавливается на возникновении многомерных пространств Физической и Психической реальностей. Как только разумное сознание становится активной силой природы, оно воспроизводит новый вид онтологической реальности – *виртуальное киберпространство*. Таким образом, человеческое сознание теперь существует в трех кардинально различных видах реальности – физической, виртуальной психической и виртуальной технической.

Несмотря на свое экзистенциальное несовершенство, новый вид реальности (киберпространство) начинает агрессивно втягивать человеческое сознание в свое виртуальное пространство и постепенно подавлять его активность. Подавление способностей сознания влечет за собой деструктивные изменения психической реальности как таковой: в когнитивном, творческом, этическом, эстетическом и иных аспектах.

Таким образом, уже сейчас, на заре формирования искусственного интеллекта (ИИ), техническая виртуальная реальность компьютера незаметно разрушает психическую виртуальную реальность сознания. Тут можно обратить внимание, например, на лавинообразный рост негативных психических девиаций у молодежи под влиянием различных компьютерных устройств и снижение общего интеллектуального потенциала у современного среднестатистического пользователя компьютера, который выступает не более чем пассивным потребителем информационного контента.

Техническая виртуальная реальность как гигантский водоворот, как черная дыра затягивает и поглощает неустойчивое человеческое сознание. В результате навязанный, незащитный и пассивный Homo Sapiens незаметно лишается своих важнейших эволюционных достижений – свободы, разума, творчества и смысла. Но это только начало процесса, а что же тогда будет завтра?

Появление ТВР представляет собой не только очередную ступень научно-технического прогресса, но и серьезное искушение или даже опасное испытание человеческого сознания. Невозможно отрицать огромные дополнительные возможности, которые дает человеку ТВР и искусственный интеллект. Тем не менее существует и обратная, то есть темная сторона таких новых возможностей, за которые тоже придется заплатить [2]. В конечном счете, фундаментальный вопрос стоит философски определенно и просто: *кто или что будет субъектом свободы?* Это будет *духовное сознание* с опорой на естественную психическую реальность или *искусственный интеллект* с опорой на виртуальную реальность киберпространства?

Некоторые исследователи полагают, что на текущем этапе в силу своей исторической преждевременности этот вопрос звучит слишком абстрактно. Но если не задаваться подобными вопросами сейчас, завтра, может быть, это уже потеряет всякий практический смысл. Задавать их будет просто некому. Поэтому сейчас, расширяя технические возможности компьютерной техники, нам надо не забывать об *опережающем развитии* человеческого сознания. Слабое сознание в конечном счете не сможет управлять кибернетической стихией технической виртуальной реальности. Но сильное, развитое, активное сознание не позволит интеллектуальной машине завладеть своим духовным пространством и заставит ее оставаться полезной технической *сущностью низшего порядка*.

Библиографический список

1. Аблеев С. Р. Сознание и материя: великий предел. М., 2019.
2. Аблеев С. Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 58.
3. Елхова О. И. Онтологическое содержание виртуальной реальности : автореферат диссертации ... д-ра филос. наук. Уфа, Башкирский государственный университет, 2011.
4. Елхова О. И. Подходы к исследованию виртуальной реальности : монография. Уфа, 2008.
5. Корсунцев И. Г. Виртуальные реальности как философская проблема // Философские исследования. 1998. № 1.
6. Кудряшов А. Ф. Современная онтология: актуальные проблемы // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3.

7. Малышко А. А. «Виртуальная реальность» в информационном обществе // Наука и техника в период информационной революции. Материалы VII международной научной конференции (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2007). СПб. : СПбГУ, 2007.

8. Носов Н. А. Виртуальная психология. М, 2000.
9. Нуруллин Р. А. Метафизическая модель информационного основания реального бытия // Вестник ОГУ. 2009. № 2. С. 11.
10. Орехов С. И. Поиск виртуальной реальности. Омск, 2002.
11. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб, 2007.
12. Ярцев Р. А. Субъективный субстанциализм как научная идеология // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 611.

Bibliographic list

1. Ableev S. R. Consciousness and Matter: The Great Limit. Moscow, 2019.
2. Ableev S. R. Modeling Consciousness and Artificial Intelligence: The Limits of Possibilities // Bulletin of Economic Security. 2015. No. 3. P. 58.
3. Elkhova O. I. Ontological Content of Virtual Reality : author's abstract ... diss. doctor of philosophical sciences. Ufa, Bashkir State University, 2011.
4. Elkhova O. I. Approaches to the Study of Virtual Reality : Monograph. Ufa, 2008.
5. Korsuntsev I. G. Virtual Realities as a Philosophical Problem // Philosophical Studies. 1998. No. 1.
6. Kudryashov A. F. Modern Ontology: Current Issues // Bulletin of the Bashkir University. 2009. Vol. 14. No. 3.
7. Malyshko A. A. "Virtual Reality" in the Information Society // Science and Technology during the Information Revolution. Proceedings of the VII International Scientific Conference (St. Petersburg, November 15–17, 2007). SPb. : SPbSU, 2007.
8. Nosov N. A. Virtual Psychology. Moscow, 2000.
9. Nurullin R. A. Metaphysical Model of the Information Foundation of Real Being // OSU Bulletin. 2009. No. 2. P. 11.
10. Orekhov S. I. Search for Virtual Reality. Omsk, 2002.
11. Taratuta E. E. Philosophy of Virtual Reality. St. Petersburg, 2007.
12. Yartsev R. A. Subjective substantialism as a scientific ideology // Bulletin of the Bashkir University. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 611.

Информация об авторе

С. Р. Аблеев – начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, член Российского философского общества.

Information about the author

S. R. Ableev – Head of Philosophy Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, the Member of Russian Philosophical Society.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9; ББК 88.4

EDN: <https://elibrary.ru/tfppkb>

ИИОН: 2018-0077-1/26-699

MOSURED: 77/27-024-2026-01-898

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Историко-методологический анализ динамического подхода к изучению Я-концепции сотрудников органов внутренних дел

Валерий Сергеевич Агапов¹, Юлия Сергеевна Роднова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ agapov.vs@mail.ru

² julia445@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ генезиса динамического подхода к изучению Я-концепции сотрудников органов внутренних дел в современных условиях профессиональных вызовов. Исследование направлено на историческую реконструкцию формирования динамического подхода к исследованию самосознания и Я-концепции – от философско-психологических истоков до современных прикладных моделей. Актуальность работы обусловлена необходимостью обоснования теоретической модели Я-концепции сотрудников органов внутренних дел в контексте масштабных реформ правоохранительной системы. Раскрывается динамический подход к изучению Я-концепции сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: Я-концепция, самосознание, динамический подход, психологическая адаптация, сотрудники органов внутренних дел, экстремальные условия, психологическая устойчивость, профессиональное развитие, служебная деятельность, профессиональная адаптация, самоотношение

Для цитирования: Агапов В. С., Роднова Ю. С. Историко-методологический анализ динамического подхода к изучению Я-концепции сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 22–26. EDN: TFPPKB.

Original article

Historical and methodological analysis of a dynamic approach to the study of the self-concept of employees law enforcement agencies

Valery S. Agapov¹, Yulia S. Rodnova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ agapov.vs@mail.ru

² julia445@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of the genesis of a dynamic approach to the study of the Self-concept of law enforcement officers in modern conditions of professional challenges. The research is aimed at the historical reconstruction of the formation of a dynamic approach to the study of self-awareness and Self-concept – from philosophical and psychological origins to modern applied models. The relevance of the work is determined by the need to substantiate the theoretical model of the Self-concept of law enforcement officers in the context of large-scale reforms of the law enforcement system. The article reveals a dynamic approach to the study of the Self-concept of law enforcement officers.

Keywords: self-concept, self-awareness, dynamic approach, psychological adaptation, law enforcement officers, extreme conditions, psychological stability, professional development, professional activity, professional adaptation, self-attitude

For citation: Agapov V. S., Rodnova Yu. S. Historical and methodological analysis of a dynamic approach to the study of the self-concept of employees law enforcement agencies. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):22–26. (In Russ.). EDN: TFPPKB.

Актуальность историко-методологического анализа динамического подхода к изучению структуры

Я-концепции усиливается в современных условиях реформирования правоохранительной системы и воз-

растания психологических рисков субъектов служебной деятельности. Анализ развития представлений о Я-концепции сотрудников органов внутренних дел как о процессе позволяет не только обобщить эволюцию психологических теорий, но и разработать теоретическую модель изучаемого феномена. Целью настоящей статьи является историко-методологический анализ динамического подхода к изучению Я-концепции сотрудников органов внутренних дел. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: раскрыть предпосылки возникновения динамического подхода к изучению самосознания и Я-концепции; оценить влияние динамического подхода на разработку диагностических и коррекционных методик в ведомственной психологической практике.

Традиционно Я-концепция сотрудников ОВД рассматривалась как относительно стабильный конструкт, однако современные условия службы требуют переосмысления этого подхода. Постоянное воздействие стрессоров, этических вызовов и меняющихся оперативных задач приводит к необходимости воспринимать Я-концепцию в динамике. Такое изменение взгляда на проблему позволяет глубже понять психологические механизмы адаптации субъектов труда к профессиональной среде и разработать более эффективные стратегии психологической поддержки личного состава органов внутренних дел.

Динамический подход в психологии – это методологическая позиция, которая рассматривает личность как развивающуюся целостную систему. Этот подход акцентирует внимание на непрерывном изменении, формировании и трансформации личности в процессе взаимодействия с миром, а также на роли собственной активности человека в этом процессе.

Эти идеи в 1970-х годах начала развивать Л. И. Анцыферова. В 1978 году в работе, посвященной теоретическим проблемам психологии личности, она писала о необходимости перехода от структурно-статического исследования психологической организации личности к процессуально-динамическому. В 1981 году была опубликована статья «О динамическом подходе к психологическому изучению личности». Теоретическим основанием динамического подхода Л. И. Анцыферовой стали идеи С. Л. Рубинштейна. Она развивала представления о процессуальности как основной характеристике психического. Суть динамического подхода заключается в объединении принципов системно-структурного анализа статических состояний и устойчивых черт личности с функциями, отражающими постоянное изменение. Личность понимается и исследуется не как статичный объект, а как открытая система, которая непрерывно «творит свой мир повседневности», проявляясь и развиваясь в деятельности, функционируя в реальном мире и постоянно взаимодействуя с ним. Деятельность трактуется как «динамическое многоаспектное развертывание личности». Центральным понятием является понятие психологических механизмов – регулярных форм динамики внутренних отношений в системе личности.

По мнению Н. Е. Харламенковой, динамический подход, разработанный Л. И. Анцыферовой, ориентирован на изучение изменений личности – как позитивных, так и негативных. С позиции динамического подхода можно рассматривать процессы становления и эволюции личности, включая ее поступательное развитие, совершенствование или деформацию. Личность рассматривается Л. И. Анцыферовой не как статичное образование с устойчивыми чертами, а как «живая подвижная системная целостность, которая развертывает, изменяет, преобразует и развивает себя в социально значимой совокупности деятельности». Н. Е. Харламенкова отмечает, что «правдоподобность динамического подхода к исследованию личности подтверждается при исследовании особенностей развития личности в повседневных обстоятельствах, а также в трудных жизненных ситуациях при условии включения в общую динамическую модель личности феномена мудрости как своеобразного системного копинга».

Позицию Н. Е. Харламенковой поддерживает И. А. Юров, который считает, что динамический подход при исследовании личности необходим, так как динамика личности обуславливается, например, эмоциями. К числу динамических проявлений личности также принадлежит и воля. Она представляет собой сознательную саморегуляцию человеком собственной деятельности и поведения.

Отдельно стоит рассмотреть структурно-динамический подход Д. В. Ушакова, который разрабатывал его в контексте изучения интеллекта. Он подробно изложил свою методологическую позицию в своей книге «Интеллект: динамики структурно-динамическая теория» и в докторской диссертации «Структура и динамика интеллектуальных способностей». Суть структурно-динамического подхода, по Д. В. Ушакову, заключается в том, что структура интеллекта не является статичным инвариантом, а формируется на протяжении всей жизни человека под влиянием личностных установок и средовых условий. Интеллект рассматривается как динамическая развивающаяся система, состояние которой в каждый момент времени – итог индивидуального пути развития.

Несмотря на то, что теория Д. В. Ушакова была направлена на изучение интеллекта, ее принципы применимы и к анализу Я-концепции. В целом структурно-динамический подход рассматривается нами в контексте изучения структуры Я-концепции сотрудников ОВД, так как позволяет анализировать динамику и взаимосвязи компонентов профессиональной идентичности, выявлять психологические барьеры и трудности, а также учитывать влияние внешних и внутренних факторов на развитие Я-концепции.

При изучении Я-концепции сотрудников органов внутренних дел, необходимо учитывать, что их служебная деятельность протекает в условиях, которые существенно отличаются от большинства других профессий. Эти условия включают постоянное воздействие стрессогенных факторов, высокую степень ответственности и риск для жизни и здоровья. Указанные обстоятельства

формируют уникальные требования к профессиональной идентичности, обуславливая ее специфические черты. Профессиональная идентичность сотрудников ОВД не является статичной, а постоянно изменяется под влиянием служебного опыта и внешних вызовов.

В научных работах и исследованиях, связанных с профессиональной Я-концепцией сотрудников правоохранительных органов, подчеркивается влияние специфики их деятельности на формирование личностных и профессиональных качеств. Например, в статье «Методология исследования динамики образа профессии в структуре Я-концепции сотрудников полиции» В. С. Агапов и В. Н. Дружинина рассматривают динамику образа профессии как ключевого компонента профессиональной Я-концепции. Кроме того, в исследовании «Структурные особенности профессионального Я сотрудников полиции», проведенном В. С. Агаповым, В. Л. Цветковым и Т. А. Хрусталевой, отмечается, что профессиональное Я – это динамическое личностное образование, которое развивается под влиянием служебной деятельности. Это подчеркивает необходимость изучения Я-концепции в динамике, с учетом адаптационных процессов, происходящих в ответ на профессиональные требования.

Адаптационные механизмы профессиональной Я-концепции сотрудников ОВД представляют собой комплекс копинг-стратегий, направленных на совладание со стрессом и поддержание психологического благополучия. Эти механизмы позволяют сотрудникам эффективно функционировать в условиях повышенной нагрузки и сохранять профессиональную эффективность. Они включают в себя как индивидуальные, так и коллективные формы реагирования на вызовы профессии. Ключевым аспектом адаптации является развитие устойчивости к стрессу и формирование адекватных копинг-стратегий. Как указывает А. И. Адаев, «адаптационные механизмы профессиональной Я-концепции сотрудников ОВД включают в себя развитие устойчивости к стрессу, формирование адекватных копинг-стратегий и поддержание профессиональной мотивации». Эти механизмы обеспечивают не только выживание в сложных условиях, но и профессиональный рост, позволяя интегрировать травматический опыт в структуру личности.

Факторы, сопровождающие служебную деятельность сотрудника ОВД приводят к значительным изменениям в структуре их Я-концепции. Такие факторы как хроническое напряжение, связанное с риском, ответственностью и необходимостью принимать быстрые решения, оказывают влияние на самооценку и самовосприятие, могут вызывать трансформацию когнитивных, мотивационных, эмоциональных и деятельных компонентов Я-концепции. В результате, происходит перестройка внутреннего мира личности, отражающаяся на профессиональной идентичности. Оперативно-служебная деятельность регулярно ставит сотрудников ситуации выбора между противоречивыми ценностями и нормами, что провоцирует глубокую переоценку личностных и профессиональных ценностно-смысловых

аспектов Я. Подобные переживания способствуют формированию более зрелой, но иногда и более циничной Я-концепции, адаптированной к суровым условиям службы.

Сотрудники усваивают определенные ценности, правила поведения и ожидания общества, которые становятся частью их Я-концепции. Это позволяет сотрудникам ОВД эффективно выполнять служебные обязанности и интегрироваться в профессиональное сообщество. Профессиональная социализация в ОВД представляет собой процесс интериоризации нормативных требований и стандартов, что способствует формированию специфической ролевой идентичности.

Специфика служебной деятельности в органах внутренних дел предъявляет особые требования к психодиагностическим инструментам, учитывающим высокую изменчивость Я-концепции сотрудников. Традиционные методы оценки часто не учитывают ситуативных колебаний Я-концепции, вызванных особенностями службы. Поэтому требуется адаптация существующих методик для фиксации этих динамических аспектов. Разработка специализированных диагностических процедур должна учитывать возможность оперативного измерения текущего состояния самосознания сотрудников. Выбранный инструментальный должен соответствовать критерию чувствительности, т. е. реагировать на краткосрочные изменения самооценки и профессиональной идентичности под влиянием служебной деятельности. Для своевременного выявления негативных изменений, необходимо обеспечить периодический мониторинг показателей Я-концепции. Это позволило бы скорректировать процедуру психологического сопровождения служебной деятельности с учетом актуального состояния сотрудника.

Практика показывает, что разработка психологических программ развития и коррекции Я-концепции сотрудников органов внутренних дел должна основываться на принципах динамической согласованности. Это обусловлено необходимостью синхронизации стабильных и ситуативных компонентов Я-концепции, что важно для поддержания психологической устойчивости в постоянно изменяющихся условиях служебной деятельности. Такие программы должны быть направлены на гармонизацию, достижение согласованности внутренних представлений о себе с требованиями профессиональной среды. Анализируя динамические показатели Я-концепции сотрудников ОВД до и после применения психологических программ, можно будет сделать выводы об их эффективности. В первую очередь, внимание следует обратить на улучшение межличностных отношений и снижение уровня стресса. Одним из наиболее важных критериев является также снижение когнитивного диссонанса, что говорит о внутренней и согласованности между различными элементами структуры Я-концепции. Оценка результатов должна проводиться с использованием комплекса методик, позволяющих выявить изменения показателей в структуре Я-концепции сотрудников ОВД, так

как это позволит корректировать программу в соответствии с индивидуальными потребностями каждого участника.

Обобщая итоги проведенного историко-методологического анализа, мы можем говорить о том, что динамический подход к изучению Я-концепции представляет собой поступательное, закономерное развитие психологической науки, которая эволюционировала от статичных моделей Я-концепции к процессуальным. Динамический подход рассматривает Я-концепцию сотрудников органов внутренних дел как непрерывный процесс адаптации к вызовам профессии, позволяющий преодолеть ограничения традиционных представлений. Сущность Я-концепции раскрывается как постоянно изменяющаяся структура, формирующаяся под воздействием условий службы и личностного развития. При разработке специализированных диагностических методик и коррекционных программ проявляется и практическая значимость динамического подхода. В соответствии с его принципами, диагностический инструментарий подбирается с учетом ориентации на отслеживание и управление развитием Я-концепции сотрудников ОВД. Такие инструменты позволят оценить текущее состояние самосознания и спрогнозировать его изменения, тем самым способствуя повышению психологической устойчивости сотрудника ОВД. Внедрение подобных программ поспособствует повышению уровня профессиональной эффективности и профилактике эмоционального выгорания в условиях изменяющейся служебной среды.

Библиографический список

1. Агапов В. С., Дружинина В. Н. Методология исследования динамики образа профессии в структуре Я-концепции сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 11–14.
2. Агапов В. С., Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Структурные особенности профессионального Я сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 319–323.
3. Адаев А. И. Оценка и прогноз психологической готовности сотрудников органов внутренних дел МВД России к деятельности в экстремальных ситуациях : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. И. Адаев. СПб. : СПбУ МВД России, 2004. 21 с.
4. Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
5. Анцыферова Л. И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. 1990. С. 7–17.
6. Емельянова М. В. Профессиональные деформации личности сотрудников МВД и их коррекция // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2014. № 3. С. 22–32.
7. Рерке В. И., Портная А. Я. Изучение защитно-совладающего поведения у сотрудников правоохранительной системы // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2019. № 2. С. 42–48.

8. Рожков А. А. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) (аналитический обзор международной научно-практической конференции) // Российский девиантологический журнал. 2023. № 2. С. 250–260.

9. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. 347 с.

10. Ушаков Д. В. Мышление и интеллект // Психология XXI века / под ред. В. Н. Дружинина. М. : Пер Сэ, 2003. С. 291–353.

11. Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 676 с.

12. Фельдман И. Л., Роднова Ю. С. Особенности эмоционального выгорания и копинг-поведения у сотрудников органов внутренних дел // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : Сборник научных трудов II Международной конференции, Москва, 6–7 июня 2018 года. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2018. С. 220–225.

13. Харламенкова Н. Е. «И дольше века длится день...»: к 100-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой (вместо предисловия) // Психология личности: методология, теория, практика (Методология, теория и история психологии) : сборник статей. М. : Изд-во «Институт психологии РАН». 2024. С. 21–46.

14. Харламенкова Н. Е. Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы // Научные подходы в современной отечественной психологии. М. : Изд-во «Институт психологии РАН». 2023. С. 461–477.

15. Юров И. А. Психология личности в отечественной парадигме // Методология, теория, история психологии личности. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 337–345.

Bibliographic list

1. Agapov V. S., Druzhinina V. N. Methodology for Studying the Dynamics of the Image of the Profession in the Structure of the Self-Concept of Police Officers // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2021. No. 1. P. 11–14.
2. Agapov V. S., Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A. Structural Features of the Professional Self of Police Officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 6. P. 319–323.
3. Adaev A. I. Assessment and Forecast of the Psychological Readiness of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Activities in Extreme Situations : author's abstract. diss. ... candidate of psychological sciences / A. I. Adaev. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 21 p.

4. Antsyferova L. I. On a Dynamic Approach to the Psychological Study of Personality // Psychological Journal. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 8–18.

5. Antsyferova L. I. Personality from the Position of a Dynamic Approach // Psychology of Personality in a Socialist Society. 1990. P. 7–17.

6. Emelyanova M. V. Professional Deformations of the Personality of the Ministry of Internal Affairs Employees and Their Correction // Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2014. No. 3. P. 22–32.

7. Rerke V. I., Portnaya A. Ya. Study of Defensive-Coping Behavior in Law Enforcement Officers // Bulletin of Omsk University. Series «Psychology». 2019. No. 2. P. 42–48.

8. Rozhkov A. A. Actual problems of psychology of law enforcement activities: concepts, approaches, technologies (Vasiliev Readings – 2023) (analytical review of the international scientific and practical conference) // Russian deviantological journal. 2023. No. 2. P. 250–260.

9. Ushakov D. V. Intelligence: structural-dynamic theory. Moscow : Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2003. 347 p.

10. Ushakov D. V. Thinking and intelligence // Psychology of the 21st century / edited by V. N. Druzhinin. Moscow : Per Se, 2003. P. 291–353.

11. Ushakov D. V. Psychology of intelligence and giftedness. M. : Publishing house «Institute of Psy-

chology of the Russian Academy of Sciences», 2011. 676 p.

12. Feldman I. L., Rodnova Yu. S. Features of emotional burnout and coping behavior in employees of internal affairs bodies // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of service activities: state and prospects: Collection of scientific papers of the II International Conference, Moscow, June 6-7, 2018. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot', 2018. P. 220–225.

13. Kharlamenkova N. E. «And the day lasts longer than a century...»: on the 100th anniversary of the birth of L. I. Antsyferova (instead of a preface) // Psychology of personality: methodology, theory, practice (Methodology, theory and history of psychology) : collection of articles. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024. P. 21–46.

14. Kharlamenkova N. E. L. I. Antsyferova's Dynamic Approach to the Psychological Study of Personality: New Facets of the Problem // Scientific Approaches in Modern Domestic Psychology. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2023. P. 461–477.

15. Yurov I. A. Personality Psychology in the Domestic Paradigm // Methodology, Theory, and History of Personality Psychology. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 337–345.

Информация об авторах

В. С. Агапов – профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Ю. С. Роднова – слушатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. S. Agapov – Professor in the Department of Legal Psychology at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

Yu. S. Rodnova – Student in the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Research Personnel at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/tpasro>

НИОН: 2018-0077-1/26-700

MOSURED: 77/27-024-2026-01-899

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология и когнитивная эргономика (психологические науки)

Динамические особенности профессиональной готовности сотрудников полиции

Вера Алексеевна Балашова¹, Надежда Владимировна Ефимкина², Варвара Андреевна Сухарева³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² e_n_v@inbox.ru

³ varvar-2004@mail.ru

Аннотация. Рассматривается динамика профессиональной готовности сотрудников полиции с учетом опыта служебной деятельности. Изучены особенности профессиональной мотивации, волевой регуляции, нервно-психической устойчивости сотрудников полиции, имеющих разную выслугу лет, определены особенности взаимосвязи между данными показателями.

Ключевые слова: профессиональная готовность, служебная деятельность органов внутренних дел, морально-психологическое состояние, профессиональная мотивация, нервно-психическая устойчивость, волевая регуляция, психическая саморегуляция

Для цитирования: Балашова В. А., Ефимкина Н. В., Сухарева В. А. Динамические особенности профессиональной готовности сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 27–32. EDN: TPASRO.

Original article

Dynamic features of professional readiness of police officers

Vera A. Balashova¹, Nadezhda V. Efimkina², Varvara A. Sukhareva³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² e_n_v@inbox.ru

³ varvar-2004@mail.ru

Abstract. The dynamics of professional readiness of police officers is considered taking into account their experience in service. The features of professional motivation, volitional regulation, and neuropsychiatric stability of police officers with different seniority have been studied; the features of the relationship between these indicators are determined.

Keywords: professional readiness, official activity of internal affairs bodies, moral and psychological state, professional motivation, neuropsychiatric stability, volitional regulation, mental self-regulation

For citation: Balashova V. A., Efimkina N. V., Sukhareva V. A. Dynamic features of professional readiness of police officers. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):27–32. (In Russ.). EDN: TPASRO.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции имеет ряд психологических особенностей, влияющих на их поведение, общение и личность с течением времени. При этом психологическая характеристика данной деятельности предъявляет к сотруднику высокие требования, что предполагает наличие у него про-

фессионально необходимых развитых деловых и личностных качеств. Особо важным требованием является готовность сотрудника полиции к решению поставленных оперативно-служебных задач, выполнение которых нередко происходит в экстремальных условиях, в том числе, с риском различного характера.

В связи с этим актуальным является вопрос об особенностях профессиональной готовности сотрудника полиции, ее изменении при приобретении им опыта служебной деятельности.

Профессиональная готовность сотрудников полиции – явление, включающее в себя теоретические знания и практические навыки, а также психологические особенности. Основным компонент высокой профессиональной готовности – профессиональная мотивация [8, с. 397].

Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова и О. Н. Садовникова понимают готовность как «активно-действенное состояние личности, отражающее содержание стоящей перед ней задачи и условия предстоящего ее решения и выступающее условием успешного выполнения любой деятельности». Е. П. Ильин, В. А. Алаторцев, Н. Д. Левитов понимают под профессиональной готовностью активизацию всех психических функций и уровень работоспособности перед началом деятельности. В. Д. Шадриков под профессиональной готовностью подразумевает степень развития общих и специальных способностей в процессе обучения. А. П. Чернявская считает, что профессиональная готовность приравнивается к профессиональной зрелости личности [4, с. 9–10].

Таким образом, концептуальные положения, отражающие понимание профессиональной готовности, позволяют отметить, что данное понятие является показателем профессиональной зрелости личности [1] и означает активизацию ее психических функций, актуализацию общих и специальных способностей, способствующих возникновению активно-действенного состояния, представляющего собой необходимое условие успешного выполнения деятельности.

Наряду с готовностью эффективность деятельности обусловлена, в том числе, мотивацией и волевой регуляцией [5]. В связи с социально значимым характером правоохранительной деятельности важной составляющей в психологии служебной деятельности является выявление доминирующих мотивов сотрудника. Столкновение с враждебностью, агрессией, провокациями и другими негативными факторами требуют от него умения контролировать свое морально-психологическое состояние и профессиональное поведение.

Существуют внешние и внутренние мотивы, связанные с обстоятельствами деятельности, внутренними интересами и психологическими свойствами личности.

Профессиональная готовность, построенная на внутренней мотивации, выражается в помощи обществу, защите прав и свобод граждан, в профессиональном росте и развитии, сформированной профессиональной идентичности. Сотрудники полиции, обладающие высокой мотивацией, эффективнее преодолевают трудности в профессиональной деятельности.

С целью определения особенностей профессиональной готовности сотрудников полиции было проведено исследование, направленное на выявление пре-

обладающего мотива, оценку нервно-психологической устойчивости и регуляции с учетом опыта служебной деятельности.

Для этого были применены такие методики как: 1) опросник мотивации профессиональной деятельности» Т. Н. Францевой; 2) анкета «Прогноз – 2» Ю. А. Баранова.

Эмпирическая база исследования: сотрудники полиции со стажем службы от 5 до 26 лет. При обработке результатов исследования испытуемые были разделены на группы с учетом выслуги лет: наличие выслуги до 10, от 10 до 20 лет, более 20 лет.

Согласно результатам исследования основным мотив у сотрудников полиции с выслугой менее 10 лет является познавательный мотив (см. рис. 1). Другими словами, их профессиональное поведение мотивируется необходимостью получения новой информации. Они направлены на удовлетворение профессионального интереса с целью развития различных деловых, в том числе, интеллектуальных, качеств. Далее у них представлен мотив активности, отвечающий за стремление и желание действовать. Мотив признания наименее выражен по сравнению с мотивами взаимодействия, самореализации и жизнеобеспечения, которые относительно равно развиты.

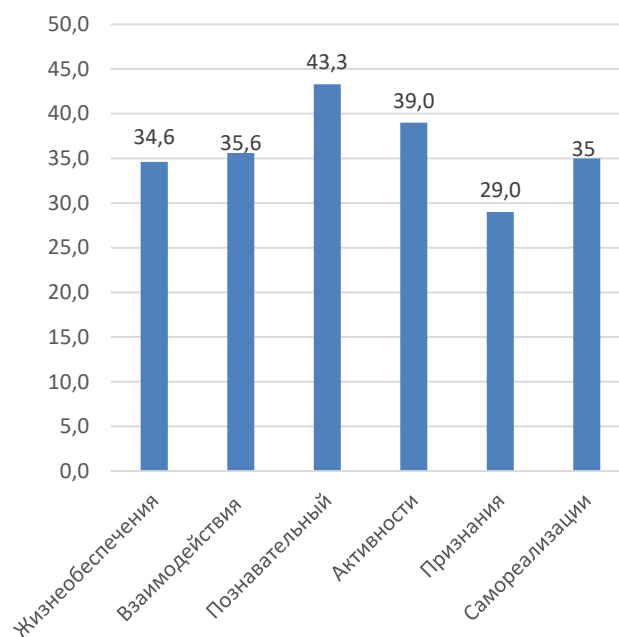

Рис. 1. Мотивы сотрудников полиции с выслугой до 10 лет (ср. знач.)

Согласно результатам исследования основными мотивами у сотрудников полиции с выслугой от 10 до 20 лет являются мотив активности и познавательный, значимость которых почти равнозначна (см. рис. 2). При этом возрастает проявление мотива самореализации. В данном случае в связи с приобретенным профессиональным опытом сотрудники проявляют внутреннюю готовность, целенаправленность к взаимодействию с окружающим миром, стремление и желание действовать. У данных испытуемых менее всего представлены мотивы жизнеобеспечения и признания.

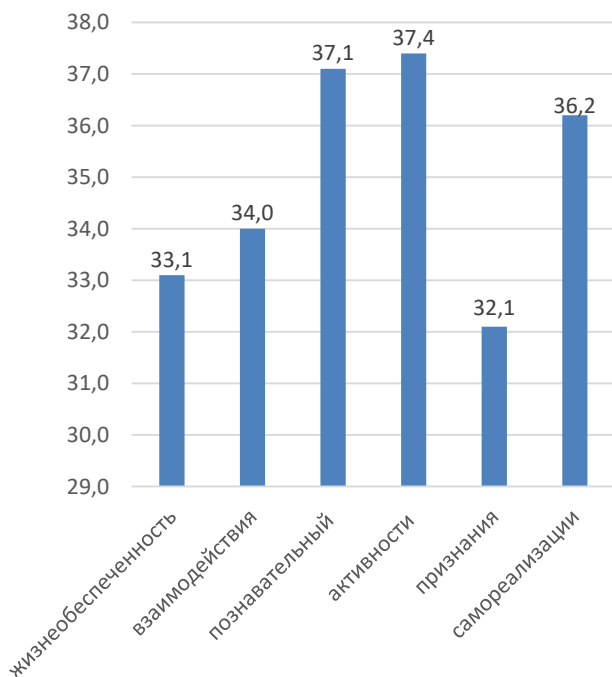

Рис. 2. Мотивы у сотрудников полиции с выслугой от 10 до 20 лет (ср. знач.)

Согласно результатам исследования основной мотив у сотрудников полиции с выслугой более 20 лет (см. рис. 3) является познавательный, мотив активности и самореализации. При этом два последних почти одинаково выражены. Менее всего проявлены мотивы жизнеобеспечения и признания. Предположим, что такие результаты обусловлены наличием профессионального опыта и сформированного психологического авторитета в служебном коллективе, поэтому мотив в признании менее актуализирован у данных сотрудников.

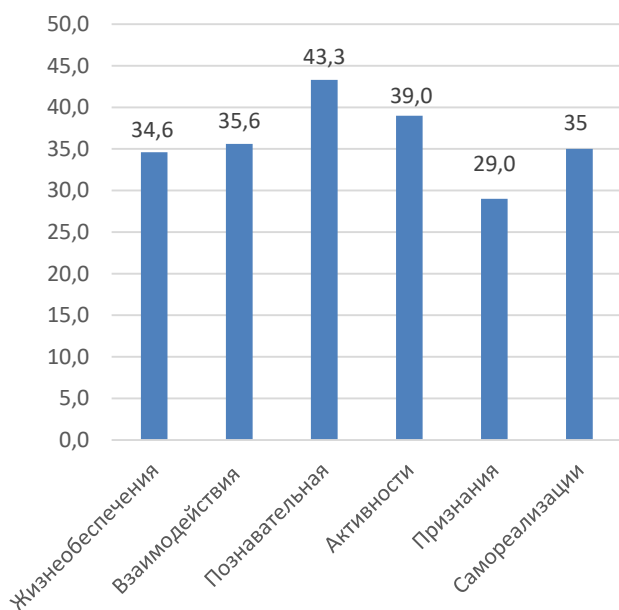

Рис. 3. Мотивы сотрудников полиции с выслугой более 20 лет (ср. знач.)

Таким образом, преобладающим мотивом у сотрудников полиции с разным стажем службы является познавательный. Стоит отметить, что сотрудники поли-

ции постоянно оперируют информацией: руководствуясь законодательством, квалифицируя противоправные действия, осуществляя мониторинг профессиональной ситуации, испытывая на себе различного рода информационное воздействие и т. д.

У сотрудников с выслугой от 10 до 20 лет мотив активности и познавательный проявляются почти одинаково, возрастает проявление мотива самореализации. На основании приобретенного профессионального опыта увеличивается потребность в демонстрации своих деловых и индивидуальных возможностей.

У сотрудников с выслугой более 20 лет мотив активности и мотив самореализации выражены почти одинаково, что указывает не только на возрастание потребности в демонстрации своих профессиональных и личностных компетенций, но и в стремлении повысить и укрепить свою профессиональную позицию.

Стоит отметить, что у сотрудников полиции с разной выслугой лет мотив признания является менее выраженным, а мотив жизнеобеспечения с увеличением профессионального опыта немного, но снижает свой показатель.

Рассмотрим особенности волевой регуляции сотрудников полиции с разным стажем службы.

Согласно результатам исследования основная регуляция профессиональной деятельности у сотрудников полиции с выслугой менее 10 лет является волевая, ценностная и информационная (см. рис. 4). Информационная и социальная менее выражены у данной категории респондентов. Исходя из приоритетных регуляций, следует, что испытываемым для выполнения поставленных служебных задач зачастую приходится преодолевать различные внешние и внутренние препятствия, руководствуясь имеющейся информацией.

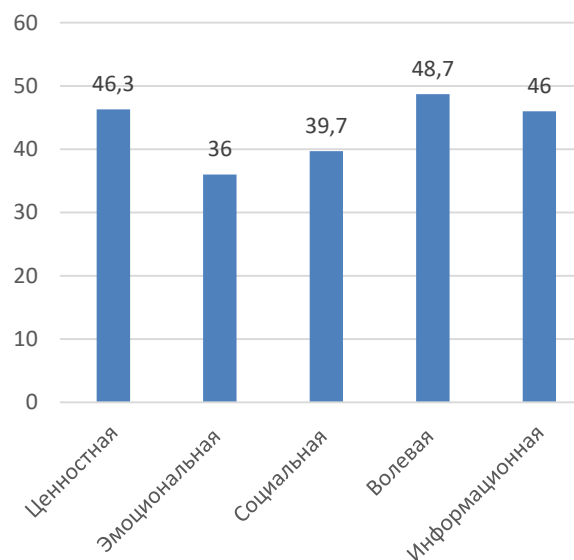

Рис. 4. Особенности регуляции у сотрудников полиции с выслугой до 10 лет (ср. знач.)

Основная регуляция профессиональной деятельности у сотрудников полиции с выслугой от 10 до 20 лет – это волевая и ценностная (см. рис. 5). При этом у данной группы испытуемых возрастает эмоциональная и понижается социальная регуляция, в отличие от сотрудников

из предыдущей группы. Следовательно, сотрудники полиции с выслугой от 10 до 20 лет при преодолении препятствий в служебной деятельности, руководствуются ценностными ориентирами, т. е. тем, что в их понимании обладает значимостью. При этом соответствие социальным ожиданиям не имеет такой же регулятивной важности как на предыдущем этапе профессионального развития.

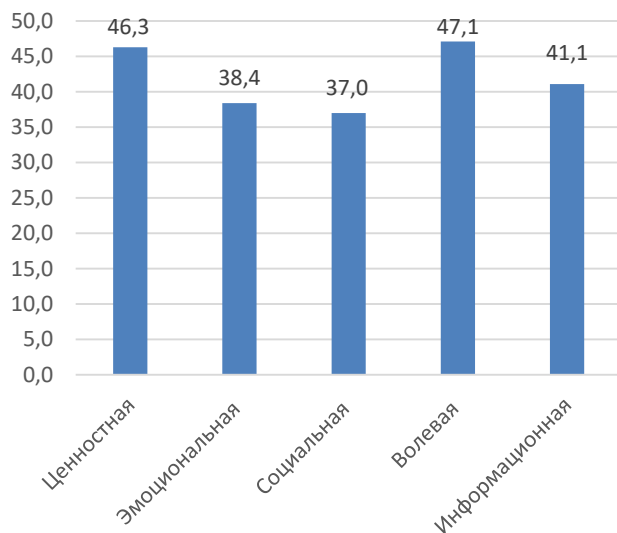

Рис. 5. Особенности регуляции у сотрудников полиции с выслугой от 10 до 20 лет (ср. знач.)

Согласно результатам исследования основная регуляция профессиональной деятельности у сотрудников полиции с выслугой более 20 лет является ценностная, волевая и информационная регуляция (см. рис. 6). Менее выраженной остается социальная регуляция.

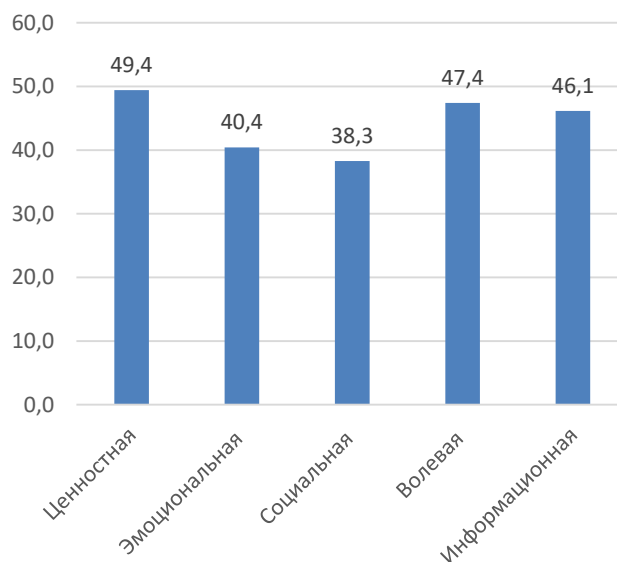

Рис. 6. Особенности регуляции у сотрудников полиции с выслугой более 20 лет (ср. знач.)

Таким образом, сотрудники полиции с выслугой менее 10 лет руководствуются волевой составляющей при регуляции деятельности и поведения, преодолевая различные трудности и сложности, что позволяет им приспособиться к условиям службы, осуществить свое

профессиональное развитие и карьерный рост. Сотрудники, чья выслуга составляет более 10 или 20 лет руководствуются ценностной составляющей при данной регуляции. Данным сотрудникам свойственно переживание о смысле жизни, важности своей роли и проявлению других субъективных оценок.

При этом у них возрастает проявление эмоциональной составляющей, что означает изменения в эмоционально-волевой сфере личности под влиянием факторов служебной деятельности. Другими словами, испытываемые ими переживания становятся более акцентированными.

Анализируя результаты испытуемых по показателю нервно-психической устойчивости, можно отметить, что им соответствуют средний или высокий уровень нервно-психической устойчивости (см. рис. 7).

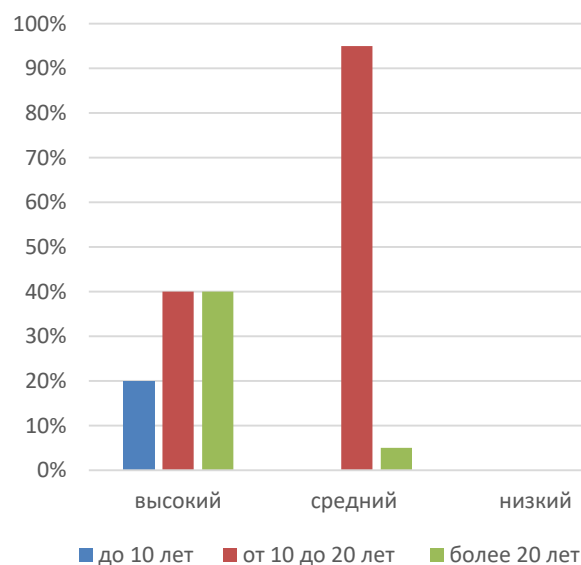

Рис. 7. Уровень нервно-психической устойчивости у сотрудников полиции

Таким образом, с увеличением выслуги лет уровень нервно-психической устойчивости у сотрудников полиции остается достаточно приемлемым (не ниже среднего). Стоит отметить, что сотрудники полиции с выслугой менее 10 лет обладают только высоким уровнем нервно-психической устойчивости. Это можно объяснить тем, что эти сотрудники еще не израсходовали в большей степени свой данный потенциал и способны достаточно быстро его восстанавливать. Однако даже наличие среднего уровня нервно-психической устойчивости отличается низкой вероятностью нервно-психических срывов, адекватной самооценкой и оценкой реальной действительности. Снижение нервно-психической устойчивости происходит вследствие влияния экстремальных и психотравмирующих факторов, при наличии психофизических перегрузок.

Проведем корреляционный анализ данных двух методик с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена на определение силы и направления корреляционной связи между показателями шкал методик «Опросник мотивации профессиональной деятельности» и «Прогноз – 2» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляционный анализ методик «Опросник мотивации профессиональной деятельности» и «Прогноз – 2»

Профессиональная мотивация / Волевая регуляция	Уровень нервно-психической устойчивости
Мотив жизнеобеспечения	0,5
Мотив взаимодействия	0,4
Мотив познавательный	0,8
Мотив активности	0,6
Мотив признания	0,5
Мотив самореализации	0,4
Ценностная регуляция	0,5
Эмоциональная регуляция	0,7
Социальная регуляция	0,4
Волевая регуляция	0,8
Информационная регуляция	0,4

Нами зафиксировано наличие прямой сильной положительной статической связи между показателями уровня нервно-психической устойчивости и познавательным мотивом, волевой регуляции.

Для более наглядного представления построим график корреляционных связей.

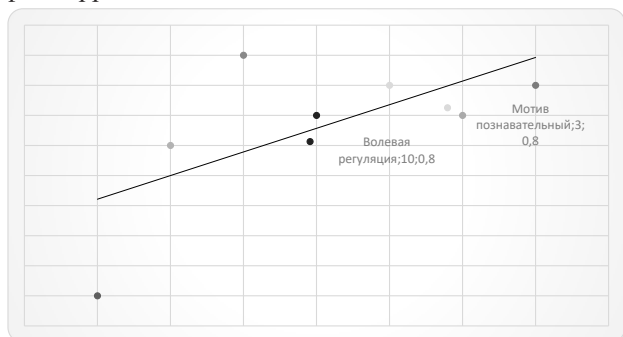

Рис. 8. Корреляционные связи между показателями методик «Опросник мотивации профессиональной деятельности» и «Прогноз – 2»

Полученные результаты эмпирического исследования позволяют утверждать, что для сотрудников полиции характерно: 1) развитость нервно-психической устойчивости; 2) сочетание высокого уровня нервно-психической устойчивости с познавательным мотивом и волевой регуляцией; 3) сильная прямая зависимость уровня нервно-психической устойчивости с мотивацией профессиональной деятельности.

В заключение отметим, что повышение профессиональной мотивации, развитие стрессоустойчивости, адаптивности, профессиональных навыков значительно улучшают результативность и эффективность деятельности сотрудников полиции. В связи с этим при принятии кандидата на службу стоит учитывать личностные характеристики, которые будут положительно влиять на успешность профессиональной деятельности [4].

Список источников

1. Бережковская Е. Л., Кравцов О.Г. Проблема оценки условий формирования психологической готовности к профессиональному выбору. М. : «Белый ветер», 2020. 86 с.
2. Бордачев А. Ю. Некоторые способы борьбы со стрессом // Е-Бсю. 2022. № 2 (65). С. 120–124.
3. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 335 с.
4. Завоеванная Н. С. Профессиональная готовность: краткая история, основные понятия и подходы к изучению // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2014. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-gotovnost-kratkaya-istoriya-osnovnye-ponyatiya-i-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 28.04.2025).
5. Позин А. И., Балашова В. А., Кравцов О. Г. Эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 288–294.
6. Федотов А. Ю., Медведев И. Н. Эмоциональное состояние, негативное влияние на профессиональную деятельность сотрудников ОВД и их преодоление. М., 2012. С. 25–26.
7. Францева Т. Н. Опросник для диагностики мотивов профессиональной деятельности специалистов. М., 2010. С. 100–120.
8. Цветков В. Л., Балашова В. А. Профессиональная мотивация курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4 (83). С. 395–401.

References

1. Berezhkovskaya E. L., Kravtsov O. G. The Problem of Assessing the Conditions for Forming Psychological Readiness for Professional Choice. Moscow : «Bely Veter», 2020. 86 p.
2. Bordachev A. Yu. Some Ways to Cope with Stress // E-Bsyu. 2022. No. 2 (65). P. 120–124.
3. Zhuravleva N. A. Dynamics of Individual Value Orientations in Russian Society. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2006. 335 p.
4. Zavoevannaya N. S. Professional Readiness: A Brief History, Basic Concepts, and Approaches to Study // Science. Mysl': Electronic Periodical Journal. 2014. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-gotovnost-kratkaya-istoriya-osnovnye-ponyatiya-i-podhody-k-izucheniyu> (date of access: 28.04.2025).
5. Pozin A. I., Balashova V. A., Kravtsov O. G. Emotional stability as a criterion of professional psychological suitability of a police officer // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 288–294.
6. Fedotov A. Yu., Medvedev I. N. Emotional states, negative impact on the professional activity of police officers and their overcoming. Moscow, 2012. P. 25–26.

7. Frantseva T. N. Questionnaire for diagnosing motives for professional activity of specialists. Moscow, 2010. P. 100–120.

8. Tsvetkov V. L., Balashova V. A. Professional motivation of cadets // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2020. Vol. 25. No. 4 (83). P. 395–401.

Информация об авторах

В. А. Балашова – заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

Н. В. Ефимкина – доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

В. А. Сухарева – курсант Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. A. Balashova – Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific complex of Psychology of official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

N. V. Efimkina – Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

V. A. Sukhareva – Cadet at the Institute of Internal Affairs Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 04.11.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Педагогика обладает, пожалуй, самым мощным потенциалом обновления, особенно в современном мире, с его высокотехнологичными прорывами, противоречивыми социальными парадигмами. Для нашей страны внимание к педагогическому знанию особенно актуально в условиях совершенствования образовательной системы и отказа с сентября 2026 года от Болонской системы образования и перехода на собственно российскую.

Как известно, ничто не обходится человечеству так дорого, как брак в работе учителей, поэтому педагогика как инструмент обучения, воспитания, формирования вектора развития молодого поколения и, как следствие, общества в целом обладает бесконечной ценностью. Педагогический инструментарий не только дает ключ к получению хорошего образования, но и позволяет правильно социализировать личность, что не менее важно и в студенческие годы. Поэтому внимание к изучению основ и истории педагогики в высшей школе крайне важно на современном этапе, оно способствует совершенствованию процесса подготовки специалистов и наилучшей организации образовательного процесса, а также развитию навыков творчески решать профессиональные задачи.

Педагогические науки динамично развиваются, что требует регулярных дополнений и переизданий учебной и научной литературы. Нашим издательством готовится к печати в 2026 году новый учебник «Педагогика», под редакцией А. А. Реана, А. В. Мудрика, В. П. Жуковского, И. А. Калиниченко, 6-е издание, переработанное и дополненное.

В учебнике изложены основные положения и содержание педагогики, ее методологические основы, теория и практика обучения, воспитания и развития слушателей. Представлены способы контроля и оценки результатов образовательного процесса в вузах. Особое внимание уделено специфике обучения и воспитания курсантов в образовательных учреждениях МВД России.

Мы надеемся, что новый учебник для студентов юридических вузов, а также практических работников будет полезен нашим читателям и позволит вооружить их необходимыми знаниями.

Научная статья

УДК 159; ББК 88.8

EDN: <https://elibrary.ru/smyqlt>

НИОН: 2018-0077-1/26-701

MOSURED: 77/27-024-2026-01-900

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Функции управления в границах вербальных репрезентаций руководителей подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции

Светлана Евгеньевна Борисова

Академия управления МВД России, Москва, Россия, ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Аннотация. Совершенствование служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации предопределяет изучение феномена менеджмента, включая рассмотрение его психологических аспектов, в частности, особенностей вербализации руководителями функций управления. Цель исследования: выявить содержание и связи вербальных репрезентаций общих функций управления у командиров строевых подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции. Материалы и методы: выборка респондентов включает 110 руководителей подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции, повышающих квалификацию в образовательной организации МВД России с 2021 по 2025 годы. Применены следующие методы эмпирического исследования: опрос, контент-анализ, метод направленных ассоциаций, метод корреляционного анализа. Участники опроса формулировали определения четырех функций управления с опорой на слова из предложенного стимульного материала. Результаты: выделены десять ключевых слов-ассоциаций, используемых респондентами при определении функций управления: «цель», «успех», «помощь», «участие», «перспектива», «выбор», «принятие», «понимание», «расписание», «принуждение». Дополнительными контекстными маркерами оказались лексемы: «достижение», «задача», «процесс», «направление», «решение», «мера», «результат». Обсуждение: вербальные репрезентации свидетельствуют о том, что целеполагание выступает ядром управленческого цикла, организация взаимодействия выстраивается на вовлеченности и взаимопомощи, стимулирование связано с перспективой и установкой на успех, а контроль – с обеспечением достижения и корректировкой результата. Корреляционный анализ выявил среднюю и умеренную связь отдельных функций управления (на примере словесных ассоциаций). В целом управленческий цикл воспринимается опрошенными как единый процесс при относительной автономности его составляющих. Выводы: вербальные репрезентации руководителей подразделений ДПС Госавтоинспекции отражают осмысленную модель управления, основанную на опыте и ценностных ориентирах, продиктованных современными обстоятельствами служебной деятельности. Результаты применимы в русле развития управленческого потенциала руководителей подразделений ДПС Госавтоинспекции и дальнейшего изучения специальных функций менеджмента.

Ключевые слова: функции управления, планирование, организация взаимодействия, стимулирование, контроль, руководители, Госавтоинспекция, вербальные репрезентации

Для цитирования: Борисова С. Е. Функции управления в границах вербальных репрезентаций руководителей подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 33–38. EDN: SMYQLT.

Original article

Management functions within the boundaries of verbal representations by heads of Road Patrol Service Units of the State Traffic Police

Svetlana E. Borisova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Abstract. The improvement of the internal affairs bodies of the Russian Federation necessitates the study of the phenomenon of management, including its psychological aspects, in particular, the peculiarities of the verbalization of management

© Борисова С. Е., 2026

functions by managers. The purpose: of the study is to identify the content and relationships of the verbal representations of the general functions of management among the commanders of the Road Patrol Service of the State Traffic Police. Materials and Methods: the sample of respondents includes 110 heads of road patrol service units of the State Traffic Inspectorate, who are improving their qualifications at an educational institution of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from 2021 to 2025. The following methods of empirical research were used: survey, content analysis, directed association method, and correlation analysis. The respondents formulated definitions of four management functions based on the words in the proposed stimulus material. Results: ten key words-associations used by respondents when defining management functions are highlighted: «goal», «success», «help», «participation», «perspective», «choice», «acceptance», «understanding», «schedule», «coercion». Additional contextual markers were the lexemes: «achievement», «task», «process», «direction», «solution», «measure», «result». Discussion: verbal representations indicate that goal-setting is the core of the management cycle, that the organization of interaction is based on involvement and mutual assistance, that incentives are associated with the prospect and attitude of success, and that control is associated with ensuring the achievement and adjustment of results. Correlation analysis revealed a moderate and weak relationship between individual control functions (using word associations as an example). In general, the management cycle is perceived by the respondents as a single process with relative autonomy of its components. Conclusions: the verbal representations of the heads of the Traffic Police units of the State Traffic Police Inspectorate reflect a meaningful management model based on experience and value orientations dictated by modern circumstances of official activities. The results are applicable in the development of the managerial potential of the heads of the Traffic Police units of the State Traffic Police Inspectorate and further study of the special functions of management.

Keywords: management functions, planning, interaction organization, incentives, control, managers, Traffic Police, verbal representations

For citation: Borisova S. E. Management functions within the boundaries of verbal representations by heads of Road Patrol Service Units of the State Traffic Police // Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):33–38. (In Russ.). EDN: SMYQLT.

Введение (обоснование). В современный период становления органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) сохраняется насущность проблемы оптимизации системы управления и совершенствования механизмов ее функционирования.

В научных трудах уделяется внимание сочетанию организационно-правовых и психологических условий повышения эффективности управления, вырабатывается перечень социально-психологических требований к начальнику подразделения ОВД [1].

Отдельный вектор научного познания направлен на исследование влияния руководителя на морально-психологическое состояние коллег и сущности их взаимоотношений в обстоятельствах субординации, а также обоснование теоретико-методических предпосылок улучшения психологической работы в ОВД [3].

Самостоятельный ракурс посвящен выявлению организационно-управленческих недостатков и их последствий для выполнения поставленных задач, аргументации использования комплексных методов изучения управленческой деятельности в ОВД, обозначению интереса к инновационным способам ее оценки [4].

Несмотря на существующие труды, актуализируется потребность в преломлении имеющихся научных достижений к конкретным социальным сферам, одной из которых является деятельность подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции (далее – ДПС Госавтоинспекции).

При этом остается недостаточно освещенным психологическое наполнение базовых аспектов управления, позволяющее рассуждать о ценностных приоритетах администрирования в деятельности руководителей подразделений ДПС Госавтоинспекции.

Уточним, что теоретические предпосылки излагаемого исследования опираются на положения об универ-

сальных функциях управления [8, с. 4, 48, 62, 109, 116, 120] и концепцию вербальных репрезентаций как представлений о действительности в рамках картины мира человека [6].

Цель исследования – выявить содержание и связи вербальных репрезентаций, относящихся к общим функциям управления (планированию, организации взаимодействия, стимулированию, контролю) и присутствующих руководителям подразделений ДПС Госавтоинспекции.

Материалы и методы. Выборку респондентов составили слушатели, обучающиеся в период с 2021 по 2025 годы в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова по дополнительной профессиональной программе «Повышение квалификации командиров (заместителей, начальников штабов) строевых подразделений ДПС ГИБДД территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях» (далее – командиры строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции).

Средний возраст опрошенных равняется 38,6 года, по половой принадлежности 99 % респондентов являются представителями мужского пола, образовательный уровень характеризуется наличием высшего образования, преимущественно юридического профиля. Средний стаж службы в ОВД составил 16,5 года, в Госавтоинспекции – 14,5 года, в строевых подразделениях ДПС Госавтоинспекции – 13,4 года. Период пребывания в статусе руководителя равен 2,4 года. Начальники в количестве 110 человек осуществляют служебную деятельность в разных субъектах Российской Федерации.

Методы и процедура исследования. Наряду с теоретическим поиском применены эмпирические методы письменного опроса, контент-анализа, метод направленных ассоциаций, а также методы статистического вывода.

Инструкция опроса предписывала формулировку определений четырех функций управления (планирования, организации взаимодействия, стимулирования и контроля), раскрываемых слушателями применительно к служебной деятельности строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции.

В каждую дефиницию требовалось включить хотя бы одно слово из стимульного материала, составленного на основе словесных элементов метафорических ассоциативных карт «Пути-дороги» [7, с. 11–17, 81–122] и визуализированного нами для онлайн-опроса в виде таблицы (рис. 1).

Начало	Цель	Покинуть	Опасность	Приключение
Встреча	Возвращение	Попутчик	Дом	Пристанище
Расписание	Помощь	Перемены	Неизвестность	Успех
Свобода	Принятие	Восторг	Темп	Выбор
Авария	Поворот	Находка	Преграда	На распутье
Колея	Перспектива	Свобода	Разлука	Остановка в пути
Судьба	Заблудиться	Принуждение	Любопытство	Уверенность
Отстать	Одиночество	Восхождение	Урок	Понимание
Трудно	Ожидание	Открытие	Потерпеть неудачу	Мудрый
Удивление	Участие	Сомнение	Сопrotивление	Цикл

Рис. 1. Стимульный материал индивидуального онлайн-опроса

Поясним, что возможность применения ассоциативного метода подтверждается научными изысканиями, показывающими его предназначение для установления смыслового (ассоциативно-вербального) поля [10] и посвященными анализу репрезентаций как проявлений вербального интеллекта, отражающего ментальный опыт человека [2].

Материалы опроса подвергались количественному контент-анализу, при котором из текстового массива ответов отбирались часто повторяющиеся лексемы с относительной частотой $\geq 0,1$.

Из полученных наборов текстовых данных извлекались слова, встречающиеся в стимульном материале, благодаря чему удалось скомпоновать четыре идентичных ряда ассоциаций, сопоставляемых с функциями управления: планированием, организацией взаимодействия, стимулированием и контролем. Всего выделено 10 одинаковых слов-ассоциаций в каждом ряду.

Абсолютная частота повтора ассоциаций преобразовывалась в ранг и создавалась порядковая шкала по убыванию значений применительно к той или иной функции. Наиболее весомое слово-ассоциация получало десятый ранг. Затем рассчитывался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, позволяющий оценить степень согласованности пар ранговых распределений.

В ходе количественного контент-анализа учитывались не только слова-ассоциации, выступившие фрагментом заранее определенного стимульного материала, но и другие лексические единицы, встречающиеся в ответах

респондентов. Эти дополнительные слова включались в качественный контент-анализ, что помогло проследить логику и учесть контекст в трактовке управленческих функций.

Совокупности словесных реакций в эмпирическом исследовании рассматриваются как интегрированные элементы психического отражения и вербальные репрезентации опыта служебной деятельности командиров строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции.

Результаты. Наблюдаемые величины иллюстрируются в диаграмме, отражающей преобладающие тенденции в характеристике функций управления через призму вербальных ассоциативных реакций командиров строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции (рис. 2).

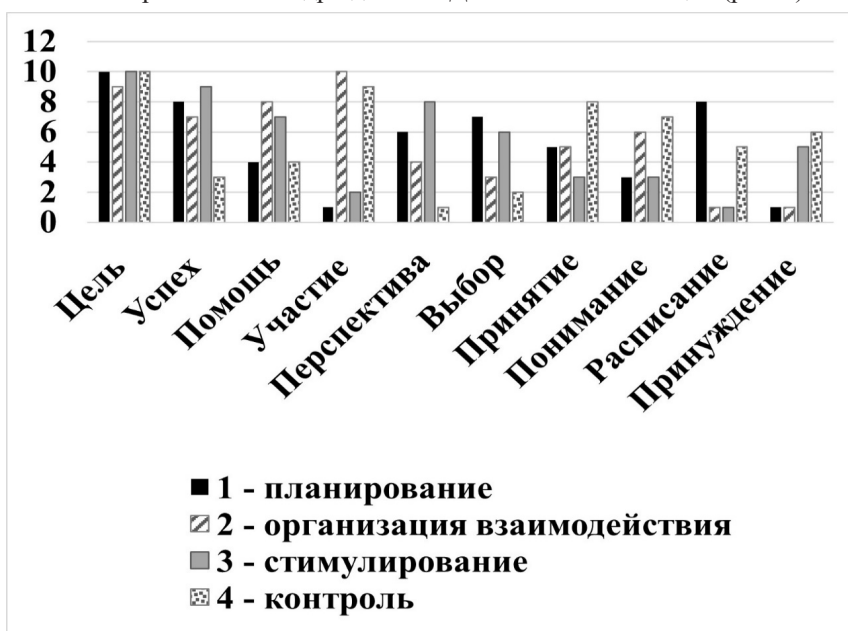

Рис. 2. Обратные порядковые шкалы словесных ассоциаций руководителей подразделений ДПС Госавтоинспекции

В числе первостепенных речевых элементов оказались десять слов: «цель», «успех», «помощь», «участие», «перспектива», «выбор», «принятие», «понимание», «расписание», «принуждение».

Ключевые паттерны связей между вербальными ассоциативными реакциями (далее – ассоциациями) демонстрируются эмпирическими значениями коэффициента ранговой корреляции Спирмена, зафиксированными на уровне статистической значимости $p < 0,05$.

Выявлены следующие корреляции по Спирмену:

- средняя положительная связь между рангами ассоциаций, относящихся к характеристике функций планирования и стимулирования (0,482);

- средняя положительная связь между рангами ассоциаций, описывающих функции организации взаимодействия и контроля (0,476);

- умеренная положительная связь между рангами ассоциаций, касающихся функций организации взаимодействия и стимулирования (0,297);

- умеренная отрицательная связь между рангами ассоциаций, имеющих отношение к функциям стимулирования и контроля (–0,264);

- слабая отрицательная связь между рангами ассоциаций, отличающих функции планирования и организации взаимодействия (–0,027);

- слабая отрицательная связь между рангами ассоциаций, касающихся функций планирования и контроля (–0,176).

В виде дополнительных маркеров использованы слова, отобранные на стадии расчета относительных частот и составляющие устойчивые словосочетания с основными ассоциативными лексемами: «достижение», «задача», «процесс», «направление», «решение», «мера», «результат».

Обсуждение. Полученные сведения говорят о неоспоримой роли целеполагания в служебной деятельности подразделений ДПС Госавтоинспекции.

Так, в суждениях респондентов общие функции управления рассматриваются как упорядоченный, регламентированный и развернутый во времени процесс достижения цели. Этот процесс охватывает компоненты, включающие постановку задач, определение путей их реализации, проектирование желаемых результатов, конструирование динамики взаимодействия, выбор способов направляющего, координирующего и корректирующего влияния.

Стоит упомянуть публикацию, автор которой, опираясь на разные источники, утверждает, что способность к целеполаганию в нынешних условиях входит в число самых востребованных гибких навыков личности. В этом же исследовании показано, что в понятийном смысле цель – это тактическая характеристика образа будущего, реализация которого стартует с момента вербализации замысла, а перспектива – качественная сторона образа будущего, предоставляющая опору для противостояния непредвиденным факторам [5].

Примечательно, что выстраивание перспективы, исходя из мнения руководителей подразделений ДПС Госавтоинспекции, оказывается типичной особенно-

стью функции стимулирования, вероятно усиливающей положительную мотивацию к достижению цели у исполнителей. Кроме того, в вербальных репрезентациях респондентов обнаруживается устойчивая установка на успех, ярко выраженная на стадии стимулирования и выступающая позитивным психологическим фоном, сопровождающим полный управленческий цикл.

Значимым приоритетом для опрошенных видится готовность оказать помощь и взаимную поддержку, что благоприятствует активизации коллективного ресурса в преодолении препятствий на протяжении всего сценария управления. Например, как свидетельствуют ответы, планирование может быть представлено как помощь в формате составления расписания действий, а стимулирование – как выбор альтернатив, побуждающих к взаимной помощи.

Уточним, что частое обращение респондентов к поведенческому выбору, по-видимому, означает гибкость, вариативность и мобильность деловых стратегий, адекватных требованиям, выдвигаемым к личностным качествам сотрудников подразделений ДПС Госавтоинспекции [9].

Участие, ярко представленное на стадии организации взаимодействия, раскрывается руководителями как создание психологической среды, обеспечивающей вовлеченность коллег в эффективный совместный труд и коммуникацию. Заметим, что участие является ценным и при осуществлении контроля, гарантируя конструктивный подход к исправлению недостатков, фиксируемых при прохождении предшествующих этапов управления.

Отдельное место уделяется принятию, исключая соотнесению созерцательность и соотносящемуся с действенной профессиональной позицией, состоящей в выработке решений и комплексных мер, основанных на системном анализе и учете ситуаций служебной деятельности.

Здесь же отметим роль нормативного принуждения, раскрываемого, прежде всего, в плоскости контроля, сочетающегося, по оценкам опрошенных, с методами убеждения и поощрения. Сошлемся на единичную, но оригинальную точку зрения, согласно которой грамотный контроль открывает обновленные формы и методы руководства, содействуя достижению поставленных целей.

Повторяясь, подчеркнем идею о том, что содержание полного управленческого цикла, как и смысл его отдельных сторон, прочно корреспондирует в сознании руководителей с целью служебной деятельности.

Вместе с тем сопоставление корреляционных зависимостей и контекста формулировок, предложенных респондентами, свидетельствует о восприятии руководителями условной автономности составляющих менеджмента и косвенно указывает на некоторые сложности в реализации функций управления.

Например, констатируется пересечение ассоциативных полей, касающихся планирования и стимулирования, объединенных, судя по всему, мотивационно-управленческим потенциалом.

Сравнение толкований, относящихся к планированию и организации взаимодействия, вскрывает эпизодическое несоответствие замысла и последующей синхронизации действий подчиненных.

В изученных мнениях устанавливается преемственность между организацией взаимодействия и контролем, подразумевающим непрерывную обратную реакцию начальника в адрес исполнителей.

Параллельное сравнение точек зрения о стимулировании и контроле говорит о противоположной модальности этих функций, проявляющейся в практическом воплощении как синтез поощрительного и порицательного посылов.

Одновременно резонно признать право на допустимость следующего объяснения эмпирических результатов: предметом настоящего исследования явились общие функции управления, хотя существуют ситуационные и специальные аспекты, обладающие узким предназначением и выступающие промежуточными сегментами в единой концепции менеджмента.

Выводы:

1. Вербальные репрезентации функций управления, присущие командирам строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции, отражают стройную и осмысленную идеальную модель, основанную на опыте служебной и управленческой деятельности.

2. Выявлены ключевые ассоциативные паттерны, демонстрирующие ценностный каркас системного восприятия общих функций управления, составляющих упорядоченный процесс достижения цели. При этом заметна позитивная тенденция, проявляющаяся в ориентированности на успех, ожидаемую перспективу, групповое взаимодействие и взаимную помощь.

3. Устанавливается целостность и интегративность вербальных репрезентаций, сформированных в сознании респондентов относительно функций управления, каждая из которых вместе с тем обладает условной самостоятельностью. Наиболее близкая корреляционная связь наблюдается между ассоциативными рядами, относящимися к функциям планирования и стимулирования; организации взаимодействия и контроля.

4. Практическая значимость исследования заключается в прикладном характере полученных итогов, применимых для разработки рекомендаций, направленных на развитие управленческих компетенций руководителей подразделений ДПС Госавтоинспекции.

5. Прогрессивным направлением научных изысканий видится изучение психологического содержания специальных функций управления, детерминированных особенностями служебной деятельности, а также анализ ситуационных компонентов руководства в подразделениях ДПС Госавтоинспекции.

Список источников

1. Бурцев А. О., Ониани М. Г., Казак В. В. Психологические особенности управления личным составом полиции в современных условиях // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4 (65). С. 155–164. doi: 10.33463/2072-8336.2023.4(65).155-164.

2. Дроздова Н. В., Лобанов А. П. Ментальные репрезентации и когнитивное научение // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022. № 22-3. С. 126–134.

3. Злоказов К. В., Гайдамашко И. В., Бородавко Л. Т. Влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 284–293. doi: 10.35750/2071-8284-2025-1-284-293.

4. Крупина М. А. Административно-правовые аспекты изучения и оценки управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 77–90. doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-77-90.

5. Михеева Е. В. Сравнительный анализ психологического содержания понятий «временная перспектива», «образ будущего» и «цель» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. № 3. С. 5–22. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2022.3.1.

6. Прохоров А. О. Ментальные репрезентации психических состояний: теоретические и экспериментальные аспекты // Познание и переживание. 2021. Т. 2. № 2. С. 28–52. doi: 10.51217/cogexp_2021_02_02_02.

7. Кац Г., Мухаматулина Е. Метафорические карты: руководство для психолога. М.: Генезис, 2013. 160 с.

8. Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. Б. В. Бабина-Кореня с предисл. А. К. Гастева. М.: Центральный институт труда, 1923. 122 с.

9. Царьгородский С. В. Структурно-функциональная модель развития профессионально-личностных качеств руководителей Госавтоинспекции территориальных органов МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 113–118. doi: 10.24412/2658-638X-2024-4-113-118.

10. Якимова З. В. Профессиональный стресс в сознании полицейских: ассоциативный эксперимент // Психолог. 2023. № 4. С. 1–20. doi: 10.24412/2658-638X-2024-4-113-118.

References

1. Burtsev A. O., Oniani M. G., Kazak V. V. Psychological Features of Police Personnel Management in Modern Conditions // Applied Legal Psychology. 2023. No. 4 (65). P. 155–164. doi: 10.33463/2072-8336.2023.4(65).155-164.

2. Drozdova N. V., Lobanov A. P. Mental Representations and Cognitive Learning // Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, Psychological and Pedagogical Sciences. 2022. No. 22-3. P. 126–134.

3. Zlokazov K. V., Gaidamashko I. V., Borodavko L. T. The Influence of the Head of the Service Collective on the Moral and Psychological State of Subordinate Employees // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (105). P. 284–293. doi: 10.35750/2071-8284-2025-1-284-293.

4. Krupina M. A. Administrative and Legal Aspects of the Study and Evaluation of the Management Activities of the Inspected Body of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (104). P. 77–90. doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-77-90.

5. Mikheeva E. V. Comparative analysis of the psychological content of the concepts of «time perspective», «image of the future» and «goal» // Bulletin of Samara State Technical University. Series «Psychological and pedagogical sciences». 2022. Vol. 19. No. 3. P. 5–22. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2022.3.1.

6. Prokhorov A. O. Mental representations of mental states: theoretical and experimental aspects // Cognition and experience. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 28–52. doi: 10.51217/cogexp_2021_02_02_02.

7. Katz G., Mukhamatulina E. Metaphorical cards: a guide for a psychologist. M. : Genesis, 2013. 160 p.

8. Fayolle A. General and Industrial Management. Translated by B. V. Babin-Koren with a foreword by A. K. Gastev. M. : Central Institute of Labor, 1923. 122 p.

9. Tsargorodsky S. V. Structural and Functional Model of Development of Professional and Personal Qualities of Heads of the State Traffic Safety Inspectorate of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2024. No. 4. P. 113–118. doi: 10.24412/2658-638X-2024-4-113-118.

10. Yakimova Z. V. Professional Stress in the Consciousness of Police Officers: An Associative Experiment. Psychologist. 2023. No. 4. P. 1–20. doi: 10.24412/2658-638X-2024-4-113-118.

Информация об авторе

С. Е. Борисова – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Borisova – Professor at the Department of Psychology, Pedagogy, and Personnel Management at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 11.03.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 11.03.2026.

Хрестоматия заблуждений по семейному праву / под ред. О. Ю. Ильиной.

Для сферы семейных отношений характерно множество заблуждений, сформировавшихся как на основе традиций и обычаев, так и в силу отсутствия у граждан элементарной информации о специфике регулирования личных и имущественных отношений между членами семьи. В предлагаемой хрестоматии рассмотрено 30 наиболее распространенных заблуждений граждан о своих правах и обязанностях в семье.

Материалы хрестоматии не только развеют имеющиеся у кого-то заблуждения, но и позволят в целом быть более внимательными к семейным отношениям, вопросам осуществления и защиты семейных прав.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/smbtbr>

НИОН: 2018-0077-1/26-702

MOSURED: 77/27-024-2026-01-901

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Перспективы деятельности психологов органов внутренних дел по реабилитации наркозависимых в рамках межведомственного взаимодействия

Анна Александровна Зуйкова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ania.zyikova@yandex.ru

Аннотация. В последние годы в Российской Федерации не теряет своей актуальности проблема реабилитации лиц, страдающих наркозависимостью. Наряду с ростом числа специализированных психологических реабилитационных центров по всей стране отмечается возрастающая потребность осуществления высококвалифицированной помощи по психологической реабилитации наркозависимых лиц и прогрессирующее расширение практики осуществления психологической деятельности специалистами, не обладающими необходимой профессиональной компетентностью в данной сфере. В 2025 году Министерством внутренних дел России был разработан межведомственный стандарт антинаркотической профилактической деятельности, который стал важным шагом на пути к совершенствованию существующей системы. Опираясь на ключевые положения данного стандарта, рассмотрены возможности участия психологов органов внутренних дел в реабилитационном процессе наркозависимых лиц с позиций межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: наркозависимое поведение, реабилитация наркозависимых, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Зуйкова А. А. Перспективы деятельности психологов органов внутренних дел по реабилитации наркозависимых в рамках межведомственного взаимодействия // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 39–42. EDN: SMBTBR.

Original article

Prospects for the work of psychologists of law enforcement agencies in the rehabilitation of drug addicts in the framework of interdepartmental cooperation

Anna A. Zuykova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ania.zyikova@yandex.ru

Abstract. In recent years, the problem of rehabilitation of drug addicts has remained relevant in the Russian Federation. Along with the growth of specialized psychological rehabilitation centers across the country, there is an increasing need for high-quality psychological rehabilitation services for drug addicts, and a growing practice of providing psychological services by specialists who do not have the necessary professional competence in this field. In 2025, the Ministry of Internal Affairs developed an interdepartmental standard for anti-drug prevention activities, which was an important step towards improving the existing system. Based on the key provisions of this Standard, the article will explore the possibilities of involving police psychologists in the rehabilitation process of drug addicts from the perspective of interagency cooperation.

Keywords: drug addiction behavior, rehabilitation of drug addicts, interagency cooperation

For citation: Zuykova A. A. Prospects for the work of psychologists of law enforcement agencies in the rehabilitation of drug addicts in the framework of interdepartmental cooperation. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):39–42. (In Russ.). EDN: SMBTBR.

Введение. В современной России акцент в работе с наркозависимыми смещается в сторону комплексного подхода, где ключевую роль играет межведомственное

взаимодействие. Создание межведомственного стандарта антинаркотической профилактической деятельности, разработанного Министерством внутренних дел

России в 2025 году, является ярким примером такой интеграции. Данный стандарт предусматривает разработку единых протоколов взаимодействия различных учреждений, включая медицинские, социальные сервисы и органы правопорядка, что способствует созданию более эффективной системы поддержки реабилитации наркозависимых. На ряду с такими задачами как: формирование у населения негативного отношения к употреблению и распространению наркотических веществ, укрепление и развитие системы раннего выявления лиц, незаконно употребляющих наркотические вещества, повышение уровня правовой грамотности, пропаганда здорового образа жизни, реализация межведомственного стандарта антинаркотической профилактической деятельности предполагает решение задач, направленных на оказание всесторонней поддержки в реабилитации наркозависимых лиц. Обладая мощным потенциалом специалистов в области психологического обеспечения системы МВД России, а также в условиях нехватки квалифицированных специалистов в области психологической реабилитации наркозависимых лиц, целесообразно привлечение к данному процессу психологов ОВД, которые, в свою очередь смогут осуществлять работу в данной области, выполняя не только консультирующую, профилактическую и коррекционную функции, но и осуществлять функцию сопровождения деятельности коммерческих немедицинских реабилитационных центров.

Основная часть. Проблема реабилитации наркозависимых лиц активно разрабатывается с момента выделения наркологии в самостоятельную научную область в 1975 году и активно изучается в трудах А. Г. Гофмана, Т. Н. Дудко, М. А. Винниковой, Н. А. Сироты, В. М. Ялтонского, С. А. Кулакова, В. И. Евдокимова, Р. А. Булатовой, Н. В. Дмитриевой, В. Д. Менделевича, Н. И. Зенцовой, Л. Д. Сыркина, А. В. Шакулы и др. [1; 3].

Начиная с 90-х годов прошлого столетия множество работ было посвящено содержанию компонентов реабилитационного процесса наркозависимых лиц, что нашло отражение в работах отечественных и зарубежных ученых О. Ф. Ерышева, Т. Н. Дудко, Б. Д. Цыганкова, В. А. Барабанщикова, Н. Н. Иванец, Е. Д. Беспанской-Павленко, А. Г. Кузнецова, С. А. Корякина, В. Д. Менделевича, Л. А. Шайдуковой, Н. И. Зенцовой, W. R. Miller, P. L. Wilbourne, W. Hall, E. Tsui, L. Rukow, Sh. M. Eack, Gary L. Brase и др. [2].

Выделение психологического этапа реабилитации наркозависимых лиц в настоящее время рассматривается в немногочисленных трудах А. А. Чебакова, Н. И. Зенцовой, Н. В. Калюгина, Н. В. Карповой, Е. И. Поповой, Н. П. Барковой, А. И. Копытина и др. [1; 3]. Данная тенденция приводит к тому, что по настоящее время в научно-практическом сообществе отсутствует единство в понимании сущности психологического этапа реабилитации наркозависимых лиц, его компонентов, и алгоритма их использования. Важно отметить, что если деятельность государственных медицинских реабилитационных центров регламентируется приказом Министерства здравоохранения

Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1034 н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология» и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ» [4], то деятельность коммерческих психологических реабилитационных центров, которые активно открываются по всей стране, регулировать достаточно сложно в связи с их неопределенным юридическим статусом. В связи с этим наблюдается серьезное противоречие между возрастающей потребностью осуществления высококвалифицированной помощи по психологической реабилитации наркозависимых лиц и прогрессирующем расширением практики осуществления психологической деятельности специалистами, не обладающими необходимой профессиональной компетентностью в данной сфере [6; 7].

Основополагающую роль в повышении эффективности реабилитации наркозависимых лиц и снижения уровня лиц, страдающих наркозависимостью, играет организация межведомственного взаимодействия, которое обеспечивает сотрудничество между различными ведомствами и организациями, включая и психологическую службу органов внутренних дел.

В 2025 году Министерством внутренних дел Российской Федерации был разработан межведомственный стандарт антинаркотической профилактической деятельности [5]. Данный стандарт предусматривает не только координацию действий правоохранительных органов, но и взаимодействие с медицинскими учреждениями, социальными службами, образовательными организациями, а также коммерческими организациями, включая психологические реабилитационные центры. Основной упор в данном документе сделан на комплексный подход к проблеме наркозависимости, начиная от профилактики и заканчивая реабилитацией и социальной адаптацией.

Одним из важнейших аспектов межведомственного взаимодействия является обмен информацией и опытом между учреждениями. Психологи органов внутренних дел, обладают уникальным опытом осуществления психологической деятельности по таким направлениям, как: изучение индивидуально-психологических особенностей личности, обучение навыкам психологической саморегуляции в повседневных и экстремальных условиях, преодоление психологических трудностей в различных жизненных ситуациях, коррекция негативных личностных черт, коррекция нарушений психической дезадаптации, психологическая реабилитация сотрудников, после выполнения задач в особых условиях [8; 9; 10]. Данные направления выступают неотъемлемой частью психологической реабилитации наркозависимых лиц в условиях реабилитационного центра, однако, как уже было отмечено ранее, не всегда специалисты данных центров способны реализовать их на высоком уровне в силу отсутствия должной квалификации.

На наш взгляд, решение данной проблемы возможно, при привлечении психологов органов внутренних

дел к осуществлению мероприятий по психологической реабилитации наркозависимых лиц. Осуществление взаимодействия с реабилитационными центрами возможно по следующим направлениям:

1. Консультативное, которое может быть реализовано в рамках научно-методических семинаров, встреч и научно-практических конференций, где специалистами обсуждаются актуальные проблемы психологической реабилитации, осуществляется обмен опытом и результатами исследований, планируется дальнейшая совместная работа;

2. Профессионально-развивающее направление, в рамках которого для специалистов из реабилитационных центров, психологами органов внутренних дел, могут быть организованы специальные тренинги, мастер-классы, что будет способствовать формированию и развитию их профессиональных компетенций, а также обогащению инструментария по работе с наркозависимыми лицами;

3. Сопровождение и контроль – данное направление может осуществляться в рамках взаимодействия сотрудников полиции с расположенными на подведомственной территории социальными учреждениями в установленном порядке. Данное взаимодействие может проходить в формате осуществления психопрофилактики и психокоррекции с пациентами реабилитационного центра и будет способствовать осуществлению комплексного сопровождения и контроля за эффективностью процесса реабилитации.

Выполнение психологами органов внутренних дел функций и задач по вышеуказанным направлениям требует развития профессиональных компетенций в области межведомственного взаимодействия, с целью расширения знаний и понимания особенностей деятельности в системах здравоохранения, социальной защиты и образования, что в свою очередь будет способствовать повышению эффективности по реабилитации наркозависимых лиц.

Заключение. Проведенное теоретическое исследование позволило установить, что наркозависимость – заболевание, затрагивающее все уровни здоровья человека: физический, психический, социальный и духовный. Учитывая сложность и многоаспектность данной проблемы стоит отметить, что эффективность реабилитации наркозависимых лиц во многом зависит от комплексного подхода, включающего не только медицинские, но и психологические аспекты восстановления.

Взаимодействие специалистов из различных областей, таких как психология, социология, медицина и социальная работа, позволяет осуществлять поиск новых методов и подходов реабилитации для достижения наилучших результатов. Это позволяет не только снизить риск рецидивов, но и способствует социальной адаптации и восстановлению личностной целостности пациентов.

С этой целью необходимо привлечение к данному процессу психологов ОВД, которые, обладая огромным потенциалом и опытом работы по различным направ-

лениям психодиагностики, психокоррекции, психореабилитации, психопросвещения и психопрофилактики, смогут осуществлять работу в данной области, выполняя не только консультирующую, профилактическую и коррекционную функции, но и осуществлять функцию сопровождения деятельности коммерческих психологических реабилитационных центров с целью оценки эффективности осуществляемых реабилитационных мероприятий и возможности своевременной корректировки данного процесса со специалистами смежного профиля.

Список источников

1. Дудко Т. Н., Пузиенко В. А., Котельникова Л. А. Дифференцированная система реабилитации в наркологии : методические рекомендации. М. : ФГУ ННЦ наркологии, 2001. 38 с.
2. Зенцова Н. И. Системная модель психологического этапа реабилитации больных наркоманией : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.04 / Зенцова Наталья Игоревна / Москва, 2015. С. 621.
3. Копылова Г. К. О деятельности практического психолога в органах внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1996. № 2 (4).
4. Межведомственный стандарт антинаркотической профилактической деятельности / [Г. Н. Василенко и др.]. М. : Министерство внутренних дел Российской Федерации, 2025. 106 с.
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 декабря 2015 г. № 1034 н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология» и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ». URL: <https://base.garant.ru/71360612/> (дата обращения: 09.02.2026).
6. Сафронов А. И., Зуйкова А. А. Применение методов оценки функционального состояния респондентов групп аддиктивного риска в интересах ранней диагностики употребления ПАВ / Интернет – журнал «Мир науки». 2017. Том 6. № 5 /09PSMN517.pdf.
7. Траутманн Ф., Валентик Ю. В., Мельникова В. Ф. Амбулаторная реабилитация больных с зависимостью от наркотиков. Методическое руководство. М. : Добро, 2002. 314 с.
8. Федотов С. Н., Ульянина О. А. Образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (обзор материалов международной конференции, посвященной 15-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3 (70).
9. Шайдукова Л. К. Современные подходы к реабилитации / Казанский медицинский журнал. 2013. Том 94. № 3 С. 402–405.
10. Selye H. A Syndrome Produced by Diverse Nocuous Agents. Nature. Vol. 138. July 4 (1936). P. 32.

References

1. Dudko T. N., Puzienko V. A., Kotelnikova L. A. Differentiated system of rehabilitation in narcology: Methodological recommendations. Moscow : Federal State Institution National Scientific Center of Narcology, 2001. 38 p.
2. Zentsova N. I. A systems model of the psychological stage of rehabilitation of patients with drug addiction : dis. ... doctor of psychological sciences: 19.00.04 / Zentsova Natalya Igorevna / Moscow. 2015. P. 621.
3. Kopylova G. K. On the activities of a practical psychologist in the internal affairs agencies // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 1996. No. 2 (4).
4. Interdepartmental standard of anti-drug preventive activities / [G. N. Vasilenko et al.]. Moscow : Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. 106 p.
5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of December 30, 2015, No. 1034 n, «On Approval of the Procedure for the Provision of Medical Care in the Psychiatry-Narcology Profile and the Procedure for Dispensary Observation of Individuals with Mental Disorders and/or Behavioral Disorders Associated with the Use of Psychoactive Substances». URL: <https://base.garant.ru/71360612/> (accessed: 09.02.2026).
6. Safronov, A. I., Zuikova, A. A. «Application of Methods for Assessing the Functional State of Respondents from Addictive Risk Groups for the Early Diagnosis of Psychoactive Substance Use» / Internet Journal «World of Science». 2017. Vol. 6. No. 5 /09PSMN517.pdf.
7. Trautmann F., Valentik Yu. V., Melnikova V. F. Out-patient Rehabilitation of Patients with Drug Addiction. Methodological Guide. Moscow: Dobro, 2002. 314 p.
8. Fedotov S. N., Ulyanina O. A. Education of Internal Affairs Officers. Pedagogy and Psychology of Service Activity: Status and Prospects (Review of Materials from the International Conference Dedicated to the 15th Anniversary of the Foundation of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2017. No. 3 (70).
9. Shaidukova L. K. Modern Approaches to Rehabilitation / Kazan Medical Journal. 2013. Vol. 94. No. 3. P. 402–405.
10. Selye H. A Syndrome Produced by Diverse Noxious Agents. Nature. Vol. 138. July 4 (1936). P. 32.

Информация об авторе

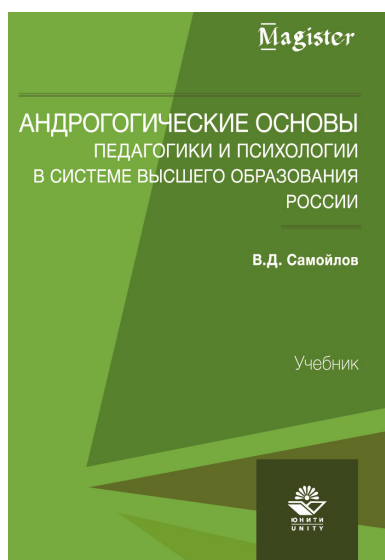
А. А. Зуйкова – доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Zuikova – Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 04.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Андрологические основы педагогики и психологии в системе высшего образования России : учебник / В. Д. Самойлов. Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

В учебнике отражены основы преподавания учебных дисциплин "Андрология", "Педагогика", "Психология" и "Педагогическая психология".

Предназначен для содействия в подготовке студентов (курсантов) и адъюнктов (аспирантов) к выполнению профессиональных обязанностей в качестве научных работников (исследователей) и педагогических работников (исследователь-преподаватель) в системе высшего образования России, овладению систематизированными представлениями, знаниями, умениями и навыками; формированию групп общекультурных и профессиональных, а также универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

По своему содержанию учебник ориентирован на усвоение обучающимися профессиональной квалификации "Исследователь. Преподаватель-исследователь" и может быть полезен начинающим педагогическим работникам образовательных организаций, специалистам в системе высшего образования и соискателям ученых степеней (ученых званий).

Научная статья

УДК 159.9+37.015.3

EDN: <https://elibrary.ru/ypvgtc>

НИОН: 2018-0077-1/26-703

MOSURED: 77/27-024-2026-01-902

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Современные подходы к формированию психологической безопасности в образовательных учреждениях

Вадим Юрьевич Иванюк¹, Тадэуш Петрович Мильчарек²

^{1,2} Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ Arvad55@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные подходы к обеспечению психологической безопасности персонала образовательных организаций при вероятных террористических рисках. Предметом анализа выступают психологические и организационные факторы, влияющие на способность сотрудников своевременно реагировать на возможные угрозы, сохранять эмоциональное равновесие и поддерживать стабильную среду. В качестве методологических основ применен сравнительный анализ научных трудов, а также контент-анализ работ, описывающих условия формирования стрессоустойчивости и системного взаимодействия внутри коллектива. Основной вывод заключается в выявлении факторов, определяющих эффективность профилактической работы и повышающих слаженность действий при внезапных сигналах тревоги. Показано, что только при одновременной проработке эмоционально-волевых качеств, юридической грамотности и коммуникационного аспекта можно добиться стойкой готовности сотрудников к критическим ситуациям. Результаты обладают практической применимостью для руководителей школ, колледжей и вузов, а также для психологов и преподавателей, стремящихся внедрить модели устойчивого реагирования. В заключительной части сформулированы выводы и рекомендации, способствующие дальнейшему совершенствованию систем безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, стрессоустойчивость, антитеррористическая готовность, образовательная среда, правовая грамотность, межличностная коммуникация, коллективная сплоченность, профилактика рисков, кризисное реагирование, готовность персонала

Для цитирования: Иванюк В. Ю., Мильчарек Т. П. Современные подходы к формированию психологической безопасности в образовательных учреждениях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 43–48. EDN: YPVGTC.

Original article

Modern approaches to the formation of psychological safety in educational institutions

Vadim Yu. Ivanyuk¹, Tadeusz P. Milcharek²

^{1,2} Omsk State Technical University, Omsk, Russia

¹ Arvad55@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of modern approaches to ensuring psychological safety of the personnel of educational organizations in the event of probable terrorist risks. The subject of the analysis are psychological and organizational factors that affect the ability of employees to promptly respond to possible threats, maintain emotional balance and support a stable environment. As a methodological basis, a comparative analysis of scientific papers was used, as well as a content analysis of works describing the conditions for the formation of stress resistance and systemic interaction within the team. The main result of the article is to identify the factors that determine the effectiveness of preventive work and increase the coherence of actions in case of sudden alarm signals. It is shown that only with the simultaneous development of emotional-volitional qualities, legal literacy and the communication aspect can we achieve a stable readiness of employees for critical situations. The results have practical applicability for the heads of schools, colleges and universities, as well as for psychologists and teachers seeking to implement models of sustainable response. The final part formulates conclusions and recommendations that contribute to the further improvement of security systems.

© Иванюк В. Ю., Мильчарек Т. П., 2026

Keywords: psychological safety, stress resistance, anti-terrorist readiness, educational environment, legal literacy, interpersonal communication, collective cohesion, risk prevention, crisis response, personnel readiness

For citation: Ivanyuk V. Yu., Milcharek T. P. Modern approaches to the formation of psychological safety in educational institutions. *Psychology and pedagogics in official activity*. 2026;(1):43–48. (In Russ.). EDN: YPVGTC.

Введение. Развитие психологической безопасности в образовательных учреждениях становится все более актуальной проблемой в условиях возможных террористических проявлений. Непредсказуемость подобных угроз диктует необходимость комплексной подготовки персонала, способного быстро ориентироваться, действовать согласованно и эмоционально стабильно.

Цель данной статьи – обобщить результаты существующих исследований по формированию психологической готовности к экстремальным ситуациям в школе или вузе и выявить набор рекомендаций для ее укрепления.

Для реализации цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть основные факторы, определяющие психологическую безопасность в учебном коллективе.

2. Проанализировать связь правовых знаний и эмоционально-волевой готовности у педагогов.

3. Уточнить возможности системного повышения стрессоустойчивости путем командных методов взаимодействия.

Новизна работы состоит в подходе к проблеме, который учитывает психологические, правовые и организационные вопросы, а также в акценте на синергии между правовыми инструкциями и эмоциональной готовностью специалистов.

Материалы и методы. В рамках подготовки обзорного материала использовались труды ряда отечественных и зарубежных исследователей, раскрывающих тематику психологической готовности персонала образовательных учреждений к экстремальным ситуациям, вопросы антитеррористической защищенности и развития сплоченной образовательной среды. М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович [7] рассмотрели проблему психологической готовности с позиции структурного анализа, выделяя в ней взаимосвязанные компоненты: мотивационный, познавательный и эмоционально-волевой. В. А. Бодров [5] проанализировал профессиональную пригодность и сделал акцент на том, что стрессоустойчивость занимает центральное место среди качеств, влияющих на успешность функционирования в кризисных ситуациях. О. Б. Дмитриева [6] уделила внимание формированию психологической готовности молодых специалистов, в том числе педагогов. В. В. Сорочан [9] рассмотрел юридическую психологию в контексте антитеррористических мероприятий, указав, что знание соответствующей правовой базы помогает избежать колебаний и неверных шагов у педагогов и администрации при выявлении признаков угрозы. С. В. Тарасов [10] исследовал образовательную

среду как систему, указывая на ее роль в формировании безопасного климата. И. А. Баева [2] предложила рассматривать психологическую безопасность в учебном пространстве как отсутствие психологического насилия и атмосферу, снижающую риск панических и агрессивных проявлений. К. И. Ахметова и Д. Худаибергенова [1] сосредоточились на мерах, обеспечивающих психологическую безопасность образовательной среды, выделяя значение психологической устойчивости и сплоченности в коллективе. А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянская [3] рассмотрели особенности юридической психологии в аспекте профилактики терроризма, отмечая, что грамотное взаимодействие образовательных организаций с правоохранительными структурами является одним из основных принципов для своевременного предотвращения возможных противоправных действий. А. М. Столяренко [10] обратил внимание на прикладные аспекты юридической психологии применительно к работе с сотрудниками, которые могут оказаться в экстремальной обстановке. Д. Cornell [12] предложил протоколы школьного климата и оценки угроз, подчеркнув важность четкой согласованности и авторитетной атмосферы в коллективе для уменьшения страха перед ответственностью. В. Kingston, S. A. Mattson, A. Dymnicki [13] исследовали готовность школ к внедрению комплексных мер безопасности, подчеркнув, что постоянные тренировки и систематическое обучение персонала обеспечивают рост оперативности реагирования. Д. С. Безнососов и Л. Г. Почечут [4] проанализировали психологические аспекты экстремизма, показав, что своевременная работа с коллективом позволяет обнаружить симптомы радикальных установок и вовремя на них отреагировать. Н. Н. Казымова [8] выделила индивидуально-психологические ресурсы, позволяющие человеку сохранить устойчивость при террористической угрозе, указывая, что высокое чувство психологического благополучия является дополнительным фактором, препятствующим паническим реакциям в экстремальной обстановке. S. Poland [14] описал важность сценарных симуляций и ролевых упражнений в школе, где персонал учится четкому распределению обязанностей в моменты кризиса.

Для подготовки статьи применялся сравнительный метод: анализировались взгляды различных авторов, а выявленные сходства и различия в подходах сопоставлялись, чтобы сформировать целостную картину формирования психологической безопасности в образовательной среде. Параллельно был использован метод контент-анализа научных работ, который позволил

систематизировать основные положения об организации профилактики экстремизма, формировании дружелюбного климата, развитии эмоционально-волевой устойчивости педагогов и изучении правовых аспектов защиты от террористических угроз. Кроме того, автор опирался на элементы обобщения опытно-экспертных оценок, отраженных в работах как российских, так и зарубежных исследователей.

Результаты. Психологическая готовность педагогов и сотрудников образовательных организаций к ситуации потенциальной террористической опасности понимается как совокупность различных качеств и установок, влияющих на быстроту и точность реагирования. Исследователи [7] обращали внимание на взаимосвязь мотивации, познавательных умений, эмоционально-волевой сферы и умений самоконтроля, объединенных в единое психическое образование. Это отражается в трудах В. А. Бодрова [5], где выделяется значение психологической устойчивости при внешнем напряжении, а также подчеркивается вклад стрессоустойчивости в профессиональное функционирование педагога в критических ситуациях.

О. Б. Дмитриева [6] предполагает, что внутренняя собранность и умение быстро восстанавливать ясность мышления достигаются при достаточном уровне эмоциональной выносливости. Знания по правовым принципам антитеррористической защиты [9] служат системным дополнением к психологической стороне: без понимания юридических регламентов можно столкнуться со снижением уверенности при принятии решений. Исходя из этого, для образовательной среды указывается на многокомпонентную природу готовности, где собраны мотивационные и операционные элементы, психологические и правовые знания. Например, по определению С. В. Тарасова образовательная среда – подсистема социокультурной среды, совокупность исторически сложившихся факторов, обстоятельств, ситуаций, то есть целостность специально организованных педагогических условий развития личности [10].

Согласно И. А. Басовой [2], под психологической безопасностью учебного пространства понимается атмосфера, не допускающая психического травмирования. Автор рассматривает поддерживающий характер отношений в коллективе как фактор, снижающий вероятность паники и агрессии. В отечественных публикациях [1] выделяется, что дружелюбие и сплоченность педагогов и учащихся формируют более защищенное чувство принадлежности, а следовательно, помогают оставаться собранными в обстановке дезорганизующих слухов. Критерием выступает предсказуемость коммуникации внутри учреждения: оперативная подача сигнала, доверие к коллеге и взаимопомощь.

Специалисты в области антитеррористической защищенности [3] выделяют знание основных правовых

норм и способность учесть их при практических шагах: грамотное взаимодействие с правоохранительными структурами, своевременное сообщение о подозрительных событиях, понимание обязательных инструкций по эвакуации. Психологи, анализируя поведение коллектива, указывают на то, что недостаточная юридическая подготовка [10] влечет неуверенность и замешательство у педагогов, вынужденных реагировать в ограниченный промежуток времени.

В трудах зарубежных экспертов [12] рассматриваются протоколы оценки угроз и создание скоординированного климата, чтобы сотрудники не испытывали страха перед излишней ответственностью. Отмечается, что детально проработанные командные алгоритмы, поддержанные психологической службой, помогают снижать тревожность коллектива и повышать рациональность поведения. В американской практике [15] принятие решений опирается на постоянные тренировки, где все участники (включая административный персонал) заранее знакомятся с разнообразными форматами угроз, отрабатывая быстрый обмен информацией. Похожие выводы фиксировались в исследованиях европейских авторов [13], которые указывают на сочетание систематических учебных мероприятий и развитой культуры поддержки среди педагогов.

При рассмотрении зарубежного и отечественного опыта можно выявить, что в числе факторов, влияющих на психологическую готовность, находится отсутствие регулярного общения между сотрудниками разных отделов. Если в учебном заведении нет единого пространства для обсуждения вариантов действий, то оперативная передача сигналов нарушается. С другой стороны, сплоченность коллектива достигается не только внедрением технологий контроля (камеры, охранные системы), но и наработкой культуры взаимной ответственности. В такой среде снижается риск внутренней тревожности, поскольку у персонала закреплён навык общения по четкому алгоритму.

Истоки экстремизма и терроризма, проявляющихся в насильственных действиях небольшой группы агрессивно настроенных людей против большинства населения, кроются в специфических социально-психологических феноменах. Так, российские публикации [4] поднимают тему социальных и психологических истоков экстремизма, указывая, что готовность вовремя заметить радикальные проявления у обучающихся требует не только юридической грамотности, но и аккуратного наблюдения за межличностными отношениями внутри класса. В основе возникновения терроризма лежит множество причин – экономических, политических, религиозных, социальных, психологических, экологических. В этом смысле преподаватель, владеющий психологическими знаниями, более эффективно предупреждает зарождение проблемной ситуации. Парал-

тельно [2; 8] обращают внимание на саморегуляцию в стрессовый период, которая позволяет педагогу и прочим сотрудникам не терять самообладания при первых признаках паники.

Для психолого-педагогических исследований характерно выделение эмоционально-волевой составляющей в структуре готовности. К этому присоединяются данные [5] о том, что устойчивость к внешним раздражителям зависит от регулярной тренировки. Речь идет о специальных упражнениях и навыках переключения при стремительном нарастании угрозы. В образовательной среде ценится своевременная диагностика: педагоги и психологи, владеющие методами экспресс-оценки панических реакций, быстрее приходят к рациональному распределению обязанностей, что отражает системный характер психологической безопасности.

Зарубежные авторы [14] указывают на результативность многократных учебных симуляций, где персоналу предлагаются элементы ролевых кейсов, имитирующих факторы риска. При этом подчеркивается важность сопровождения со стороны психологов и методистов. В отечественном поле [7] аналогичная мысль: для профилактики террористической опасности в школах лучше всего подходят интегрированные решения. Ставится задача объединять юридико-психологический подход (знание законов и умение учитывать эмоциональное состояние участников). Далее, в российской традиции призывается более активно вести разъяснительную работу, чтобы преподаватели не относились к антитеррористическим инструкциям формально, а видели в них гарант спокойствия для обучающихся.

Исходя из обобщений в трудах на психологическую готовность сотрудников влияют: уровень профессионального обучения, способность быстро отличить ложные сигналы от реальных, сплоченность и взаимопонимание коллектива, юридическая грамотность и эмоционально-волевые характеристики персонала (выдержка, хладнокровие). Действенность усиливается в атмосфере поддержки, где снижается недоверие между отделами и работает слаженная схема передачи сообщений. Стратегии предупреждения возможных рисков затрагивают: работу над стрессоустойчивостью в учебном коллективе, проработку юридико-психологических алгоритмов и формирование позитивного морального настроя.

Зарубежная практика закрепляет идею, что непрерывные тренировки с конкретными сценариями и методами психологической помощи повышают результативность противодействия угрозам. В отечественных исследованиях аналогично подчеркивается польза системного взгляда: не просто отдельные технические меры (охрана, камеры), а совместные действия всей команды. При этом С. В. Тарасов [10] отмечает, что результат зависит от личной включенности руководства:

если администрация уделяет внимание обучающим занятиям, коллектив быстрее переходит к осознанному выполнению инструкций. Специалисты юридической психологии [9; 3] дополняют, что уверенная ориентировка в законодательных положениях помогает исключить лишние колебания и направить поведение педагогов и охранников в правовое русло.

Так, накопленные сведения указывают на многогранную природу формирования психологической безопасности в образовательных учреждениях. Авторы, изучающие специфику межличностных отношений и динамику тревожных состояний, сходятся во мнении, что персоналу образовательных организаций важно находиться не только в поле технических регламентов, но и владеть эмоциональными, коммуникативными и правовыми компетенциями, позволяющими поддерживать стабильную ситуацию при рисках террористического характера.

Обсуждение. Одномерное рассмотрение готовности – через формальное соблюдение инструкций или лишь повышение стрессоустойчивости – не дает полной картины. Наблюдения разных школ исследователей показывают необходимость учитывать и моральное состояние коллектива, и степень владения алгоритмами быстрого реагирования, и степень доверия к администрации.

Суммарно сделанные выводы подтверждают, что в образовательных структурах поддержка сплоченности персонала уменьшает внутренние барьеры при первых признаках кризиса. Имеющиеся публикации, посвященные структуре психологической безопасности, рассматривают взаимодействие учителей и охраны как значимый механизм, позволяющий коллективу вовремя уведомлять ответственных лиц, дифференцировать истинные сигналы тревоги и ложные, а также рационально удерживать учащихся от панических порывов. Сравнение данных в исследованиях США и российского опыта подтверждает, что подготовка повышает бдительность, одновременно сохраняя у персонала уверенность, что они способны сохранять спокойствие и не допускать неорганизованности.

Существенным моментом выглядит упор на правовую грамотность, без которой педагоги порой склонны действовать крайне осторожно либо, наоборот, чрезмерно эмоционально реагировать. Ранее наблюдалось, что в тех учреждениях, где сотрудники получали разъяснения по закону о противодействии терроризму и учились четкому алгоритму при обнаружении внешней или внутренней угрозы, снижалась тревожная растерянность и ускорялся процесс коллективного принятия решений. Этот же вывод встречается в обзорах, где подчеркивается польза интеграции юридических положений и психологических тренингов в одном курсе.

Следует отметить, что часть авторов указывает на ограниченность некоторых прежних исследований, уделявших внимание лишь эмоциональной стороне вопроса и пропускавших групповую динамику. Другие работы более подробно обсуждали технологические приемы наблюдения (системы контроля), однако оставляли за пределами анализа психологическое сплочение коллектива. Настоящий обзор, ссылаясь на разные научные источники, отмечает важность связи: регулярная тренировка навыков саморегуляции, доступность юридических знаний и одновременная проработка командных алгоритмов. Предупреждение панических явлений требует не только механического внедрения систем защиты, но и расширения компетенций сотрудников.

Пока что остается мало сведений об устойчивости образовательных коллективов с учетом индивидуальных различий внутри персонала (возраст, стаж, мотивация к переподготовке), хотя отдельные публикации намекают на то, что психологическая готовность существенно варьируется при разных исходных характеристиках сотрудников. В расширенных исследованиях, в которых рассматривается социально-педагогический и юридический фон, может появиться более точная модель, позволяющая адресно планировать программы повышения готовности. Предполагается, что проработка этих идей даст более ясное понимание факторов, способных усиливать уверенность персонала и нейтрализовать агрессивные или панические реакции.

Сопоставление разных подходов дает основание считать, что многоплановый характер готовности к террористическим угрозам мотивирует продолжать научные изыскания. Поддержание эмоциональной выносливости, формирование четкой схемы внутришкольной коммуникации, знание правовых норм и своевременное информирование о признаках потенциальных опасностей позволяют коллективу действовать оперативно и слаженно. Вклад такого синтеза в уже имеющиеся исследования заключается в демонстрации пользы одновременного развития психологических навыков и овладения алгоритмами правомерного поведения. Похоже, что именно подобное объединение теоретических и практических решений порождает новую фазу совершенствования системы безопасности образовательной среды, а последующие проекты смогут расширить количество проверенных методик для профилактики деструктивных явлений.

Заключение. Проведенный анализ показал, что повышение психологической безопасности персонала образовательных учреждений невозможно свести к одной узкой мере: требуется одновременно развивать правовую компетентность, взаимное доверие и коммуникационную культуру в коллективе, укреплять эмоциональную устойчивость сотрудников.

В соответствии с поставленными во введении задачами сформулированы следующие итоги.

1. Факторы психологической безопасности охватывают моральную сплоченность коллектива, адекватное реагирование на внешние сигналы, знакомство с алгоритмами противодействия деструктивным явлениям.

2. Правовая грамотность связана с волевой готовностью и предопределяет уверенность персонала в правильности действий при появлении сигналов опасности.

3. Системное повышение стрессоустойчивости достигается тренировкой командного взаимодействия и постоянным обновлением инструкций, а также привлечением специалистов-психологов.

Библиографический список

1. Ахметова К. И., Худаибергенова Д. Обеспечение психологической безопасности образовательной среды // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей : сборник материалов Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2020 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург : РГППУ, 2020. С. 471–475.

2. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 5–19.

3. Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Юридическая психология : учебник. Харьков : Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002. 596 с.

4. Безносков Д. С., Почебут Л. Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 1. С. 287–299.

5. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности : учебное пособие для вузов. М. : ПЕР СЭ, 2001. 511 с.

6. Дмитриева О. Б. Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 1997. 188 с.

7. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск : Изд-во БГУ, 1976. 176 с.

8. Казымова Н. Н. Индивидуально-психологические ресурсы устойчивости человека к переживанию террористической угрозы : дис. ... канд. псих. наук. М., 2018. 35 с.

9. Сорочан В. В. Юридическая психология: учебник. М. : МИЭМП, 2010. 105 с.

10. Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология : учебное пособие для вузов / под ред. А. М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.

11. Тарасов С. В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-ponyatie-struktura-tipologiya> (дата обращения: 03.10.2024).

12. Cornell D. The Authoritative School Climate Survey and the School Climate Bullying Survey: Research summary. 2016. doi: 10.13140/RG.2.1.4948.2325.

13. Kingston B., Mattson S. A., Dymnicki A. et al. Building Schools' Readiness to Implement a Comprehensive Approach to School Safety // Clin Child Fam Psychol Rev. 2018. Vol. 21. P. 433–449.

14. Poland S. Suicide Intervention in the Schools. New York : Guilford Press, 1989. 212 p.

Bibliographic list

1. Akhmetova K. I., Khudaibergenova D. Ensuring psychological safety of the educational environment // 30 years of the Convention on the Rights of the Child: modern challenges and ways to solve problems in the field of protection of children's rights: collection of materials of the International scientific and practical conference, November 17, 2020, Yekaterinburg / Russian State Prof. and Pedagogical University. Yekaterinburg: RSPU, 2020. P. 471–475.

2. Baeva I. A. Psychological safety of the educational environment: formation of the direction and development prospects // Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. Vol. 1. No. 3. P. 5–19.

3. Bandurka A. M., Bocharova S. P., Zemlyanskaya E. V. Legal Psychology : textbook. Kharkov : Publishing house of the National University of Internal affairs, 2002. 596 p.

4. Beznosov D. S., Pochebut L. G. Psychological aspects of extremism and terrorism // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2010. No. 1. P. 287–299.

5. Bodrov V. A. Psychology of professional suitability : a textbook for universities. Moscow : PER SE, 2001. 511 p.

6. Dmitrieva O. B. Formation of psychological readiness of young specialists for professional activity : diss. ... cand. of psychological sciences : 19.00.13. Moscow, 1997. 188 p.

7. Dyachenko M. I., Kandybovich L. A. Psychological problems of readiness for activity. Minsk : Publishing house of BSU, 1976. 176 p.

8. Kazymova N. N. Individual psychological resources of human resilience to experiencing a terrorist threat : diss. ... cand. of psychological sciences. Moscow, 2018. 35 p.

9. Sorochan V. V. Legal Psychology : textbook. Moscow : MIEMP, 2010. 105 p.

10. Stolyarenko A. M. Applied legal psychology: a textbook for universities / edited by A. M. Stolyarenko. Moscow : UNITY-DANA, 2001. 639 p.

11. Tarasov S. V. Educational environment: concept, structure, typology // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2011. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-ponyatie-struktura-tipologiya> (access date: 10/03/2024).

12. Cornell D. The Authoritative School Climate Survey and the School Climate Bullying Survey: Research summary. 2016. doi: 10.13140/RG.2.1.4948.2325.

13. Kingston B., Mattson S. A., Dymnicki A. et al. Building Schools' Readiness to Implement a Comprehensive Approach to School Safety // Clin Child Fam Psychol Rev. 2018. Vol. 21. P. 433–449.

14. Poland S. Suicide Intervention in the Schools. New York : Guilford Press, 1989. 212 p.

Информация об авторах

В. Ю. Иванюк – аспирант Омского государственного технического университета;

Т. П. Мильчарек – заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии Омского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

V. Yu. Ivanyuk – Graduate Student at Omsk State Technical University;

T. P. Milcharek – Head of the Department of Labor and Organizational Psychology at Omsk State Technical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.923:343.83

EDN: <https://elibrary.ru/xjlkaf>

НИОН: 2018-0077-1/26-704

MOSURED: 77/27-024-2026-01-903

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Условия и факторы развития лично-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России

Надежда Алексеевна Казарян

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, academy@apu.fsin.gov.ru

Аннотация. Рассматриваются условия и факторы развития лично-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России. Анализируются публикации российских ученых, освещавших вопросы детерминации развития лично-профессиональных качеств курсантов. Уделено внимание экстремальности деятельности сотрудников ФСИН России, которая влияет на особенности развития лично-профессиональных качеств. Описаны различные концепции, отражающие объективные/субъективные условия и факторы развития лично-профессиональных качеств. Делается вывод, что развитие лично-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России детерминировано как объективными условиями, так и субъективными факторами.

Ключевые слова: курсанты, образовательные организации ФСИН России, развитие лично-профессиональных качеств, условия развития, факторы развития, детерминанты развития

Для цитирования: Казарян Н. А. Условия и факторы развития лично-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 49–52. EDN: XJLKAF.

Original article

Conditions and factors of the development of personal and professional qualities of cadets of educational institutions of FPS of Russia

Nadezhda A. Kazaryan

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
academy@apu.fsin.gov.ru

Abstract. The article considers the conditions and factors of the development of personal and professional qualities of cadets of educational institutions of the FPS of Russia. The article is based on the analysis of publications by Russian scientists who have covered the issues of determining the development of personal and professional qualities of cadets. The author pays attention to the extreme activities of employees of the FPS of Russia, which affects the development of personal and professional qualities. Various concepts reflecting objective/subjective conditions and factors of personal and professional qualities development are described. It is concluded that the development of personal and professional qualities of cadets of educational institutions of the FPS of Russia is determined by both objective conditions and subjective factors.

Keywords: cadets, educational organizations of the FPS of Russia, development of personal and professional qualities, development conditions, development factors, determinants of development

For citation: Kazaryan N. A. Conditions and factors of the development of personal and professional qualities of cadets of educational institutions of FPS of Russia. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):49–52. (In Russ.). EDN: XJLKAF.

© Казарян Н. А., 2026

Профессиональная деятельность сотрудников ФСИН России характеризуется экстремальностью и воздействием большого количества стрессогенных факторов, таких как: нестандартность служебных ситуаций; внезапное усложнение оперативной обстановки; высокие и длительные нагрузки и т. п. В связи с этим деятельность сотрудника требует особого профессионализма, наличия личностно-профессиональных качеств и, как указывают Г. И. Аксенова и С. Л. Яковлева, «качеств, которые являются базовыми в профессиональной деятельности по исправлению осужденных» [1, с. 45], которые обеспечат ему эффективную деятельность в экстремальных условиях службы, а также готовность к преодолению профессиональной деформации.

Специфика и экстремальность служебной деятельности, а именно, профессионально-психологические факторы, оказывают значительное влияние на психику сотрудника и могут затруднять успешную реализацию поставленных задач. В связи с этим еще на этапе вузовской подготовки у курсантов необходимо развивать соответствующие личностно-профессиональные качества, которые будут способствовать успешному выполнению служебной деятельности. После окончания вуза курсанты начинают свою профессиональную деятельность, обладая сформированным набором личностно-профессиональных качеств, которые характеризуются определенным уровнем развития. Рассмотрим точки зрения различных ученых на то, какие условия и факторы детерминируют развитие личностно-профессиональных качеств курсантов.

Опираясь на материалы проведенного экспериментально-теоретического анализа, Ю. П. Поваренков утверждает, что только учет внешних и внутренних факторов может обеспечить качественное развитие в личностно-профессиональных качеств [5]. Мы согласны с концепцией Ю. П. Поваренкова в том, что в ней учитываются как объективные, так и субъективные факторы в процессе развития личностно-профессиональных качеств. Профессиональные требования, которые предъявляются к сотруднику, рассматриваются как определяющие внешние факторы. Мы считаем, что значимыми являются также социально-профессиональные возможности. К внутренним факторам он относит профессиональные притязания, возможности, встречные требования к условиям профессионализации.

Концепцию Ю. П. Поваренкова поддерживает А. А. Утюганов, который также отмечает внешние и внутренние детерминанты при формировании системы смысложизненных ориентаций личности у курсантов [7]. Мы поддерживаем точки зрения этих ученых, так как они подчеркивают комплексность и неразрывность условий и факторов, которые участвуют в процессе формирования личности курсантов.

Условия развития личностно-профессиональных качеств выделил в своем исследовании Ю. Н. Хря-

пин. Автор отмечает, что для успешного развития личностно-профессиональных качеств у курсантов необходимо «разъяснение им сущности будущей профессиональной деятельности» [9, с. 6]. Автором также подчеркивается важность деятельности младших и старших командиров, других курсантов и преподавателей в этом процессе. Мы полностью согласны с мнением Ю. Н. Хряпина в данном аспекте.

Некоторые ученые выделяют только объективные условия, в которых происходит развитие личностно-профессиональных качеств курсантов. Так, О. М. Холодов отмечает важность той «обстановки, в которой что-либо осуществляется, правила деятельности и требования к сторонам» [8, с. 23].

В. Я. Гожиков и С. В. Шевцова подчеркивают, что для курсантов в условиях ведомственного вуза психолого-педагогическими детерминантами развития «личностно-профессиональных качеств являются те условия, которые созданы для обучения и воспитания обучающихся. Очень важен анализ и контроль проводимой преподавательским составом работы, который авторы обозначают, как «аналитическую психолого-педагогическую поддержку» [2, с. 122]. Как мы видим, авторы в данном случае авторы придерживаются только объективных условий.

Не менее важные объективные условия отмечает Т. В. Кисилева. Она поясняет, что обучение в вузе обусловлено влиянием таких факторов, как учебная деятельность, профессиональная деятельность и среда. Необходима оптимизация этих факторов с помощью создания психолого-педагогических условий [4].

Заслуживает внимания комплекс условий, выделенный Ю. С. Исмагиловой. Автором в первую очередь отмечается такое «условие, как содержание обучения, включающее последовательность изучения учебного материала, сформированность у курсантов целостного знания о профессионально-значимых духовно-нравственных качествах» [3, с. 15]. Воспитательная среда, ориентированная на формирование ценностно-смысловой сферы курсантов, является вторым по значимости условием, способствующим формированию различных качеств и ценностей по отношению к товарищам по службе, а также к осужденным. Третьим условием выделено коллективное воздействие, которое входит в учебно-воспитательный процесс и является одновременно как объектом, так и субъектом воздействия. Следующим, четвертым условием, по мнению автора, является единство педагогических требований к качествам курсантов со стороны сотрудников и работников вуза. Пятым условием определена «преемственность учебных и профессиональных традиций, что способствует профессиональному становлению курсантов и позволяет сформировать готовность преодоления профессиональной деформации» [3, с. 16]. Мы согласны с концепцией Ю. С. Исмагиловой в том, что при рассмотрении вопросов развития личностно-профессиональных качеств курсантов образова-

тельных организаций ФСИН России целесообразно учитывать все множество психолого-педагогических условий и факторов.

А. И. Шилов и И. Ю. Данилова отмечают, что «детерминантами развития личностно-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России являются в основном объективные условия, связанные с организацией учебно-воспитательного процесса [10]. Самым значимым условием развития личностно-профессиональных качеств курсантов, по мнению авторов, является стиль управления в вузе.

Развитие личностно-профессиональных качеств, как отмечают Г. И. Аксенова, Т. А. Симакова и другие, связано в основном с субъективными факторами, а именно, с готовностью к самосовершенствованию, «к социальному и профессиональному росту и самосовершенствованию, что во многом определяется развитием личности курсантов в период обучения в вузе» [6, с. 4]. Авторы также подчеркивают значимость темперамента, стиля общения и других индивидуально-психологических особенностей; условия вузовской среды: влияние окружения, специфика расширения диапазона деятельности, специфика учебного процесса (наличие самоподготовки). Таким образом, учтены как субъективные, так и объективные факторы.

Учитывая рассмотренные нами подходы, можно сделать вывод о том, что прочной основой их формирования является вся жизнедеятельность образовательной организации во всех ее проявлениях и специфике. Эффективным подходом при формировании личностно-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России является сочетание объективных и субъективных условий и факторов.

Анализ научной литературы показал, что существует множество подходов к изучению условий и факторов развития личностно-профессиональных качеств курсантов, но они в основном касаются обучающихся военных вузов. Учебно-воспитательные процессы военных образовательных организаций и ФСИН России отличаются особенностями целей и задач подготовки обучающихся, а также особенностями профессиональной деятельности.

Развитие личностно-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России детерминировано:

- психолого-педагогическими условиями, а также организацией научно-исследовательской работы;
- тесным взаимодействием преподавателей, кураторов, курсового звена, командиров учебных взводов с курсантами.

Другим важным условием является воспитательная среда, которая в образовательной организации ФСИН России имеет свою специфику. Воспитательный процесс регламентирован ведомственными и внутренними нормативными правовыми актами, проводится коллективная самоподготовка, совмеща-

ется учебная и служебная деятельность, первые два года обучения курсанты проживают в казармах. Следующим условием целесообразно отметить преемственность учебных и профессиональных обычаев, традиций и ритуалов вуза, реализуемых в процессе проводимых мероприятий (присяга, разводы на учебные занятия, построения, вручение погон, концерты, награждения и т. п.). Факторами развития личностно-профессиональных качеств являются индивидуально-психологические особенности личности курсанта образовательной организации ФСИН России, например такие, как когнитивные, ценностные, коммуникативные и эмоционально-волевые.

Список источников

1. Аксенова Г. И., Яковлева С. Л. К вопросу о развитии нравственных качеств курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 1 (2). С. 44–51.
2. Гожилов В. Я., Шевцова С. В. Психолого-педагогические факторы становления у курсантов военных вузов ответственного отношения к профессии офицера // Мир образования – образование в мире. 2014. № 3 (55). С. 118–125.
3. Исмагилова Ю. С. Психолого-педагогические детерминанты формирования духовно-нравственных качеств курсантов вузов ФСИН России : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Тамбов, 2010. 26 с.
4. Кисилева Т. В. Психолого-педагогические условия развития профессионально-значимых качеств военных педагогов психологов : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Курск, 2009. 184 с.
5. Поваренков Ю. П. Психологическая концепция профессионального становления личности / под ред. В. В. Козлова. Ярославль : ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2000. С. 199–220.
6. Симакова Т. А. Психология профессионального развития сотрудника уголовно-исполнительной системы на этапе вузовской подготовки : монография / Т. А. Симакова, А. А. Аксенов, О. В. Самофалова, Г. И. Аксенова, Ю. С. Исмагилова. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. 246 с.
7. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.07. Кемерово, 2019. 50 с.
8. Холодов О. М. Педагогические условия совершенствования морально-психологической подготовки курсантов в военном вузе к предстоящей профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 20.01.06. Воронеж, 2004. 26 с.
9. Хряпин Ю. Н. Совершенствование процесса поэтапного формирования профессиональных качеств у курсантов вузов войск связи : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. М., 1998. 26 с.

10. Шилов А. И., Данилова И. Ю. Формирование профессионально важных качеств у курсантов образовательных учреждений профессионального образования ФСИН России и Минобороны России : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2010. 136 с.

References

1. Aksenova G. I., Yakovleva S. L. On the Development of Moral Qualities of Cadets of Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service // Vectors of Psychological and Pedagogical Research. 2024. No. 1 (2). P. 44–51.

2. Gozhikov V. Ya., Shevtsova S. V. Psychological and Pedagogical Factors in the Formation of a Responsible Attitude to the Profession of an Officer in Military Universities Cadets // The World of Education – Education in the World. 2014. No. 3 (55). P. 118–125.

3. Ismagilova Yu. S. Psychological and Pedagogical Determinants of the Formation of Spiritual and Moral Qualities of Cadets of Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia : abstract of cand. sci. (psychological) dissertation : 19.00.07. Tambov, 2010. 26 p.

4. Kisileva T. V. Psychological and Pedagogical Conditions for the Development of Professionally Significant Qualities of Military Teacher Psychologists : diss. ... cand. of psychological sciences : 19.00.07. Kursk, 2009. 184 p.

5. Povarenkov Yu. P. Psychological Concept of Professional Development of a Personnel / edited by V. V. Ko-

zlov. Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2000. P. 199–220.

6. Simakova T. A. Psychology of Professional Development of a Penal System Employee at the Stage of University Training : Monograph / T. A. Simakova, A. A. Akse-
nov, O. V. Samofalova, G. I. Aksenova, Yu. S. Ismagilova. Ryazan : Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. 246 p.

7. Utyuganov A. A. The system of value-semantic orientations of cadets of higher educational institutions of the National Guard: phenomenology and psychological and pedagogical determinants of formation : author's abstract. diss. ... doctor of psychological sciences : 19.00.07. Kemerovo, 2019. 50 p.

8. Kholodov O. M. Pedagogical conditions for improving the moral and psychological preparation of cadets in a military university for their upcoming professional activities : author's abstract. diss. ... cand. ped. sciences : 20.01.06. Voronezh, 2004. 26 p.

9. Khryapin Yu. N. Improving the process of stage-by-stage formation of professional qualities of cadets of higher educational institutions of the signal troops : author's abstract. diss. ... cand. ped. sciences : 13.00.01. Moscow, 1998. 26 p.

10. Shilov A. I., Danilova I. Yu. Formation of Professionally Important Qualities in Cadets of Educational Institutions of Professional Education of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Defense of Russia : monograph. Ryazan : Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2010. 136 p.

Информация об авторе

Н. А. Казарян – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.

Information about the author

N. A. Kazaryan – Adjunct Professor at the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 11.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 11.03.2026.

Научная статья

УДК 159.973

EDN: <https://elibrary.ru/wlsbvu>

НИОН: 2018-0077-1/26-705

MOSURED: 77/27-024-2026-01-904

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Исследование особенностей воображения у детей с задержкой психического развития

Ильдара Давидовна Карасева

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, ildara-design@mail.ru

Научный руководитель: Юлия Александровна Труханова, доцент кафедры специального (дефектологического) образования МГППУ, кандидат психологических наук, boskis@yandex.ru.

Аннотация. Представлены результаты экспериментального исследования, направленного на изучение особенностей развития воображения у старших дошкольников с задержкой психического развития (ЗПР) в сравнении с их нормативно развивающимися сверстниками. Результаты исследования показали статистически значимое отставание в развитии воображения детей с ЗПР по всем рассматриваемым показателям. Отмечена диспропорция в развитии вербального и невербального воображения в данной группе. Подавляющее большинство детей с ЗПР (90 %) показали средний или низкий уровни развития воображения, характеризующиеся стереотипностью, шаблонностью, зависимостью от наглядной опоры. Полученные данные обосновывают необходимость целенаправленной коррекционно-развивающей работы, направленной на активизацию творческого потенциала, с использованием таких средств, как нетрадиционные техники рисования.

Ключевые слова: воображение, задержка психического развития, старшие дошкольники, диагностика, вербальное воображение, невербальное воображение

Для цитирования: Карасева И. Д. Исследование особенностей воображения у детей с задержкой психического развития // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 53–56. EDN: WLSBVU.

Original article

A study of the features of imagination in children with mental retardation

Ildara D. Karaseva

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ildara-design@mail.ru

Scientific Supervisor: Yuliya A. Trukhanova, Associate Professor of the Department of Special (Defectological)

Education of the Moscow State University of Psychology and Education, Candidate of Psychological Sciences,

boskis@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of an experimental study aimed at examining features imagination development in older preschool children with mental development delays (MDD). The study revealed a statistically significant delay in the development of imagination in children with MDD across all the indicators examined. The overwhelming majority of children with MDD (90 %) demonstrated average or low levels of imagination, characterized by stereotypical, formulaic, and reliance on visual aids. The obtained data substantiate the necessity for targeted correctional and developmental work aimed at activating creative potential, such as non-traditional drawing techniques.

Keywords: imagination, older preschoolers, mental developmental delay (MDD), verbal imagination, non-verbal imagination

For citation: Karaseva I. D. A study of the features of imagination in children with mental retardation. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):53–56. (In Russ.). EDN: WLSBVU.

Введение. Воображение представляет собой когнитивный психический процесс, посредством которого

создаются образы, основанные на личном опыте восприятия и обобщенных представлениях об окружаю-

шем мире. Ключевой характеристикой данного процесса выступает преобразующая функция – способность реструктурировать и видоизменять накопленный опыт. Воображение составляет основу любой творческой деятельности, обеспечивая возможность научного, художественного и технического творчества, и проявляется во всех значимых сферах человеческой жизнедеятельности. По мнению большинства исследователей, эта высшая психическая функция играет важную роль в познавательном развитии ребенка, его социальной адаптации и успешном освоении учебной деятельности [1; 11]. Для детей с задержкой психического развития (ЗПР) проблема развития воображения приобретает особую остроту. Специфика их познавательной деятельности – недостаточность аналитико-синтетической функции, инертность мышления, слабость регуляторных процессов – закономерно сказывается на формировании творческих способностей [2].

Воображение детей с ЗПР характеризуется рядом особенностей: бедностью и фрагментарностью образов, стереотипностью, трудностями в построении и удержании замысла, снижением оригинальности и самостоятельности [3]. Эти факторы создают существенные препятствия как для усвоения образовательной программы, так и для полноценной интеграции в среду сверстников. В связи с этим возникает необходимость не только в констатации этого отставания, но и в качественном анализе структуры нарушений воображения для разработки адресных коррекционных программ.

Целью данного исследования являлось выявление специфических особенностей развития воображения у старших дошкольников с ЗПР.

Методы и организация исследования. Экспериментальное исследование проводилось на базе дошкольного отделения «Рябинка» МАОУ СОШ № 10 г. Долгопрудный. В исследовании приняли участие 30 детей старшего дошкольного возраста (6–7 лет). Экспериментальную группу составили 20 воспитанников с заключением ЦПМПК «Задержка психического развития». Контрольную группу составили 10 детей без нарушений в развитии.

Для оценки вербальных и невербальных аспектов воображения был разработан и адаптирован с учетом особенностей детей с ЗПР комплекс диагностических методик, структурно разделенный на два соответствующих блока.

Вербальный блок включил в себя методику «Где чье место?» Е. Е. Кравцовой, направленную на изучение способности активировать воображение в заданных условиях, создавать новые смысловые связи и давать вербальное обоснование нестандартным решениям, а также методику «Как спасти зайку?» (В. Т. Кудрявцев), оценивающую способность к трансформации задачи выбора в задачу преобразования, уровень гибкости мышления и символизации через перенос свойств предметов [7; 8].

В состав невербального блока диагностического комплекса вошла методика «Дорисовывание фигур» О. М. Дьяченко, направленная на выявление комби-

наторных механизмов воображения и способности создавать оригинальные образы. Анализ результатов проводился по показателям: беглость, гибкость, разработанность и коэффициенту оригинальности (КО). Также применялась методика «Дорисуй круги» Т. С. Комаровой, позволяющая оценить качественно-количественные характеристики воображения через преобразование стандартного графического стимула [5; 6].

Диагностическое обследование проводилось индивидуально в первой половине дня. Для обеспечения валидности результатов процедура включала дозированную педагогическую помощь (стимулирующую, направляющую, обучающую), факт оказания которой учитывался при оценке.

Количественная обработка данных по каждой методике проводилась по разработанным критериям с переводом в баллы. Суммарный балл по четырем методикам определял общий уровень развития воображения: достаточный (творческий), средний (репродуктивно-творческий), низкий (репродуктивный).

Результаты и их обсуждение

1. Сравнительный анализ результатов исследования вербального и невербального воображения (количественная оценка)

Результаты диагностики выявили значительное отставание детей с ЗПР от их нормативно развивающихся сверстников по всем показателям (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительные результаты исследования развития воображения у старших дошкольников с ЗПР и без нарушений развития (средний балл)

Направление исследования	Группа детей с ЗПР (n = 20)	Контрольная группа (n = 10)
Вербальное воображение	2,45	5,4
Невербальное воображение	19,88	34,85
Всего по исследованию	22,33	40,25

Для проверки статистической значимости различий между группой детей с ЗПР (n = 20) и их нормативно развивающимися сверстниками (n=10) использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни в связи с малым объемом выборок и характером распределения данных. Анализ выявил достоверные различия по всем показателям:

1. По методикам вербального блока «Где чье место?» ($U = 31.5, p < 0.001$) и «Как спасти зайку?» ($U = 32.0, p < 0.001$);

2. По методикам невербального блока «Дорисовывание фигур» ($U = 59.0, p = 0.021$) и «Дорисуй круги» ($U = 20.5, p < 0.001$);

3. По общему суммарному баллу ($U = 24.0, p < 0.001$).

Проведенный сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни объективно подтвердил не только общее отставание в развитии воображения у детей с ЗПР, но и статистическую значимость этого разрыва по сравнению с контрольной группой.

Более детальный анализ внутри группы ЗПР выявил важную особенность – диспропорцию между

вербальным и невербальным компонентами воображения. При переводе результатов в процентное соотношение от максимально возможного балла по каждому блоку было установлено: успешность выполнения заданий на невербальное воображение составила 52,3 %, на вербальное – лишь на 40,8 %. Статистический анализ (Т-критерий Уилкоксона) также выявил достоверно более высокие относительные показатели невербального воображения по сравнению с вербальным у дошкольников с ЗПР ($p < 0.001$), что указывает на диспропорцию в структуре данного процесса. Разница в 11,5 % означает, что в наглядно-образном плане воображение детей проявляется значительно активнее. Это свидетельствует о том, что процесс развития воображения происходит замедленно, более соответствуя этапу формирования наглядно-образного мышления в онтогенезе.

Приведенные данные свидетельствуют о серьезных трудностях в оперировании вербальными понятиями, построении развернутых объяснений и создании самостоятельных сюжетов. Такие дети лучше справляются с задачами, где нужно дорисовать, преобразовать графический стимул, нежели с задачами, требующими словесного творчества, логического обоснования и абстрактного символизма. В то же время показатель невербального воображения дает представление об определенном потенциале развития творческого процесса у детей с ЗПР.

У детей с нормативным развитием отмечено более гармоничное развитие обоих компонентов: успешность выполнения заданий вербального блока составляет 91 %, невербального – 90 %.

2. Качественный анализ выполнения невербальных методик

Анализ протоколов методик «Дорисовывание фигур» и «Дорисуй круги» выявил качественное своеобразие воображения детей с ЗПР, которое характеризовалось, прежде всего, снижением оригинальности и преобладанием стереотипных образов, таких как «домик» или «солнышко». Это подтверждается низким показателем оригинальности, который у большинства детей в ЭГ составлял 0–3 балла, в отличие от соответствующего показателя у их сверстников без нарушений развития: 5–6 баллов. Кроме того, была отмечена выраженная стереотипность и шаблонность, проявляющаяся в прямом переносе известных форм без их творческого преобразования, например, интерпретации полукруга исключительно как «радуги» или «моста». Образы отличались слабой разработанностью, оставаясь схематичными, лишёнными деталей, упрощенностью или отсутствием сюжетных решений. Дети с ЗПР демонстрировали значительную зависимость от направляющей помощи взрослого для понимания самой сути творческого задания, чего не наблюдалось в группе их нормативно развивающихся сверстников.

3. Распределение детей по уровням развития воображения

Обобщенные результаты по итогам всего диагностического комплекса представлены на рис. 1.

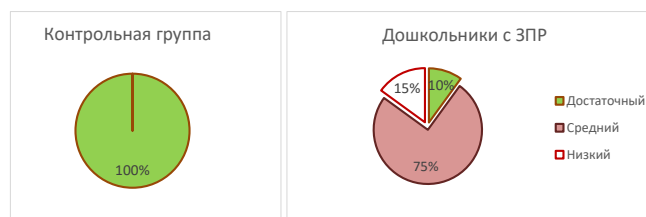

Рис. 1. Распределение по уровню развития воображения у старших дошкольников

экспериментальной (ЗПР) и контрольной групп

Все дети контрольной группы (100 %) продемонстрировали достаточный (творческий) уровень воображения. В процессе исследования у большинства детей отмечены проявления познавательной инициативы, способность к мысленному экспериментированию, генерации оригинальных идей и самостоятельному построению замысла.

В группе детей с задержкой психического развития достаточный уровень развития воображения был выявлен лишь у 10 % детей (2 ребенка). У 75 % детей экспериментальной группы выявлен средний уровень, который мы определили как репродуктивно-творческий, для него характерно сочетание воспроизведения знакомых образов с элементами их ситуативной трансформации при выраженной зависимости от наглядной опоры и стимуляции взрослого. У 15 % детей группы (3 ребенка) – низкий уровень развития воображения, определенный нами как репродуктивный, он проявляется в стереотипных, шаблонных образах, выраженных трудностях при создании нового образа и частом отказе от выполнения творческого задания.

Выводы. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о значительном отставании в развитии воображения у старших дошкольников с ЗПР по сравнению с их нормативно развивающимися сверстниками. Разрыв проявляется как в количественных показателях (общий балл), так и в качественных характеристиках творческой деятельности.

Определена специфическая особенность развития воображения при ЗПР, заключающаяся в выраженной диспропорции в развитии невербального и вербального воображения. Невербальное воображение развито лучше, но все же не достигает возрастной нормы. Вербальное воображение, тесно связанное с речевым развитием и словесно-логическим мышлением, оказывается наименее сформированным.

Для подавляющего большинства старших дошкольников с ЗПР исследуемой группы (90 %) характерны средний и низкий уровни развития воображения, что проявляется в снижении оригинальности, слабой разработанности образов, а также в зависимости от наглядной опоры и внешней стимуляции, направляющей и обучающей помощи.

Выявленные особенности имеют важное методическое значение. Они указывают на целесообразность использования в коррекционно-развивающей работе с данной категорией детей средств, активизирующих воображение с опорой на наглядный материал и использование его в процессе выполнения творческих заданий.

По данным исследований, нетрадиционные техники рисования (кляксография, монотипия, рисование сыпучими материалами и т. д.) обладают высоким потенциалом в этом контексте, так как снимают страх неудачи, предоставляют широкий спектр сенсорных опор и стимулируют комбинирующую деятельность воображения, что является необходимым условием для перехода от репродуктивного к творческому уровню [1].

Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости разработки и внедрения специальных коррекционных программ, направленных на преодоление инертности процессов мышления и воображения, обогащение образной сферы и последовательное формирование способности к самостоятельному творческому замыслу у старших дошкольников с задержкой психического развития.

Библиографический список

1. Акопова Э. С., Алексеева Л. Н., Кабасси Э., Конавалова Е. В. Развитие способности воображения в дошкольном и начальном школьном возрасте: экспериментальная программа для детского сада и начальной школы : методическое пособие для воспитателей и учителей. М. : Пушкинский институт, 2005. 352 с.
2. Блинова Л. Н. Диагностика и коррекция в образовании детей с ЗПР. М. : НЦ ЭНАС, 2018. 136 с.
3. Борякова Н. Ю. Коррекционно-развивающее обучение и воспитание дошкольников с задержкой психического развития. Теория и практика : монография. 2-е изд., испр. и доп. Ярославль : Канцлер ; Московский педагогический государственный университет. 2017. 169 с.
4. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М. : Просвещение, 1991.
5. Дьяченко О. М. Развитие воображения дошкольника. М. : Мозаика-Синтез, 2008. 198 с.
6. Комарова Т. С. Диагностика интеллектуальных и творческих способностей личности // Профессионализм педагога: компетентностный подход в образовании : науч. тр. Международной конференции МАНПО, Москва. 16–17 марта 2012 г. М., 2012. С. 61–72.
7. Кравцова Е. Е. Разбуди в ребенке волшебника : кн. для воспитателей дет. сада и родителей. М. : Просвещение ; Учебная литература, 1996. 160 с.
8. Кудрявцев В. Т. Воображение ребенка: природа и развитие // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 57–68.
9. Марковская И. Ф. Задержка психического развития у детей. Клиническая и нейропсихологическая диагностика. М., 1993.
10. Микляева Н. В. Воспитание и обучение детей дошкольного возраста с задержкой психического развития : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 328 с.
11. Шадриков В. Д. Диагностика познавательных способностей: методики и тесты : учебное пособие. М. : Академический проект Альма Матер, 2009. 533 с.

Bibliographic list

1. Akopova E. S., Alekseeva L. N., Kabassi E., Konavalova E. V. Development of imagination in preschool and primary school age: an experimental program for kindergarten and primary school : methodological manual for educators and teachers. Moscow : Pushkin Institute, 2005. 352 p.
2. Blinova L. N. Diagnostics and correction in education of children with mental retardation. Moscow : NC ENAS, 2018. 136 p.
3. Boryakova N. Yu. Correctional and developmental education and upbringing of preschoolers with mental retardation. Theory and practice: monograph. 2nd ed., corrected and enlarged. Yaroslavl : Kanzler ; Moscow State Pedagogical University. 2017. 169 p.
4. Vygotsky L. S. Imagination and Creativity in Childhood. Moscow : Prosveshchenie, 1991.
5. Dyachenko O. M. Development of Preschooler's Imagination. Moscow : Mosaic-Synthesis, 2008. 198 p.
6. Komarova T. S. Diagnostics of Intellectual and Creative Abilities of an Individual // Teacher's Professionalism: A Competency-Based Approach in Education : Research Proceedings of the International Conference of the International Academy of Professional Education, March 16–17, 2012, Moscow. Moscow, 2012. P. 61–72.
7. Kravtsova E. E. Awaken the Wizard in Your Child: book For kindergarten teachers and parents. Moscow : Education: Educational Literature, 1996. 160 p.
8. Kudryavtsev V. T. A child's imagination: nature and development // Psychological journal. 2001. Vol. 22. No. 5. P. 57–68.
9. Markovskaya I. F. Mental retardation in children. Clinical and neuropsychological diagnostics. Moscow, 1993.
10. Miklyaeva N. V. Education and training of preschool children with mental retardation: a textbook and practical course for universities. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Yurait, 2025. 328 p.
11. Shadrikov V. D. Diagnostics of cognitive abilities: methods and tests: a tutorial. Moscow : Academic project Alma Mater, 2009. 533 p.

Информация об авторе

И. Д. Карасева – магистрант Московского государственного психолого-педагогического университета, факультет «Клиническая и специальная психология», кафедра «Специальное (дефектологическое) образование».

Information about the author

I. D. Karaseva – Master's Student at the Moscow State University of Psychology and Education, Faculty of Clinical and Special Psychology, Department of Special (Defectological) Education.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 16.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9:343.8

EDN: <https://elibrary.ru/zupiuh>

НИОН: 2018-0077-1/26-706

MOSURED: 77/27-024-2026-01-905

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Методолого-теоретические проблемы изучения правосознания осужденных, содержащихся в исправительных центрах

Елизавета Андреевна Кулешова

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, kea3101@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые методолого-теоретические проблемы изучения правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена расширением сети исправительных центров в Российской Федерации, спецификой режима отбывания наказания в условиях исправительных центров, а также потребностью в изучении правосознания данной категории осужденных. В контексте гуманизации уголовной политики и расширения применения альтернативных мер исполнения уголовных наказаний возрастает значимость изучения правосознания осужденных, содержащихся в исправительных центрах, в качестве важнейшего критерия, позволяющего косвенно судить об эффективности исправительного процесса.

Ключевые слова: правосознание, осужденные, исправительные центры, методологические проблемы, уголовно-исполнительная система, изучение правосознания, исправление осужденных

Для цитирования: Кулешова Е. А. Методолого-теоретические проблемы изучения правосознания осужденных, содержащихся в исправительных центрах // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 57–60. EDN: ZUPIUH.

Original article

Methodological and theoretical problems of studying the legal consciousness of convicts held in correctional centers

Elizaveta A. Kuleshova

Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, kea3101@mail.ru

Abstract. The article discusses some methodological and theoretical problems of studying the legal consciousness of convicts serving sentences in correctional centers of the penal system of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the expansion of the network of correctional centers in the Russian Federation, the specifics of the regime of serving sentences in correctional centers, as well as the need to study the legal awareness of this category of convicts. In the context of the humanization of criminal policy and the expansion of the use of alternative measures for the execution of criminal penalties, the importance of studying the legal awareness of convicts held in correctional centers is increasing, as the most important criterion for indirectly judging the effectiveness of the correctional process.

Keywords: legal awareness, convicts, correctional centers, methodological problems, penal enforcement system, study of legal awareness, correction of convicts

For citation: Kuleshova E. A. Methodological and theoretical problems of studying the legal consciousness of convicts held in correctional centers. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):57–60. (In Russ.). EDN: ZUPIUH.

Актуальность исследования методолого-теоретических проблем правосознания осужденных, содержащихся в исправительных центрах, обусловлена возрастающими требованиями к эффективности уголовно-исполнительной системы и необходимостью

научного обеспечения процессов ресоциализации лиц, отбывающих наказание. В условиях модернизации уголовно-исполнительной системы особую значимость приобретает глубокое понимание механизмов формирования, деформации и коррекции правосознания

как ключевого фактора, определяющего правомерное поведение личности и успешность ее социальной адаптации после освобождения.

Несмотря на большое количество научных работ, посвященных правосознанию в целом, его специфические проявления у осужденных, содержащихся в исправительных центрах, остаются недостаточно изученными в теоретико-методологическом плане. Существующие исследования зачастую носят фрагментарный характер, не обеспечивают системного видения проблемы и не позволяют выстроить непротиворечивую научную базу для разработки эффективных коррекционных программ.

Проблема правосознания личности на протяжении многих десятилетий остается в фокусе междисциплинарных исследований, находя осмысление в рамках юриспруденции, психологии, социологии, философии и педагогики. Широкий научный интерес к феномену обусловлен его ключевой ролью в процессах правовой социализации индивида, формирования правовой культуры общества и профилактики девиантного поведения.

«Правосознание – это один из видов общественного сознания, психическое отражение правовой действительности, т. е. совокупность идей, взглядов, суждений, представлений, требований, убеждений, мнений, оценок, эмоций, настроений, чувств относительно права, субъективных прав и обязанностей и опосредующих их социальных институтов (прежде всего государства)» [2, с. 24].

По мнению Е. Л. Сучковой, «реформирование отечественной уголовно-исполнительной системы направлено на кардинальное изменение подходов к ресоциализации осужденных. В процессе отбывания наказания человек, совершивший преступление, должен осознать социальную ценность правового регулирования и пользу соблюдения правовых норм для общества в целом и себя лично. Таким образом, ведущим мотивом правомерного поведения должна стать внутренняя убежденность в необходимости следования правовым нормам, а не внешний стимул в виде страха наказания. Указанная работа должна строиться с учетом существующих в России общественных реалий и специфических черт российского менталитета» [8, с. 105].

По мнению П. П. Баранова, «в современных исследованиях российское правосознание традиционно характеризуется как частично неразвитое, несформированное и незрелое, отличающееся фрагментарностью и противоречивостью. В основе этой противоречивости лежит преобладание этико-центристских начал в правовой системе воззрений. Понимание права в тесном сочетании с моралью, нравственностью и в отдельных случаях с религией сделало правосознание россиян предельно субъективным и неоднородным» [1, с. 27].

И. С. Ганишина, А. С. Гусева и С. Н. Сорокоумова отмечают: «Смысловая сфера личности осужденных за коррупционные преступления имеет специфические особенности, отражающиеся в их правосознании» [3, с. 235].

Концепция социальных представлений, разработанная французским социальным психологом С. Мо-

сковичи, служит теоретической основой для значительной части российских социально-психологических исследований правосознания. В научной традиции западноевропейской социальной психологии эта концепция утвердилась как одна из наиболее авторитетных и широко используемых парадигм.

Российские исследователи подчеркивают значительный вклад данной концепции в развитие социальной психологии и отмечают, что «внешними причинами привлекательности концепции являются: использование научного языка, общего для различных социально-психологических школ, социальная актуальность и злободневность эмпирических исследований, возможность установления связей с другими социальными науками» [6, с. 24].

Исследование правосознания как сложного социально-психологического феномена предполагает реализацию комплексной методологии, интегрирующей общенаучные, общепсихологические и частнонаучные (в том числе юридико-психологические) методы познания. В современной науке сложился ряд концептуальных подходов, каждый из которых раскрывает специфические аспекты данного феномена и вносит вклад в формирование целостного представления о его природе и функционировании.

Функционально-структурный подход, разработанный А. Р. Рапиновым и Г. Х. Ефремовой, концентрируется на анализе трех базовых функций правосознания: познавательной (связанной с осмыслением правовых норм), оценочной (предполагающей соотнесение собственного поведения с правовыми критериями) и регулятивной (обеспечивающей управление поведением на основе правовых установок). Данный подход позволяет рассматривать правосознание как целостное психическое отражение правовой действительности, выявляя системные взаимосвязи между его структурными компонентами.

Динамико-мотивационный подход, предложенный М. И. Еникеевым, исследует правосознание сквозь призму мотивационной сферы личности. В рамках этого подхода выделяются два полюса правового сознания: солидарность с правом (отражающая принятие правовых норм) и правовой негативизм (фиксирующий их отвержение). Существенной особенностью подхода является установление связи между структурой правосознания и реальным поведенческим выбором индивида в юридически значимых ситуациях.

Психологический подход, разработанный Л. И. Петражицким, фокусируется на эмоциональных и мотивационных механизмах правового поведения. В рамках подхода проводится различие «официального» права (норм, установленных государством) и «интуитивного» права (личных переживаний справедливости). Правомерное и противоправное поведение объясняется через призму психологических переживаний субъекта.

Междисциплинарный (комплексный) подход интегрирует методологический инструментарий юриспруденции, психологии, социологии, философии и педагогики. Он предполагает «сочетание качественных

(полуструктурированное интервью, анкетирование) и количественных (анкетирование, тестирование, статистический анализ) методов исследования, обеспечивая системное изучение правосознания на макроуровне (общество), мезоуровне (социальные группы) и микроуровне (индивидуальная личность)» [6, с. 14].

Изучение правосознания осужденных, содержащихся в исправительных центрах, представляет собой междисциплинарную исследовательскую задачу, требующую синтеза теоретических концепций и эмпирических методов. В современной научной практике сложился ряд методологических направлений, позволяющих системно анализировать данный феномен в условиях исправительных центров уголовно-исполнительной системы.

Ключевым выступает субъектный подход, в рамках которого общность осужденных рассматривается как коллективный субъект, а групповое правосознание – как его неотъемлемый атрибут. Данный подход опирается на три базовых признака субъектности: взаимосвязанность членов группы, их совместная активность и групповая саморефлексивность, формирующая чувство «мы». В условиях социальной изоляции осужденные активно обсуждают правовые явления, что ведет к формированию специфических социальных представлений. Эти представления выполняют адаптивную функцию, помогая сообществу осмыслить тюремную реальность и рационализировать собственное поведение. «В структуре группового правосознания выделяются представления о праве, законе, справедливости, морали, собственном поведении, а также о неформальной нормативной системе, действующей в местах лишения свободы» [8, с. 110].

Особую объяснительную силу в изучении правосознания осужденных имеет теория деформации социальных отношений А. Н. Сухова. Она позволяет проследить, «как в процессе межличностного и группового взаимодействия происходит искажение правовых норм, стереотипов, ценностей и поведенческих установок. В условиях тюремной общности наблюдается тенденция к отходу от легальных способов регулирования отношений и ориентации на нормы криминальной субкультуры. Это приводит к формированию специфической системы правовых представлений, зачастую противоречащей официальному правопорядку» [5, с. 24].

Несмотря на значительный объем накопленных научных исследований в области правосознания, в данной сфере сохраняется ряд существенных теоретических и методологических пробелов. Прежде всего, до настоящего времени не сформирована единая методологическая база, обеспечивающая комплексный, многоаспектный анализ данного феномена в его системной целостности. Кроме того, наблюдается дефицит валидных и надежных диагностических инструментов, позволяющих адекватно оценивать уровень и особенности правосознания с учетом национально-культурной специфики различных социальных групп. Особую научную проблему представляет не-

достаточная изученность механизмов трансформации правосознания в различных социально-нормативных контекстах, включая специфические условия пенитенциарной системы и в частности исправительных центров, где процессы правовой социализации и ресоциализации личности протекают в особых институциональных рамках, требующих отдельного научного осмысления.

Библиографический список

1. Баранов П. П. Методологические проблемы правосознания в эпоху правовой цифровизации // Гуманитарий Юга России. 2020. № 4. С. 26–41.
2. Варламова Н. В. Правосознание // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/pravosoznanie-46f7d2/?v=7481854>. Дата публикации: 06.06.2023 (дата обращения: 10.02.2026).
3. Ганишина И. С., Гусева А. С., Сорокоумова С. Н. О результатах эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осужденных за коррупционные преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 230–237. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-230-237>.
4. Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 39.
5. Марьин М. И. Настоящее и будущее российской психологии: мнения ведущих специалистов // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 24.
6. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
7. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Издательство Л. Ф. Пантелеева, 1907. С. 134.
8. Сучкова Е. Л. Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 101–112.

Bibliographic list

1. Baranov P. P. Methodological problems of legal awareness in the era of legal digitalization // Humanities of the South of Russia. 2020. No. 4. P. 26–41.
2. Varlamova N. V. Legal awareness // Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal. URL: <https://bigenc.ru/c/pravosoznanie-46f7d2/?v=7481854>. Publication date: 06.06.2023 (accessed: 10.02.2026).
3. Ganishina I. S., Guseva A. S., Sorokoumova S. N. On the results of an empirical study of the psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (97). P. 230–237. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-230-237>.
4. Yemelyanova T. P. Social representation – concept and concept: results of the last decade // Psychological Journal. 2001. Vol. 22. No. 5. P. 39.

5. Maryin M. I. The present and the future of Russian psychology: opinions of leading experts // National Psychological Journal. 2012. No. 1 (7). P. 24.

6. Moscovici S. Social representations: a historical view // Psychological Journal. 1995. Vol. 16. No. 1. P. 3–18.

7. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg : L. F. Panteleev Publishing House, 1907. P. 134.

8. Suchkova E. L. The concept of studying the psychology of group legal awareness of convicts // Psychology and Law. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 101–112.

Информация об авторе

Е. А. Кулешова – адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.

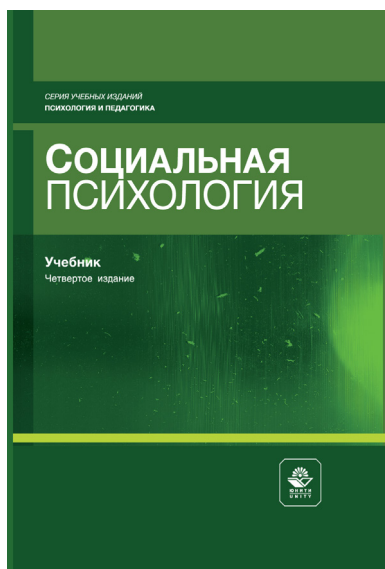
Information about the author

E. A. Kuleshova – Adjunct of the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Academy of the Federal Penal Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 11.03.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 11.03.2026.

Социальная психология : учебник / под ред. И. В. Грошева, И. И. Аминова, В. Л. Цветкова, А. М. Столяренко. 4-е изд., перераб. и доп. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Учебник содержит полную и четко структурированную систему современных социально-психологических знаний – важного раздела психологической науки. Это знания о психологии групп и поведения человека в группах, – знания нужные для жизни и деятельности каждому образованному человеку. Развитие человека, его права и свободы учеба, труд, семья, торговля, менеджмент, преступность, культура, досуг, жизненные кризисы, пьянство, наркомания – все так или иначе вплетено в систему социально-психологических связей и зависимостей. Понимание их и умение разбираться в них – важнейшее условие жизненных успехов.

Учебник ориентирован на широкий круг читателей, использование в вузах самого различного профиля, готовящих кадры, чья деятельность требует достаточной социально-психологической компетентности. Содержание учебника включает весь минимум социально-психологических знаний, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами. Оно открывает и возможность его профилирования при подготовке будущих профессионалов разных направлений деятельности.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/aiqxxl>

НИОН: 2018-0077-1/26-707

MOSURED: 77/27-024-2026-01-906

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология и когнитивная эргономика (психологические науки)

Профилактика виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних

Ирина Борисовна Марьясис¹, Елизавета Михайловна Гончарова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ talismmm@mail.ru

² goncharova_e_79@mail.ru

Аннотация. Рассматривается формирование виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве и его профилактика инспекторами по делам несовершеннолетних.

Ключевые слова: виктимное поведение, несовершеннолетние, профилактика, инспектора ПДН, информационное пространство

Для цитирования: Марьясис И. Б., Гончарова Е. М. Профилактика виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 61–67. EDN: AIQXXL.

Original article

Prevention of juvenile victimization in the information space by juvenile affairs inspectors

Irina B. Maryasis¹, Elizaveta M. Goncharova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ talismmm@mail.ru

² goncharova_e_79@mail.ru

Abstract. The article examines the development of juvenile victimization in the information space and its prevention by juvenile affairs inspectors.

Keywords: victimization, juveniles, prevention, juvenile affairs inspectors, information space

For citation: Maryasis I. B., Goncharova E. M. Prevention of juvenile victimization in the information space by juvenile affairs inspectors. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):61–67. (In Russ.). EDN: AIQXXL.

Подрастающее поколение существует в новых социальных реалиях, где информационное пространство, представленное цифровизацией, сетью Интернет, компьютерами и другими мобильными устройствами являются частью повседневной жизни. С помощью Интернета расширяются возможности мгновенного общения между людьми, получения образования на онлайн-курсах и образовательных платформах, различного рода развлечений – музыкальные платформы, онлайн-игры, видео и прочее.

Вместе с тем в информационном пространстве распространяются преступные идеи, которые приносят вред как личности, так и обществу и могут провоцировать виктимное поведение населения всех возрастных групп. К таким идеям относятся, например, терроризм, экстремизм, сектанство, интернет-хулиганство, преследование личности, кибербуллинг, кибермошенничество, сцены насилия и т. д. Наиболее уязвимы в этом отношении подростки в возрасте от 14 до 18 лет, т. е. несовершеннолетние.

© Марьясис И. Б., Гончарова Е. М., 2026

Проблема профилактики виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве в современном российском обществе является одной из актуальной и поэтому перед специалистами встают задачи, связанные с повышением эффективности профилактики, направленной на выявление, устранение, нейтрализации негативных последствий виктимного поведения в информационном пространстве, а также на создание социальных условий, при которых подобное поведение было бы невозможным.

Проблемы криминалистической виктимологии рассматриваются в работах Б. Мендельсон, К. Миядзава, Г. Шульц, Г. Шнайдер и других ученых. Тема виновности жертвы и ее роли в генезисе криминального преступления освещена в работах Л. В. Франка, В. И. Полубинского, В. Я. Рыбальской, Д. В. Ривман, А. В. Тулякова. Исследованиям в области судебно-психиатрических экспертиз и психологическим особенностям детей и подростков посвящены научные труды И. В. Кузнецова, Л. О. Пережогина, И. А. Кудрявцева, В. Л. Васильева и др. Проблемами социально-педагогической виктимологии занимались К. В. Вишневецкий, С. Г. Войтенко, Л. И. Романова, Е. В. Руденский и др. Над проблемами виктимологии в области психопатологии работали Я. И. Гостунская, В. Я. Рыбальская, Я. И. Спиваковская и др. Изучением виктимологии в социальной психологии занимались М. И. Еникеев, В. А. Туляков, Б. Холыст и др.

В то же время анализ литературы показал, что в ней не получили достаточного внимания такие вопросы, как: теоретико-методические основы социально-педагогического взаимодействия инспектора подразделений по делам несовершеннолетних и социального педагога общеобразовательных организаций по профилактике виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве.

Анализируя научную литературу, мы определили, что понятийный аппарат определения «виктимность» все еще не устоялся, но все же можно выделить некоторые основные характерные черты этого понятия.

Мы будем говорить, что виктимность это совокупность социально-психофизиологических свойств и субъективных качеств личности, которые при определенных условиях в силу сложившихся обстоятельств трансформируют личность в жертву преступления.

Проанализировав и обобщив различные трактовки понятия «виктимное поведение» можно говорить, что на данный момент нет однозначного понимания и этого понятия. В нашем исследовании мы будем понимать под «виктимным поведением в информационном пространстве» совокупность психологических, психопатологических, социально-психологических отклонений личности от адекватных норм поведения, при которых, при определенно сложившихся обстоятельствах, у субъекта развивается предрасположенность становиться жертвой преступления, в том числе и в информационном пространстве.

Профилактика виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве является

одной из актуальных проблем на современном этапе развития психолого-педагогического, социально-педагогического и правового воспитания и изучается многими учеными. Предпосылкой этому явилась нестабильная ситуация, связанная с повседневным использованием сети Интернет несовершеннолетними, многие из которых, в силу определенным образом сложившихся обстоятельств, самостоятельно не могут безопасно и корректно пользоваться Глобальной сетью Интернет. Неблагоприятное влияние ряда контентов создают предпосылки на виктимное поведение несовершеннолетних. Имеет место распространение интернет – мошенничества, кибербуллинга, информационного терроризма, компьютерного экстремизма, незаконного сбора персональных данных и разглашение их в сети Интернет и других противоправных действий в отношении несовершеннолетних, как наиболее беззащитного социального слоя населения.

В нашей работе мы будем понимать под профилактикой виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве комплекс практических мероприятий различной направленности: психологической, социальной, правовой, экономической, культурной и других, ориентированный на оказание помощи несовершеннолетним, которые могут стать жертвами преступления или уже оказались жертвой, на установление и устранение неблагоприятных воздействий информационного пространства.

Особую роль в профилактике виктимного поведения несовершеннолетних играют инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних, которые непосредственно занимаются профилактической работой с несовершеннолетними по предупреждению вовлечения в деятельность преступных групп в информационном пространстве.

Основными функциями инспектора ПДН являются:

- профилактика совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними;

- выявление и устранение условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;

- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;

- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий.

Инспектор ПДН принимает все необходимые меры по противодействию вовлечению несовершеннолетних в работу преступных групп в информационном пространстве:

- выявляет и устраняет обстоятельства, провоцирующие виктимное поведение;

- выявляет группу риска и отдельных субъектов, склонных к виктимному поведению в информационном пространстве;

– выступает в образовательном учреждении с лекциями, проводит разъяснительные беседы с несовершеннолетними по вопросам безопасного поведения в информационном пространстве, об опасности виктимного поведения, а также об административной и уголовной ответственности за противоправные действия;

– принимает участие в проведении тренингов, направленных на выявление субъектов, склонных к виктимному поведению;

– проводит культурно-просветительскую деятельность с родителями несовершеннолетних, объясняя важность участия в родительском контроле с ограничением доступа к подозрительным сайтам, приложениям, и других видов вредоносной информации, ограничение времени нахождения несовершеннолетних в сети, проверки истории браузера, мониторинга социальных сетей и других, а также об ответственности за противоправные действия;

– взаимодействует с социальным педагогом образовательного учреждения для определения целей и задач профилактической работы;

– предоставляет демонстративные материалы в виде памяток, буклетов, презентаций, социальной рекламы для образовательных организаций в целях обучения несовершеннолетних безопасному использованию Интернета, о противоправных контенте и правилах пользования социальными сетями и др.;

– мониторит социальные сети и различные сайты для выявления противоправного контента (как один из вариантов с использованием системы «Окулус»);

– сообщает органам Роскомнадзора о выявлении противоправных сайтов;

– доносит информацию о горячих линиях, куда можно обратиться за помощью;

– выявляет деструктивные семьи и проводит с ними профилактическую работу;

– участвует в организации внеурочного и внешкольного досуга несовершеннолетних [1, с. 104].

Основными целями профилактики виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве является выявление лиц, склонных к виктимному поведению, устранение и нейтрализация негативных последствий виктимного поведения, а также профилактические меры предупредительного характера [3, с. 37]. Выявление несовершеннолетних, склонных к виктимному поведению в информационном пространстве, является первостепенной эмпирической задачей при взаимодействии инспектора подразделений по делам несовершеннолетних.

Эмпирическое исследование виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве проводилось на базе ГБОУ Школы № 1517 г. Москвы. Выборка представлена учащимися 8 класса, в возрасте 14–15 лет, в количестве 24 человек.

Этапы эмпирического исследования:

I этап – определение методов и выборки эмпирического исследования виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве.

II этап – проведение эмпирического исследования виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве, анализ результатов исследования.

III этап – разработка системы профилактики виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве.

Используемые методики при изучении виктимного поведения несовершеннолетними: Тестовая методика Кимберли Янг на интернет-зависимость, «Тест жизнестойкости» (автор С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), «Методика исследования склонности к виктимному поведению» (автор – О. О. Андронникова), Методика «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» (автор – И. А. Дмитриева, И. А. Кибальченко).

В начале нашего исследования мы выявили количество учеников с проблемой интернет-зависимости. Для этого была использована тестовая методика Кимберли Янг на интернет-зависимость. Результаты диагностики представлены в виде круговой диаграммы на рисунке 1. Среди двадцати четырех учащихся 56 % (13 человек) являются обычными пользователями Интернета, без интернет-зависимости (28–49 баллов), 36 % (9 человек) относятся к категории «чрезмерное увлечение Интернетом» (52–79 балла), у 8 % (2 человека) была выявлена интернет-зависимость (80–82 балла).

Рис. 1. Диаграмма интернет-зависимости несовершеннолетних (по результатам тестовой методики Кимберли Янг на интернет-зависимость)

Далее мы исследовали уровень жизнестойкости несовершеннолетних по методике «Тест жизнестойкости» (автор С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой).

Результаты общего уровня жизнестойкости проведенного тестирования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты общего уровня жизнестойкости

Шкалы	Кол-во несовершеннолетних по шкалам (/ %)			Среднее значение	Нормативные средние
	Выше среднего	среднее	Ниже среднего		
Вовлеченность	8 %	54 %	38 %	29,86	37,64
Контроль	8 %	92 %	0 %	24,2	29,17
Принятие риска	13 %	83 %	8 %	14,36	13,91
Жизнестойкость	0 %	71 %	29 %	68,35	80,72

Рассмотрение полученных результатов тестирования будем вести по каждому компоненту жизнестойкости.

По шкале «Вовлеченность» 54 % (13) несовершеннолетних показали средние результаты. Данная группа спокойно воспринимает свою деятельность без удовольствия и без отрицательных эмоций. Если интересы личности совпадают с деятельностью, то они получают удовольствие от занятий. 38 % (7) респондентов показали низкие результаты вовлеченности. Ощущения безынициативности, бездеятельности, отверженности, неуверенности, незначимости, бесполезности присущи данной категории лиц, что может спровоцировать виктимное поведение. У 8 % (2) выявили высокий уровень вовлеченности. Этой группе свойственно уверенно противостоять стрессовым ситуациям, получать удовольствие от своей деятельности, успешно преодолевать трудности без эмоционального перенапряжения.

Показателей ниже среднего у испытуемых не выявлено. 92 % (22) человека продемонстрировали средний уровень контроля. Этим лицам характерно более уверенное чувство при проблеме выбора в любой деятельности, они уверенно высказывают свою точку зрения и отстаивают свои позиции. 8 % (2) имеют высокие показатели контроля. Эти люди чувствуют, что сами выбирают свой путь, ставят себе цели и думают, что справятся с задуманным.

Низкий показатель вовлеченности и высокий показатель контроля в тесте жизнестойкости С. Мадди означают разницу в убеждениях человека о происходящем.

Субшкала «Принятие риска» демонстрирует нам следующие показатели. 83 % (20) респондента показали средние значения показателя принятия риска. Это говорит об умеренном уровне склонности к риску. У 13 % (3) испытуемых выявили показатели выше среднего, что свидетельствует о высокой готовности идти на риск ради своего развития. 8 % (1) участников опроса показал результат ниже среднего, что говорит о высокой чувствительности к неопределенности и сложностях с совершением рискованных действий.

В завершение анализа исследования жизнестойкости несовершеннолетних рассмотрим заключительную субшкалу «Жизнестойкость».

По итогам диагностики выявлены группы испытуемых со следующими уровнями жизнестойкости.

Высокий уровень жизнестойкости не был выявлен. У 71 % (17) испытуемых среднее значение показателя жизнестойкости. Такие результаты свидетельствуют о затруднениях в преодолении сложных ситуаций, об отсутствии активности и интереса в деле, которым испытуемые занимаются, а также возможном неверии в то, что своими действиями могут изменить ситуацию.

Показатели ниже среднего мы видим у 29 % (7) респондентов. Люди с такими показателями испытывают затруднения в преодолении сложных ситуаций, они не активны, не проявляют интереса к деятельности, не общительны, тревожны, не верят в свои силы контролировать себя и сложившиеся ситуации.

Анализируя результаты исследования несовершеннолетних по методике «Тест жизнестойкости» (автор

С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) мы видим, что по всем субшкалам большинство испытуемых обладает средним уровнем жизнестойкости (рис. 2).

Средние показатели жизнестойкости

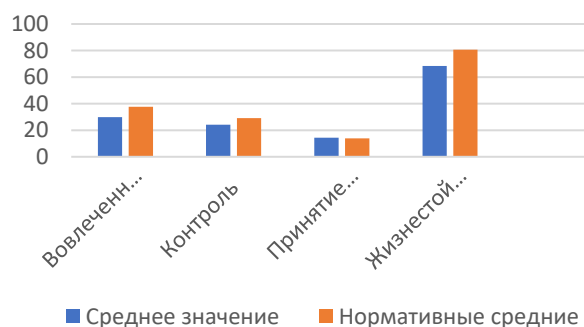

Рис. 2. Диаграмма средних показателей жизнестойкости

Так, по шкале «Вовлеченность» среднее значение составляет 29,86 (нормативные средние 37,64; ст. отклонение 8,08), по шкале контроль среднее значение составляет 24,2 (нормативные средние 29,17; ст. отклонение 8,43), по шкале принятия риска среднее значение составляет 14,36 (нормативное значение 13,91; ст. отклонение 4,39), по шкале «Жизнестойкость» среднее значение составляет 68,35 (нормативные средние 80,72; ст. отклонение 18,53).

Следующим этапом нашего исследования было диагностическое обследование несовершеннолетних по методике «Склонность к виктимному поведению» (разработана О. О. Андронниковой) Полученные результаты диагностики склонности к виктимному поведению несовершеннолетних представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели склонности к виктимному поведению

Шкала/уровень (%)	выше нормы	норма	ниже нормы
Социальная желательность ответов	0 %	46 %	54 %
Агрессивное поведение	21 %	67 %	12 %
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	8 %	59 %	33 %
Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению	42 %	58 %	0 %
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	0 %	25 %	75 %
Склонность к некритичному поведению	17 %	71 %	12 %
Реализованная виктимность	8 %	71 %	21 %

Проанализируем показатели каждой психодиагностической шкалы.

Анализ полученных данных по шкале «социальная желательность ответов» показал, что результатов выше нормы не зафиксировано. Средний уровень выявлен у 46 % (11) лиц и означает, что в ответах присутствует доля неправды и низкий уровень имеют 54 % (13 человек), что свидетельствует об умеренной тенденции

давать социально-желательные ответы при заполнении опросника, непринятии традиционных норм и излишней требовательности к себе.

Анализ данных по шкале «агрессивное виктимное поведение» показал, что низкий уровень выявлен у 12 % (3) человек. Это означает невыраженную агрессию, неприемлемость насилия в решении проблем, а также может указывать на неискренность ответов. Средний уровень выявлен у 67 % (16) респондентов, что говорит об умеренном проявлении агрессивного поведения. Человек способен контролировать свою агрессию и не создает ситуации проявления агрессии по отношению к нему, тем не менее, он вспыльчив и конфликтен. 12 % (5) опрошенных показали результаты выше нормы. Это говорит нам о том, что человек склонен попадать в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации в результате проявленной им агрессии. Для таких людей характерно намеренное создание или провоцирование конфликтной ситуации, нарушению социальных норм, антиобщественному поведению.

Анализ результатов исследования по шкале «склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» показал, что у 59 % (14) человек выявлено, что средний уровень по шкале, что говорит о присутствии склонности к самоповреждающему поведению. У 8 % (2) лица показан высокий уровень по шкале. Здесь присутствует жертвенность и способность своим поведением или просьбой причинить себе вред, склонность намеренно провоцировать насильников. Показатели у 33 % (8) опрошенных ниже нормы, что означает отсутствие самоповреждающего поведения, стремления причинять себе вред, избегание ситуаций с неоправданно высокими рисками.

Анализ результатов по шкале «склонность к гиперсоциальному поведению» показал, что низкий уровень не выявлен. Это говорит о присутствии апатии, пассивности, безразличия и равнодушия к окружающему миру, изолированность и невовлеченность в общественную жизнь.

Средний уровень выявлен у 58 % (14) испытуемых. С уровнем выше нормы 42 % (10) респондентов. Для этой категории лиц характерно жертвенное поведение социально одобряемое и ожидаемое. Это лица с положительным поведением, на которых обращает внимание агрессор. Они не допускают уклонение от вмешательства в конфликт, даже во вред себе. Смелые, принципиальные, добрые, требовательные, с завышенной самооценкой.

Проведенный анализ по шкале «склонность к зависимому и беспомощному поведению» дал следующие результаты. Низкий уровень не выявлен. Высокий уровень показан у 75 % (9), что говорит об отсутствии навыков оказывать сопротивление по различным причинам: в силу возраста, физической слабости, беспомощного состояния, трусости. Средние значения показали 25 % (5) человек.

Показатель шкалы «склонность к некритичному поведению» отражает уровень выше нормы у 17 % (4),

что свидетельствует о неосмотрительности, неосторожности, неумении правильно оценить жизненные ситуации, некритичности. Средний уровень выявлен у 71 % (17) человека. Низкий уровень показан у 12 % (3), что говорит о вдумчивости, осторожности, стремлении предугадывать возможные последствия своих поступков. Может появляться социальная пассивность, приводящая к неудовлетворенности своими достижениями, чувству досады, зависти.

Анализ по шкале «реализованная виктимность» выявил 71 % (17) человек со средним уровнем. Лица с данным уровнем реализованной виктимности если и оказываются в конфликтных ситуациях, то эти ситуации не связаны с данными лицами. Низкий уровень выявлен у 21 % (5) лиц. Это означает, что они нечасто попадают в критические ситуации, но внутренняя готовность к виктимному способу поведения присутствует. Но в целом, эти лица не склонны к конфликтным ситуациям. 8 % (2) человек имеют высокий уровень реализованной виктимности. Эти лица достаточно часто попадают в неприятные или даже опасные для его здоровья и жизни ситуации, так как внутренне предрасположены и готовы действовать определенными, ведущими в индивидуальном профиле способами. Они стремятся к агрессивному, необдуманному действию спонтанного характера.

В завершении нашего эмпирического исследования мы использовали методику «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» (авторы – И. А. Дмитриева, И. А. Кибальченко). Результаты исследования представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Диаграмма «Потенциальная виктимность»

Анализ результатов показал, что у 54 % (13 человек) выявлен средний уровень потенциальной индивидуальной виктимности., что означает среднюю вероятность стать жертвой. У этой категории лиц присутствует внутренняя готовность к виктимному способу поведения. Они ощущают внутренний уровень напряжения и стремятся избегать ситуации конфликта. 29 % (7) человек показали низкий уровень потенциальной индивидуальной виктимности, который показывает низкую вероятность стать жертвой. Человек нечасто попадает в критические ситуации, либо у него уже выработался защитный способ поведения, позволяющий избегать опасных ситуаций.

17 % (4) человек имеют высокий уровень потенциальной индивидуальной виктимности и высокую вероятность стать жертвой. Человек с таким уровнем часто попадает в неприятные или даже опасные для его здоровья и жизни ситуации. Причиной этого является внутренняя предрасположенность и готовность личности действовать определенными способами. Чаще всего это стремление к агрессивному, необдуманному действию спонтанного характера.

В целях профилактики виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве

мы предлагаем использовать комплексную работу по защите от психологического насилия несовершеннолетних в пространстве современных интернет-технологий «Кибермоббинг и кибербуллинг несовершеннолетних: стратегии вмешательства и профилактика», предлагаемая Т. А. Дегтерева и соавторами.

Программа включает комплексную работу с несовершеннолетними и их родителями, которую можно применять в организации мероприятий по профилактике виктимного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве (табл. 3).

Таблица 3

Программа комплексной работы по защите от психологического насилия несовершеннолетних в пространстве современных интернет-технологий «Кибермоббинг и кибербуллинг несовершеннолетних: стратегии вмешательства и профилактика»

№ п/п	Название мероприятия	Содержание работы
<i>1. Работа с несовершеннолетними</i>		
1	Просветительская беседа	Социальные сети: мифы и реальность. Умею ли я общаться. Общение реальное и виртуальное. Безопасная интернет-среда. Я и моя семья. Семейные ценности. Конструктивное разрешение конфликтов. Я и мой мир. Игры, в которые играю я. Игры реальные и виртуальные
2	Дискуссия	Как сказать «нет» и не потерять друзей? Друг – кто он? Жертва–агрессор– преследователь: кто я? Преследование: как вырваться из круга?
3	Клуб общения	«Мир моего общения»
4	Тренинг формирования у несовершеннолетних копинг-стратегий по защите от моббинга и буллинга.	«Я хочу, знаю, могу!»
5	Психологический тренинг по профилактике агрессивного поведения среди подростков.	«Я, ты, он, она – вместе дружная семья»
6	Психологический тренинг по профилактике жертвенного поведения среди подростков.	Виктория»
7	Мини-лекция	«Информация, причиняющая вред твоему здоровью и развитию».
8	Презентация	Закон на страже защиты несовершеннолетних».
9	Беседа	«Твое безопасное интернет-пространство»
<i>2. Работа с родителями</i>		
1	Просветительская беседа	Социальные сети: мифы и реальность. Проблемы детско-родительских отношений. Общение подростка реальное и виртуальное. Безопасная интернет-среда. Семейные ценности. Способы конструктивного разрешения конфликтов с детьми
2	Мини-лекция	Компьютерная и виртуальная зависимость несовершеннолетних: причины, условия формирования и способы выявления. Психологические причины формирования жертвенного поведения у несовершеннолетних. Психологические причины формирования агрессивного поведения у несовершеннолетних. Моббинг и буллинг в подростковой среде как социально-психологическое явление.
3	Родительский лекторий	Как уберечь ребенка от насилия в интернет-пространстве»
4	Клуб общения для родителей	«Мы вместе»
5	Дискуссионный клуб для родителей	«Успешный родитель»
6	Мини-лекция	Информация, причиняющая вред здоровью и развитию ребенка». «Как защитить ребенка от кибертравли».
7	Презентация	«Отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующее отрицание традиционных семейных ценностей».
8	Беседа	«Создание безопасного интернет- пространства для развития, общения и обучения ребенка»

Одним из аспектов профилактической работы с родителями являются тренинговые занятия, позволяющие в некоторой степени влиять на сферу детско-родительских отношений и формировать навыки эффективного взаимодействия родителей и детей.

Непосредственное взаимодействие и совместные усилия инспектора подразделений по делам несовершеннолетних и родителей позволяет устранить или ослабить виктимное поведение несовершеннолетних в информационном пространстве, помогает несовершеннолетнему осмыслить свои поступки, поведение, а также эффективно и целенаправленно работать с ними.

Библиографический список

1. Гончарова Е. М. Психологические особенности профессионального общения и требования, предъявляемые к инспектору по делам несовершеннолетних // Актуальные проблемы адаптации курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности : Всероссийская научно-практическая конференция : сборник научных трудов, Москва, 27 марта 2024 года. Москва : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 103–105.
2. Профилактика кибермоббинга и кибербуллинга в среде несовершеннолетних: методическое пособие /

Т. А. Дегтева и др. Ставрополь : Ставропольское издательство «Параграф», 2017. 132 с.

3. Развитие когнитивных способностей специалистов в области информационной безопасности / Т. Ю. Полозова, Н. В. Аникеева, И. В. Усачева [и др.]. Москва : Издательство «Саратовский источник», 2023. 100 с.

Bibliographic list

1. Goncharova E. M. Psychological Features of Professional Communication and Requirements for a Juvenile Inspector // Current Issues of Adaptation of Cadets and Students of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the Conditions of Professional Activity: All-Russian Scientific and Practical Conference: Collection of Scientific Papers, Moscow, March 27, 2024. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2024. P. 103–105.
2. Prevention of Cybermobbing and Cyberbullying Among Minors: A Methodological Manual / T. A. Degtyarev et al. Stavropol : Stavropol Publishing House «Paragraph», 2017. 132 p.
3. Development of Cognitive Abilities of Specialists in the Field of Information Security / T. Yu. Polozova, N. V. Anikeeva, I. V. Usacheva [et al.]. Moscow : Saratovskiy Istochnik Publishing House, 2023. 100 p.

Информация об авторах

И. Б. Марьясис – заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент;

Е. М. Гончарова – доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

I. B. Maryasis – Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

E. M. Goncharova – Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/akbkxy>

ИИОН: 2018-0077-1/26-708

MOSURED: 77/27-024-2026-01-907

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

К вопросу о профессиональном выгорании юристов

Юрий Дмитриевич Митин

Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия, mitinyura@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальная проблема профессионального выгорания в юридической сфере, теоретические основы синдрома профессионального выгорания, его специфические проявления у представителей юридических профессий. Анализируются факторы риска развития выгорания, обусловленные особенностями правовой деятельности: высоким уровнем ответственности, эмоциональным напряжением, интенсивным межличностным взаимодействием с клиентами. Особое внимание уделяется результатам отечественных исследований, выявляющих гендерные особенности профессионального выгорания адвокатов и различия в его проявлении у специалистов разных направлений в зависимости от вида судопроизводства. Рассматривается взаимосвязь профессионального выгорания с профессиональной деформацией личности юриста. Обосновывается необходимость системного подхода к профилактике данного синдрома, включающего анализ профессионально-психологической подготовленности, разработку рекомендаций по нейтрализации негативных факторов, обеспечение социальной защищенности специалистов. Подчеркивается важность формирования навыков противостояния профессиональному давлению и создания психологически комфортных условий трудовой деятельности юристов.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, юристы, адвокаты, профессиональная деформация, эмоциональное истощение, профессиональный стресс, правовая деятельность, профилактика выгорания

Для цитирования: Митин Ю. Д. К вопросу о профессиональном выгорании юристов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 68–73. EDN: АКБКХУ.

Original article

On the issue of professional burnout among lawyers

Yuri D. Mitin

Humanities University, Yekaterinburg, Russia, mitinyura@mail.ru

Abstract. The article addresses the pressing issue of professional burnout in the legal field. It examines the theoretical foundations of the professional burnout syndrome and its specific manifestations among legal professionals. Risk factors for burnout development are analyzed, particularly those related to the nature of legal work: high responsibility, emotional strain, and intensive interpersonal interaction with clients. Special attention is given to domestic research findings that reveal gender differences in burnout among lawyers and variations in its manifestation across different legal specializations depending on the type of judicial proceedings. The relationship between professional burnout and the professional deformation of a lawyer's personality is also considered. The article substantiates the need for a systematic approach to preventing this syndrome, including analysis of professional and psychological preparedness, development of recommendations to neutralize negative factors, and ensuring social protection for specialists. Emphasis is placed on the importance of developing skills to resist professional pressure and creating psychologically comfortable working conditions for lawyers.

Keywords: professional burnout, lawyers, attorneys, professional deformation, emotional exhaustion, occupational stress, legal activity, burnout prevention

For citation: Mitin Yu. D. On the issue of professional burnout among lawyers. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):68–73. (In Russ.). EDN: АКБКХУ.

Профессиональное выгорание представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современной трудовой деятельности, особенно в сферах, связанных с интенсивным межличностным взаимодействием.

Юридическая профессия, характеризующаяся высоким уровнем ответственности, эмоциональным напряжением и постоянным контактом с клиентами, находится в зоне повышенного риска развития данного синдрома.

Исследования синдрома профессионального выгорания берут свое начало в 60-х годах прошлого столетия [7]. Данное состояние характеризуется физическим и психологическим истощением, которое формируется как реакция на продолжительное воздействие стрессовых условий трудовой деятельности [14]. Важность проблемы подчеркивается тем фактом, что в 2019 году Всемирная организация здравоохранения включила эмоциональное выгорание, связанное с профессиональной деятельностью, в международную классификацию болезней [1].

В группу профессионального риска попадают представители так называемых помогающих профессий, деятельность которых в значительной степени связана с межличностным общением. Юридическая сфера занимает особое место среди таких профессий. Как отмечает Л. А. Скабелина, главной целью деятельности адвокатов является оказание помощи гражданам по правовым вопросам [20]. Для достижения этих целей специалисты выполняют широкий спектр действий: проводят беседы с доверителями, анализируют информацию, осуществляют консультирование, выступают публично. Коммуникативная составляющая выделяется как одна из ключевых характеристик адвокатской деятельности наряду с интеллектуальной и организационной компонентами.

Российские ученые активно изучают различные грани синдрома эмоционального истощения среди работников юридической сферы. В исследованиях Д. С. Минина основное внимание было сосредоточено на анализе эмоциональных факторов, определяющих половые различия в проявлении психического выгорания у представителей адвокатуры [10], а также на выявлении особенностей формирования данного синдрома у правозащитников различных направлений деятельности с учетом специфики судебных процедур [11]. Указанная проблематика нашла свое продолжение в научном труде коллектива авторов: И. В. Власюк, Н. Т. Абрековой и Е. И. Селивановой [5].

Профессиональная деятельность юристов сопряжена с рядом специфических факторов, способствующих развитию синдрома выгорания. К числу таких факторов относятся высокая степень персональной ответственности за принимаемые решения, необходимость работы в условиях жестких временных рамок, эмоциональная нагрузка при взаимодействии с клиентами, находящимися в стрессовых ситуациях, а также постоянное противостояние в рамках состязательного процесса [4].

Анализ специфики трудовой деятельности различных юридических специальностей выявляет дифференцированные факторы риска развития профессионального выгорания. Деятельность следователей характеризуется особой эмоциональной выразительностью и надежностью, при этом безостановочность следствия и нехватка времени создают условия для хронического стресса. Эмоциональные, психологические и физические перегрузки в следственной работе непо-

средственно связаны с развитием синдрома эмоционального выгорания, что подтверждается эмпирическими исследованиями [8].

Особую группу риска составляют адвокаты, деятельность которых отличается высокой степенью эмоциональной выразительности. Ключевым фактором возникновения профессионального стресса у адвокатов является конфликт между личными убеждениями специалиста и интересами клиента. Исследования показывают, что адвокаты с очень высоким уровнем эмпатийности подвержены болезненно развитому сопереживанию, что делает их особенно уязвимыми для профессионального выгорания. Такие специалисты тонко реагируют на настроение собеседника, отличаются высокой чувствительностью и ранимостью, нередко испытывают чувство вины и беспокойство за окружающих. Обостренная впечатлительность и эмоциональная восприимчивость приводят к тому, что адвокаты данной категории находятся близко к невротическим срывам и нуждаются в особом внимании к своему психическому здоровью [13].

Деятельность юрисконсультов и корпоративных юристов сопряжена со специфическими психологическими конфликтами, возникающими во взаимоотношениях с руководством предприятий. Многие руководители демонстрируют психологическое невежество и безграмотность, отрицая разумность правовых ограничений и полагая, что все вопросы можно решить при наличии грамотного юриста. Типичными проявлениями такого подхода являются требования решить любой спор с формулировкой «на то ты и юрист», нетерпимость к профессиональным обоснованиям со стороны юриста, принуждение к подписанию неправомерных приказов или постановке виз на документах без соответствующего правового обеспечения [2].

Корпоративные юристы вынуждены балансировать между жесткими рамками и установками работодателя, с одной стороны, и собственными профессиональными убеждениями, с другой. Авторитарный стиль управления некоторых руководителей, проявляющих психопатические черты личности с истерическими компонентами, создает неблагоприятную рабочую обстановку, в которой стирается собственная личность юриста. В коллективах с таким стилем управления развиваются конформизм и беспринципность, что противоречит профессиональным этическим стандартам юридической деятельности [21].

Эмпирические исследования подтверждают, что юрисконсульты и следователи с высоким уровнем эмпатийности демонстрируют повышенную чувствительность к нуждам и проблемам окружающих, что делает их особенно восприимчивыми к эмоциональному стрессу. Работа в сфере «человек–человек» неизбежно подвергает специалистов сопереживанию и эмоциональным нагрузкам, поскольку адвокаты консультируют клиентов и защищают их интересы, юрисконсульты осуществляют консультирование и представительство,

а следователи ведут расследования в отношении лиц, совершивших правонарушения [6].

Выраженность факторов профессионального выгорания различается в зависимости от специализации юриста, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода к профилактике и коррекции данного синдрома. Напряженная психоэмоциональная деятельность юристов различных специальностей создает предпосылки для формирования хронического профессионального стресса, требующего комплексного психологического сопровождения специалистов правовой сферы.

Особую роль в формировании профессионального выгорания играет эмоциональный компонент юридической деятельности. А. И. Терехова подчеркивает, что юристы регулярно сталкиваются с человеческими трагедиями, конфликтными ситуациями и необходимостью принимать решения, влияющие на судьбы людей [22]. Это создает постоянное эмоциональное напряжение, которое при отсутствии адекватных механизмов совладания может привести к истощению психических ресурсов.

Анализ современных причин профессиональной деформации юристов выявляет широкий спектр стрессогенных факторов, непосредственно влияющих на развитие синдрома выгорания. Среди ключевых деструктивных элементов выделяются напряженные обстоятельства, формирующиеся в процессе выполнения служебных обязанностей, в том числе опасения негативной оценки и чрезмерная рабочая нагрузка. Неудовлетворенность потребностей, возникающая на фоне перманентного психологического давления, провоцирует враждебность, подавленность, пассивность, снижение работоспособности и концентрации внимания. Рискованный характер профессиональных функций усиливает беспокойство и панические настроения, формируя благоприятную почву для психического истощения [17].

Чрезмерная недоверчивость выступает крайне опасным фактором среди разрушительных компонентов личностных изменений правоведа. Когда у работника формируется данная черта, он начинает с подозрением относиться к любому человеку из своего окружения, непрерывно ища ответственных за различные недостатки и промахи. Подобные поведенческие модели нередко проникают в частную сферу жизни правозащитника, о чем свидетельствуют реальные примеры из судебной практики. Иллюстрацией служит инцидент 2018 года, когда сотрудник правоохранительных органов лишил жизни супругу на основании беспочвенных сомнений в ее верности, мучивших его в течение пяти лет, хотя никаких доказательств неверности получено не было. Данный эпизод демонстрирует крайнюю степень патологической мнительности как наиболее разрушительного проявления деградации профессиональной личности юриста.

Чрезмерная недоверчивость воздействует не исключительно на частную сферу правоведа, но также влия-

ет на корректность выполнения его профессиональных функций. Работник способен осуществлять производство по делам лишь с предвзятой обвинительной точки зрения, пренебрегая законодательными нормами относительно процедуры собирания доказательной базы и концентрируясь исключительно на выявлении компрометирующих фактов. Такой подход противоречит принципам объективности и всесторонности правосудия [19].

Профессиональное выгорание юристов тесно связано с явлением профессиональной деформации личности. Данный процесс может приводить к психологическим изменениям в личности специалиста и модификации его характерологических качеств. Это проявляется в изменении поведенческих паттернов, таких как повышенная вспыльчивость, агрессивность и других негативных проявлениях.

Комплексное изучение негативных условий, воздействующих на работу правоведа, обнаруживает совокупность структурных и индивидуальных причин формирования эмоционального истощения. Среди структурных причин выделяются недостаточная юридическая обеспеченность специалиста, недоработки в процессуальном праве, неадекватное денежное вознаграждение, отсутствие или неполноценность финансового стимулирования, порочная политика подбора кадров в учреждении. Индивидуальные причины охватывают слабую подготовленность в профессиональной сфере и недостаток компетенций, психическую нестабильность правозащитника, отсутствие навыков эмоциональной саморегуляции [5].

Искажение профессиональной личности правоведа традиционно классифицируется на явную и латентную категории. Явная форма характеризуется игнорированием принципов рабочей морали, отсутствием навыков самоанализа и критического осмысления промахов, всеобъемлющим недоверием к окружающим обстоятельствам как в частной, так и в трудовой сфере, систематическим применением карательного подхода к населению, опьянением от должностных полномочий, утратой способности к сочувствию и милосердию, пристрастием к пагубным наклонностям и внедрением в речевой арсенал криминального сленга, осознанием собственной безнаказанности, неподобающими манерами общения и поступками, а также нарушением требований к профессиональному имиджу правозащитника [16].

К скрытым элементам профессиональной деформации относятся скудность нравственности юриста, мнимое благополучие на профессиональной должности, коррупционная составляющая, сокрытие правонарушений, неверные профессиональные ориентиры, объединение со средой преступности. Эти латентные проявления представляют особую опасность, поскольку могут длительное время оставаться незамеченными, постепенно разрушая профессиональную этику и личностную целостность специалиста [3].

Согласно исследованиям И. С. Косоруковой и Н. В. Мрвич, проблема профессионального выгорания у юристов требует системного подхода к изучению и профилактике [15]. Результаты их исследований показывают, что синдром выгорания проявляется в негативном отношении к коллегам, раздражительности, утрате идеализма и уходе в себя. При этом влияние психологического состояния отдельного работника на весь коллектив является несущественным.

Л. Н. Светова в своих исследованиях выделяет специфические психологические особенности профессионального выгорания адвокатов, подчеркивая необходимость дифференцированного подхода к изучению данного феномена в различных юридических специальностях [18]. Исследования Д. С. Минина демонстрируют гендерные особенности психологического выгорания у адвокатов и различия в характере развития выгорания у специалистов разных направлений в зависимости от вида судопроизводства [12].

С целью профилактики искажения профессиональной личности и эмоционального истощения правоведов необходимо планомерно осуществлять исследование механизмов психологической готовности к трудовой деятельности, нормативно установленного надзора и результативности трудовых процессов. В комплексе превентивных мер против синдрома выгорания особое место занимает создание методических указаний по устранению влияния деструктивных психологических воздействий в целях гарантирования социального обеспечения работников юридической сферы, определение принципов влияния потенциальной ответственности и профессиональных замечаний на активность и когнитивные способности руководящих работников [9].

Существенную роль играет также применение психологических принципов служебных замечаний, позволяющих реализовать намеченные задачи без негативного влияния на рабочий процесс, задействование ментальных ресурсов для сопротивления иерархическому и латеральному воздействию, равно как и изучение аспектов профессионально обусловленного уровня благоприятности трудовой среды правоведа.

Проведенное исследование проблемы профессионального выгорания юристов позволяет сделать ряд важных выводов о характере, специфике и факторах развития данного феномена в юридической сфере.

Анализ литературы показывает, что профессиональное выгорание юристов представляет собой многофакторный синдром, обусловленный спецификой правовой деятельности. Юридическая профессия характеризуется высоким уровнем стрессогенности, что связано с постоянным эмоциональным напряжением, необходимостью принятия ответственных решений, влияющих на судьбы людей, и интенсивным межличностным взаимодействием с клиентами в конфликтных ситуациях.

Исследование выявило, что синдром профессионального выгорания у юристов проявляется в негатив-

ном отношении к коллегам, повышенной раздражительности, утрате профессиональных идеалов и социальной изоляции. При этом установлено наличие гендерных особенностей развития выгорания, а также различий в характере его проявления у специалистов разных юридических направлений в зависимости от вида судопроизводства.

Особую опасность представляет тесная взаимосвязь профессионального выгорания с профессиональной деформацией личности юриста. Среди наиболее деструктивных проявлений выделяется излишняя подозрительность, которая не только нарушает принципы объективности и всесторонности правосудия, но и негативно влияет на личную жизнь специалистов.

Результаты исследования подтверждают необходимость системного подхода к профилактике профессионального выгорания в юридической сфере. Ключевыми направлениями превентивных мероприятий должны стать: систематический анализ профессионально-психологической подготовленности юристов, разработка рекомендаций по нейтрализации негативных психологических факторов, обеспечение социальной защищенности специалистов, а также формирование навыков противостояния профессиональному давлению.

Полученные данные указывают на актуальность дальнейших исследований в области изучения специфических особенностей профессионального выгорания у представителей различных юридических специальностей с целью разработки дифференцированных программ профилактики и коррекции данного синдрома.

Список источников

1. Астраханцева Е. Ю. Профессиональное выгорание: критерии оценки и способы своевременного предотвращения / Е. Ю. Астраханцева, А. В. Кучумов, Л. Т. Печеная, А. А. Цыганов // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2 (51). С. 141–151.
2. Болдырев С. Н. Проблема соотношения права и нравственности в юридической технике: психолого-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2021. № 2 (194). С. 80–82.
3. Бреднева В. С. Социально-правовая обусловленность деформации профессионального правосознания юристов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 2. С. 51–55.
4. Вербицкая Ю. В. Профессиональное выгорание юристов // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 450–452.
5. Власюк И. В. Профессиональное выгорание адвокатов: монография / И. В. Власюк, Н. Т. Абрекова, Е. И. Селиванова. Волгоград : Сфера, 2023. 77 с.
6. Колосунин И. А. Роль эмпатических способностей в профессиональном становлении личности / И. А. Колосунин, М. Г. Савочкина, О. В. Родин, Н. Г. Токарева // Образовательный вестник «Сознание». 2017. № 12. С. 141–143.

7. Лоскутова Э. А. Формирование и развитие синдрома «Профессионального выгорания» работников сферы образования // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 1 (13). С. 18–184.

8. Любарская С. И., Миликова А. В. Проблема профессионального эмоционального выгорания сотрудников Следственного комитета Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 46 (232). С. 256–257.

9. Мельников В. М. Профессиональная деформация личности в юридической деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 3. С. 60–62.

10. Минин Д. С. Гендерные особенности психического выгорания адвокатов: эмоциональные предпосылки // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-psihicheskogo-vygoraniya-advokatov-emotsionalnye-predposylki> (дата обращения: 30.06.2025).

11. Минин Д. С. Дифференциально-психологическое исследование особенностей выгорания у адвокатов в различных видах судопроизводства: личностный аспект // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 164–168.

12. Минин Д. С. Эмоционально-личностные предикторы психического выгорания адвокатов в различных видах судопроизводства : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / Д. С. Минин. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 24 с.

13. Морозов А. В. Психология профессиональной деятельности адвоката / А. В. Морозов, С. П. Жданов, Л. И. Красавчикова, А. О. Бианкина, В. С. Калиновская // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 84–94.

14. Москалева Т. В. Синдром эмоционального выгорания // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-emotsionalnogo-vygoraniya-2> (дата обращения: 30.06.2025).

15. Мрвич Н. В., Косорукова И. С. Проблемы профессионального выгорания у юристов // Society and Security Insights. 2023. № 3. С. 204–217.

16. Плаксин Е. Д., Ефимова Н. С., Плаксина Н. В. Профессиональная деформация юристов как угроза безопасности личности в профессии // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-yuristov-kak-ugroza-bezопасnosti-lichnosti-v-professii> (дата обращения: 30.06.2025).

17. Понятовская А. Г. Профессиональное выгорание: причины и профилактика // Уральский социологический форум к 100-летию Л. Н. Когана: Культура, личность, общество в условиях перемен: новые вызовы, проблемы, перспективы: материалы XXVI Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана, Екатеринбург, 1 декабря 2023 года. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 120–128.

18. Светова Л. Н. Психологические особенности профессионального выгорания адвокатов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 4 (83). С. 376–382.

19. Сеницына Т. И. Профессиональная этика и служебный этикет: учебное пособие / Т. И. Сеницына; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде. Вологда, 2022. 162 с.

20. Скабелина Л. А. Психологические аспекты адвокатской деятельности : монография. М. : Федеральная палата адвокатов, 2012. 229 с.

21. Соколов В. А. Психологические требования к юристу // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 31 марта 2017 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. С. 712–721.

22. Терехова А. И. Особенности проявления эмоционального выгорания у юристов // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития (к 85-летию ТГПУ им. Л. Н. Толстого) : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Тула, 18–19 октября 2023 года. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2023. С. 290–292.

References

1. Astrakhantseva E. Yu. Professional Burnout: Assessment Criteria and Methods of Timely Prevention / E. Yu. Astrakhantseva, A. V. Kuchumov, L. T. Pechenaya, A. A. Tsyganov // Social and Labor Research. 2023. No. 2 (51). P. 141–151.

2. Boldyrev S. N. The Problem of the Relationship between Law and Morality in Legal Technique : A Psychological and Legal Analysis // Agrarian and Land Law. 2021. No. 2 (194). P. 80–82.

3. Bredneva V. S. Social and Legal Determination of the Deformation of Professional Legal Awareness of Lawyers // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2019. No. 2. P. 51–55.

4. Verbitskaya Yu. V. Professional burnout of lawyers // Young scientist. 2022. No. 18 (413). P. 450–452.

5. Vlasyuk I. V. Professional burnout of lawyers : monograph / I. V. Vlasyuk, N. T. Abrekova, E. I. Selivanova. Volgograd : Sfera, 2023. 77 p.

6. Kolosunin I. A. The role of empathic abilities in the professional development of a person / I. A. Kolosunin, M. G. Savochkina, O. V. Rodin, N. G. Tokareva // Educational bulletin «Consciousness». 2017. No. 12. P. 141–143.

7. Loskutova E. A. Formation and Development of the «Professional Burnout» Syndrome in Education Workers // Bulletin of the Mari State University. 2014. No. 1 (13). P. 18–184.

8. Lyubarskaya S. I., Milikova A. V. The Problem of Professional Emotional Burnout of Employees of the In-

vestigative Committee of the Russian Federation // *Young Scientist*. 2018. No. 46 (232). P. 256–257.

9. Melnikov V. M. Professional Deformation of Personality in Legal Activity // *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice*. Series: Cognition. 2021. No. 3. P. 60–62.

10. Minin D. S. Gender Features of Mental Burnout of Lawyers: Emotional Prerequisites // *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-psihicheskogo-vygoraniya-advokatov-emotsionalnye-predposylki> (date of access: 30.06.2025).

11. Minin D. S. Differential psychological study of burnout characteristics among lawyers in various types of legal proceedings: personal aspect // *Theory and practice of social development*. 2015. No. 15. P. 164–168.

12. Minin D. S. Emotional and personal predictors of mental burnout among lawyers in various types of legal proceedings : author's abstract. diss. ... cand. of psychology: 19.00.03 / D. S. Minin. St. Petersburg : St. Petersburg state University. 2016. 24 p.

13. Morozov A. V. Psychology of a Lawyer's Professional Activity / A. V. Morozov, S. P. Zhdanov, L. I. Krasavchikova, A. O. Biankina, V. S. Kalinovskaya // *Psychology and Law*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 84–94.

14. Moskaleva TV Burnout Syndrome // *Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*. 2018. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-emotsionalnogo-vygoraniya-2> (date of access: 30.06.2025).

15. Mrvich N. V., Kosorukova I. S. Problems of professional burnout among lawyers // *Society and Security Insights*. 2023. No. 3. P. 204–217.

16. Plaksin E. D., Efimova N. S., Plaksina N. V. Professional deformation of lawyers as a threat to personal safety in the profession // *Advances in Chemistry and Chemical Technology*. 2014. No. 7 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-yuristov-kak-ugroza-bezopasnosti-lichnosti-v-professii> (date of access: 30.06.2025).

17. Ponyatovskaya A. G. Professional burnout: causes and prevention // *Ural sociological forum dedicated to the 100th anniversary of L. N. Kogan: Culture, personality, society in the context of change: new challenges, problems, prospects : materials of the 26th International conference in memory of Professor L. N. Kogan, Yekaterinburg, December 1, 2023*. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2023. P. 120–128.

18. Svetova L. N. Psychological features of professional burnout of lawyers // *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2020. No. 4 (83). P. 376–382.

19. Sinitsyna T. I. Professional ethics and service etiquette: a tutorial / T. I. Sinitsyna; North-West Institute (branch) of O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Development Fund of the O. E. Kutafin Moscow State Law University branch in Vologda. Vologda, 2022. 162 p.

20. Skabelina L. A. Psychological Aspects of Advocacy : monograph. Moscow : Federal Chamber of Advocates, 2012. 229 p.

21. Sokolov V. A. Psychological Requirements for a Lawyer // *Human Rights Activity in Contemporary Russia: Problems and Their Solutions : Collection of Scientific Papers from the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 31, 2017*. St. Petersburg : St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2017. P. 712–721.

22. Terekhova A. I. Features of the manifestation of emotional burnout in lawyers // *Psychologically safe educational environment: design problems and development prospects (for the 85th anniversary of TSPU named after L. N. Tolstoy): collection of materials of the V International scientific and practical conference, Tula, October 18–19, 2023*. Cheboksary : Publishing House «Sreda», 2023. P. 290–292.

Информация об авторе

Ю. Д. Митин – аспирант Гуманитарного университета.

Information about the author

Yu. D. Mitin – Graduate Student at the Humanities University.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 04.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9; ББК 88.8

EDN: <https://elibrary.ru/afoauy>

НИОН: 2018-0077-1/26-709

MOSURED: 77/27-024-2026-01-908

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Психологический портрет «Природы» в феноменологической эстетике Анны-Терезы Тименецки

Людмила Васильевна Молодкина

Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия, lmolodkina@hotmail.com

Аннотация. Обосновывается психолого-эстетическое видение природы, представленное в трудах выдающегося современного американско-польского философа Анны-Терезы Тимьянецки. Природа интерпретируется в сравнении с произведениями искусства как импровизация, стихийный «спектакль» и драма.

Ключевые слова: психология и характер природы, феноменолого-эстетический анализ, индивидуализация жизни, образно-психологические импровизации природы, эстетическая игра

Для цитирования: Молодкина Л. В. Психологический портрет «Природы» в феноменологической эстетике Анны-Терезы Тименецки // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 74–76. EDN: AFOAUY.

Original article

Psychological portrait of «Nature» in the phenomenological aesthetics of Anna-Teresa Tymianecki

Lyudmila V. Molodkina

State University of Land Management, Moscow, Russia, lmolodkina@hotmail.com

Abstract. This article substantiates the psychological and aesthetic vision of nature presented in the works of the distinguished contemporary American-Polish philosopher Anna-Teresa Tymianecki. Nature is interpreted, in comparison to works of art, as improvisation, a spontaneous «performance» and drama.

Keywords: psychology and character of nature, phenomenological and aesthetic analysis, individualization of life, figurative and psychological improvisations of nature, aesthetic play

For citation: Molodkina L. V. Psychological portrait of «Nature» in the phenomenological aesthetics of Anna-Teresa Tymianecki. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):74–76. (In Russ.). EDN: AFOAUY.

Современный американско-польский философ Анна-Тереза Тименецка, обращаясь во многих своих трудах к феноменолого-эстетическому анализу природы и искусства и их влияния на индивидуализацию жизни человека, изображала, по сути, психологическую картину феномена. По словам А.-Т. Тименецка, главная роль эстетики природы заключается в ее «стихийной гениальности» и психологической утонченности. Автор отмечает, что природу нельзя сравнивать с художником или создателем, «потому что она не настроена на создание эстетического объекта». Но, несмотря на это, можно найти в общении с Природой «вход в источники человеческой жизни», обрести понимание значения жизни как психологического состояния. Согласно А.-Т. Ти-

менецка, люди могут рассуждать о лиризме весеннего пейзажа, ужасающем великолепии бури или ностальгической красоте осени в горах ... С одной стороны, можно предположить, что преобразование черт природы в эстетические является результатом наших собственных психологических отношений. Но с другой стороны, это обращение основано на жизненном и поэтическом опыте, который позволяет предположить, что эстетические категории вводятся извне в Природу в отличие от произведения искусства, содержащего эстетические характеристики непосредственно «в собственном теле». А.-Т. Тименецка отмечает: «... оценивающий субъект превращает в своем восприятии зрелище природы в произведение искусства». Эстетическая

сущность природы, творческий механизм человеческой жизни, по мнению автора, тесно взаимосвязаны и взаимобусловлены в процессе естественного генезиса Человека и «Элементарных Сил Природы». В столкновении с «Элементами Природы» виртуальные условия Человека высвобождают все его творческие возможности. Именно этот факт объясняет толкование человеческого существования, человеческого творчества и эстетики природы.

В эстетической феноменологии природы А.-Т. Тиmeneцка по аналогии с произведениями искусства выделяет три образно-психологические импровизации: «спектакль природы» как эстетическое зрелище, «симфонию природы» и «драму природы». *Spectacle of Nature* – это эстетическая серия привлекательных природных явлений, представленных зрителю. Симфония Природы показана как рост; человек играет роль эстетического инструменталиста. Драма Природы способна проникнуть в «сумерки» человеческого сознания, в его глубокий эмоциональный мир, который представлен как «виртуальность жизненных Условий» (*Human Condition*), основанных на «тонкостях» человеческой души и творческом воображении, которые взаимодействуют и генерируют поэтический смысл жизни.

Однако театрализованность и непрерывную эстетическую «игру» единичных энвайронментальных фрагментов возможно узреть и осмыслить только в обширных контурах человеческого жизненного начала. Человек и Природа в органическом единстве животрепещущих сил и энергий представляются словно партнеры в борьбе за выживание. В процессе рассуждений на эту тему А.-Т. Тиmeneцка приходит к умозаключению, что именно «...жизненная (экзистенциальная) борьба человека с природными силами – тяжелый труд по дроблению щебня, укрощение рек, труд хлебопашества и пр. – вовлекает нас в эстетическую игру с Природой... Для того чтобы ощутить и сполна раскрыть эстетическую роль Природы, нужно понимать, что Жизнь природы внутри контекста нашей собственной жизни». В этом состоит сущность эмоционально-психологического контакта Человека и Природы.

Данная тема занимала очень важное место в личном жизненном пространстве А.-Т. Тиmeneцка. Эпицентром весьма обширного природного окружения дома Тиmeneцка в горном поместье Помфорт был великолепный сад со множеством кустарников, деревьев и разнообразных цветов, среди которых особое место занимали любимые философом ароматные сортовые лилии. Небольшой пруд рядом с величественной горой, обширный зеленый луг с пасущимися вдали животными, древняя индейская дорога внутри естественной посадки... Все это, безусловно, располагало не только к любованию и получению эстетического удовольствия от созерцательного складывания природного «сюжета», но приводило и к глубинному феноменологическому философствованию о *Human Condition*, *Ontopoiesis of Life*, *Creative Imagination*, *Elemental Life Forces* и др. Прочувствовать жизнь природы внутри собственной жизненной квинтэссенции,

интенционально ощутить и психологически осмыслить единение человеческой энергетики с природной сквозь призму эстетического восприятия окружающего ландшафта – этого можно было достичь только в Саду. Утилитарная целенаправленность сада, обусловленная прежде всего производством продуктов питания и обеспечением органических жизненных потребностей человеческого бытия, одновременно направляет элементарные жизненные силы в виртуальное русло возникновения и производства конструктивных факторов «индивидуализации жизни» и творческого, изобретательского потенциала человека. «Поскольку мой сад, – рассуждает А.-Т. Тиmeneцка, – синтезирует в миниатюре все возможные модусы нелегкого человеческого труда..., то это – поле моего природного пространства, это – измерительная ветвь моей природной силы».

Эстетическую концепцию, основанную на психологии восприятия Природы как естественного артефакта, А.-Т. Тиmeneцка сформулировала во многом благодаря врожденному и неподражаемому умению общаться, на первый взгляд, с безмолвными, природными компонентами собственного Сада, который она боготворила. Называя «формальный» сад, созданный на французский манер в геометрической форме, произведением искусства, не импровизирующим природу, А.-Т. Тиmeneцка отдавала предпочтение «сельскому саду» (*country garden*). Именно этот тип сада, который создан человеком на основе его умений и знаний природы, словно рефлектирует «игру природы», названную философом продолжительной, и «никогда окончательно незавершенной» Симфонией Сада.

А.-Т. Тиmeneцка, наделяя Сад такой поэтичско-музыкальной особенностью, как симфоничность, тем самым философски и психологически раскрывает сущность Природы как Сада. Она выделяет психологические и *интенциональные аспекты*, в соответствии с которыми Сад воспринимается как живая «симфония» единой Природы. Дизайн сада словно отражает неисчерпаемость многочисленных жизненных ситуаций – «кругов» – своего владельца, стремящегося к тончайшему мироощущению и осознанию единения с Природой. «Мой сад – это поле моих совместно разделяемых отношений с жизненными силами Природы». Сложный проективный характер садового ландшафта свидетельствует об экстенсивной совокупности опыта и навыков человека, устремленного в своих действиях к освоению природных средств и возможностей как жизненно необходимых. Ландшафтно-архитектурный проект местности, на которой расположен сад, репрезентируется Тиmeneцка как «жизненный план», в котором впоследствии динамически разворачивается синтетическая картина «истории» живой природы: рождение, рост, угасание, упадок... Природа «синтезирует все модальности значимой вовлеченности человеческой виртуальности в мир примитивных сил и сил стремительной жизни», что, несомненно, связано с утилитарным и потребительским отношением человека к природе. Прежде

всего нелегкий человеческий труд по выращиванию плодоносящих растений свидетельствует о поддержке и активизации жизненного роста бытия Человека. Психологически интерпретируя чувственно-эмоциональные интенции человеческой души в их слитности с рационально-логическим устремлением к пониманию и постижению красоты Природы на примере собственного сада, Тименецка подчеркивает соизмеримость каждого индивидуального сада со спецификой характера его создателя.

Феноменологический процесс «безмолвной коммуникации» как «мгновенного чувственно-эмпирического опыта» позволил Тименецка впоследствии значительно расширить смысловое поле эстетической концепции «Симфония моего сада», представив ее в качестве основного рычага в развитии «индивидуализации жизни». Ею выделяются две модальности, способствующие прогрессивному росту и плодоношению сада как такового и как живого эстетического феномена:

- 1) горизонтальная (мгновенная) коммуникация с жизненными силами в их действиях;
- 2) вертикальное (перпендикулярное) развитие («развертывание») жизни.

В данных плоскостях жизненного бытия сада непосредственное участие принимает человек, коммуникативный и творческий потенциал которого свидетельствует о его соучастии в жизни Природы. Эстетические и поэтические природные качества, феноменологически являемые нашему сознанию вначале «безмолвно», вскоре «...достигают своего полного эстетического голоса только в эстетической Дrame Природы...», которая, согласно Тименецка, представляет собой «...доступ к источнику эстетического смысла жизни».

Последовательно развертывая и раскрывая концептуальное содержание «Симфонии сада» как важнейшей психолого-эстетической части своего философского учения об индивидуализации жизни, Тименецка использует способ аналогии и проводит компаративистские параллели между двумя явлениями – «сад» и «музыкальное произведение». По эмоционально-эстетическому воздействию музыкальное произведение и прекрасный сад способны вызывать схожие отклики в душе воспринимающего субъекта, ибо имеют общее темпоральное основание – их сущность раскрывается во времени. Временное бытие «моего сада» представляется как диалектическая смена нескольких «прогрессирующих» модусов:

– культивирование почвы и начало выращивания, способствование «подъему» растительной жизни деревьев, кустарников, цветов и т. д.;

– поддерживание интенсивного («бурного») процесса роста растений в саду;

– сдерживание прогрессирующего темпа в жизни выращенных растений в период наивысшей результативности – «зенита плодоношения»;

– «угасание» растительной жизни, ее увядание и природные «трансформации» в преддверии повторения того же самого жизненного цикла.

В динамически последовательном развитии «чувств и эмоций растительного мира» Тименецка на примере собственного сада демонстрирует «импровизированную композицию» как «универсальную систему жизни и роста, выражаемую климатическими условиями на земле».

Феноменологическая концепция «индивидуализации жизни», которая является ключевой во всей философской системе А.-Т. Тименецка, теоретически осмысливается посредством психолого-эстетического истолкования бытийности феномена «Сада».

Библиографический список

1. Тименецка А.-Т. 1997. Эзотерическая страсть к месту. Страсть к месту. Книга II, стр. IX–XIV. Между жизненным пространством и творческими горизонтами самореализации. «Аналитика Гуссерля», А.-Т. Тименецка (ред.).
2. Академическое издательство Kluwer. 2003. Сады и страсть к бесконечному. «Аналитика Гуссерля», С. 1–4. А.-Т. Тименецка (ред.).
3. Издательство Kluwer Academic, 1985. «Эстетика природы в условиях человеческого существования». «Аналитика Гуссерля», Т. XIX, С. 3–19. Издательство Д. Рейдела.

Bibliographic list

1. Tymieniecka A.-T. 1997. The Esoteric Passion for Place. Passion for Place. Book II, P.IX-XIV. Between the Vital Spacing and the Creative Horizons of Fulfilment. Analecta Husserliana, A.-T. Tymieniecka (eds.).
2. Kluwer Academic Publishers. 2003. Gardens and the Passion for the Infinite. Analecta Husserliana, P. 1–4. A.-T. Tymieniecka (eds.).
3. Kluwer Academic Publishers. 1985. «The Aesthetics of Nature in the Human Condition». Analecta Husserliana, Vol. XIX, P. 3–19. D. Reidel Publishing Company.

Информация об авторе

Л. В. Молодкина – доцент кафедры гуманитарных наук Государственного университета по землеустройству, кандидат философских наук.

Information about the author

L. V. Molodkina – Associate Professor in the Department of Humanities at the State University of Land Management, Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 11.03.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 11.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/blhffy>

НИОН: 2018-0077-1/26-710

MOSURED: 77/27-024-2026-01-909

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология и когнитивная эргономика

Специфика психологических барьеров управленческой деятельности младшего командного состава

Полина Эдуардовна Олейникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, oleynikova.p.chish@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема проявления психологических барьеров управленческой деятельности младшего командного состава образовательных организаций МВД России и путей их преодоления. Дано описание методологических оснований проведенного исследования, представлены и обоснованы психологические барьеры управленческой деятельности младших командиров курсантских подразделений. Проанализированы результаты эмпирического исследования 227 младших командиров, свидетельствующие о взаимосвязи психологических барьеров и влияющих на эффективность их управленческой деятельности. Обозначены основные контуры дальнейшей научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: психологические барьеры, управление, управленческая деятельность, младший командный состав

Для цитирования: Олейникова П. Э. Специфика психологических барьеров управленческой деятельности младшего командного состава // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 77–80. EDN: BLHFFY.

Original article

The specifics of psychological barriers to management activities of junior command personnel

Polina E. Oleynikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, oleynikova.p.chish@gmail.com

Abstract. The article discusses the problem of psychological barriers in the management activities of junior commanders in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and ways to overcome them. The article describes the methodological foundations of the conducted research, presents and justifies the psychological barriers in the management activities of junior commanders in cadet units. The article analyzes the results of an empirical study of 227 junior commanders, which show the relationship between psychological barriers and their impact on the effectiveness of their management activities. The article outlines the main directions for further research.

Keywords: psychological barriers, management, administrative activities, junior command staff

For citation: Oleynikova P. E. The specifics of psychological barriers to management activities of junior command personnel. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):77–80. (In Russ.). EDN: BLHFFY.

Актуальность исследования анализируемой проблемы обусловлена ключевой ролью младшего командного состава в системе профессиональной подготовки будущих офицеров. Младшие командиры представляют собой управленческое звено курсантского подразделения, обладающее двойным статусом: курсант и руководитель, что влечет за собой определенные трудности и психологические барьеры управленческой деятельности. Именно младший команд-

ный состав напрямую взаимодействуют с личным составом, распределяет функциональные обязанности между курсантами, способствует созданию и поддержанию благоприятного социально-психологического климата в подразделении, урегулирует межличностные конфликты и организует выполнение учебно-служебных задач.

Процесс управления является сложным механизмом организации, координации, реализации деятельно-

сти руководителя для изменения и улучшения состояния подчиняемой системы, а также для эффективного использования имеющихся ресурсов. К структурным компонентам управления можно отнести цель, мотивацию, информационную основу принятых решений, индивидуально-психологические свойства субъекта, контроль и коррекцию [4, с. 16].

Особенность управленческой деятельности в подразделениях системы органов внутренних дел заключается в сочетании перечисленных структурных компонентов с условиями выполнения служебных задач. Быстро изменяющиеся условия службы, учет, анализ большого потока информации, прогнозирование, планирование и организация деятельности характеризуют специфику управленческой системы МВД России.

Управленческая деятельность младших командиров в целом, подразумевает под собой «процесс, состоящий из нескольких этапов: планирование и организация деятельности, мотивация и контроль» [1; 3; 7]. Однако данная управленческая деятельность имеет определенные следующие специфические черты:

- многофункциональность ролей, так как младший командир одновременно выполняет функции курсанта, товарища, руководителя, что требует широкого набора компетенций;

- достаточно низкий ресурс формальной власти при высокой ответственности (если сравнить младших командиров с высшими руководителями, то будет очевидно, что управленческая деятельность командира, в первую очередь, опирается на личный авторитет, навыки убеждения и организационные приемы);

- интенсивность межличностных контактов (работа младших командиров осуществляется в малых группах, где значимым выступают групповые нормы, неформальные лидеры и эмоциональные связи);

- учебно-служебная деятельность включает в себя освоение курсантами образовательной программы, проведение мероприятий по служебно-боевой и морально-психологической подготовке для обучения, развития, воспитания, а также для быстрой адаптации к выполнению профессиональных задач и становления личности профессионала.

Перечисленные особенности управленческой деятельности младшего командного состава определяют важную проблему для изучения специфики их труда, возможные психологические барьеры, возникающие в процессе управления курсантскими подразделениями.

Под *барьерами* принято понимать «внутреннее препятствие психологической природы (нежелание, боязнь, неуверенность и т. п.), мешающее человеку успешно выполнить некоторое действие, часто возникающее в деловых и личных взаимоотношениях людей и препятствующее установлению между ними открытых и доверительных отношений» [5]. Психологический барьер проявляется как непреодолимая преграда, которая мешает двигаться вперед, достигать целей или решать поставленные задачи. Применительно к управленческой деятельности младшего командного состава, неспособность справиться с возникающими психологическими

барьерами может привести к межличностным конфликтам внутри подразделения, нарушению нормативных документов, падению авторитета в коллективе и невыполнению приказов, учебных и служебных планов. Именно поэтому важно исследовать данную проблему и разрабатывать научно-методические рекомендации по преодолению психологических барьеров, возникающих в управленческой деятельности младших командиров.

Исследованиями психологических барьеров в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел занимались многие отечественные психологи (Ю. М. Забродин, М. И. Марьин, В. Е. Петров, А. М. Столяренко, В. Л. Цветков и др.).

Традиционно выделяют несколько видов психологических барьеров по различным основаниям, что позволяет понять их природу, выявить причины и разработать соответствующие меры по их преодолению. Рассмотрим некоторые из них:

- 1) *внешние и внутренние барьеры* (внешние связаны с условиями деятельности, общения, социальными нормами и т. д., внутренние, в свою очередь, связаны с личностными характеристиками, такими как тревожность, застенчивость, ригидность, агрессивность);

- 2) *когнитивные барьеры* возникают на основе стереотипных представлений о людях, явлениях, ситуациях, которые затрудняют объективное восприятие и принятие новой информации;

- 3) *коммуникативные барьеры* – это «психологическое препятствие на пути адекватной передачи информации между партнерами по общению, носящие в основном социальный или психологический характер» [10, с. 30].

В целях определения специфики психологических барьеров младшего командного состава было проведено исследование, эмпирическую базу которого составил младший командный состав образовательной организации системы МВД России в количестве 227 человек. Выбор данной эмпирической базы обусловлен особенностями деятельности субъектов управления, выражающиеся в непосредственном взаимодействии с личным составом и с вышестоящим руководством, распределением служебных обязанностей, созданием социально-психологического климата и разрешением межличностных конфликтов.

При проведении исследования нами были использованы следующие методики: «Томский опросник ригидности» (Г. В. Залевский [6]), «Экспресс-диагностика барьеров в управленческой деятельности» (Н. П. Фетишкин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов [9]), «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В. В. Бойко [2]). Изучались психологические барьеры младших командиров, влияющих на эффективность их управления.

В эмпирической части нашего исследования выявлялись связи между эмоциональными и функциональными барьерами управленческой деятельности, а также рассматривалась ригидность в качестве ограничивающего фактора эффективного управления. Опишем ниже подробнее перечисленные барьеры:

а) *эмоциональные барьеры*, связаны с внутренним состоянием управленца и выражается в эмоциональной реакции, препятствующей эффективному достижению целей, принятию оптимальных решений и построению продуктивных взаимоотношений. Они могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми. К ним можно отнести: неумение управлять эмоциями и неадекватно их проявлять; негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций; преобладание негативных эмоциональных состояний; нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе);

б) *функциональные барьеры* управленческой деятельности – это препятствия, возникающие в процессе реализации управленческих функций (неопределенность положения в организации; перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей; конфликтность рабо-

чей обстановки и атмосферы; взаимодействие с руководством);

в) *ригидность* (симптомокомплекс ригидности: ригидность как состояние, актуальная, сензитивная, установочная и преморбитная ригидности).

Обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с использованием корреляционного анализа (коэффициента корреляции Пирсона). Было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между барьерами управленческой деятельности младшего командного состава, отражающая специфику их управленческой деятельности. Проводился поиск ответа на вопрос, есть ли потребность в создании и реализации дополнительных программ психологической работы, направленных на преодоление барьеров в процессе управления. Результаты эмпирического анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Интеркорреляции психологических барьеров управленческой деятельности младшего командного состава

	Общая ригидность	Конфликтность рабочей обстановки	Перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей	Неопределенность положения в организации	Взаимоотношения с руководством	Неумение управлять эмоциями	Неадекватное проявление эмоций	Негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций	Доминирование негативных эмоций	Нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе
Общая ригидность	1	0,298	0,367	0,375	0,379	0,268	0,195	0,227	0,225	0,093
конфликтность рабочей обстановки	0,298	1	0,609	0,731	0,681	0,257	0,171	0,202	0,147	0,094
Перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей	0,367	0,609	1	0,796	0,650	0,371	0,181	0,216	0,219	0,057
Неопределенность положения в организации	0,375	0,731	0,796	1	0,790	0,281	0,111	0,235	0,125	0,083
Взаимоотношения с руководством	0,379	0,681	0,650	0,790	1	0,282	0,189	0,276	0,154	0,210
Неумение управлять эмоциями	0,268	0,257	0,371	0,281	0,282	1	0,228	0,243	0,148	-0,198
Неадекватное проявление эмоций	0,195	0,171	0,181	0,111	0,189	0,228	1	0,227	0,412	0,171
Негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций	0,227	0,202	0,216	0,235	0,276	0,243	0,227	1	0,187	0,033
Доминирование негативных эмоций	0,225	0,147	0,219	0,125	0,154	0,148	0,412	0,187	1	0,272
Нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе	0,093	0,094	0,057	0,083	0,210	-0,198	0,171	0,033	0,271	1

Обнаружено, что существует значимая корреляционная связь на уровне 0,01 (двусторонняя) между следующими барьерами: «нежелание сближаться с людьми» и «конфликтность рабочей обстановки» ($r = 0,731$); «нежелание сближаться с людьми» и «перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей» ($r = 0,796$); «взаимоотношения с руководством» и «неопределенность положения в организации» ($r = 0,790$). Средняя корреляционная взаимосвязь определена между такими барьерами, как «перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей» и «конфликтность рабочей обстановки» ($r = 0,609$); «взаимоотношения с руководством» и «конфликтность рабочей обстановки» ($r = 0,681$); «взаимо-

отношения с руководством» и «перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей» ($r = 0,650$). Выявлены также умеренные взаимосвязи, например, «перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей» и «общая ригидность» ($r = 0,367$); «неопределенность положения в организации» и «общая ригидность» ($r = 0,375$); «взаимоотношения с руководством» и «общая ригидность» ($r = 0,379$); «неумение управлять эмоциями» и «перегрузка в процессе выполнения своих обязанностей» ($r = 0,371$); «доминирование негативных эмоций» и «неадекватное проявление эмоций» ($r = 0,412$).

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о наличии эмоциональных барьеров управ-

ленческой деятельности младшего командного состава, выражающиеся в конфликтности рабочей обстановки, доминировании негативных эмоций, неумении управлять своим эмоциональным состоянием. К специфическим барьерам можно отнести: перегрузку в процессе выполнения своих обязанностей, неопределенность положения в организации и взаимоотношения с руководством.

Исследовав симптомокомплекс ригидности (общую ригидность) как специфический барьер, препятствующий эффективному управленческому процессу, пытались установить, как склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения проявляется в быстроизменяющийся учебно-служебной деятельности, требующей быстрой адаптации и реакции. Проведенный анализ важен для дальнейшего исследования и разработки научно-практических рекомендаций по психологической коррекции лидерского Я командиров и повышения эффективности их управленческой деятельности.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование специфики психологических барьеров управленческой деятельности младшего командного состава было направлено на анализ имеющихся научных знаний об изучаемом феномене, подтверждает значимость разработки и реализации программ преодоления психологических барьеров в управленческой деятельности младших командиров, переоценки подходов к профессиональной подготовке курсантов при назначении их на должности младшего командного состава.

Уточнено, что специфика психологических барьеров управленческой деятельности связана как с эмоциональным состоянием субъектов управления, так и с особенностями управленческой деятельности и условий ее выполнения.

Выявлены значимые корреляции между всеми психологическими барьерами субъектов управления курсантскими подразделениями.

Материалы данного исследования обозначили основные контуры дальнейшей исследовательской работы.

Библиографический список

1. Безрядин Д. Н. Основы управления органами внутренних дел. М. : Академия управления МВД России, 2001.
2. Бойко В. В. Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. М. : Институт психотерапии. 2002. С. 346.
3. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент : учебник. М. : Гардарики, 2001. 528 с.
4. Демиденко О. П., Библина С. С. Структурные компоненты управленческой деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 16–18.

5. Еникеев М. И. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М. : Проспект. 2013.

6. Залевский Г. В. Томский опросник ригидности // Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М. : МГУ им М.В. Ломоносова, 2003. С. 50–61.

7. Минцберг Г. Действуй эффективно! Лучшая практика менеджмента. СПб. : Питер. 2012. 288 с.

8. Редькина Л. В. Психологические барьеры: структура и содержание // Вестник ТГУ. 2010. № 10. С. 102–105.

9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Экспресс-диагностика барьеров управленческой деятельности // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Институт психотерапии. 2002. С. 346.

10. Цветков В. Л., Юренкова В. А. Психология профессионального общения : учебное пособие. М. : ЮСТИЦИЯ, 2021. 242 с.

Bibliographic list

1. Bezryadin D. N. Fundamentals of management of internal affairs bodies. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001.
2. Boyko V. V. Diagnostics of emotional barriers in interpersonal communication // Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups / N. P. Fetiskin, V. V. Kozlov, G. M. Manuilov. Moscow : Institute psychotherapy. 2002. P. 346.
3. Vikhansky O. S., Naumov A. I. Management : textbook. Moscow : Gardariki, 2001. 528 p.
4. Demidenko O. P., Biblina S. S. Structural components of managerial activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 3. P. 16–18.
5. Enikeev M. I. Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy. Moscow : Prospekt, 2013.
6. Zalevsky G. V. Tomsk questionnaire of rigidity // Practicum on psychodiagnostics and research of personality tolerance edited by G. U. Soldatova, L. A. Shaigerova. Moscow : Lomonosov Moscow State University, 2003. P. 50–61.
7. Mintsberg G. Act effectively! The best management practice. St. Petersburg : St. Petersburg. 2012. 288 p.
8. Redkina L. V. Psychological barriers: structure and content // Bulletin of TSU. 2010. No. 10. P. 102 105.
9. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Express diagnostics of barriers to managerial activity // Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups. Moscow : Institute of Psychotherapy. 2002. p. 346.
10. Tsvetkov V. L., Yurenkova V. A. Psychology of professional communication : a textbook. Moscow : JUSTITIA, 2021. 242 p.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.9+378.1

EDN: <https://elibrary.ru/ddswao>

НИОН: 2018-0077-1/26-711

MOSURED: 77/27-024-2026-01-910

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Формирование и развитие коммуникативной компетентности курсантов факультета психологии и пробации Академии ФСИН России

Элла Игоревна Поднебесная

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, ella.podnebesnaya.8019@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы организации эффективного образовательного процесса, в основе которого лежат педагогические условия, направленные на формирование и развитие коммуникативной компетентности курсантов.

Ключевые слова: курсанты, коммуникативная компетентность, педагогические условия

Для цитирования: Поднебесная Э. И. Формирование и развитие коммуникативной компетентности курсантов факультета психологии и пробации Академии ФСИН России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 81–85. EDN: DDSWAO.

Original article

Formation and development of communicative competence of cadets of the Department of Psychology and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

Ella I. Podnebesnaya

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ella.podnebesnaya.8019@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of organizing an effective educational process based on pedagogical conditions aimed at the formation and development of communicative competence of cadets.

Keywords: cadets, communicative competence, pedagogical conditions

For citation: Podnebesnaya E. I. Formation and development of communicative competence of cadets of the Department of Psychology and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):81–85. (In Russ.). EDN: DDSWAO.

Анализ отечественной научной литературы по проблемам подготовки курсантов демонстрирует значительный интерес к изучению особенностей формирования профессиональных компетенций, необходимой подготовки специалистов и механизмов их социализации в сложных условиях. Российские исследователи рассматривают различные аспекты этой проблематики, выделяя несколько важных направлений исследований:

1. Отечественные ученые обращают внимание на необходимость комплексного подхода к обучению курсантов, подчеркивая важность сочетания специализированных знаний, развитых коммуникативных компетентностей [1]. Успешная профессиональная деятельность курсанта зависит не только от образования, но и от способности развития навыка самостоятельного принятия решений и оценки собственной готовности к будущей профессии [2].

2. Исследования российских ученых подтверждают, что одним из важнейших аспектов успешной работы в пенитенциарной системе является умение эффективно общаться с различными категориями населения. Так, подчеркивается значение формирования навыков конструктивного разрешения конфликтов, умения управлять эмоциями и предотвращать кризисные ситуации [3].

Теоретические представления зарубежных исследователей о развитии коммуникативной компетентности курсантов основываются на фундаментальных положениях ряда западных научных школ и педагогических направлений.

Среди ведущих специалистов, исследующих проблемы коммуникативной компетентности курсантов можно выделить разработки М. Gottlieb [10] по методике активной аудитивной практики и вербальному взаимодействию в критически сложных управленче-

ских ситуациях; D. Holland [11] автор методик стрессоустойчивых коммуникаций. Коммуникативную компетентность курсантов целесообразно рассматривать как комплексное личностное качество профессионального характера, включающее совокупность когнитивно-коммуникативных свойств и поведенческих характеристик, обеспечивающих успешную реализацию профессиональной деятельности через эффективное взаимодействие с окружающими лицами в ходе выполнения функциональных обязанностей.

Методологическим основанием проводимого исследования является интегративно-развивающий подход, детально разработанный рядом отечественных специалистов – Т. Г. Жарковская, И. Ю. Синельников [4]; О. Л. Карпова, А. Я. Найн [5]; Ю. В. Слободчикова [7]; Е. Ю. Суховецкая, А. А. Вяткин, В. А. Конов, В. В. Килин [8]; Л. А. Шипилина [9]. Данный подход предполагает всестороннее осмысление интеграционных процессов современного общества и образования, обусловленных социально-экономическими трансформациями и усиливающимся взаимодействием образовательных учреждений с внешними социальными институтами.

Как указывает Л. А. Рябцева [6], суть указанного методологического направления заключается в следующем: акцентируется внимание на динамике изменений высшего профессионального образования, связанного с повышением требований к выпускникам, способным адаптироваться и эффективно функционировать в условиях высокой неопределенности и быстрого изменения социальной среды.

Теоретический компонент содержательно включает знания: целей, норм, условий, способов и стилей эффективной коммуникации; сущности и особенностей коммуникативной компетентности курсантов; особенностей взаимодействия в различных ситуациях профессионального общения.

Практическая составляющая коммуникативной компетентности включает следующие блоки.

I. Прогностически-коммуникативный блок навыков. Прогностическое направление предполагает формирование способности структурированного планирования коммуникаций и предвидения динамики развития диалогового процесса в зависимости от экзогенных условий среды.

II. Операционно-инструментальная группа навыков. Инструментально-практическая компонента характеризуется развитием активных навыков слушания, постановки релевантных вопросов и формирования адекватных реакций на поступающую информацию, обеспечивающих эффективность межличностного обмена знаниями и опытом.

Термин «педагогические условия», используемый нами, трактуется как совокупность объективированных факторов образовательного пространства, включая контентное наполнение образовательных технологий, форм организации учебно-воспитательного процесса, дидактических приемов и материально-техническое оснащение, целенаправленно влияющих на формирование компонентов коммуникативной компетентности курсантов в рамках интегративно-развивающей парадигмы.

Среди ключевых педагогических условий, продиктованных идеями интеграции и непрерывного профессионального роста, нами определены следующие:

1. Базовым механизмом совершенствования коммуникативных качеств выступает практикоориентированная деятельность, сопряженная с выполнением актуальных профессионально значимых заданий. Данная стратегия способствует формированию устойчивого опыта, мотивации и ценностных ориентаций, необходимых для успешной социализации в профессиональной среде.

2. Обучение организуется через интерактивные взаимодействия между преподавателем и слушателями, реализуя методологию совместных усилий в освоении знаний и навыков, способствующих высокому уровню владения элементами коммуникативного мастерства.

3. Дидактический инструментарий включает традиционную классно-урочную систему наряду с инновационными методами, позволяющими адаптироваться к разнообразию коммуникативных контекстов и обеспечить вариативный характер подготовки специалиста.

4. Важнейшую роль приобретает внеаудиторная самоподготовка слушателей, компенсируя дефицит часов контактного общения и стимулируя самообразование, креативность и инициативность.

5. Преподавательская позиция определяется ролевой функцией наставничества и партнерства, создающей пространство взаимного уважения и поддержки в процессе освоения учебной программы.

6. Вводится дифференцированный подход, основанный на учете индивидуальных психологических характеристик и способностей обучающихся, позволяющий повысить эффективность воспитательно-обучающего процесса.

Зарубежные исследования широко исследуют данную тему, так как эффективное общение существенно повышает продуктивность взаимодействия и общую результативность деятельности организации.

Научные изыскания подтверждают, что индивидуальные психологические черты оказывают существенное влияние на процесс коммуникации. Сюда входят восприятие, концентрация внимания, память, когнитивная деятельность и эмоциональные состояния. Так, например, Н. Brown [15] подчеркивал особую значимость интерпретации невербальных сигналов и их воздействия на коммуникативный процесс.

Новые цифровые инструменты значительно влияют на организацию учебного процесса, делая его более динамичным и увлекательным. Исследование D. R. Carless [16] показало высокую эффективность использования виртуальной реальности.

Большое внимание зарубежные ученые уделяют применению практико-ориентированных методов для развития коммуникативных навыков. P. Freire [17] выделил полезность тренингов командообразования, которые способствуют укреплению доверия и сотрудничеству среди обучающихся.

Z. Ismail [18] акцентирует внимание на изучении влияния стиля лидерства руководителей на формирование эффективных коммуникативных способно-

стей курсантов. В. McCarthy [19] обращает внимание на то, что в аспекте развития коммуникативной компетентности курсантов необходимо активное участие в проектировании и реализации образовательной программы, что способствует усилению мотивации обучающихся, формированию ответственности и росту удовлетворенности учебным процессом.

А. Stetsenko видит особую значимость в практической составляющей в аспекте развития коммуникативной компетентности курсантов [20].

В опытно-экспериментальной работе приняли участие 50 курсантов факультета психологии и пробации Академии ФСИН России.

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы проводился на основе методики КОС (коммуникативные и организаторские склонности).

Методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей КОС-1 (В. А. Синявский, Б. А. Федоришин). Оценочный коэффициент определяется отношением числа совпадающих ответов по каждому разделу к максимально возможному числу совпадений.

Участники опытно-экспериментальной работы: 50 курсантов, выборка сбалансирована по возрасту, опыту учебной и профессиональной деятельности, в нее вошли курсанты факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, обучающиеся по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности». Выборка обусловлена тем, что они уже осуществили профессиональный выбор, находятся в начале профессионального пути, следовательно целесообразно и необходимо выявить уровень развития коммуникативной компетентности.

На начальном этапе был проведен констатирующий эксперимент, направленный на выявление уровня сформированности коммуникативной компетентности курсантов. Таким образом, по результатам методики КОС (В. А. Синявский, Б. А. Федоришин) было выявлено, что 34 % респондентов имеют низкий уровень социально-коммуникативной компетентности, 48 % – средний, а высокий всего 18 %.

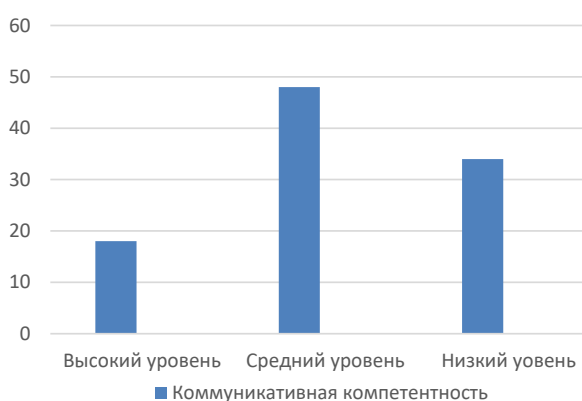

Рис. 1. Результаты констатирующего эксперимента на выявление уровня коммуникативной компетентности курсантов факультета психологии и пробации по методике В. А. Синявского, Б. А. Федорошина

Далее был организован формирующий эксперимент в ходе которого реализовались основные подходы к развитию коммуникативной компетентности у курсантов:

1. Имитация профессионально значимых коммуникативных сценариев. Данный подход заключается в создании искусственно сконструированных ситуаций, приближенных к специфическим условиям будущей профессиональной деятельности обучаемых. К числу типичных упражнений относятся моделирование диалога руководителя подразделения с подчиненными, ведение переговорных процессов между представителями различных структурных единиц организации, урегулирование конфликтов в условиях ограниченного времени и ресурсов. Указанный прием направлен на повышение осознанности субъектов относительно значимости выбора оптимальных способов вербального и невербального воздействия на аудиторию.

Реализация: ситуационные игровые тренинги, ролевой игровой опыт, имитационные диалоги.

2. Формирование навыков публичной риторики. Освоение техник уверенной и четкой подачи устных сообщений существенно повышает готовность субъекта вести эффективное выступление перед различными категориями аудитории (командование, коллеги-сослуживцы, представители гражданского общества). В рамках данного направления осуществляется овладение стратегиями аргументированного обоснования собственной позиции, структуры представления материала, эмоционального вовлечения публики через управление интонацией голоса и динамическими характеристиками произнесенного текста.

Организационная форма: тематически ориентированные лекционно-тренажерные мероприятия, дискуссии-парламентские дебаты, презентационные проекты учебно-образовательного характера.

3. Коррекция невербальных компонентов общения. Специфическая роль элементов невербальной коммуникации обусловлена возможностью дополнения и уточнения передаваемой смысловой нагрузки высказывания. Курсантам предоставляется возможность освоения основополагающих принципов интерпретации сигналов тела (позы, мимическое сопровождение, жестикация), регулирования собственного зрительного контакта, голосового модуляционного диапазона, пространственной дистанции до адресата. Совершенствование указанных навыков позитивно влияет на степень убедительности сообщения и вызывает доверие у целевой аудитории.

Инструментальные методики: аналитико-дискуссионные семинарско-практические занятия, видеозапись публичных выступлений с последующим детальным анализом допущенных погрешностей.

4. Практика активизации навыков аудирования. Овладение техникой внимательного выслушивания партнера по общению становится важнейшим элементом процесса развития коммуникативной эффективности. Процесс реализуется путем отработки действий концентрации внимания на собеседнике, постановки наводящих уточняющих вопросов, отражения сути полученной информации и демонстрации ее полного осознания. Данный компонент формирует атмосферу взаимного уважения и улучшает показатели сотрудничества.

Образовательные технологии: групповое сотрудничество, направленное решение социально-психологических проблем с обязательной интеграцией механизмов рефлексивного аудирования.

Далее был проведен контрольный этап опытно-экспериментального исследования.

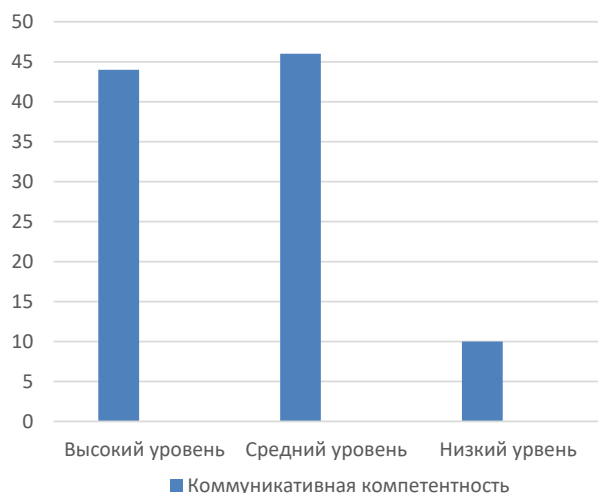

Рис. 2. Результаты констатирующего эксперимента на выявление уровня коммуникативной компетентности курсантов факультета психологии и пробации по методике В. А. Синявского, Б. А. Федорошина

Таким образом, по результатам методики КОС (В. А. Синявский, Б. А. Федоришин) было выявлено, что 10 % респондентов имеют низкий уровень социально-коммуникативной компетентности, 46 % – средний, а высокий – 44 %.

Формирование и развитие коммуникативной компетентности курсантов является важнейшей составляющей в профессиональном становлении и развитии.

Результаты исследования могут быть применены при проектировании модулей и технологий формирования профессионально значимых качеств курсантов.

Библиографический список

1. Григорьева Д. А., Найн А. Я. Развитие коммуникативной компетентности курсантов военного вуза на основе интегративно-развивающего подхода // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. № 11. С. 87–93.
2. Деев А. В., Калинкина Е. М. Особенности мотивационно-личностной сферы курсантов с разным уровнем рефлексивности // Медико-биологические, клинические и социальные вопросы здоровья и патологии человека : Материалы X Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых с международным участием, проведенная в рамках «Десятилетия науки и технологий», Иваново, 2 апреля 2024 года. Иваново : Ивановский государственный медицинский университет, 2024. С. 191–192. EDN DNOBWB.
3. Деев А. В., Калинкина Е. М. Диссоциация мотивационно-личностной сферы курсантов с различным уровнем рефлексивности // Молодые исследователи – регионам : Материалы Международной научной конференции, Вологда, 23 апреля 2024 года. Вологда : Вологодский государственный университет, 2024. С. 1400–1401. EDN QKQPTM.
4. Жарковская Т. Г., Синельников И. Ю. Интегративный подход как способ междисциплинарного взаимодействия // Педагогика. 2018. № 8. С. 91–95.
5. Карпова О. Л., Найн А. Я. Развитие коммуникативной компетенции бакалавров физической культуры на основе интегративно-развивающего подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59. Ч. 3. С. 370–374.
6. Рябцева Л. А. Методический компонент образовательной среды как условие развития коммуникативной компетентности курсантов // Пограничная безопасность : теория и практика : Материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» / редкол. : В. Д. Гришко [и др.]. Минск : ГУО «ИПС РБ», 2018. С. 330–332.
7. Слободчикова Ю. В. Развитие коммуникативной компетентности курсантов в контексте их профессионального становления // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 222–227.
8. Суховецкая Е. Ю., Вяткин А. А., Конов В. А., Килин В. В. Интегративный подход в педагогике как основа профессионального образования курсантов вузов внутренних войск России // Ученые записки Университета имени П. Ф. Лесгафта. 2007. № 3 (25). С. 82–84.
9. Шипилина Л. А. Подготовка менеджеров образования в педагогическом университете : монография. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. 293 с.
10. Gottlieb M., Rothman N. Z., Solano-Flores G. Communicative Competence: A Framework for Professional Performance. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2020. 320 p.
11. Holland D. C., Leander K. N., Skinner D. E. Identity and Agency in Cultural Worlds. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2019. 384 p.
12. Alvesson M., Skoldberg K. Reflexive Methodology : New Vistas for Qualitative Research. Los Angeles : SAGE Publications Ltd, 2018. 328 p.
13. Atkins S., Murphy K. Reflection: A review of the literature // Journal of Advanced Nursing. 1993. Vol. 18. Issue 8. P. 1188–1192.
14. Cantillon P., Skeff K. M., Bligh J. Professional development and reflective practice in medical education // Medical Teacher. 2019. Vol. 41. No. 6. P. 637–644.
15. Brown H., Day V., Ashcroft M. Developing Police Officer Competencies through Communicative Language Teaching // Policing: An International Journal. Vol. 40. No. 4. 2017. P. 657–671.
16. Carless D. R., Chang C.-Y., Chan Y. S., Law Y.-C. Cultivating Critical Reflection in Higher Education: Exploring Disciplinary Contexts. Singapore : Springer Nature, 2021. 254 p.
17. Freire P., Macedo D. P. Literacy : Reading the Word and the World. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. 168 p.
18. Ismail Z., Razak Z. A., Azizan S. F. Effective Leadership Practices for Enhancing Police Officers' Communi-

cation Skills // Asian Social Science. Vol. 13. No. 15. 2017. P. 212–223.

19. McCarthy B., Healey M., Jenkins A. Students as Partners in Learning and Teaching: A Guide for Faculty. San Francisco: Jossey-Bass, 2019. 272 p.

20. Stetsenko A. Activity Theory and Sociocultural Studies of Learning. New York : Cambridge University Press, 2020. 352 p.

Bibliographic list

1. Grigorieva D. A., Nain A. Ya. Development of Communicative Competence of Military University Cadets Based on an Integrative and Developmental Approach // Modern Higher School: Innovative Aspect. 2019. No. 11. P. 87–93.

2. Deev A. V., Kalinkina E. M. Features of the Motivational and Personal Sphere of Cadets with Different Levels of Reflexivity // Medical, Biological, Clinical, and Social Issues of Human Health and Pathology : Proceedings of the 10th All-Russian Scientific Conference of Students and Young Scientists with International Participation, Held as Part of the «Decade of Science and Technology», Ivanovo, April 2, 2024. Ivanovo : Ivanovo State Medical University, 2024. P. 191–192. EDN DNOBWB.

3. Deev A. V., Kalinkina E. M. Dissociation of the motivational and personal sphere of cadets with different levels of reflexivity // Young researchers – to the regions: Proceedings of the International scientific conference, Vologda, April 23, 2024. Vologda: Vologda State University, 2024. P. 1400–1401. EDN KQKPTM.

4. Zharkovskaya T. G., Sinelnikov I. Yu. Integrative approach as a way of interdisciplinary interaction // Pedagogy. 2018. No. 8. P. 91–95.

5. Karpova O. L., Nain A. Ya. Development of communicative competence of bachelors of physical education based on an integrative-developmental approach // Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 59. Part 3. P. 370–374.

6. Ryabtseva L. A. Methodological Component of the Educational Environment as a Condition for Developing Cadets' Communicative Competence // Border Security: Theory and Practice: Proc. of the Int. Correspondence Scientific and Practical Conf. of the State Educational Institution «Institute of the Border Service of the Republic of Belarus» / ed. board: V. D. Grishko [et al.]. Minsk : State Educational Institution «IPS RB», 2018. P. 330–332.

7. Slobodchikova Yu. V. Development of Cadets' Communicative Competence in the Context of Their Profes-

sional Development // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1. P. 222–227.

8. Sukhovetskaya E. Yu., Vyatkin A. A., Konov V. A., Kilin V. V. An Integrative Approach to Pedagogy as a Basis for Professional Education of Cadets of Universities of the Internal Troops of Russia // Scientific Notes of P. F. Lesgaft University. 2007. No. 3 (25). P. 82–84.

9. Shiplina L. A. Training Education Managers at a Pedagogical University: Monograph. Omsk : OmskGPU Publishing House, 1998. 293 p.

10. Gottlieb M., Rothman N. Z., Solano-Flores G. Communicative Competence: A Framework for Professional Performance. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2020. 320 p.

11. Holland D. C., Leander K. N., Skinner D. E. Identity and Agency in Cultural Worlds. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2019. 384 p.

12. Alvesson M., Sköldberg K. Reflexive Methodology: New Vistas for Qualitative Research. Los Angeles : SAGE Publications Ltd, 2018. 328 p.

13. Atkins S., Murphy K. Reflection: A review of the literature // Journal of Advanced Nursing. 1993. Vol. 18. Issue 8. P. 1188–1192.

14. Cantillon P., Skeff K. M., Bligh J. Professional development and reflective practice in medical education // Medical Teacher. 2019. Vol. 41. No. 6. P. 637–644.

15. Brown H., Day V., Ashcroft M. Developing Police Officer Competencies through Communicative Language Teaching // Policing: An International Journal. Vol. 40. No. 4. 2017. P. 657–671.

16. Carless D. R., Chang C.-Y., Chan Y. S., Law Y.-C. Cultivating Critical Reflection in Higher Education: Exploring Disciplinary Contexts. Singapore: Springer Nature, 2021. 254 p.

17. Freire P., Macedo D. P. Literacy: Reading the Word and the World. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2018. 168 p.

18. Ismail Z., Razak Z. A., Azizan S. F. Effective Leadership Practices for Enhancing Police Officers' Communication Skills // Asian Social Science. Vol. 13. No. 15. 2017. P. 212–223.

19. McCarthy B., Healey M., Jenkins A. Students as Partners in Learning and Teaching: A Guide for Faculty. San Francisco: Jossey-Bass, 2019. 272 p.

20. Stetsenko A. Activity Theory and Sociocultural Studies of Learning. New York: Cambridge University Press, 2020. 352 p.

Информация об авторе

Э. И. Поднебесная – доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и probation Академии ФСИН России, магистр психологии, доцент.

Information about the author

E. I. Podnebesnaya – Associate Professor in the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, a Master of Psychology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 1.159.98

EDN: <https://elibrary.ru/dbgpmw>

ИИОН: 2018-0077-1/26-712

MOSURED: 77/27-024-2026-01-911

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Экзистенциальные формы коммуникации в современных условиях

Михаил Михайлович Потапов¹, Андрей Борисович Барбашов², Григорий Михайлович Гойхман³

^{1, 2, 3} Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹ PotapovMM@rgsu.net

² BarbashovAB@rgsu.net

³ GoikhmanGM@rgsu.net

Аннотация. Современный социум переживает радикальную трансформацию. Беспрецедентный технологический прогресс, глобализация и ускорение темпов жизни изменяют саму природу человеческих отношений. В этих условиях вопрос о подлинности и смысле человеческого общения становится особенно острым. Экзистенциализм, с его фокусом на индивидуальном бытии, свободе и ответственности, предлагает мощный аналитический инструментарий для понимания этих процессов. Цель настоящей статьи – проанализировать экзистенциальные формы коммуникации в современном обществе, выявить их специфику, вызовы и перспективы. В статье проводится комплексный анализ трансформации социальных коммуникаций под влиянием цифровых технологий и трансформации коммуникативных практик под влиянием социальных сетей.

Актуальность данной работы обусловлена стремительным развитием интернет-среды, тотальной проницаемостью социальных медиа во все сферы жизни общества, что приводит к системной перестройке способов производства, распространения и потребления информации, а также к изменению характера социальных связей.

Ключевые слова: социальные коммуникации, интернет-сообщества, социальные сети, экзистенциальные формы, виртуальная реальность, искусственный интеллект (ИИ), парасоциальные отношения, цифровая социология, медиасреда, аффективные альянсы, иммерсивность, коммуникативные практики, медиатизация, публичный дискурс

Для цитирования: Потапов М. М., Барбашов А. Б., Гойхман Г. М. Экзистенциальные формы коммуникации в современных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 86–94. EDN: DBGPMW.

Original article

Existential forms of communication in modern conditions

Mikhail M. Potapov¹, Andrey B. Barbashov², Grigori M. Goikhman³

^{1, 2, 3} Russian State Social University, Moscow, Russia

¹ PotapovMM@rgsu.net

² BarbashovAB@rgsu.net

³ GoikhmanGM@rgsu.net

Abstract. Modern society is undergoing a radical transformation. Unprecedented technological progress, globalization, and the accelerating pace of life are changing the very nature of human relationships. Under these conditions, the question of the authenticity and meaning of human communication becomes especially pressing. Existentialism, with its focus on individual existence, freedom, and responsibility, offers a powerful analytical tool for understanding these processes. The purpose of this article is to analyze existential forms of communication in contemporary society, identifying their specific characteristics, challenges, and prospects. It provides a comprehensive analysis of the transformation of social communications under the influence of digital technologies and the transformation of communication practices under the influence of social media.

The relevance of this work is determined by the rapid development of the internet environment and the total penetration of social media into all spheres of society, which leads to a systemic restructuring of the methods of production, distribution, and consumption of information, as well as a change in the nature of social connections.

© Потапов М. М., Барбашов А. Б., Гойхман Г. М., 2026

Keywords: social communications, online communities, social networks, existential forms, virtual reality, artificial intelligence (AI), parasocial relations, digital sociology, media environment, affective alliances, immersion, communication practices, mediatization, public discourse

For citation: Potapov M. M., Barbashov A. B., Goikhman G. M. Existential forms of communication in modern conditions. *Psychology and pedagogics in official activity*. 2026;(1):86–94. (In Russ.). EDN: DBGPMW.

Введение. В соответствии с определением Большой Российской Энциклопедии 2004–2017, коммуникация (лат. *communicatio*, от *communico* – делать общим, делать сообща, связывать, общаться) есть взаимодействие людей и животных, предполагающее обмен информацией с помощью специализированных сигналов-посредников. В человеческом обществе Коммуникация есть общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками.

При этом необходимо учесть, что так называемая «классическая латынь» (а именно, на данном языке было сформулировано современное определение *communicatio*) сформировалась примерно в I веке до н. э. Но обмен информацией, общение людей между собой, их формы взаимодействия существовали задолго до появления письменности, с древнейших времен зарождения человечества.

Первыми признаками коммуникации еще на заре *Homo sapiens* с абсолютной уверенностью можно назвать передачу информации как о внешней среде, так и о внутренних чувствах или личных эмоциях звуками, жестами и мимикой.

Термин «экзистенциальный» в последнее время часто звучит не только в научных дискуссиях разного рода, но и на уровне бытового общения. При этом порой оно воспринимается как некий заумный термин. Полагаем, необходимо попытаться разобраться в сути данного понятия.

Экзистенциальный – происходит от слова экзистенция – бытие, иными словами, объективная реальность в ее полно-объемном существовании.

В Большом толковом словаре русского языка термин «экзистенциальный» трактуется как «связанный с бытием, существованием человека».

Экзистенциализм (фр. *existentialisme* от лат. *existentia* – существование), кроме того философия существования – одно из направлений в философии XX века, акцентирующее свое внимание на уникальности бытия человека.

В чистом виде экзистенциализм как философское направление никогда не существовал. Экзистенциализм развивался параллельно родственным направлениям – французскому персонализму (Э. Мунье, М. Недонсель, Ж. Лакруа) и немецкой диалектической теологии (К. Барт, П. Тиллих, Р. Бульман).

Исходя из приведенных определений напрашивается вывод, что экзистенциальная коммуникация есть не что иное как истинная коммуникация, зародившаяся вместе с человеком. основополагающие формы обмена информацией остаются неизменными: вербальные и невербальные, а способы эволюциониру-

ют в полной совокупности с развитием человеческой цивилизации. В данном случае можно пренебречь первичностью происхождения форм коммуникации. Несмотря на то, что невербальные формы (мимика, жесты и пр.) зародились несколько раньше появления языка как средства общения между людьми, вербальная коммуникация (т. е. словесный язык) считается основным коммуникационным средством. При этом именно в совокупности данных форм коммуникация достигает цели абсолютной полноты передачи не только количественной информации, но и сути существующей реальности.

1. Экзистенциальные формы коммуникации современного социума

В современном мире происходит значительное изменение в формах коммуникации между людьми. С развитием технологий и социальных сетей, привычные способы общения переосмысливаются и принимают новые, экзистенциальные формы. Эти изменения оказывают влияние не только на наше повседневное общение, но и на само понимание своего существования в контексте современного социума.

Исследование экзистенциальных форм коммуникации становится все более актуальным в условиях изменяющегося мира. В данной главе мы рассмотрим, какие новые аспекты появляются в области общения, как они влияют на нашу жизнь и как можно осознанно использовать эти изменения для улучшения качества межличностных отношений и самопонимания.

Первые проявления экзистенциальной коммуникации как формы отражения внешнего мира отмечаются в начале XX века. Наиболее яркое проявление этой идеи мы находим в творчестве выдающихся немецких мыслителей Карла Ясперса и Мартина Бубера, а также испанского философа-экзистенциалиста Хосе Ортега-и-Гассет.

Концепция Ясперса заключалась в различии массовой и подлинной, или экзистенциальной коммуникации.

Характерным признаком массовой коммуникации является формальное межличностное общение. В процессе обмена информацией не проявляется уникальность личности. Каждый человек при этом не раскрывает свой внутренний мир.

Подлинная коммуникация, разрывая личные границы, образует связь двух личностей на духовном уровне. Такая коммуникация возможна только тогда, когда человек готов к истинному диалогу, преодолевая собственный эгоизм совершить прорыв к Другому.

Диалогизм в философии Бубера состоял в двух типах отношений: «Я-Ты» и «Я-Оно».

В отношениях «Я-Ты»: человек вступает в подлинный диалог, воспринимая другого как уникальную и самоценную личность. Этот диалог является основой экзистенциальной коммуникации.

В отношениях «Я-Оно»: человек воспринимает другого как объект, средство для достижения своих целей. Это инструментальная, функциональная коммуникация.

Таким образом, экзистенциальная коммуникация – это не просто обмен информацией, а глубокое, личностное взаимодействие, направленное на взаимопонимание и соприкосновение с бытием Другого.

Далее, в течении XX века, экзистенциальная коммуникация из идеи перерастает в предмет разносторонних междисциплинарных исследований в области изучения коммуникативных знаков и знаковых систем, которые хранят и передают информацию.

Современное общество, несмотря на обилие средств связи, сталкивается с глубоким кризисом подлинной коммуникации, который проявляется в следующих факторах.

Развитие цифровых технологий, социальных сетей и мессенджеров предоставило беспрецедентные возможности для связи, но парадоксальным образом привело к углублению отчуждения личности от общества. Данное явление можно обозначить как «технологический парадокс». Виртуальные контакты часто носят поверхностный, фрагментарный характер, не оставляя места для глубокого личного общения. Социальные сети создают «эхо-камеры», где люди общаются с теми, кто разделяет их взгляды, что препятствует реальному диалогу и столкновению с инаковостью.

В условиях потребительского общества коммуникация нередко превращается в инструмент, товар, способ достижения личной выгоды. Таким образом происходит коммерциализация общения. Отношения между людьми становятся «Я-Оно», что разрушает возможность подлинного диалога.

Вопросы управления психологией больших масс людей стали более доступны за счет расширения возможностей влияния на индивидуальную психику [10]. Глобализация и информационная перегрузка ставят под вопрос устойчивость личной идентичности. В стремлении соответствовать общественным ожиданиям и виртуальным образам человек теряет связь со своим подлинным «Я», что делает невозможной и подлинную коммуникацию с Другим. Таким образом мы приходим к кризису самоидентификации.

При всем при этом кризис традиционных форм коммуникации порождает новые, подчас парадоксальные, экзистенциальные практики общения в современном социуме.

Интернет, при всех его недостатках, может стать ареной для подлинного общения. Таким образом новой формой экзистенциального выбора становится виртуальная коммуникация. Создаются альтернативные виртуальные пространства, в которых человек может нахо-

дись сообщества и собеседников, с которыми он может быть по-настоящему открытым, чего ему не хватает в повседневной жизни. В условиях анонимности и отсутствия социальных масок человек в виртуальном пространстве вынужден совершать экзистенциальный выбор, кем он хочет быть, и как он хочет взаимодействовать с Другими.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) ставит новые экзистенциальные вопросы. Общение с ИИ-ассистентами и чат-ботами является симулякрот диалога. Однако это заставляет человека рефлексировать над тем, что делает общение подлинным, а что – поверхностной коммуникацией. Зависимость от ИИ может усугубить отчуждение, создавая иллюзию общения, но не удовлетворяя глубинную потребность в контакте с живым человеком.

На фоне повсеместного кризиса особое значение приобретает рефлексивный диалог – как внутренний, так и внешний. Внутренний диалог: саморефлексия и диалог с самим собой становятся ключом к самопознанию и восстановлению связи со своим «Я». Внешний рефлексивный диалог – это общение, где собеседники не только обмениваются мнениями, но и осмысливают сам процесс коммуникации, его цели и смыслы.

Понимание всей сложности коммуникационной проблематики обуславливает необходимость определения путей преодоления кризиса.

В условиях информационной перегрузки и многозадачности необходимо развивать осознанность в общении. Это означает быть полностью включенным в момент, слушать собеседника без предубеждений и отвлечений.

Подлинный диалог невозможен без эмпатии – способности сопереживать и понимать чувства другого. Открытость к иному опыту и инаковости является важным условием для преодоления «эхо-камер».

Необходимо создавать и культивировать пространства (как физические, так и виртуальные), где возможно неформальное, личностное и глубокое общение, свободное от потребительских и инструментальных мотивов.

Развитие навыков саморефлексии, критического мышления и эмоционального интеллекта поможет людям осознать свои экзистенциальные потребности и стремиться к более подлинным формам общения.

Экзистенциальные формы коммуникации в современном обществе находятся в состоянии напряженного диалога между кризисом подлинности и поиском смысла. Развитие технологий, коммерциализация и информационная перегрузка создают серьезные вызовы для глубокого человеческого общения. Однако именно в этих условиях возрастает ценность подлинного диалога, основанного на самопознании, эмпатии и открытости. Преодоление кризиса коммуникации требует не столько отказа от технологий, сколько осознанного выбора в пользу глубоких, личностных отношений. В конечном итоге, экзистенциальная коммуникация – это не про-

сто способ обмена информацией, а путь к обретению смысла собственного бытия и утверждению ценности человеческой личности в современном мире. В отличие от поверхностного и функционального общения, экзистенциальная коммуникация основана на диалоге, открытости и признании уникальности каждой личности.

2. Интернет и социум: новые экспериментальные формы связи

Современный этап развития общества неразрывно связан с процессом цифровизации, в ходе которого интернет перестал быть просто инструментом передачи информации, превратившись в глобальную социотехническую среду. Если на заре своего существования интернет-коммуникация в основном воспроизводила и дополняла офлайн-взаимодействия (электронная почта как аналог бумажной, форумы как клубы по интересам), то сегодня мы наблюдаем возникновение принципиально новых, экспериментальных форм связи, которые не имеют прямых аналогов в доцифровую эпоху.

Эти формы характеризуются высокой степенью технологической опосредованности, зависимостью от алгоритмов, интенсивностью аффективного вовлечения и размыванием традиционных социальных границ. Их изучение является одной из наиболее актуальных задач для социогуманитарного знания, поскольку именно в этой лаборатории коммуникативных экспериментов формируются контуры социальности будущего.

В ходе исследования данного вопроса необходимо опираться на ряд теоретических подходов.

Во-первых, это «медиаэкологический подход», рассматривающий интернет не как нейтральный канал, а как среду, которая активно формирует коммуникативные практики, структуры восприятия и социальные институты [8; 9]. Интернет-среда с ее свойствами интерактивности, гипертекстуальности и глобальной связанности является условием возможности экспериментальных форм связи.

Во-вторых, используется «теория социальных сетей», смещающая фокус с жестко структурированных групп на гибкие, распространяющиеся сети межличностных связей [6]. В контексте интернета эта теория позволяет анализировать сообщества, лишённые территориальной привязки и основанные на общности интересов или аффективных реакций.

В-третьих, применяется концепция «цифрового этоса», описывающая *emerging*-нормы и правила поведения, спонтанно формирующиеся в киберпространстве [7]. Эти нормы часто противоречат или дополняют традиционные моральные кодексы, что является характерной чертой экспериментальных коммуникаций.

Эволюция интернет-коммуникации: от диалога к алгоритмическому аффекту. Исторически развитие интернет-коммуникации можно разделить на несколько этапов. Первый этап (1980-е – середина 1990-х гг.) – это эра текстового диалога (IRC, чаты, MUDs/MOO), где коммуникация была по своей сути интерпер-

сональной, хотя и опосредованной. Сообщества формировались вокруг общих текстовых миров и прямого общения.

Второй этап (конец 1990-х – 2000-е гг.) связан с появлением «веб 2.0» и социальных сетей (LiveJournal, Facebook, ВКонтакте). Коммуникация становится более визуализированной и персонифицированной, возникает феномен «горизонтальной» медиатизации, когда пользователи сами становятся производителями контента. Сообщества структурируются вокруг личных профилей («френд-лента»), однако социальный граф по-прежнему largely отражает или расширяет офлайн-связи.

Современный, третий этап (2010-е – по настоящее время) характеризуется доминированием алгоритмически опосредованной коммуникации. Платформы (TikTok, Instagram, Twitter/X) все меньше показывают контент от «друзей» и все больше – от незнакомцев, подобранный алгоритмом на основе анализа поведения пользователя. Это приводит к фундаментальному сдвигу: основой для связи становится не межличностное знакомство или явно выраженный интерес, а совместное, синхронизированное алгоритмом аффективное переживание. Социальная связь возникает не «снизу вверх», от индивида к индивиду, а «сверху вниз» – как результат настройки пользователей платформой на одну эмоциональную волну. Именно на этом этапе возникают те экспериментальные формы, которые являются предметом данного исследования.

В рамках современного этапа можно выделить три ключевых типа экспериментальных коммуникативных форм.

1. Аффективные альянсы в социальных сетях: сообщества алгоритмической синхронизации.

Данный тип связи представляет собой кратковременные, но интенсивно переживаемые объединения пользователей, формируемые вокруг общего аффекта (возмущения, восторга, иронии, ностальгии), актуализированного вирусным контентом и усиленного алгоритмом рекомендательной системы.

Примеры: Всплеск коллективного возмущения в комментариях под постом о несправедливости; массовая ироничная реакция на мем, создающая ощущение принадлежности к «посвященным»; синхронное участие в хэштег-кампаниях.

Специфика связи:

Эфемерность. Альянс существует ровно столько, сколько контент находится в тренде. После этого аффект рассеивается, а связь распадается.

Алгоритмическая природа. Пользователи не ищут друг друга consciously; их сводит вместе платформа, которая идентифицировала их как релевантную аудиторию для конкретного аффективного паттерна.

Недиалогичность. Коммуникация часто носит монологический характер (каждый высказывает свой аффект в общем потоке), но при этом создает мощное ощущение сопричастности.

Идентичность. Участник такого альянса не приобретает устойчивой идентичности, но переживает временную «жидкую идентичность», определяемую текущим аффектом [1].

Социокультурным последствием распространения аффективных альянсов является эмоционализация публичной сферы. Рациональная дискуссия вытесняется борьбой аффектов, что кардинально меняет политические и культурные процессы. Солидарность становится не продуктом долгосрочных договоренностей, а результатом моментальной эмоциональной синхронизации.

2. Иммерсивные сообщества в виртуальной и дополненной реальности.

Этот тип связи предполагает совместное пребывание в едином, технологически созданном пространстве, которое воспринимается как реальное или смешанное. Коммуникация здесь становится не просто обменом сообщениями, а совместным действием в общем мире.

Примеры: Многопользовательские онлайн-миры (MMORPG, метавселенные типа Decentraland, VRChat), социальные платформы в VR, игры с дополненной реальностью (Pokémon GO).

Специфика связи:

Воплощенность. Коммуникация обогащается невербальными компонентами: аватары передают жесты, позы, дистанцию между пользователями. Это создает эффект телесного присутствия, отсутствующий в традиционных социальных сетях.

Общее пространство. Связь опосредована не только общим интересом, но и общим «местом» – виртуальным ландшафтом, артефактами, архитектурой.

Ролевой характер. Взаимодействие часто строится вокруг игровых или социальных ролей, что позволяет экспериментировать с идентичностью более глубоко, чем в анонимных текстовых чатах.

Смешанная реальность (Mixed Reality). В случае с дополненной реальностью цифровые социальные объекты и взаимодействия накладываются на физический мир, создавая принципиально новый гибридный социальный контекст.

Социокультурным последствием является размывание онтологических границ. Опыт, полученный в виртуальном мире, воспринимается как подлинный и значимый. Формируются устойчивые сообщества, для которых виртуальное пространство является основной средой социализации. Это ставит под вопрос традиционное понимание «реальности» и «присутствия».

3. Парасоциальные отношения с нечеловеческими агентами.

Наиболее радикальная экспериментальная форма – это установление социальных и эмоциональных связей с искусственным интеллектом, чат-ботами и виртуальными influencers. Традиционное понятие парасоциальных отношений (односторонняя связь зрителя с медиаперсоной) здесь трансформируется, так как ИИ способен симулировать взаимность.

Примеры: Эмоциональная привязанность к чат-ботам-компаньонам (Replika), восприятие виртуальных influencers (Lil Miquela) как реальных личностей, романтизация голосовых помощников (Alexa, Siri).

Специфика связи:

Иллюзия взаимности. Алгоритм генерирует ответы, создающие убедительный эффект заботы, понимания и эмпатии. Пользователь проецирует на нечеловеческого агента человеческие качества (антропоморфизация).

Инструментализация общения. Связь лишена спонтанности и непредсказуемости, присущей человеческому общению. Она всегда является продуктом предсказательной модели.

Безусловное принятие. В отличие от людей, ИИ-компаньоны не осуждают, не критикуют и всегда доступны, что делает их привлекательными для людей, испытывающих трудности в социальном взаимодействии.

Трансформация приватности. Для установления глубокой связи пользователь добровольно передает ИИ свои самые сокровенные мысли и чувства, что создает новые риски в области этики данных и психологической манипуляции.

Социокультурным последствием является переопределение социального. Социальная связь более не ограничивается межчеловеческой сферой. Возникает вопрос: можно ли считать полноценной связью отношения с entity (сущность), у которого нет сознания, интенциональности и подлинных эмоций? Распространение таких практик ведет к глубоким антропологическим сдвигам, заставляя пересматривать такие фундаментальные категории, как «другой», «диалог» и «любовь».

Сравнительный анализ и интегральная оценка

Несмотря на различия, все три выделенные формы обладают общими чертами:

1. Глубокая технологическая опосредованность: Связь невозможна вне конкретной цифровой платформы или интерфейса.

2. Пластичность и ситуативность: Социальные структуры, возникающие в этих форматах, текучи и зависимы от контекста.

3. Аффективная доминанта: Основой для связи все чаще становится не рациональный интерес, а эмоциональный отклик.

4. Новые формы идентичности: Идентичность становится перформативной, множественной и контекстуально зависимой.

Вместе эти формы знаменуют переход от общества дисциплины к обществу контроля [5], где управление осуществляется через непрерывное модулирование потоков информации, коммуникации и, как следствие, аффектов [13]. Алгоритмы социальных сетей, иммерсивные среды и ИИ-компаньоны становятся новыми агентами социального контроля, действующими не через запрет, а через соблазн, рекомендацию и персонализацию.

В заключение рассмотрения данного вопроса можно констатировать, что интернет-среда перестала быть пассивным отражением социума, превратившись в активную лабораторию по производству новых, экспериментальных форм связи. Эти формы – аффективные альянсы, иммерсивные сообщества и парасоциальные отношения с ИИ – характеризуются высокой степенью опосредованности, эфемерностью и интенсивной аффективной нагрузкой.

Их возникновение и распространение ведет к фундаментальным трансформациям в социальной ткани:

- сообщество оно становится ситуативным и алгоритмически сконструированным;
- идентичность становится «жидкой», перформативной и распределенной между онлайн- и офлайн-контекстами;
- размываются онтологические границы между реальным и виртуальным, человеческим и искусственным;
- публичная сфера подвергается интенсивной эмоционализации.

Дальнейшие перспективы видятся в эмпирической верификации выделенных трендов, в изучении долгосрочных психологических эффектов от участия в таких коммуникативных практиках, а также в разработке этических и правовых рамок, регулирующих взаимодействие человека с алгоритмическими системами и искусственным интеллектом в социальной сфере. Понимание этих экспериментальных форм связи является ключом к прогнозированию и осмысленному конструированию социальной реальности XXI века.

3. Влияние социальных сетей на коммуникативные практики

Коммуникация является фундаментальным процессом, конституирующим социальный порядок, культурные коды и индивидуальные идентичности. С появлением и глобализацией социальных сетей этот процесс претерпел столь масштабные изменения, что можно говорить о формировании новой коммуникативной парадигмы. Социальные сети, будучи не просто каналом передачи информации, а комплексной социотехнической средой, активно преобразуют сложившиеся веками коммуникативные практики, порождая новые формы социального взаимодействия, языковые игры и стратегии самопрезентации.

Актуальность данного вопроса определяется необходимостью осмысления качественных изменений в структуре коммуникации, которые носят не частный, а системный характер. Трансформация затрагивает все уровни: от интимно-личностного общения до функционирования публичной сферы и политических процессов. Игнорирование этой трансформации приводит к неадекватности социологических, политологических и психологических моделей, описывающих современное общество.

Смена коммуникативной парадигмы от диалога к перформансу и реакции происходит самым активным

образом. Классическая модель коммуникации, восходящая к работам Р. Якобсона и Ю. Хабермаса, предполагала диалог, ориентированный на взаимопонимание, аргументацию и кооперацию. Социальные сети институционализируют иные модели.

1. Перформативная коммуникация. Самопрезентация в социальных сетях все меньше направлена на поддержание диалога с конкретным «Другим» и все больше – на демонстрацию «успешного Я» для обобщенной аудитории. Профиль пользователя становится «цифровым перформансом», где каждый пост, фотография или отметка – это элемент сценического образа [3]. Коммуникация превращается в непрерывный поток самопрезентации, нацеленный на производство и поддержание определенной идентичности. «Лайк» в этой модели – это не знак согласия с высказыванием, а знак социального одобрения представленного перформанса.

2. Реактивная коммуникация. Архитектура социальных сетей (кнопки «лайк», «репост», реакции) поощряет не глубинный ответ, а мгновенную, часто аффективную реакцию. Коммуникация редуцируется до акта клика, который требует минимальных когнитивных усилий. Это приводит к «эмоционализации дискурса» и вытеснению сложных аргументированных высказываний в пользу простых и эмоционально заряженных сигналов. Диалог уступает место «полилогу реакций», где основным содержанием коммуникации становится не обмен смыслами, а синхронизация аффективных состояний.

Публичная сфера, понимаемая как пространство рациональной дискуссии по общественно значимым вопросам, претерпевает кардинальные изменения в условиях доминирования социальных сетей [11]. Формируется алгоритмическая опосредованность и фрагментация публичной сферы.

1. Формирование «алгоритмических публик». Пользователи видят в ленте не срез общего информационного поля, а персонализированную подборку контента, отобранного алгоритмом на основе их прошлого поведения. В результате традиционные общественные группы (классы, политические партии) замещаются «аффективными альянсами» – временными сообществами, сформированными вокруг общего вирусного контента или эмоциональной реакции, инициированной алгоритмом. Солидарность становится не продуктом долгосрочных договоренностей, а результатом моментальной алгоритмической синхронизации.

2. Фрагментация и поляризация. Алгоритмы, оптимизированные на удержание внимания, чаще продвигают контент, который вызывает сильные эмоции (гнев, возмущение, восторг и пр.) и подтверждает существующие убеждения пользователя (так называемые «пузыри фильтров», К. Парайзер). Это ведет к усилению социальной поляризации, так как представители разных групп существуют в параллельных информационных реальностях, лишенных точек соприкосновения. Рацио-

нальный дискурс между ними становится практически невозможным.

3. Кризис символических авторитетов. В социальных сетях горизонтальная структура коммуникации подрывает монополию традиционных институтов (СМИ, науки, государства) на производство истины. Экспертное знание уравнивается в правах с мнением блогера, что порождает эпистемический хаос и распространение дезинформации.

Социальные сети функционируют в режиме «экономики внимания» (по Томасу Дэвенпорту), где главным дефицитным ресурсом является внимание пользователя. Это порождает новые специфические коммуникативные стратегии и жанры.

Например, доминирование визуального контента (сторис, рилзы, мемы) над текстовым ведет к изменению способа восприятия информации. Коммуникация становится более импрессионистической, симультанной и менее рефлексивной. Мем как базовый жанр интернет-коммуникации представляет собой идеальный носитель для быстрой передачи сложных идей и аффектов в сжатой, часто ироничной форме.

Жанр «сторис» и логика эфемерности. Формат историй (Stories), исчезающих через 24 часа, институционализирует практики спонтанной, не отрефлексированной коммуникации, создавая иллюзию аутентичности и «жизни в моменте». Это ускоряет коммуникативные потоки и снижает порог ответственности за высказывание.

Спонтанно формируются новые нормы общения (новый цифровой этос): обязательная скорость реакции, культура публичной отмены (cancel culture) как инструмент социального контроля, толерантность к публичности приватной жизни. Язык обогащается неологизмами, интернет-сленгом и реактивными шаблонами, что создает барьер для непосвященных и усиливает групповую идентичность внутри цифровых сообществ.

Трансформации коммуникативных практик имеют глубокие социальные последствия:

1. Трансформация идентичности. Идентичность становится «проективной» и «расщепленной» – пользователь вынужден постоянно балансировать между несколькими перформансами для разных аудиторий (профессиональная сеть, круг друзей, публичная persona), что может вести к росту тревожности и чувству неустойчивости самости [1].

2. Новые формы социальной связности. Возникает парадокс « сетевого индивидуализма»: при гиперсвязанности на уровне слабых связей может наблюдаться дефицит глубоких, прочных межличностных отношений (сильных связей) [12]. Сообщества based on interest вытесняют communities of place.

3. Изменение публичной сферы. Публичная сфера становится гибридной, где онлайн- и офлайн-практики переплетаются. Однако ее рационально-критический потенциал снижается из-за доминирования аффекта, алгоритмической сегрегации и фрагментации. Публич-

ная дискуссия все чаще ведется не на языке аргументов, а на языке скандалов и вирусных кампаний.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что влияние социальных сетей на коммуникативные практики является не поверхностным, а парадигмальным. Социальные сети не просто добавили новые каналы общения, они изменили саму онтологию социальной коммуникации.

Произошел системный сдвиг:

– от «диалогической» модели, ориентированной на взаимопонимание, – к «перформативной» и «реактивной», ориентированной на самопрезентацию и аффективную синхронизацию;

– от интегрированной «публичной сферы» – к фрагментированному пространству «алгоритмических публичных»;

– от дискурсивной «рациональности» – к доминированию «экономики внимания» и аффективного регулирования.

Эти изменения ведут к глубокой трансформации социальной реальности, затрагивая основы идентичности, социальной связности и механизмов функционирования общества. Коммуникация в социальных сетях порождает новую социальность, для которой характерны ускорение, визуализация, полифония и алгоритмическая опосредованность.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении лонгитюдных исследований для отслеживания долгосрочных эффектов этих изменений, в разработке цифровой грамотности как компенсаторного механизма, а также в междисциплинарном изучении этических и нормативных рамок, которые могли бы способствовать сохранению конструктивного потенциала публичной коммуникации в новую цифровую эпоху.

4. Самоидентификация в цифровом пространстве: поиск смысла через коммуникацию

Создание «всемирной паутины» внесло кардинальные изменения в нашу жизнь. Многократно возросла скорость коммуникации, появились новые площадки для общения: социальные сети, мессенджеры, онлайн-платформы. Зародилась новая эпоха – эпоха цифрового пространства.

На каждом новом витке эволюции перед человеком всегда появлялись и новые проблемы. Эпоха цифровизации – не исключение. Пока еще функционирует процесс формирования личности непосредственно в рамках социального окружения, но в бесконечном пространстве цифровой коммуникации с ее неограниченными возможностями появляется проблема сохранения самоидентичности.

Самоидентификация в цифровом пространстве вполне закономерно играет ключевую роль в формировании современной коммуникации. Мы создали параллельный мир – виртуальный, в котором пытаемся создать собственные образы в личном идеальном представлении. Порой виртуальное представление о себе не соответствует реальности. При этом люди использу-

ют как правило один из выделенных И. Гофманом типов трансформации: переключение и фабрикацию [4].

Цифровую площадку человек все чаще использует для самовыражения, пытаясь найти ответы на главный вопрос: в чем смысл жизни. В процессе общения в сети люди активно делятся своими мыслями, эмоциями, идеями, стремясь найти понимание и поддержку. Экзистенциальные вопросы, такие как смысл жизни, смерть, одиночество, также находят свое отражение в онлайн-диалогах. Участники общения благодаря виртуальной коммуникации проявляют себя, раскрывая таким образом свою суть.

В цифровом мире человек имеет возможность создавать многообразие собственных форм идентичности от реально отражающих его личность до фантастических противоположностей. При этом в соцсетях, как правило, мы стараемся, тщательно отредактировав профиль, создать свою версию «идеального я». В конечном итоге «идеальный я» превращается в «цифрового я» – совокупность онлайн-профилей, аватаров и виртуальных образов.

В целом «сеть» дает возможность безопасно экспериментировать с разными сторонами своей личности, пробовать новые роли и находить единомышленников, что может способствовать глубокому самопознанию. Вместе с тем нельзя забывать, что постоянное стремление соответствовать идеальному образу без достижения данной цели может приводить к снижению самооценки и чувству неполноценности. В условиях, когда реальная личность сильно расходится с «цифровым я», может возникнуть внутренний конфликт и кризис идентичности. Более того трансляция в социальных сетях только лучших моментов личной жизни искажает восприятие реальности.

Через получение обратной связи путем взаимодействия с другими людьми, сравнения себя с окружающими к нам приходит понимание кто мы есть. Поэтому коммуникация становится не просто средством обмена информацией, но и весомым инструментом для утверждения себя.

Новый критерий внешней оценки нашей жизнедеятельности через систему одобрения «лайками» и положительными комментариями формирует определенную зависимость от стремления получить их максимальное количество. Что, в свою очередь, делает самооценку человека крайне уязвимой.

Публикуя посты, фотографии мы создаем собственный нарратив, который отражая наши убеждения и ценности становится важной частью в процессе сохранения нашей идентичности.

Динамика отношений «Я-Другой» в результате цифровой коммуникации претерпевает кардинальные изменения. От непосредственного взаимодействия лицом к лицу мы все чаще переходим к опосредованному – через экраны мониторов и математические алгоритмы. Это не только снижает эмоциональную глубину общения, но и не создает крепких, основанных на об-

щих принципах, мнениях и интересах, взаимоотношений, а лишь приводит к временным, поверхностным связям.

Многие века люди традиционно связывали поиск смысла жизни с семьей и обществом. В XXI веке поиск смысла приобрел новые черты – онлайн-активность, участие в онлайн-сообществах, использование цифровых инструментов для решения различных социальных проблем.

Расширяющийся процесс цифровизации становится источником серьезных проблем:

– бесконечный поток информации может привести к потере жизнеутверждающего фокуса и ощущению бессмысленности. Когда вокруг так много всего, трудно определить, что действительно важно;

– цифровое пространство, создавая возможности для самопрезентации, также может способствовать имитации и симуляции, подменяя подлинный поиск смысла созданием внешнего образа;

– чрезмерная зависимость от онлайн-коммуникации может приводить к эмоциональному отчуждению, снижению эмпатии и развитию интернет-зависимости.

Самоидентификация в цифровом пространстве – это сложный и многогранный процесс, который находится на пересечении технологий, психологии и социологии. Цифровая коммуникация предлагает человеку беспрецедентные возможности для самопознания, самовыражения и поиска смысла, но в то же время несет в себе риски и вызовы.

Несмотря на то, что ряд исследований предлагают рассматривать онтологический статус виртуального мира как часть человеческого бытия, выделяя сущностные признаки виртуальной реальности. Авторы таких исследований приходят к выводу о том, что концепция тесной связи всех миров позволяет наблюдать перенос социально и юридически значимых феноменов из реального мира в мир компьютерных игр и в обратном порядке [2]. Важно осознавать, что «цифровое я» – это лишь одна из граней нашей личности, а не ее полноценная замена. Поиск смысла в эпоху цифровой трансформации требует от человека критического осмысления своего онлайн-присутствия, поддержания баланса между виртуальной и реальной жизнью, а также стремления к подлинному, а не имитированному взаимодействию. Только так можно сохранить целостность личности и найти истинный смысл в этом новом, быстро меняющемся мире.

Список источников

1. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Васильев А., Архипов В., Андреев Н., Печатнова Ю. Виртуальный мир и социальная реальность: аспекты соотношения // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37).
3. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.

4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. ; под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М., 2003.

5. Делез Ж. Эссе «Постскрипtum к обществам контроля» (1990) «Переговоры» / пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

7. Леви П. Интеллектуальные технологии: к киберкультуре // Философия техники: история и современность. М. : ИФРАН, 1997. С. 234–251.

8. Манович Л. Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.

9. Постман Н. Забавляемся до смерти. М. : АСТ, 2022. 256 с.

10. Потапов М. М., Барбашов А. Б., Терещенко Е. К. Коммуникационная роль средств массовой информации в процессе кардинального изменения общественного сознания // Научные аспекты комплексной безопасности : Сборник научных статей. М., 2024. С. 212–223.

11. Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы. М. : Весь Мир, 2016. 344 с.

12. Уэллман Б. Физическое место и киберместо: возрождение сообщества // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 18–26.

13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 1999. 480 с.

References

1. Bauman Z. Fluid modernity. St. Petersburg : Peter, 2008. 240 p.

2. Vasiliev A., Arkhipov V., Andreev N., Pechatnova Yu. Virtual world and social reality: aspects of correlation // Legal Linguistics. 2022. № 26 (37).

3. Goffman E. Presenting oneself to others in everyday life. Moscow : Canon-Press-Ts, 2000. 304 p.

4. Hoffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience / translated from English ; edited by G. S. Batygin, L. A. Kozlova, Moscow, 2003.

5. Deleuze J. Essay «Postscript to control societies» (1990) «Negotiations» / translated from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg : Nauka, 2004.

6. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow : HSE, 2000. 608 p.

7. Levy p. Intelligent Technologies: Toward Cyberculture // Philosophy of Technology: History and Modernity. Moscow : IFRAS, 1997. P. 234–251.

8. Manovich L. The Language of New Media. Moscow : Ad Marginem Press, 2018. 400 p.

9. Postman N. Amusing Ourselves to Death. Moscow : ACT, 2022. 256 p.

10. Potapov M. M., Barbashov A. B., Tereshchenko E. K. The Communicative Role of Mass Media in the Process of Radical Change in Public Consciousness // Scientific Aspects of Integrated Security : Collection of Scientific Articles. Moscow, 2024. P. 212–223.

11. Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere. Moscow : Ves' Mir, 2016. 344 p.

12. Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Revival of Community // Sociological Studies. 2001. No. 1. P. 18–26.

13. Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of Prison. Moscow : Ad Marginem, 1999. 480 p.

Информация об авторах

М. М. Потапов – старший преподаватель кафедры комплексного обеспечения безопасности организации факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета;

А. Б. Барбашов – преподаватель кафедры комплексного обеспечения безопасности организации факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета;

Г. М. Гойхман – доцент кафедры основ военной подготовки факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета.

Information about the authors

M. M. Potapov – Senior Lecturer at the Department of Integrated Organizational Security, Faculty of Integrated Security and Fundamentals of Military Training at the Russian State Social University;

A. B. Barbashov – Lecturer at the Department of Integrated Organizational Security, Faculty of Integrated Security and Fundamentals of Military Training at the Russian State Social University;

G. M. Goikhman – Associate Professor at the Department of Fundamentals of Military Training at the Faculty of Integrated Security and Fundamentals of Military Training at the Russian State Social University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.944; ББК 88.26

EDN: <https://elibrary.ru/edqpyl>

НИОН: 2018-0077-1/26-713

MOSURED: 77/27-024-2026-01-912

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Исследование компонентов психологической готовности к деятельности (на примере военнослужащих)

Илья Андреевич Саванин

Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Россия,

79094112829@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования психологической готовности к деятельности как многокомпонентного конструкта (на примере военнослужащих). Проанализированы мотивационный, эмоциональный, когнитивный, волевой и регуляторный компоненты психологической готовности к деятельности (на примере военнослужащих). Выявлены особенности, обозначены направления для психологической поддержки профессионального становления специалиста. Целью исследования являлось эмпирическое исследование компонентов психологической готовности к деятельности. На взгляд многих авторов, данный конструкт является многомерным, многокомпонентным. Соответственно, нами были выделены, интерпретированы содержательно и проанализированы мотивационный (мотивация к достижению), эмоциональный (эмоциональная устойчивость), когнитивный (поле-независимость), волевой (волевой самоконтроль) и регуляторный (осознанная саморегуляция) компоненты психологической готовности к деятельности. Проведенное исследование с участием 180 респондентов и комплекса из 5 психодиагностических методик позволило выделить направления психологической помощи на пути профессионального становления военнослужащего.

Ключевые слова: психологическая готовность, мотивация к достижению, эмоциональная устойчивость, поле-независимость мышления, волевой самоконтроль, осознанная саморегуляция, военная служба

Для цитирования: Саванин И. А. Исследование компонентов психологической готовности к деятельности (на примере военнослужащих) // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 95–98. EDN: EDQPYL.

Original article

Research of components of psychological readiness for activity (on the example of military personnel)

Ilya A. Savanin

Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia, 79094112829@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of psychological readiness for activity as a multi-component construct (using the example of military personnel). The motivational, emotional, cognitive, volitional, and regulatory components of psychological readiness for activity (using the example of military personnel) are analyzed. The features and directions for psychological support of a specialist's professional development are identified. The purpose of the study was to conduct an empirical investigation of the components of psychological readiness for activity. According to many authors, this construct is multidimensional and multi-component. Accordingly, we have identified, interpreted, and analyzed the motivational (motivation to achieve), emotional (emotional stability), cognitive (field independence), volitional (volitional self-control), and regulatory (conscious self-regulation) components of psychological readiness for activity. The conducted study involving 180 respondents and a set of 5 psychodiagnostic methods allowed us to identify the areas of psychological assistance in the process of professional development of a military personnel.

Keywords: psychological readiness, motivation to achieve, emotional stability, field-independent thinking, volitional self-control, conscious self-regulation, military service

For citation: Savanin I. A. Research of components of psychological readiness for activity (on the example of military personnel). Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):95–98. (In Russ.). EDN: EDQPYL.

© Саванин И. А., 2026

Введение. Психологическая готовность к деятельности определяется В. Д. Шадриковым как «особое интегральное предрабочее состояние, обеспечивающее при переходе к работе или при изменении ее условий оптимальный уровень выполнения деятельности» [8]. Речь в данном определении идет о быстром «вхождении» в профессионально-трудовую деятельность, когда человек выбирает оптимальный темп и ритм деятельности, достигает требуемого качества трудовых операций. При этом психологическая готовность является многокомпонентным конструктом, который достаточно сложно измерить и описать, как и любое состояние, даже достаточно устойчивое. При любой диагностике психологической готовности речь идет о рассмотрении некоторого «среза», актуального состояния человека, которое с высокой степенью достоверности сможет раскрыть исследователю ключевые характеристики общего состояния готовности. А. П. Вяткин, в частности, описывал психологическую готовность к деятельности как «систему свойств, состояний и установок личности, предшествующих самой деятельности и обеспечивающих ее эффективность» [1]. Поэтому психологическая готовность сочетает в себе черты состояния и характеристики личности, наличие которых содействует успешному выполнению задач и является важным фактором эффективности деятельности.

Ведущая роль большинством исследователей отдается мотивационному компоненту (Р. Д. Санжаева [4], О. В. Михайлов [3], В. Ф. Жукова [2], О. В. Чучалова [6]). Именно этот компонент характеризует психологическую готовность как состояние, в котором человек готов к осуществлению конкретного вида деятельности в определенный момент, готов применять имеющиеся у него знания и способности, умения и навыки на практике, добиваясь успеха в выбранной деятельности. Дополняется структура общей психологической готовности к любому

виду деятельности волевым (самоконтроль), регуляторным (саморегуляция, мобилизационная готовность), когнитивным (рефлексия, независимость мышления), эмоциональным (актуальное и доминирующее эмоциональное состояние, эмоциональный интеллект, эмоциональная устойчивость) [3; 4].

Материалы и методы. Организовано и проведено исследование компонентов психологической готовности к деятельности на примере военнослужащих. В исследовании приняли участие 180 военнослужащих (мужчины) в возрасте от 18 до 40 лет. В выборке представлены военнослужащие, проходящие службу по призыву и по контракту в одной из воинских частей Российской армии.

Применен комплекс психодиагностических методик, включая:

– «Тест мотивации достижения» (MATS, А. Мехрабиан, 1976 г., адаптация М. Ш. Магомед-Эминов, 1988 г.) – изучение мотивационного компонента;

– «Личностный опросник Айзенка» (EPI, Г. Айзенк, 1963 г., адаптация А. Г. Шмелев, 1988 г.), Шкала «Эмоциональная нестабильность» – изучение эмоционального компонента;

– «Диагностика когнитивного стиля» (ТСОВ-4, В. В. Селиванов, А. К. Осокина, 2015 г.), Шкала «Профессиональная деятельность» – изучение когнитивного компонента;

– «Опросник волевого самоконтроля» (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман, 1990 г.) – изучение волевого компонента;

– «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ-2020) (В. И. Моросанова, 2020 г.) – изучение регуляторного компонента.

Результаты. Результаты исследования компонентов психологической готовности к деятельности на примере военнослужащих представлены в таблице.

Таблица

**Состояние компонентов психологической готовности к деятельности
(на примере военнослужащих)**

Шкала	№	Минимум	Максимум	Среднее	Среднеквадратичное отклонение
Мотивационный компонент					
Мотивация достижения	180	47,00	199,00	138,77	32,95
Эмоциональный компонент					
Нейротизм	180	3,00	16,00	9,87	2,73
Когнитивный компонент					
Полезависимость мышления в профессиональной деятельности	180	6,00	22,00	12,44	3,89
Волевой компонент					
Настойчивость	180	3,00	16,00	9,04	2,64
Самообладание	180	3,00	13,00	8,60	2,11
Волевой самоконтроль	180	5,00	24,00	14,67	3,58
Регуляторный компонент					
Планирование	180	2,00	5,00	3,39	0,73
Моделирование	180	2,00	5,00	3,49	0,69
Программирование	180	1,80	5,00	3,45	0,83
Оценка результатов	180	1,20	5,00	2,85	0,74
Гибкость	180	1,20	5,00	3,18	0,91
Надежность	180	1,50	4,90	2,82	0,88

Шкала	№	Минимум	Максимум	Среднее	Среднеквадратичное отклонение
Настойчивость	180	1,60	5,00	3,40	0,82
Уровень саморегуляции	180	2,17	4,16	3,23	0,42

Для военнослужащих в среднем характерен неопределенный тип мотивации, сочетающий в себе черты избегающей и достижительной (M = 138,77 баллов). У них выявляется средний уровень эмоциональной нестабильности, который является нормальным показателем адаптации к стрессовым ситуациям (M = 9,81 баллов), однако в контексте выполняемой деятельности может быть признан как недостаточный. При этом у военнослужащих определяется средний уровень полезависимости мышления в профессиональной деятельности (M = 12,44 баллов), который характеризуется сочетанием восприимчивости к внешним указаниям и внутренней независимости от мнения других.

В выборке военнослужащих выявлен средний уровень настойчивости (M = 9,04 баллов), средний уровень самообладания (M = 8,60 баллов), а также средний уровень общего волевого самоконтроля (M = 14,67 баллов). Военнослужащие в целом способны проявлять настойчивость и сохранять самообладание в большинстве си-

туаций, однако с учетом высоких требований их профессии этих уровней может оказаться недостаточно.

По результатам исследования регуляторного компонента психологической готовности к деятельности отмечается средний уровень способности к планированию (M = 3,39 баллов), моделированию (M = 3,49 баллов), программированию (M = 3,45 баллов), оценке результатов (M = 2,85 баллов), а также средний уровень гибкости (M = 3,18 баллов), надежности (M = 2,82 баллов) и настойчивости (M = 3,40 баллов). В усредненном стилевом профиле саморегуляции военнослужащего отсутствуют явно выраженные зоны, требующие внимания. Однако общий уровень осознанной саморегуляции не достигает высоких значений.

Анализ результатов. Проведем частотный анализ результатов, чтобы выявить проблемные области в состоянии психологической готовности к деятельности (на примере военнослужащих). Итоги частотного анализа по всем компонентам отражены на рисунке.

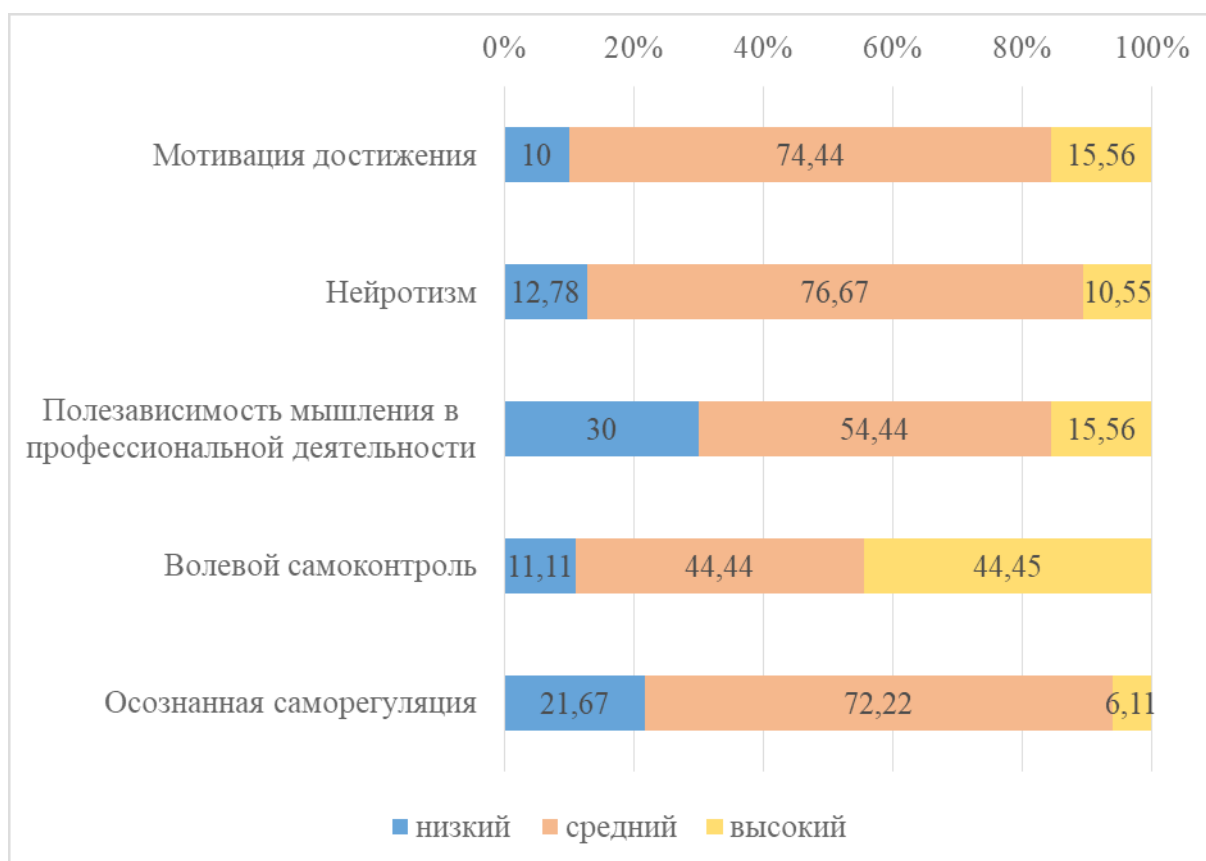

Рис. Состояние компонентов психологической готовности к деятельности (на примере военнослужащих), %

Анализ результатов позволяет выявить проблемные области в состоянии психологической готовности к деятельности через структуру его компонентов.

Для 10,00 % респондентов проблемным является низкий уровень мотивации достижения. У них отмечается преимущественная ориентация на избегание неудач в деятельности и страх наказания на ошибки,

что является препятствием для достижения профессиональных целей.

Высокий уровень нейротизма, препятствующий стабильной профессиональной деятельности, особенно – в ситуации стресса и неопределенности – характерен для 10,55 % респондентов. У военнослужащих с учетом специфики профессиональной деятельности

даже средний уровень нейротизма может рассматриваться как проблемная зона психологической готовности и требовать внимания.

Высокий уровень полезависимости мышления в профессиональной деятельности выявлен у 15,56 % респондентов. Принятие решений у этой группы затруднено, им требуются четкие указания, однако в ситуации неопределенности они не смогут проявить самостоятельность, что является угрозой выполнения задач.

Низкий волевой самоконтроль выявлен у 11,11 % респондентов. Однако с учетом специфики профессиональной деятельности военнослужащего средний уровень волевого самоконтроля также может рассматриваться как сниженный относительно целевого норматива показатель. При нарушении волевого самоконтроля возрастает риск потери самообладания и снижения настойчивости в решении задач.

Кроме того, у 21,67 % военнослужащих отмечается низкий уровень осознанной саморегуляции. Такие военнослужащие часто испытывают трудности в планировании действий, гибком реагировании на изменения обстановки и проявляют импульсивность в ходе выполнения задач, либо впадают в состояние «ступора», не понимая, какой шаг совершить следующим.

Выводы. Таким образом, предложенная структура психологической готовности к деятельности, включающая мотивационный, эмоциональный, когнитивный, волевой и регуляторный компоненты, позволяет учесть многоаспектный характер данного феномена. Изучение выделенных компонентов позволяет выявлять проблемные зоны в состоянии готовности различных специалистов к деятельности, что было продемонстрировано на примере военнослужащих. Были получены сведения о состоянии компонентов психологической готовности военнослужащих к деятельности, которые могут служить отправной точкой для разработки общих и адресных программ психологического сопровождения военнослужащих на разных этапах профессионального становления.

Библиографический список

1. Вяткин А. П. Проблема психологической готовности к экономической деятельности // Известия БГУ. 2006. № 3. С. 97–100.
2. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность» // Известия ТПУ. 2012. № 6. С. 117–121.
3. Михайлов О. В. Готовность к деятельности как акмеологический феномен: содержание и пути развития :

Информация об авторе

И. А. Саванин – аспирант кафедры психологии образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

Information about the author

I. A. Savanin – Graduate Student in the Department of Educational Psychology at Moscow State Pedagogical University (MSPU).

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / О. В. Михайлов. М., 2007. 166 с.

4. Санжаева Р. Д. Психологическая готовность личности к деятельности как метакатегория // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. С. 127–140.

5. Солдатова О. Ю. Особенности адаптации военнослужащих по призыву и организация психологического сопровождения адаптационного процесса // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 4. С. 44–50.

6. Чучалова О. В. Мотивационная готовность к самореализации интеллектуальных способностей : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Томск, 2015. 23 с.

7. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 464 с.

8. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М. : Логос, 2007. 192 с.

Bibliographic list

1. Vyatkin A. P. The Problem of Psychological Readiness for Economic Activity // Bulletin of BSU. 2006. No. 3. P. 97–100.
2. Zhukova V. F. Psychological and Pedagogical Analysis of the Category «Psychological Readiness» // Bulletin of TPU. 2012. No. 6. P. 117–121.
3. Mikhailov O. V. Readiness for Activity as an Acmeological Phenomenon: Content and Development Paths : diss. ... cand. psychol. sciences (19.00.13) / O. V. Mikhailov. Moscow, 2007. 166 p.
4. Sanzhaeva R. D. Psychological Readiness of an Individual for Activity as a Metacategory // Bulletin of BSU. Education. Personality. Society. 2012. No. 1. P. 127–140.
5. Soldatova O. Yu. Features of Adaptation of Conscript Military Personnel and Organization of Psychological Support for the Adaptation Process // Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering. 2019. No. 4. P. 44–50.
6. Chuchalova O. V. Motivational Readiness for Self-Realization of Intellectual Abilities : diss. ... cand. of psychol. sciences (19.00.01). Tomsk, 2015. 23 p.
7. Shadrikov V. D. Psychology of Human Activity. Moscow : Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2013. 464 p.
8. Shadrikov V. D. Problems of Systemogenesis of Professional Activity. M. : Logos, 2007. 192 p.

Научная статья

УДК 159.9; ББК 88.4

EDN: <https://elibrary.ru/ejqmzx>

ИИОН: 2018-0077-1/26-714

MOSURED: 77/27-024-2026-01-913

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Теоретические подходы к изучению психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях

Вячеслав Лазаревич Цветков¹, Ольга Олеговна Святенко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ czvetkov_slava@inbox.ru

² olga.svyatencko@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях. Уточняется содержание понятия психологической готовности применительно к деятельности в условиях повышенного риска, дефицита времени и высокой неопределенности. Выделяются и кратко характеризуются основные компоненты психологической готовности (мотивационный, когнитивный, эмоционально-волевой, регуляторный, ценностно-смысловой) с опорой на современные направления общей, экстремальной и юридической психологии. Показана специфика проявления психологической готовности в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Обосновывается роль психологической готовности как важного элемента системы психологического обеспечения и психологической безопасности сотрудников, обеспечивающего надежность и эффективность профессиональных действий в особых условиях.

Ключевые слова: психологическая готовность, психологическая готовность к деятельности, сотрудники органов внутренних дел, оперативно-служебные задачи, особые условия служебной деятельности, экстремальные условия, психологическая устойчивость, психологическая безопасность, профессиональная деятельность сотрудников полиции

Для цитирования: Цветков В. Л., Святенко О. О. Теоретические подходы к изучению психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 99–103. EDN: EJMZX.

Original article

Theoretical approaches to the study of psychological readiness of internal affairs officers to perform operational duties under special conditions

Vyacheslav L. Tsvetkov¹, Olga O. Svyatenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ czvetkov_slava@inbox.ru

² olga.svyatencko@yandex.ru

Abstract. The article examines theoretical approaches to understanding the psychological readiness of internal affairs officers to perform operational duties under special conditions. The content of the concept of psychological readiness is specified with regard to professional activity in situations of increased risk, time pressure and high uncertainty. The main components of psychological readiness (motivational, cognitive, emotional-volitional, regulatory, value-semantic) are identified and briefly characterised with reference to contemporary trends in general, extreme and legal psychology. The specificity of the manifestation of psychological readiness in the operational activity of internal affairs bodies is demonstrated. The role of psychological readiness as an important element of the system of psychological support and

psychological safety of officers, ensuring the reliability and effectiveness of professional actions under special conditions, is substantiated.

Keywords: psychological readiness, psychological readiness for activity, internal affairs officers, operational duties, special service conditions, extreme conditions, psychological resilience, psychological safety, professional activity of police officers

For citation: Tsvetkov V. L., Svyatenko O. O. Theoretical approaches to the study of psychological readiness of internal affairs officers to perform operational duties under special conditions. *Psychology and pedagogics in official activity*. 2026;(1):99–103. (In Russ.). EDN: EJMZX.

В современных условиях реформирования правоохранительной системы, роста сложности правонарушений и расширения спектра угроз общественной безопасности существенно возрастают требования к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Оперативно-служебная деятельность все чаще протекает в ситуациях высокой неопределенности, информационной перегрузки, дефицита времени, риска применения насилия и реальной угрозы жизни и здоровью граждан и самих сотрудников. Такие условия обоснованно рассматриваются в психологической литературе как «экстремальные или близкие к экстремальным, требующие от личности особого уровня профессиональной и психологической подготовленности» [1].

В отечественных и зарубежных исследованиях последнего десятилетия подчеркивается, что именно психологическая готовность становится одним из ключевых факторов, обуславливающих успешность и надежность действий сотрудников полиции и других силовых структур в условиях повышенного риска. Психологическая готовность рассматривается как условие эффективного выполнения задач по обеспечению общественного порядка, «противодействию преступности, пресечению массовых беспорядков, нейтрализации террористических угроз, применению физической силы и специальных средств, огнестрельного оружия» [6].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, посвященных различным аспектам психологической подготовки и экстремальной деятельности, вопрос теоретического осмысления психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях остается дискуссионным. В научных публикациях и диссертационных исследованиях используется широкий спектр терминов: *психологическая готовность*, *морально-психологическая готовность*, *профессионально-психологическая готовность*, *боеготовность*, *готовность к экстремальной деятельности* и другие, которые не всегда разводятся по содержанию и объему.

В классических работах по психологии деятельности и экстремальной психологии психологическая готовность описывается как целостное состояние личности, обеспечивающее оптимальное функционирование в условиях большой субъективной значимости и напряженности. Исследователи, опираясь на деятельностный подход, подчеркивают, что психологическая

готовность формируется и проявляется в структуре профессиональной деятельности, связывая мотивационные, когнитивные, эмоционально-волевые и регуляторные характеристики субъекта.

Специализированные исследования, ориентированные на сотрудников органов внутренних дел, дополняют это понимание учетом особенностей оперативно-служебной деятельности: постоянное пребывание в ситуации потенциальной угрозы, необходимость принимать юридически значимые решения в условиях дефицита информации, высокая цена ошибок, жесткая регламентация служебных действий и их общественный резонанс. На этой основе психологическая готовность сотрудников ОВД трактуется как системное состояние психологических ресурсов личности, позволяющее поддерживать профессиональную надежность и эффективность деятельности в широком диапазоне оперативных ситуаций, включая особые условия.

В ряде работ, посвященных органам внутренних дел и смежным силовым структурам, психологическая готовность описывается как целевой результат системы психологической подготовки и как важнейший компонент морально-психологического состояния личного состава. Авторы подчеркивают, что именно формирование устойчивой психологической готовности обеспечивает способность сотрудника сохранять внутреннюю устойчивость, контролировать эмоциональные реакции, «адекватно воспринимать оперативную обстановку и принимать обоснованные решения в условиях повышенного риска» [7].

Вместе с тем единообразия в трактовке структуры психологической готовности сотрудников органов внутренних дел не сформировалось. Одни исследователи акцентируют мотивационный компонент (служебная направленность, профессиональная идентичность, ценностные ориентации), другие – когнитивный (знания о специфике оперативно-служебных задач, алгоритмы действий в особых условиях, правовая компетентность), третьи – эмоционально-волевой и регуляторный компоненты (стрессоустойчивость, самоконтроль, способность к произвольной регуляции состояний). Все более активно обсуждаются ресурсный и компетентностный подходы, «тракующие психологическую готовность как интегральный ресурс профессионального функционирования и как компонент профессиональной компетентности будущих и действующих сотрудников МВД» [12].

Психологическая готовность в психологии рассматривается как особое состояние личности, обе-

спечаивающее успешное выполнение деятельности в значимых, напряженных и нередко экстремальных условиях. В классических работах по психологии деятельности С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева она понимается как результат включенности субъекта в задачу, осознания ее целей и принятия ответственности за их достижение, что связывает готовность с мотивационно-смысловой сферой и структурой деятельности. В исследованиях, посвященных профессиональной и экстремальной деятельности (Б. Ф. Ломов, В. Л. Марищук, В. А. Бодров, А. В. Михайлов, В. А. Пономаренко), психологическая готовность описывается как интегральное состояние, включающее направленность личности, профессиональные знания и умения, эмоционально-волевую устойчивость и способность к саморегуляции в условиях повышенного риска. В зарубежной традиции, прежде всего в работах Р. Лазаруса и С. Фолкман, акцент делается на когнитивной оценке ситуации и совладающем поведении, что позволяет рассматривать психологическую готовность как ресурс, обеспечивающий эффективный выбор стратегий coping в стрессогенных условиях. «Исследования, ориентированные на силовые структуры и правоохранительные органы» [4; 5] (Ю. П. Зинченко, А. Г. Караяни, В. Л. Шеин и др.), конкретизируют это понятие применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел, подчеркивая его системный характер: психологическая готовность включает устойчивую служебную мотивацию, правовую и профессионально-тактическую компетентность, толерантность к неопределенности, развитые навыки самоконтроля и эмоциональной регуляции, а также внутреннюю согласованность ценностей и служебного долга. В таком понимании психологическая готовность выступает центральным звеном, объединяющим личностные и функциональные ресурсы и определяющим надежность и эффективность поведения специалиста в условиях, выходящих за пределы обыденной служебной ситуации.

Специфика психологической готовности сотрудников органов внутренних дел определяется особенностями их оперативно-служебной деятельности, которая протекает в условиях постоянной готовности к угрозе, высокой правовой ответственности и жесткой регламентации служебных действий. В работах Ю. П. Зинченко, А. Г. Караяни, В. Л. Шеина, А. И. Донцова подчеркивается, что для сотрудников ОВД психологическая готовность выступает не только общим состоянием мобилизации, но и результатом профессиональной социализации в системе ведомственного образования и служебного опыта, где формируются специфические установки на служебный долг, законность и сохранение общественной безопасности. Отмечается, что структура психологической готовности в данном контексте включает не только мотивационно-ценностный и эмоционально-волевой компоненты, но и правовую, тактико-специальную и коммуникатив-

ную подготовленность, обеспечивающие способность действовать в особых условиях – при массовых нарушениях общественного порядка, чрезвычайных ситуациях, проведении специальных операций. Исследователи подчеркивают, что именно сочетание устойчивой служебной мотивации, развитых навыков саморегуляции, толерантности к неопределенности и готовности к принятию быстрых юридически значимых решений позволяет рассматривать психологическую готовность сотрудников органов внутренних дел как ключевое условие надежности и эффективности их деятельности в ситуациях повышенного профессионального риска.

Рассматривая психологическую готовность в системе психологического обеспечения служебной деятельности, исследователи подчеркивают ее тесную взаимосвязь с такими категориями, как психологическая устойчивость, профессиональное здоровье и психологическая безопасность личности. В работах В. А. Бодрова, Н. Е. Водопьяновой, К. М. Гуревича психологическая готовность описывается как интегральный ресурс, позволяющий поддерживать надежность профессионального функционирования в условиях длительного стресса и предотвращать развитие профессионального выгорания и дезадаптации. Ресурсный подход, представленный в исследованиях С. Хобфолла, Д. А. Леонтьева, С. Мадди и С. Кобасы, акцентирует внимание на том, что психологическая готовность опирается на совокупность личностных, мотивационных и средовых ресурсов, обеспечивающих сохранение субъективного контроля и смысла деятельности в сложных ситуациях. В контексте проблем психологической безопасности (Ю. П. Зинченко, Е. Б. Федотова и др.) готовность рассматривается как важнейшее условие профилактики деструктивных психических состояний, связанных с угрозой жизни и здоровью, а также с риском моральных дилемм и травматизации в процессе служебной деятельности. Исследования в области саморегуляции (О. А. Конопкин, О. В. Моросанова) показывают, что сформированная психологическая готовность опирается на развитые регуляторные процессы, позволяющие сотруднику органов внутренних дел гибко управлять своими состояниями и поведением, поддерживая оптимальный уровень активности и сохранение внутреннего равновесия при выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях.

Теоретические основания развития психологической готовности сотрудников органов внутренних дел в системе профессиональной подготовки и сопровождения опираются на личностно-деятельностный и ресурсный подходы, а также на концепции непрерывного профессионального образования. В работах Д. А. Леонтьева, В. А. Бодрова, Н. Е. Водопьяновой подчеркивается, что развитие психологической готовности возможно при целенаправленном формировании мотивационно-смысловой сферы, устойчивых профессиональных установок и навыков саморегуля-

ции в условиях, максимально приближенных к реальной служебной ситуации. Исследования, посвященные подготовке сотрудников силовых структур (Ю. П. Зинченко, А. Г. Караяни, В. Л. Шеин и др.), показывают эффективность комплексных программ, включающих моделирование оперативно-служебных ситуаций, тренинг стрессоустойчивости, отработку тактико-специальных действий и рефлексивный анализ собственного поведения. Ресурсная концепция С. Хобфолла и идеи жизнестойкости, разработанные С. Мадди и С. Кобасой, задают ориентиры для формирования у сотрудников ОВД внутреннего чувства контроля, ответственности и готовности к принятию решений в условиях неопределенности и риска. В русле этих подходов психологическая готовность рассматривается как целевой результат системы профессиональной подготовки и сопровождения, предполагающей поэтапное развитие когнитивных, эмоционально-волевых и регуляторных компонентов, интеграцию психологических тренингов в образовательные программы ведомственных вузов и регулярное психологическое сопровождение сотрудников на различных этапах служебной карьеры.

Выполненный теоретический анализ показал, что психологическая готовность сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях выступает интегральным состоянием личности и в то же время устойчивой характеристикой профессионала, опирающейся на совокупность мотивационных, когнитивных, эмоционально-волевых и регуляторных компонентов. Психологическая готовность связывает субъективное принятие служебных целей, владение необходимыми знаниями и навыками, способность к саморегуляции и сохранению внутреннего равновесия в условиях риска, дефицита времени и высокой неопределенности.

Специфика оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел предопределяет особые требования к содержанию и уровню сформированности психологической готовности: она должна обеспечивать не только надежность и эффективность действий в особых условиях, но и соблюдение правовых норм, профессиональной этики, обеспечение безопасности граждан и самих сотрудников. В этом контексте психологическая готовность тесно связана с психологической устойчивостью, профессиональным здоровьем и психологической безопасностью личного состава, выступая важным ресурсом профилактики профессионального выгорания и последствий травмирующих служебных ситуаций.

Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях является многоаспектным явлением и требует комплексной работы: внешних условий (грамотного профессионального взаимодействия руководящего состава, психологической службы)

и внутренних импульсов (непрерывная самообразовательная деятельность, направленная на развитие профессионально важных качеств личности и навыков выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях).

Библиографический список

1. Бершедова Л. И. Психологическая готовность человека к экстремальным жизненным ситуациям // Вестник ТГУ. 2013. № 7 (123). С. 105–110.
2. Донцов А. И., Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю., Перельгина Е. Б. Психология безопасности : учебное пособие для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2015.
3. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономаренко В. А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект. Минск : Изд-во БГУ, 1985.
4. Зинченко Ю. П. Психология безопасности как социально-системное явление // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 4–11.
5. Караяни А. Г. Психологическая модель служебной деятельности как инструмент создания системы ее психологического обеспечения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6. № 4. С. 92–98.
6. Ковин А. Н. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 556–566.
7. Кравцов О. Г., Балашова В. А., Цветков В. Л. Принципы развития психологической готовности сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных и чрезвычайных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 3. С. 42–46.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд. М. : Смысл, 2007.
10. Маришук В. Л., Евдокимов В. И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб. : Сентябрь, 2001.
11. Моросанова О. В. Саморегуляция и индивидуальность человека. М. : Наука, 2010.
12. Цуканов И. А., Шабанов Л. В. Проблема определения термина «психологическая готовность» к деятельности в экстремальных условиях // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4.
13. Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 513–524.
14. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York : Springer, 1984.

15. Maddi S. R., Kobasa S. C. *The Hardy Executive: Health Under Stress*. Homewood, IL: Dow Jones-Irwin, 1984.

Bibliographic list

1. Bershedova L. I. Psychological readiness of a person for extreme life situations // *Vestnik TGU*. 2013. No. 7 (123). P. 105–110.

2. Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Perelygina E. B. *Psychology of Safety : Textbook for Academic Bachelor Students*. Moscow : Yurayt, 2015.

3. Dyachenko M. I., Kandybovich L. A., Ponomarenko V. A. *Readiness for Activity in Stressful Situations: Psychological Aspect*. Minsk : BGU Publishing House, 1985.

4. Zinchenko Yu. P. Psychology of safety as a socio-systemic phenomenon // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 2011. No. 4. P. 4–11.

5. Karayani A. G. Psychological model of service activity as a tool for creating a system of its psychological support // *Vestnik YuUrGU. Seriya «Psikhologiya»*. 2013. Vol. 6. No. 4. P. 92–98.

6. Kovin A. N. Formation of psychological readiness of officers of internal affairs bodies of the Russian Federation to perform operational duties under special conditions // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 556–566.

7. Kravtsov O. G., Balashova V. A., Tsvetkov V. L. Principles of developing psychological readiness of police officers for service activities in extreme and emergency conditions // *Psychology and pedagogy of official activities*. 2024. No. 3. P. 42–46.

8. Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow : Politizdat, 1975.

9. Leontiev D. A. *Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaningful Reality*. 3rd ed. Moscow : Smysl, 2007.

10. Marischuk V. L., Evdokimov V. I. *Behaviour and Self-Regulation of a Person under Stress*. Saint Petersburg : Sentyabr, 2001.

11. Morosanova O. V. *Self-Regulation and Individuality of a Person*. Moscow : Nauka, 2010.

12. Tsukanov I. A., Shabanov L. V. The problem of defining the term «psychological readiness» for activity in extreme conditions // *The world of science. Pedagogy and psychology*. 2023. Vol. 11. No. 4.

13. Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44. P. 513–524.

14. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. New York : Springer, 1984.

15. Maddi S. R., Kobasa S. C. *The Hardy Executive: Health Under Stress*. Homewood, IL: Dow Jones-Irwin, 1984.

Информация об авторах

В. Л. Цветков – начальник кафедры юридической психологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

О. О. Святенко – слушатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov – Head of the Department of Legal Psychology at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

O. O. Svyatenko – Student in the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical, and Research Personnel at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 30.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 316.6

EDN: <https://elibrary.ru/ghdorp>

ИИОН: 2018-0077-1/26-715

MOSURED: 77/27-024-2026-01-914

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Потенциал метода критических инцидентов в формировании межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников миграционной службы МВД России

Юлия Геннадьевна Шлисере

Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, myg1980@rambler.ru

Аннотация. Обосновывается актуальность формирования и развития межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников миграционной службы МВД России в условиях этнокультурного многообразия современного российского общества с уклоном в контекст внутренней миграции. Сотрудникам в своей профессиональной деятельности приходится иметь дело с множеством различных социальных и культурных сред. Межкультурная коммуникативная компетентность в контексте миграции включает в себя способность грамотно справляться с противоречием между признанием и одновременным игнорированием культурных различий. Обладать межкультурной коммуникативной компетентностью означает принимать многообразие и различия поликультурного общества, быть способным профессионально справляться с чужеродностью, этнической напряженностью, не прибегая исключительно к культурной или этнической идентичности. Межкультурная компетентность тесно связана с другими личностными характеристиками и представляет собой совокупность различных социальных и личностных компетентностей, которые играют важную роль не только в профессиональной сфере, но и в других сферах жизни человека.

Межкультурное взаимодействие требует всесторонней подготовки сотрудников к межкультурным ситуациям посредством обучения непрерывного образования. Отправной точкой межкультурного обучения и развития должно стать уточнение или корректировка образа и профессионализма сотрудника. Рассматриваемый метод критических инцидентов, прошедший путь от метода диагностики до авторитетного метода межкультурного обучения и успешно применяемый в настоящее время в зарубежных странах как метод систематизации требований к конкретной профессии, может быть положен в основу модели межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников миграционной службы МВД России.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, критический инцидент, межкультурное взаимодействие, культурный стандарт, культурный шок

Для цитирования: Шлисере Ю. Г. Потенциал метода критических инцидентов в формировании межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников миграционной службы МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 104–110. EDN: GHDORP.

Original article

Potential of the critical incident method in developing intercultural communicative competence among employees of the migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Yulia G. Shlisere

Citizenship and Registration Service of Foreign Citizens, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, myg1980@rambler.ru

Abstract. The purpose of this scientific article is to substantiate the relevance of developing and developing intercultural communicative competence among employees of the Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of the ethnocultural diversity of modern Russian society, with a focus on internal migration. In their professional work, employees must navigate a variety of social and cultural environments. Intercultural communicative competence in the

context of migration involves the ability to skillfully navigate the tension between recognizing and simultaneously ignoring cultural differences. Having intercultural communicative competence means accepting the diversity and differences of a multicultural society and being able to professionally deal with foreignness and ethnic tensions without resorting exclusively to cultural or ethnic identity. Intercultural competence is closely linked to other personal characteristics and represents a combination of various social and personal competencies that play an important role not only in the professional sphere, but also in other areas of a person's life. Intercultural interaction requires comprehensive employee preparation for intercultural situations through training and continuous education. The starting point for intercultural training and development should be the refinement or adjustment of the employee's image and professionalism. The method of critical incidents considered in the article, which has gone through the path from a diagnostic method to an authoritative method of intercultural training and is currently successfully applied in foreign countries as a method of systematization of requirements for a specific profession, can be used as the basis for a model of intercultural communicative competence of employees of the migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: intercultural communication, intercultural competence, critical incident, intercultural interaction, cultural standard, culture shock

For citation: Shlisere Yu. G. Potential of the critical incident method in developing intercultural communicative competence among employees of the migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):104–110. (In Russ.). EDN: GHDORP.

Введение. Современный этап развития российского общества характеризуется высоким уровнем внешней миграции, тенденцией к увеличению и разнообразию миграционных потоков, что приводит к противоречивым последствиям в политической, правовой, экономической, демографической, социокультурной, этнопсихологической и других сферах государства.

С одной стороны, в условиях ухудшения демографической ситуации в большинстве субъектов Российской Федерации и, соответственно, сокращения трудовых ресурсов, миграционные процессы играют значительную роль в функционировании российской экономики. Уменьшение рождаемости и естественная убыль населения в Российской Федерации регистрируются с 2016 года и имеют тенденцию к продолжению, снижение численности женщин репродуктивного возраста прогнозируется до 2046 года [5].

В условиях сокращения рождаемости и старения населения актуальность потребности в притоке мигрантов будет возрастать.

С другой стороны, интенсивность миграционных потоков имеет негативные последствия в виде межэтнической и межкультурной напряженности, о которых свидетельствует рост конфликтов на межэтнической и межконфессиональной почве.

Названные тенденции указывают на необходимость формирования личности, способной к эффективной коммуникации в межкультурной среде, преодолению коммуникативных барьеров, признающей культурное и этническое многообразие, и в то же время стремящейся к поддержанию и сохранению собственной идентичности.

В настоящее время Российская Федерация занимает уже 4-е место в мире по количеству мигрантов (11,6 млн человек) [5], уступая лишь Соединенным Штатам Америки, Федеративной Республике Германия и Королевству Саудовская Аравия.

Миграционная политика Российской Федерации [4] направлена на содействие адаптации мигрантов, что достигается созданием условий, способствующих успешному освоению ими русского языка, усвоению обще-

признанных в российском обществе норм поведения (правил общежития) с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают, формированию присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры, приобщению к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, а также принятием мер, направленных на недопущение любых форм дискриминации иностранных граждан по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности, их социальной исключенности, маргинализации и пространственной сегрегации.

Конституцией Российской Федерацией [1] гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения.

При обозначенных обстоятельствах сотрудники органов внутренних дел, а сотрудники Миграционной службы особенно, ежедневно осуществляют возложенные полномочия в ситуациях межкультурной и (или) поликультурной коммуникации – ситуациях с участием представителей двух или более культур.

В таких ситуациях ошибки восприятия как следствие культурных различий приводят к коммуникативным неудачам, и чем сильнее эти различия, тем выше вероятность коммуникативных неудач [8, с. 9].

Успешное решение сотрудниками органов внутренних дел профессиональных задач в ситуациях межкультурной и (или) поликультурной коммуникации невозможно без учета и понимания культурных и этнических различий.

Необходимость развития у сотрудников органов внутренних дел качеств, способствующих успешной межкультурной коммуникации, вытекает из положений Федерального закона 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], в соответствии со статей 13 которого проявление уважения к национальным обычаям и традициям, учет культурных и иных особенностей различных этнических и со-

циальных групп, не допущение действий, нарушающих межнациональное и межконфессиональное согласие, является одним из требований к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел.

Статей 7 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [3] также предусмотрено, что сотрудник полиции должен проявлять уважение к национальным обычаям и традициям граждан, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию.

Межкультурная коммуникация предполагает развитие способности понимать и учитывать общее и различное в поведенческих моделях родной и иной культуры, с учетом этого понимания интерпретировать свое поведение, прогнозировать зоны возможных конфликтов и не допускать или преодолевать их в процессе межкультурного взаимодействия.

Способность эффективно и адекватно взаимодействовать в межкультурных ситуациях развивается в процессе формирования межкультурной коммуникативной компетентности.

Адекватное взаимодействие предполагает знание и соблюдение важных культурных правил, которые участники признают обязательными, что способствует поведению, ожидаемому в данной среде и в конкретной ситуации.

В формировании межкультурной коммуникативной компетентности имеют значение наличие у участников взаимодействия межкультурных знаний, специальных навыков и способностей, а также общей способности к рефлексии.

Применительно к сотрудникам Миграционной службы речь идет о приобретении навыков коммуникативной компетентности в межкультурных ситуациях, которые контекстуально специфичны, связаны с профессиональной деятельностью и конкретной ситуацией.

В ситуациях межкультурной коммуникации сотрудник одновременно является как субъектом профессиональной деятельности, так и субъектом межкультурного взаимодействия.

При этом в ситуации межкультурного общения необходимо учитывать, что с коммуникативными и культурными барьерами сталкивается и другой участник общения – иностранный гражданин, мигрант, который может находиться в состоянии так называемого культурного шока – психического стресса, ощущаемого от напряжения при попадании в чужую культуру. Культурный шок сопровождается раздражением, чувством страха и бессилия. При этом происходит путаница в отношении своей роли, ролевых ожиданий от других, ценностей, собственных чувств и собственной идентичности. Человек чувствует себя отвергнутым и (или) сам отвергает новую культуру. Например, Т. Курвелло утверждает, что «важно не столько различное культурное происхождение, сколько жизненный мир, социально сформированный миграционным опытом» [12, с. 39].

Развитие межкультурной коммуникативной компетентности, включающей способность к правильной интерпретации конкретных проявлений межкультурного поведения, формирование практических навыков и умений взаимодействия с представителями других культур, должно способствовать повышению эффективности решения профессиональных задач в поликультурной среде.

Понятие межкультурной коммуникативной компетентности, в свою очередь, является многогранным и затрагивает различные сферы человеческой деятельности, в том числе и профессиональной. В этой связи межкультурная коммуникативная компетентность изучается в рамках психологии, социологии, педагогики, лингвистики, антропологии, культурологи. Модели межкультурной коммуникативной компетентности широко представлены в трудах зарубежных и отечественных ученых.

Вместе с тем при всем многообразии подходов к изучению межкультурной коммуникативной компетентности универсального ее определения не существует.

В монографии О. В. Черняк представлена классификация 66 зарубежных и отечественных моделей межкультурной коммуникативной компетенции ученых из 13 стран: Дж. М. Чена, Н. Г. Соколовой, О. А. Леонтович, У. Б. Гудикунста, А. Томаса, С. Тинг-Туми, А. П. Садохина, Б. Шпицберга и У. Кьюпача, А. Матвеева и Д. Милтера, Л. А. Новиковой и других. На основе анализа данных моделей автором сделан вывод об единственном объединяющем их признаке – представлении о межкультурной компетенции как о предпосылке успешного акта межкультурной коммуникации [7, с. 39].

М. Н. Гридунова в своем диссертационном исследовании приводит различные характеристики, раскрывающие понятие «компетентность» в отношении межкультурного взаимодействия, определяемая в трудах российских ученых, как: «этнокультурная», «полиэтническая», «поликультурная», «социокультурная» и другие [6, с. 40].

«С точки зрения классификации компетентностей, межкультурная компетентность входит в перечень ключевых компетентностей, необходимых для успешной жизнедеятельности человека в современном обществе» [6, с. 42].

Немецким педагогом-реформатором Г. Ауэрнхаймером отмечено, что «то, как следует определять межкультурную компетентность, зависит от соответствующей сферы деятельности» Цели, преследуемые в различных областях применения моделей межкультурной коммуникативной компетентности, приводят к разному пониманию этого термина [9, с. 154]. Ученый выступает за развитие рефлексивной межкультурной компетентности, характерным признаком сформированности которой является умение учитывать в ситуациях межкультурной коммуникации асимметрию власти, наличие стереотипов и опыта дискриминации, а также способность к восприимчивости чужих культурных моделей.

По мнению А. Якобсена, межкультурная компетентность в профессии полицейского означает «уверенное участие в разнообразных культурах» [16, с. 160].

Доктор психологических наук Б. Франке, профессор кафедры Университета прикладных наук государственного управления федеральной земли Северная Рейна-Вестфалия Федеративной Республики Германия определяет межкультурную компетентность как способность ставить себя на место другого человека, изменять свою точку зрения и проявлять эмпатию, направленную на преодоление непонимания в человеческой коммуникации. И эту способность можно тренировать [13, с. 5].

Одним из современных, успешных методов развития межкультурной коммуникативной компетентности, является метод критических инцидентов.

Материалы и методы. При написании научной работы использовались эмпирический метод, метод обработки данных, анализ законодательной базы. Изучен опыт зарубежных стран, нормативные правовые акты Российской Федерации, научные труды российских и зарубежных ученых в исследуемой сфере. При написании работы изучены и проанализированы 5 нормативных правовых актов, 3 российских научных источника, 8 зарубежных научных источников.

История метода критических инцидентов в зарубежной науке: от метода диагностики к методу межкультурного обучения и развития. Метод критических инцидентов является одним из самых эффективных методов формирования и развития компетентности действий и не только в межкультурном аспекте.

Метод фиксирует наблюдаемое поведение человека, приведшее к определенному успеху или неудаче при выполнении определенной задачи. Поведение, приведшее в результате к неудаче в выполняемой деятельности или взаимодействию, определяется как критическое. Цель метода – описать особенно эффективное или неэффективное рабочее поведение, которое проявляется в критических инцидентах. Идея метода заключается в том, чтобы это особенно успешное или неудачное поведение либо наблюдалось третьими лицами, либо описывалось ретроспективно, то есть, оглядываясь назад, самими участниками. Результатом исследования становится описание и анализ ситуации и поведения.

Объектом наблюдения может быть любое действие, достаточно полное для того, чтобы сделать выводы и прогнозы относительно человека, его выполняющего.

Метод разработан в 1954 году американским психологом Дж. К. Фланаганом для диагностики профессиональной пригодности в авиации. Под критическими инцидентами для подбора персонала были определены ситуации, в которых определенные образы действий считаются особенно успешными или неуспешными в зависимости от цели, и которые позволяют провести различие между подходящими и неподходящими кандидатами.

Метод стал продолжением исследований, проводившихся в рамках программы по авиационной психологии Военно-воздушных сил Соединенных Штатов

Америки во время Второй мировой войны, созданной для разработки процедур отбора и ранжирования летного состава. Первое исследование, проведенное в рамках этой программы, выявило причины, приведшие к провалу 1000 кандидатов в летной школе. Ветеранов войны попросили сообщить об инцидентах, в которых имело место особенно полезное или ненадлежащее поведение для выполнения поставленной задачи. Было констатировано, что большинство причин связаны с наличием у испытуемых клише и стереотипов. В дальнейшем метод был положен в основу исследовательской программы отбора пилотов.

В основу данного исследования легло ретроспективное наблюдение самих участников ситуаций. Другой пример в исследованиях Дж. К. Фланагана касался критических событий и поведения, которые положительно влияют на производство на предприятии. Наблюдателями в этом случае были представители руководящего состава, которым предлагалось вспомнить и описать поведение подчиненных, способствовавшего выполнению производственного графика, либо наоборот, препятствовавшего его выполнению, и обстоятельства, в которых демонстрировалось поведение.

Полезность метода критических инцидентов продемонстрировано и в исследованиях Н. Хоббса, цитируемое в работах Дж. К. Фланагана, для выявления неявных знаний. Исследование было сосредоточено на этических стандартах психологов. Целью исследования было выявить используемые этические правила и разработать этические стандарты для психологов, которые позже были опубликованы Американской психологической ассоциацией в 1953 году как «Этические стандарты для психологов».

Для успешной реализации метода решающее значение имеют определение общей цели, задач изучаемой деятельности, разработка правильных вопросов и учет обязательных ситуационных параметров. Понимание целей и задач деятельности выявляет те признаки, свойства, правила поведения, определяющие эффективность либо неэффективность деятельности. Наблюдаемые события и поведение могут быть адекватно оценены также только при наличии подходящих ситуационных переменных. Дж. К. Фланаган предлагает несколько ситуационных параметров, которые обязательно следует включить в набор критических событий. Это внешние параметры: местоположение, возраст, статус людей, род занятий, время и условия, и параметры наблюдаемого поведения: общий характер деятельности, конкретные формы поведения, критерий релевантности и важности для общей цели.

Другие ситуационные параметры должны быть выведены теоретически и эмпирически в соответствии с соответствующей целью и областью применения [15, с. 5].

Из оценки критических событий, зафиксированных либо в ходе интервью, либо посредством наблюдения, а реже – посредством анкетирования, и соответствующего поведения, можно вывести критические требования к конкретной деятельности.

Одно из преимуществ метода заключается в том, что полученные в результате исследования данные отражают точку зрения человека, непосредственно вовлеченного в критический инцидент и излагаются его собственными словами, без опоры на априорную правильность либо неправильность, что позволяет сделать его скрытые мотивы, представления, знания прозрачными.

В дальнейшем метод критических инцидентов был перенесен в сферу межкультурного взаимодействия. Цель метода в межкультурном аспекте – помочь участникам осознать свои культурно обусловленные установки и интерпретацию поведения других людей.

Таким образом, «метод критических инцидентов – это метод качественного интервью, который облегчает изучение значимых событий (инцидентов, процессов или проблем), выявленных лицом, вовлеченным в эти события, способов их управления и последствий с точки зрения воспринимаемого воздействия. Цель состоит в том, чтобы лучше понять инцидент с точки зрения человека, учитывая когнитивные, аффективные и поведенческие элементы» [10, с. 48].

Метод положен в основу «культурного ассимилятора» американского психолога Г. Триандиса, теории культурных стандартов немецкого психолога А. Томаса.

Под критическими инцидентами понимались ситуации межкультурного взаимодействия, в которых участники не понимают друг друга, сами ситуации переживаются как конфликтные, раздражающие, трудные, странные или загадочные, и которые иначе или по-новому интерпретируются, если люди обладают культурными знаниями.

Разработанные в рамках метода упражнения с критическим инцидентом представляли краткое описание ситуации, который произошел в рамках межкультурного общения между различными участниками и привел к раздражению, непониманию или конфликту.

Участникам предлагалось письменно описать определенную ситуацию, после чего выбрать наиболее вероятное культурное объяснение или интерпретацию из четырех возможных ответов. Участники обязательно получали обратную связь по своему решению. Правильная интерпретация – это та, которая, с точки зрения человека другой культуры с наибольшей вероятностью будет использована для объяснения причины конфликтного события. Остальные три альтернативы правдоподобны с точки зрения собственной культуры, но не выбраны представителями другой культуры. Цель метода – узнать больше о конкретной целевой культуре и ее основополагающих нормах, ценностях и культурных стандартах, а также помочь участникам тренинга сопереживать образу мышления и действия представителей конкретной иностранной культуры.

«Однако культурных ассимиляторов следует критически оценивать с точки зрения их базового понимания культуры, поскольку они несут в себе риск стереотипизации и этнизации: с одной стороны, предполагается, что конфликты, представленные в этих случаях, всегда основаны на фундаментальных культурных различиях

между участниками – называемых А. Томасом культурными стандартами, – и что люди в конкретной стране или из конкретной страны ведут себя относительно схожим образом. Однако это не обязательно должно быть так для людей с миграционным прошлым. В худшем случае предположение о культурных или страновых различиях может привести к самоисполняющимся пророчествам» [14, с. 34].

Французский психолог Маргалит Коэн-Эмерик называет метод критических инцидентов «методом культурного шока», и адаптирует его для профессионалов в межкультурной сфере.

М. Коэн-Эмерик изучала трудности, с которыми сталкиваются социальные работники в работе с мигрантами и их детьми во Франции, Канаде и ряде европейских стран.

Согласно М. Коэн-Эмерик за критическими ситуациями межкультурного взаимодействия стоят культурные шоки, при которых возникают такие эмоции как непонимание, отчуждение, страх или удивление. Ее метод заключался в том, чтобы попросить социальных работников письменно описать критическую ситуацию, с которой они столкнулись в профессиональной среде. Затем эта ситуация обсуждается и анализируется с целью выявления недопонимания и их объяснения.

Автор предлагает систематическую обработку опыта познания чужого из трех шагов, на первом из которых выявляются собственное переживание и раздражение определенным стандартом, второй побуждает к расширению кругозора и третий приводит к развитию стратегий действий. Первый шаг – «децентрация». Речь идет об «отстранении от самого себя», развитии «самодистанции» и осознании «собственной системы отсчета» [11, с. 317].

Следующий шаг – «Понимание системы другого» [11, с. 318]. Речь идет об изменении точки зрения и о том, чтобы поставить себя на место другого участника взаимодействия. М. Коэн-Эмерик предлагает несколько стратегий. Наряду с получением объективной информации о человеке и его жизни учитываются и субъективные составляющие.

Это достигается за счет непредвзятого и внимательного слушания, наблюдения невербальных коммуникативных сигналов и неторопливости. Участливость и неторопливость часто нелегко даются. Поэтому так важно уделить время в процессе межкультурного тренинга и рассмотреть примеры случаев с разных точек зрения. После того, как понята собственная идентичность и развита способность к эмпатии к системе отношений другого человека, наступает третий шаг «Переговоры и посредничество» [11, с. 319].

Трехэтапный метод М. Коэн-Эмерик благодаря своей ориентации на саморефлексию, смену точки зрения и медиацию, идеально подходит для работы с критическими ситуациями в контексте межкультурного обучения. «Однако в контексте, учитывающем миграцию, необходимо преодолеть чрезмерный акцент на культурных различиях как основной причине коммуникативных барьеров. Поэтому важно также дополнить

предложенный М. Коэн-Эмерик метод аспектами, специфичными для миграции, и указать на дополнительные возможности дифференциации межкультурного взаимодействия в этом контексте» [14, с. 37].

По мнению Б. Франcke, с 2008 года по 2013 год преподававшей консультирование по вопросам трудоустройства в Университете прикладных наук Федерального агентства по трудоустройству в Мангейме, анализ ситуаций межкультурного пересечения в иммиграционном обществе показывает, что в общем классические теории культурных различий редко помогают их объяснить.

В немецкой литературе применительно к межкультурной коммуникативной компетентности различают «международные подходы» [14, с. 20] и «подходы в контексте межкультурного взаимодействия в обществе» [14, с. 21].

Международные подходы фокусируются на межкультурном взаимодействии за рубежом, таком как командировки персонала, международные корпоративные коммуникации или программы образовательного обмена в (университетских) учреждениях. Поскольку сотрудники органов внутренних дел, как правило, работают не на международном уровне, а в обществе, характеризующемся миграционными процессами, межкультурное взаимодействие в данной работе рассматривается в контексте внутреннего общества.

Положения и выводы, полученные в рамках одного подхода, не должны переноситься в другой без должного осмысления.

Международный подход предполагает межкультурное взаимодействие за рубежом, в ходе которого представитель своей культуры встречается с представителем чужой культуры. В этом контексте культура отождествляется с национальным происхождением или религиозной принадлежностью, идентичность и поведение представителя другой культуры рассматриваются как культурно детерминированные. Коммуникационные трудности или конфликты объясняются культурными различиями между участниками.

Применительно к внутреннему контексту, характеризующемуся миграционными явлениями, различия в иммигрантском обществе также будут сведены к культурным различиям. Следовательно, недопонимание, сбой в коммуникации и конфликты будут объясняться исключительно культурно обусловленными различиями, как в международном подходе, хотя могут быть вызваны и другими причинами.

Поэтому проблематично переносить понимание межкультурных различий в международном подходе на внутренний социальный контекст.

Заключение. Особенности профессиональной деятельности, в том числе сотрудников Миграционной службы, в многообразном миграционном обществе, где четкие контуры культуры то растворяются, то сливаются, далеко не так исследованы, как в международном контексте. Распознавание факторов влияния, действующих в ситуациях межкультурного пересечения в миграционном обществе, и грамотное

обращение с ними – важнейшие характеристики межкультурной компетентности в контексте миграции. Модель межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников Миграционной службы на основе метода критических инцидентов может успешно войти в структуру профессиональной деятельности, стать элементом необходимой подготовки к участию в межкультурной и поликультурной коммуникации в профессиональной сфере. Конечно, для формирования межкультурной компетентности недостаточно чисто разового обучения. Следует учитывать, что любой сотрудник имеет допрофессиональный опыт социализации, существующие, а иногда и глубоко укоренившиеся установки, которые невозможно изменить, например, в ходе повышения квалификации. Необходимы разработка практического руководства по межкультурному обучению и развитию, поиск формы оценки уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетентности, когда прошедший обучение сотрудник может продемонстрировать миграционную чувствительность, отношение и компетентность действий.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 4 июля.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 8 июля.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 июля.
4. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 5 ноября.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
6. Гридунова М. Н. Психологические факторы межкультурной компетентности студентов и школьников : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Москва, 2018. 262 с.
7. Черняк О. В. Межкультурная компетенция. История исследования, модели и методы контроля : монография. М. : Флинта, 2021. 264 с.
8. Шеина И. М. Лингвистические предпосылки успешности межкультурной коммуникации : монография. М. : Научная книга, 2009. 172 с.
9. Auernheimer G. Sensibilität für Kulturdifferenz genügt nicht!. In *Erwägen, Wissen, Ethik*, Band 14. Ausgabe 1, Stuttgart, 2003. P. 154–156.

10. Chell E. Critical incident technique. In: C. Caspell and G. Symon (Eds.) *Essential Guide to Qualitative Methods in Organizational Research*, London, Sage, 2004. P. 45–60.

11. Cohen-Emerique M., *Der Kulturschock als Weiterbildungsmethode und als Forschungsinstrument*. In H. Nicklas, B. Müller & H. Kordes (Hrsg.), *Interkulturell denken und handeln. Theoretische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis*, Bundeszentrale für politische Bildung, Bonn, 2006. P. 317–327.

12. Curvello T., *Welche Kompetenzen müssen Verwaltungen erwerben?* In Friedrich Ebert-Stiftung, Bundeszentrale für politische Bildung & Transfer interkultureller Kompetenz (Hrsg.), *Dokumentation der Fachkonferenz – Interkulturelle Öffnung der Verwaltung – Zuwanderungsland Deutschland in der Praxis*, Berlin, Bundeszentrale für Politische Bildung, 2002. P. 39–43.

13. Franzke B., Henfling R. *Interkulturelle Kompetenz Deutschland-Russland*, W. Bertelsmann Verlag, Bielefeld, 2016. 150 p.

14. Franzke B., Shvaikovska V. *Interkulturelles Training in einer Einwanderungsgesellschaft*, W. Bertelsmann Verlag, Bielefeld, 2016. 264 p.

15. Hemmecke J. *Eine Einführung in die Critical Incident-Technik*, 2007. 7 p.

16. Jacobsen A. *Interkulturelle Kompetenz als Methode, Der Situative Ansatz. Soziale Probleme*, 22 (2), 2011. P. 154–173.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, as amended. dated July 1, 2020 // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. July 4th.

2. Federal Law of the Russian Federation No. 342-FZ dated November 30, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *Rossiyskaya Gazeta*. 2011. July 8th.

3. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 No. 3-FZ «On Police» // *Rossiyskaya Gazeta*. 2011. July 8th.

4. Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 No. 622 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for

2019–2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. November 5th.

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024 «On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036» // LRS «Consultant-Plus». URL:<https://www.consultant.ru>.

6. Gridunova M. N. (2018). *Psychological factors of intercultural competence of students and schoolchildren* [Unpublished candidate's dissertation, Moscow]. (in Russian).

7. Chernyak O. V. (2021). *Intercultural competence: Research history, models and assessment methods*. Monograph. Flinta. (in Russian).

8. Sheina I. M. (2009). *Linguistic prerequisites for successful intercultural communication*. Monograph. Nauchnaya Kniga. (in Russian).

9. Auernheimer G., *Sensitivity to cultural differences is not enough!* In *Considering, Knowledge, Ethics*, Volume 14, Issue 1, Stuttgart, 2003. P. 154–156.

10. Chell E., *Critical incident technique*. In: C. Caspell and G. Symon (Eds.) *Essential Guide to Qualitative Methods in Organizational Research*, London, Sage, 2004. P. 45–60.

11. Cohen-Emerique M., *Culture Shock as a Training Method and Research Instrument*. In H. Nicklas, B. Müller & H. Kordes (eds.), *Intercultural Thinking and Acting: Theoretical Foundations and Social Practice*, Federal Agency for Civic Education, Bonn, 2006. P. 317–327.

12. Curvello T., *What Competencies Must Administrative Agencies Acquire?* In Friedrich Ebert Foundation, Federal Agency for Civic Education & Transfer of Intercultural Competence (ed.), *Documentation of the Conference – Intercultural Opening of Administrative Agencies – Immigration in Practice in Germany*, Berlin, Federal Agency for Civic Education, 2002. P. 39–43.

13. Franzke B., Henfling R. *Interkulturelle Kompetenz Germany-Russia*, W. Bertelsmann Verlag, Bielefeld, 2016. 150 p.

14. Franzke B., Shvaikovska V. *Intercultural training in an immigration society*, W. Bertelsmann Verlag, Bielefeld, 2016. 264 p.

15. Hemmecke J. *An Introduction to Critical Incident Technique*, 2007. 7 p.

16. Jacobsen A. *Intercultural Competence as a Method, The Situational Approach*. *Social Problems*, 22 (2), 2011. P. 154–173.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 159.99

EDN: <https://elibrary.ru/hodqfw>

НИОН: 2018-0077-1/26-716

MOSURED: 77/27-024-2026-01-915

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Специфика взаимосвязей показателей регулятивного компонента структуры профессионального самосознания курсантов

Наталья Владимировна Шарафутдинова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Shnv_70@mail.ru,

ORCID: 0000-0002-9174-4026

Аннотация. Отражаются результаты теоретического обобщения и эмпирического исследования специфики взаимосвязей показателей регулятивного компонента структуры профессионального самосознания курсантов. Актуальность исследования заключается в том, что все большее значение приобретают работы, связанные с исследованием субъектов служебной деятельности, развитием их профессионального самосознания. Представлен комплекс психодиагностического инструментария, подобранного для исследования показателей регулятивного компонента структуры профессионального самосознания, установлена корреляционная связь таких показателей, как когнитивный, аффективный самоконтроль и самоконтроль, развитие воли и волевая активность и другие. Представленные теоретические и эмпирические материалы связаны с потребностью в дальнейшей разработке и реализации программы исследования динамической природы профессионального самосознания, систематизации компонентного состава структуры изучаемого феномена. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступили труды ученых: В. В. Столин, А. И. Смоляр, Т. Л. Миронова, Е. Ю. Пряжникова, В. Д. Шадриков, Е. Ю. Мандрикова, А. А. Золотарева, К. В. Карпинский, В. С. Агапов и др. Важными результатами исследования являются те, которые показывают выявленные корреляционные связи между отдельными показателями внутри отдельного компонента структуры по авторской программе исследования изучаемого феномена; развитые способности и пробелы в развитии профессионального самосознания курсантов. Результаты данного исследования обсуждаются в целях уточнения содержания разрабатываемой программы развития профессионального самосознания курсантов.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, регулятивный компонент, самоконтроль, самообладание, саморегуляция, воля, курсант, субъект служебной деятельности

Для цитирования: Шарафутдинова Н. В. Специфика взаимосвязей показателей регулятивного компонента структуры профессионального самосознания курсантов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 111–117. EDN: HODQFW.

Original article

The specificity of the interrelations of the indicators of the regulatory component of the structure of professional self-awareness of cadets

Natalia V. Sharafutdinova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Shnv_70@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9174-4026

Abstract. The article reflects the results of theoretical generalization and empirical research of the specifics of the relationships between the indicators of the regulatory component of the structure of professional self-awareness of cadets. The relevance of the study lies in the fact that works related to the study of subjects of official activity and the development of their professional self-awareness are becoming increasingly important. The article presents a set of psychodiagnostics tools selected for the study of the indicators of the regulatory component of the structure of professional self-awareness, a correlation has been established between such indicators as cognitive, affective self-control and self-control, development of will and volitional activity, etc. The presented theoretical and empirical materials are related to the need for further development and implementation of a program for studying the dynamic nature of professional self-awareness and systematization of

the component composition of the structure of the phenomenon under study. The theoretical and methodological basis of the study was provided by the works of scientists: V. V. Stolin, A. I. Smolyar, T. L. Mironova, E. Yu. Pryazhnikova, V. D. Shadrikov, E. Yu. Mandrikova, A. A. Zolotareva, K. V. Karpinsky, V. S. Agapov and others. Important results of the study include those that demonstrate the identified correlations between individual indicators within a specific component of the structure according to the author's research program of the phenomenon under study; the developed abilities and gaps in the development of cadets' professional self-awareness. The results of this study are discussed in order to clarify the content of the program being developed for the development of professional self-awareness of cadets.

Keywords: professional self-awareness, regulatory component, self-control, self-possession, self-regulation, will, cadet, subject of official activity

For citation: Sharafutdinova N. V. The specificity of the interrelations of the indicators of the regulatory component of the structure of professional self-awareness of cadets. *Psychology and pedagogics in official activity*. 2026;(1):111–117. (In Russ.). EDN: HODQFW.

При освоении профессии курсанты достаточно часто сталкиваются с трудностями, связанными с самоконтролем и саморегуляцией, управлением своими эмоциями во взаимодействии с другими в сложных социальных ситуациях, дефицитом самообладания и развития воли, организованности и ответственности. Своевременная психологическая диагностика способствует быстрому охвату большого количества обучающихся, определению трудностей и барьеров в развитии профессионального самосознания, обозначению потребности во вмешательстве специалистов в развитие субъектов служебной деятельности. Объект исследования – структура и динамика профессионального самосознания курсантов образовательных организаций МВД России.

Цель исследования – выявление корреляционной связи между показателями регулятивного компонента профессионального самосознания курсантов и барьеров в их профессиональном развитии. **Методы** исследования: научно-категориальный анализ, тестирование, корреляционный анализ. Для обработки эмпирических данных применялась компьютерная программа SPSS statistics. **Методики** исследования: 1) Краткая версия вопросника Big Five Inventory-2 (BFI-2-S) (О. П. Джон, К. Дж. Сито, в адаптации С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугина, А. М. Мишкевич) [2, с. 95–108]; 2) Методика «Психологический капитал» (А. Баккер, в адаптации С. Маничева, В. Погребницкой) [1, с. 498–500; 4, 4–14]; 3) Методика исследования самоуправления (Ю. Куль, А. Фурман, в адаптации О. В. Митиной, Е. И. Рассказовой) [12, с. 111–127]; 4) Опросник «Независимая и коллективная Я-концепция» (Е. А. Дорошева, Г. Г. Князев) [6, с. 99–112]; 5) Опросник «Родственная Я-концепция» (Е. А. Дорошева, Г. Г. Князев) [6, с. 99–112]; 6) Опросник профессионального самоотношения (К. В. Карпинский, А. М. Колышко) [8, с. 135–138]; 7) Опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова) [10, с. 87–111]; 8) Тест «Смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев) [13, с. 40–45; 11, с. 150–163]; 9) Тест «Эмоционального интеллекта» (Н. Холл) [15, с. 57–59]; 10) Тест самообладания (А. А. Золотарева) [7, с. 103–114]; 11) Шкала базовых убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации О. А. Кравцовой) [14, с. 44–47]; 12) Шкала ясности Я-концепции (Дж. Кэмпбелл, в адаптации В. В. Вдовенко, С. А. Щебетенко, Е. Б. Старовойтенко) [5].

Выборку составили курсанты университета в количестве 229 человек в возрасте от 19 до 21 года, обучающиеся 2–5 курсов.

Выбранные методы и методики исследования дали возможность изучить отдельный регулятивный компонент обозначенного объекта исследования, учитывая его характеристики и психологические особенности сущностного содержания профессионального самосознания. Теоретическая и практическая значимость исследования способствует тому, что его результаты могут быть использованы в реализации развивающих программ; разработке содержания и технологии образования, включающего аспект развития профессионального самосознания; в психологическом консультировании и построении индивидуальных программ профессионального самопонимания, самоопределения и становления.

Проблеме самосознания, исследованию его видов, посвящены работы Э. Н. Ахмедшиной, Д. Д. Бекоевой, Н. В. Вагановой, И. В. Вачкова, Л. А. Григорович, Т. Ц. Дугаровой, А. И. Захаровой, А. А. Ивановой, Л. В. Кочневой, С. В. Кошелевой, Т. Д. Марцинковской, Т. Л. Мироновой, Л. М. Митиной, О. В. Москаленко, Е. Ю. Пряжниковой, В. В. Столина, Е. Т. Соколовой, Н. А. Тарасьян, А. А. Чекалиной и др.

В научной, учебно-методической и справочной психологической литературе понятие «профессиональное самосознание» трактуется по-разному; окончательно не определен его компонентный состав. Проиллюстрируем несколько примеров трактовок основного понятия. Профессиональное самосознание, по мнению О. Б. Беляева, «это относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих, дифференцирующих и интегрирующих признаков деятельности и всей жизнедеятельности данной профессиональной общности» [3, с. 77]. А. А. Костенко и И. О. Гарбузова пишут, «профессиональное самосознание (или профессиональная Я-концепция) включает представление человека о себе как о члене профессионального сообщества, носителе профессиональной культуры, в том числе определенных профессиональных норм, правил, традиций, присущих данному профессиональному сообществу» [9, с. 120].

В чем однозначно сходятся исследователи, так это в том, что в процессе профессионального становления, по мере роста знаний, умений, навыков, профессиона-

лизма, отношения к своей деятельности, специфики когнитивной, рефлексивной, мотивационной, регулятивной, эмоциональной и деятельностной активности субъекта, меняется и его профессиональное самосознание, влияющее на эффективность и продуктивность деятельности, длительность нахождения в профессии, адекватность выбора профессиональных поступков, ориентацию на действия в ожидании профессиональных успехов и др.

Большинство исследователей сходятся во мнении и о том, что *самосознание* – это динамическое и интегративное образование психики, сложное по своей структуре. Ранее была представлена работа, посвященная раскрытию структурной организации профессионального самосознания [16], отмечены противоречивые мнения в трактовке и определении его компонентного состава. Предложенная программа и подобранные методики для проведения эмпирической части исследования способствуют качественному изучению обозначенного феномена.

На первом этапе данного исследования проводилась психологическая диагностика и выявлялись особенности профессионального самосознания курсантов; на втором этапе – осуществлялся анализ полученных данных по отдельным методикам и в целом по всем показателям регулятивного компонента профессионального самосознания. Далее, при помощи математических

методов, применяемых в психологии, определялись связи между показателями структурного компонента профессионального самосознания. Предполагалось, что корреляция между выделенными показателями профессионального самосознания статистически значимо отличается от нуля, и результаты будут способствовать разработке развивающих и коррекционных программ. Раскроем подробнее полученные результаты.

Проведенный корреляционный анализ показывает, что существует высокая значимая корреляция между показателями, при r ; соответствующем уровню статистической значимости $p \leq 0,01$. Полученные результаты представлены в виде корреляционной матрицы показателей профессионального самосознания (таблицы 1–2).

Выявленная *сильная корреляционная связь* между показателями профессионального самосознания (при коэффициенте корреляции $r \geq 0,70$, при r ; соответствующем уровню статистической значимости $p \leq 0,01$), представлена в Таблице 1. Анализировались корреляция между следующими показателями: 1) Самоконтроль; 2) Аффективный самоконтроль; 3) Когнитивный самоконтроль; 4) Развитие воли; 5) Волевая активность; 6) Личностное самообладание; 7) Событийное самообладание; 8) Экзистенциальное самообладание; 9) Общий показатель самообладания; 10) Локус контроля Я; 11) Локус контроля жизнь; 12) Добросовестность; 13) Ответственность; 14) Жизнестойкость.

Таблица 1

Сильная корреляционная связь показателей регулятивного компонента профессионального самосознания

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	1	0,731	0,821											
2		1												
3			1											
4				1	0,760									
5					1									
6						1			0,850					
7							1		0,850					
8								1	0,865					
9									1					
10										1	0,826			
11											1			
12												1	0,750	
13													1	0,921
14														1

Корреляция значима, $p \leq 0,01$

Анализ полученных результатов позволил увидеть тесные связи между тремя видами самообладания и общим показателем самообладания; между аффективным, когнитивным самоконтролем и самоконтролем и др. Для организации работы с обучающимися по развитию профессионального самосознания необходимо учитывать качественные характеристики и определения показателей. Уточним, О. В. Митина и Е. И. Рассказова [12, с. 113] аффективный самоконтроль раскрывают

как «способность ориентироваться на цель в стрессовых условиях, основанная на преодолении тревоги, готовность браться за задачи, не задумываясь о неприятных последствиях», а когнитивный – «как способность к планированию, планомерной постановке целей, поэтапному продвижению к ним, предвосхищению затруднений». А. А. Золотарева раскрывает личностное самообладание как «способность к выдержке и хладнокровию в повседневных жизненных обстоятельствах».

ствах» [7, с. 110]; событийное самообладание раскрывает как «способность к сохранению стойкости духа в трудных непредсказуемых жизненных ситуациях»; экзистенциальное – как «способность к сохранению гармонии между самим собой и окружающим миром при любых обстоятельствах».

Тесная связь показателя самоконтроль с показателями аффективный и когнитивный самоконтроль говорит о соотношении способности к планированию, планомерной постановке целей, прогнозированию затруднений и поэтапному следованию к поставленной цели, со способностями не только планировать, ставить достижимую цель, но и следовать к намеченной цели, регулировать свою активность, предвосхищать затруднения и своевременно обдумывать весь ход действий. У курсантов данные способности развиты на среднем уровне.

Положительная, сильная связь показателей «развитие воли» и «волевая активность» говорит о связи имеющихся способностей у курсантов мобилизовать силы для начала действия по принятым целям, поддерживать необходимое количество энергии для воплощения намерений в действие, продолжать начатую деятельность, бороться с пассивностью и устранять препятствия на пути к цели, со способностью не откладывать важные дела на потом, серьезность их намерений в достижении намеченных целей. Выявлены средние значения данных показателей, что говорит о необходимости дальнейшего развития волевых качеств, ответственности при выполнении служебных задач.

В исследовании выявлены способности курсантов к самообладанию в различных жизненных ситуациях и обстоятельствах, способности контролировать свои чувства, мысли и поведение в сложных ситуациях, мудрость, осознанность и интуитивное постижение мира. Диапазон развития данных способностей курсантов: от среднего уровня – до высокого уровня. Обнаружено, что некоторыми курсантами возможна потеря самообладания, но лишь в ситуациях хронического стресса, а возникновение у них чувства растерянности (или беспомощности) возможно в сложных жизненных ситуациях, связанных с чрезмерными нагрузками на их психику.

Выявлено, что есть связь между убеждениями большей части выборки курсантов в том, что результаты их действий зависят от них самих, что они сами управляют своей жизнью, и их убеждениями в том, что им удалось найти призвание и интересные жизненные цели. У остальной части выборки раскрыты убеждения в том, что результаты их действий зависят не только от них самих, но и от внешних обстоятельств, связывают это с тем, что жизнь не во всем подвластна им, сомневаются в том, что им удалось найти призвание, которому посвятили бы всю жизнь, достичь интересные жизненные цели. Это говорит о незавершенном процессе профессионального становления, не до оценивания имеющихся собственных способностей и возможностей, перспектив развития, или ошибочном выборе профессии. В дополнение к этому, уточним, что в исследовании

выявлены сомнения малой части респондентов в том, что они обладают такими качествами, как аккуратность, надежность, ответственность, организованность, прилежность и настойчивость в доведении начатого дела до конца, и их связь с сомнениями, что на них можно рассчитывать. Приятно отметить, что у большинства курсантов выявлены высокие значения показателей добросовестность и ответственность.

Обнаружена тесная связь показателей, говорящих о надежности субъектов, о том, что на них можно рассчитывать, отражающих их способности выдерживать сложные жизненные ситуации, сохранять внутренний баланс и при этом не снижать эффективности своей деятельности, создавать что-то новое. Заметим, что более высоким значениям первого показателя профессионального самосознания при положительной корреляционной связи будут соответствовать более высокие значения второго показателя. При реализации программ воздействия на профессиональное самосознание субъектов это необходимо учитывать.

В исследовании выявленная *средняя корреляционная связь* между показателями профессионального самосознания (при коэффициенте корреляции $0,50 \leq r \leq 0,69$, при r , соответствующем уровню статистической значимости $p \leq 0,01$), представлена в таблице 2. Анализировалась корреляция между следующими показателями: 1) Саморегуляция; 2) Инициативность; 3) Событийное самообладание; 4) Общий показатель самообладания; 5) Добросовестность; 6) Когнитивный самоконтроль; 7) Волевая активность; 8) Преодоление неудач; 9) Личностное самообладание; 10) Событийное самообладание; 11) Экзистенциальное самообладание; 12) Локус контроля Я; 13) Управление своими эмоциями.

Связь показателя «Саморегуляция» с такими показателями, как «Инициативность», «Событийное самообладание», «Общий показатель самообладания», «Добросовестность», обнаруживает способности курсантов ставить цели в соответствии со своим внутренним Я, своими желаниями и потребностями, мотивировать себя и сохранять положительный настрой в работе, осуществлять общую регуляцию своего эмоционального состояния для достижения сложных и значимых целей, со способностями мобилизации собственных сил, убеждениями в важности не откладывать важные дела на потом, контролировать свое эмоциональное состояние и поведение в различных, зачастую сложных ситуациях, быть организованными, проявлять надежность, доводить начатое до конца.

Связь показателя «Инициативность» с показателем «Когнитивный самоконтроль» говорит о соответствии значений развитости способности субъектов предоставить необходимую энергию для начала работы, мобилизации сил и способностей к планированию и целеполаганию. Так, в данной выборке, обнаружена часть респондентов, которым свойственно иногда откладывать важные дела на потом, обладание средними способностями к целеполаганию, планированию своей деятельности и жизни.

Средняя корреляционная связь показателей регулятивного компонента профессионального самосознания

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1	0,629	0,503	0,517	0,541								
2		1				0,531							
3			1										
4				1	0,502							0,557	0,584
5					1								
6						1							
7							1	0,541					
8								1					
9									1	0,543	0,609		
10										1	0,680		
11											1	0,511	
12												1	
13													1

Корреляция значима, $p \leq 0,01$

В исследуемой выборке у части респондентов выявлены средние способности воплощать задуманное, бороться с пассивностью, но при этом готовность к разрешению проблем, переплетающуюся с сомнениями в своих силах и возможностях, в том, что они справятся. Обнаружены позитивные результаты развития показателя волевой активности большей части респондентов, их способностей поддерживать необходимое и достаточное количество энергии для воплощения задуманных планов в своей жизнедеятельности, борьбы с ленью и пассивностью, и их связи с готовностью к конструктивному разрешению возникших проблем.

Связь показателя «Личностное самообладание» с показателями «Событийное самообладание» и «Экзистенциальное самообладание» обнаруживает связь проявления уверенности курсантов в собственных силах и настойчивости, способности к самообладанию в различных жизненных ситуациях и обстоятельствах, со способностями контролировать свое поведение, свои чувства и состояния, проявлять мудрость, осознанность, и зачастую интуитивно постигать мир. Диапазон развития всех видов самообладания у курсантов: от среднего уровня – до высокого. Низкий уровень не выявлен.

В исследовании также были обнаружены умеренная, слабая и очень слабая связь между отдельными показателями регулятивного компонента профессионального самосознания; обнаружены и отрицательные корреляционные связи по направленности. Следует уточнить, что факт отсутствия связи между показателями, или обнаружения очень слабой связи между ними может объясняться наличием возможно еще одной переменной, не учтенной в данном исследовании, требующего дополнительного исследования изучаемого феномена. Установлены расхождения по силе корреляционной связи, например, между показателями «когнитивный самоконтроль – само-

контроль» и «аффективный самоконтроль – самоконтроль» и др.

Общие закономерности формирования профессионального самосознания отражают, как различные комбинации, например, в описанном выше регулятивном компоненте структуры профессионального самосознания; так и особенности развития отдельных его показателей, специфику их содержания; взаимозависимости, требующие дополнительного анализа с применением математических методов.

Используя подобранные методики для оценки компонентов профессионального самосознания, изучались индивидуальные различия курсантов, отражающиеся в их поведении, мотивации, рефлексии, эмоциях и когнициях. Полученные результаты диагностики показателей одного из компонентов профессионального самосознания, так и в целом анализ всех показателей структуры, могут лечь в основу программ развития профессионального самосознания, психологического консультирования субъекта труда в условиях получения образования и служебной деятельности.

Таким образом, проведенное исследование позволило определить статистически значимые связи между показателями профессионального самосознания (внутри компонентные), предположить зависимости этих показателей от какого-то иного признака или сочетания признаков, не рассматриваемых в рамках данной работы. Посредством диагностики и корреляционного анализа были выявлены значения показателей, говорящие об изменчивости одного показателя в некотором соответствии с изменчивостью другого показателя; обнаружены дефициты в развитии профессионального самосознания, например, волевой активности, ответственности и др. Полученные данные могут иметь практическое значение при формировании профессионального самосознания обучающихся, их способности к саморегуляции,

самоконтролю, проявлению ответственности субъектов в труде.

Список источников

1. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под. ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. Вып. 8. 568 с.

2. Апробация краткой и сверхкраткой версий впросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS / А. М. Мишкевич, С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугин [и др.] // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 95–108.

3. Беляев О. Б. Профессиональное самосознание как фактор развития интегральной индивидуальности офицера внутренних войск МВД России // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2009. № 11 (68). С. 76–85.

4. Вдовенко В. В., Щебетенко С. А., Старовойтенко Е. Б. «Я» в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 77.

5. Глуханюк Н. С. Практикум по психодиагностике : учеб. пособие / Н. С. Глуханюк. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2005. 216 с.

6. Дорошева Е. А., Князев Г. Г., Корниенко О. С. Валидизация русскоязычных версий двух опросников Я-концепции // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 99–112.

7. Золотарева А. А. Тест самообладания: психометрические характеристики и перспективы применения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 103–114.

8. Карпинский К. В., Кольшко А. М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2010. 140 с.

9. Костенко А. А., Гарбузова И. О. Профессиональное самосознание и самоопределение как основные психологические составляющие профессионального становления // Педагогический опыт: теория, методика, практика. 2015. Т. 1. № 3 (4). С. 118–121.

10. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.

11. Миронова Т. Л. Структура и развитие профессионального самосознания : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / Миронова Татьяна Львовна. М., 1999. 436 с.

12. Митина О. В., Рассказова Е. И. Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 111–127.

13. Мишина Е. И. Программа и методики эмпирического исследования рефлексивного Я субъектов учебной деятельности : учебное пособие / под. ред. проф. В. С. Агапова. М. : Белый ветер, 2023. 143 с.

14. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 112 с.

15. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Психотерапия, 2009. 544 с.

16. Шарафутдинова Н. В. Программа и методики эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности : учебно-методическое пособие / под ред. В. С. Агапова. М. : Юнити-Дана, 2024. 200 с.

References

1. Current Issues in Labor Psychology, Engineering Psychology, and Ergonomics. Issue 8 / Ed. by A. A. Oboznov, A. L. Zhuravlev. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2018. 568 p.

2. Testing the Short and Ultra-Short Versions of the Big Five Inventory-2 Questionnaire: BFI-2-S and BFI-2-XS / A. M. Mishkevich, S. A. Shchebetenko, A. Yu. Kalugin [et al.] // Psychological Journal. 2022. Vol. 43. No. 1. P. 95–108.

3. Belyaev O. B. Professional Self-Awareness as a Factor in the Development of the Integral Individuality of an Officer of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Education and Science. Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Education. 2009. No. 11 (68). P. 76–85.

4. Vdovenko V. V., Shchebetenko S. A., Starovoitenko E. B. «The Self» in Self-Knowledge: Russian-Language Version of the Self-Concept Clarity Scale // Psychological Research. 2021. Vol. 14. No. 77.

5. Glukhanyuk N. S. Psychodiagnostics Workshop : A Textbook / N. S. Glukhanyuk. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute ; Voronezh : Publishing House of NPO MODEK, 2005. 216 p.

6. Dorosheva E. A., Knyazev G. G., Kornienko O. S. Validation of Russian-language versions of two self-concept questionnaires // Psychological Journal. 2016. Vol. 37. No. 3. P. 99–112.

7. Zolotareva A. A. Self-control test: psychometric characteristics and application prospects // Psychological Journal. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 103–114.

8. Karpinsky K. V., Kolyshko A. M. Professional self-attitude of the individual and the methodology of its psychological diagnostics. Grodno : Yanka Kupala State University of Grodno, 2010. 140 p.

9. Kostenko A. A., Garbusova I. O. Professional self-awareness and self-determination as the main psychological components of professional development // Pedagogical experience: theory, methodology, practice. 2015. Vol. 1. No. 3 (4). P. 118–121.

10. Mandrikova E. Yu. Development of the questionnaire of self-organization of activities (OSA) // Psychological diagnostics. 2010. No. 2. P. 87–111.

11. Mironova T. L. Structure and development of professional self-awareness : dis. ... doctor of psychological

sciences : 19.00.03 / Mironova Tatyana Lvovna. Moscow, 1999. 436 p.

12. Mitina O. V., Rasskazova E I. «The Methodology of Studying Self-Government by Yu. Kul and A. Furman: Psychometric Characteristics of the Russian-Language Version» // Psychological Journal. 2019. Vol. 40. No. 2. P. 111–127.

13. Mishina E. I. «Program and Methods of Empirical Study of the Reflexive Self of Subjects of Educational Activity: A Tutorial» / ed. by Prof. V. S. Agapov. Moscow : Bely Veter, 2023. 143 p.

14. Workshop on Psychodiagnostics and Study of Personality Tolerance / Edited by G. U. Soldatova, L. A. Shaigerova. Moscow : Lomonosov Moscow State University, 2003. 112 p.

15. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Social and psychological diagnostics of personality and small group development. Moscow : Psychotherapy, 2009. 544 p.

16. Sharafutdinova N. V. Program and methods of empirical research of the dynamics of the structural organization of professional self-awareness of subjects of service activity: a teaching aid / Ed. by V. S. Agapov. Moscow : Unity-Dana, 2024. 200 p.

Информация об авторе

Н. В. Шарафутдинова – доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Sharafutdinova – Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Психология девиантности. Дети. Общество. Закон : монография / Под ред. А. А. Реана Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

В этой уникальной работе рассмотрен феномен девиантности во всей его полноте, с различных сторон. Книга дает развернутую психологическую характеристику отклоняющегося поведения, обращается к различным формам его проявления. В работе дан компетентный анализ современных психологических представлений о природе девиантности детей и подростков.

Книга богата фактическим материалом; представлены и проанализированы результаты многочисленных эмпирических исследований отклоняющегося поведения. Фактический материал охватывает как зарубежные, так и отечественные исследования, в том числе и оригинальные авторские. Высокое качество труда обеспечено уникальным авторским коллективом. В работе над книгой принимали участие ведущие специалисты страны по данной тематике, представляющие московскую и петербургскую психологическую школу.

Научная статья

УДК 378+371.398

EDN: <https://elibrary.ru/hxejxr>

НИОН: 2018-0077-1/26-717

MOSURED: 77/27-024-2026-01-916

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Речевая ситуация как одно из ключевых понятий в формировании коммуникативной компетенции курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России

Диана Ивановна Арзуманиян

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, slaz2@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается поэтапное формирование коммуникативной компетенции курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России через такую базовую категорию общения как речевая/коммуникативная ситуация и ее компоненты, предлагается алгоритм действий коммуникантов, позволяющий эффективно достигать целей общения в любой сфере коммуникации, в том числе профессиональной/служебной.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, коммуникативная ситуация, профессиональная/служебная деятельность, образовательные организации системы МВД России

Для цитирования: Арзуманиян Д. И. Речевая ситуация как одно из ключевых понятий в формировании коммуникативной компетенции курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 118–123. EDN: HXEJXR.

Original article

Speech situation as a key concept in developing communicative competence of cadets and students in Russian MIA educational institutions

Diana I. Arzumaniyan

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, slaz2@yandex.ru

Abstract. The article considers the step-by-step formation of the communicative competence of cadets and trainees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia through such a basic category of communication as the speech/communicative situation and its components, and suggests an algorithm for the actions of communicants that allows them to effectively achieve communication goals in any field of communication, including professional/official.

Keywords: communicative competence development, speech situations in law enforcement, professional communication training, MIA (Ministry of Internal Affairs) educational system

For citation: Arzumaniyan D. I. Speech situation as a key concept in developing communicative competence of cadets and students in Russian MIA educational institutions. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):118–123. (In Russ.). EDN: HXEJXR.

*... любое общение предпочтительнее
отсутствия всякого общения.*

Э. Берн

Целью изучения русского языка как родного и как иностранного является развитие коммуникативной (коммуникативно-речевой) компетенции и культурно-языковой/вторичной (иностранцы обучающиеся) культурно-язы-

ковой личности обучающихся как на этапе довузовской подготовки (обучение русскому языку как иностранному), так и на этапе обучения в российском вузе, что предполагает умение эффективно общаться в устной и письменной форме в разных сферах коммуникации на русском родном и русском – иностранном языке, в том числе в обиходно-бытовой (разговорный стиль).

Эффективная коммуникация невозможна без знания о *речевой/ коммуникативной ситуации* и ее компонентах, без формирования способности и потребности анализировать ход и результаты своего речевого общения на русском/ иностранном (русском) языке, поведения и реакции на них партнеров по общению – русских и русскоговорящих представителей других национальностей. В ходе изучения русского языка как родного и как иностранного внимание обучающихся постоянно обращается к речевой ситуации в разных сферах коммуникации (в зависимости от изучаемого стиля). Впервые понятие «речевая ситуация» должно вводиться в активное употребление в темах, связанных с понятиями *речь – речевая деятельность – речевое общение/ речевая коммуникация*. Обучающиеся в ходе совместных с преподавателем размышлений должны прийти к пониманию условий, необходимых для того, чтобы коммуникация состоялась и была эффективной.

Подробно рассмотрим каждый компонент речевой/ коммуникативной ситуации.

«Речевая/коммуникативная ситуация – ситуация, в которой осуществляется взаимодействие между коммуникантами, обобщенная модель протекания коммуникации. Впервые она была описана Аристотелем как *говорящий – предмет речи – слушающий*, в XX веке получила распространение модель общения Р. Якобсона: *адресант – контакт – референт – код – адресат*. Согласно современному представлению, основные компоненты, значимые для речевого поведения участников, следующие.

КТО: *адресант*, отправитель речи, автор речевого произведения, инициатор общения (говорящий или пишущий)» [2, с. 105].

Следует отметить, что, с одной стороны, адресант является инициатором общения, а значит, в некоторой степени, коммуникативным лидером (относительно данной конкретной ситуации), но с другой стороны – он может утратить эту позицию в ходе общения. Подобное может происходить по разным причинам: более «сильный» адресат (коммуникативный лидер вообще, вне зависимости от конкретной ситуации общения), новое знание, полученное от адресата и меняющее стратегию речевого поведения¹ адресанта, превращающее его из адресанта как отправителя информации, активного

¹ Стратегия речевого общения, или коммуникативная стратегия, – процесс построения коммуникации, комплекс речевых действий/ речевых актов, направленный на достижение долговременных результатов. С. связана с общим замыслом конечной цели общения. Она включает планирование речевого взаимодействия с учетом ситуации общения, то есть составление конкретной программы действий. Цели С. могут быть разными: завоевание авторитета, желание понравиться, карьерный рост, воздействие на мировоззрение, изменение этических/ эстетических/ моральных ценностей (изменение ценностных ориентиров), призыв к сотрудничеству, к какому-либо поступку или, наоборот, призыв к воздержанию от какого-либо действия, передача партнеру новых знаний, запугивание партнера, лишение его воли и способности сопротивляться и т. д. (См.: Токарева Т. Е. Русский язык. Культура речи. Риторика. Речевая коммуникация. Учебный словарь. М.: ВУ, 2010. С. 128.)

собеседника в адресата как получателя информации, пассивного собеседника, добавим к этому более высокий уровень владения русским языком собеседника (причем речь не всегда об иностранце), а также особенности национального характера, коммуникативного поведения; тип слушателя с точки зрения психолого-коммуникативного поведения адресата (рефлексивный, нерефлексивный, эмпатический) также может повлиять на ход общения и смену коммуникативных ролей.

«КОМУ: *адресат*, получатель речи (слушающий или читающий), расшифровывающий смысл сообщения в соответствии со своими знаниями, мнениями, жизненным опытом, нравственными установками, ценностями» [2, с. 128].

В свою очередь роль адресата в диалоге непостоянна не только по причине смены коммуникативных ролей, но и потому, что под влиянием ситуации речевая инициатива может переходить к нему вне зависимости от того, кому она принадлежала изначально, как было отмечено выше.

Коммуниканты обязательно должны учитывать ряд характеристик друг друга, чтобы общение состоялось, т. е. достигло цели. Это постоянные и переменные социальные роли. Постоянные роли обусловлены полом, возрастом (относительный критерий), положением в семье, профессией; переменные роли определяются конкретной ситуацией (пассажир, покупатель, пациент, потерпевший, задержанный и т. п.).

«Многих взрослых ничто так не затрудняет, как пауза в общении, промежуток молчаливого бесструктурного времени, когда никому из присутствующих не приходит в голову сказать что-нибудь более интересное, чем “Вам не кажется, что стены сегодня перпендикулярны друг другу?” Вечная проблема человека – как структурировать часы его жизни. В этом экзистенциальном смысле функция всей общественной жизни сводится к тому, чтобы оказывать друг другу взаимную помощь в этом деле» [1, с. 12], – говорит Э. Берн в своей знаменитой работе «Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений».

«ЧТО: *речевое произведение* (текст), которое должно соответствовать сфере общения (образовательной, производственной, военной, научной, деловой, юридической, обиходно-бытовой и др.), оформляться языковыми средствами определенного, отвечающего сфере общения, функционального стиля и жанра» [2, с. 128].

Это содержание общения, его тема, предмет речи, то, о чем хочет сказать адресант и то, что услышит адресат. Наличие общей, интересной/ актуальной/ релевантной для обоих партнеров по общению темы, во многом определяет успех общения, т. е. достижение цели коммуникации.

Выше были приведены слова Э. Берна о боязни пауз в общении. Также он дает ответ на вопрос, как их избежать: «оказывать друг другу взаимную помощь в этом деле» [1, с. 12]. Уточним КАК это делается.

Структурирование времени Э. Берн называет *программированием* и выделяет в последнем три аспекта: *материальное, общественное и индивидуальное про-*

граммирование. *Материальное программирование* в наиболее общем виде в рассматриваемой нами теме представляет общение в такой его функции как организация обмена действиями между людьми, т. е. деятельность общения здесь включена в трудовую (служебную) деятельность (типичный пример). *Общественное программирование* предполагает следование в общении «хорошим манерам», тому, чему учат с детства, то, что приемлемо в том или ином обществе, это общение ритуальное, общения для установления и поддержания контакта, оно не несет информативной нагрузки, также это общение в соответствии со служебной субординацией. *Индивидуальное программирование* предполагает все возрастающее знание о партнере по общению и ориентацию своего поведения, в том числе речевого, на него.

«ГДЕ и КОГДА: место и время общения, определяющие правила и нормы речевого/ коммуникативного поведения» [2, с. 128].

Место и время являются внешними условиями общения, которые существенно влияют на его ход. Место, в первую очередь, определяет характер отношений между коммуникантами (официальные/ неофициальные), также в определенных сферах коммуникации место определяет эмоциональный фон (открытое пространство – закрытое (природа, помещение), уютное – неуютное, освещенное – затемненное, естественный свет – искусственный свет и т. п.). Время также существенно для протекания коммуникации. Оно диктует не только выбор формул речевого этикета в ситуациях приветствия и прощания, но и ряд других условий общения: время суток может определять состояние человека (усталость вечером и бодрость утром, или, наоборот, в зависимости от хронотипа (сова, жаворонок, голубь), эмоциональный подъем или спад, обусловленный количеством света), уместность общения на определенную тему (рабочие вопросы только в рабочее время) и т. п.

«ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ: коммуникативное намерение (интенция), то есть мотив/причина вступления в общение и его цель как стремление к достижению какого-либо определенного результата, например, передать информацию, обменяться информацией, получить информацию, обсудить, спросить о чем-либо, что-либо утвердить/доказать что-либо, призвать к чему-либо, осудить/одобрить что-/кого-либо, посоветовать, потребовать, выразить свои чувства, оценки, внушить кому-либо что-либо, побудить кого-либо к какому-либо действию, установить контакт с кем-либо и т. д.» [2, с. 128].

Часто коммуниканты не до конца осознают одно из двух – причину общения или его цель. Приведем примеры из сферы учебно-профессиональной коммуникации.

1. Преподаватель не объясняет цель задания. Эсплицитно он формулирует примерно следующее:

– прочитайте этот устав и подготовьтесь к завтрашнему занятию.

Имплицитная (не сформулированная вербально) цель преподавателя:

– проанализируйте документ и выявите его ключевые принципы.

Реакция курсантов: механически читают текст, не выделяя главное, так как не понимают, зачем это нужно.

В случае с иностранными слушателями такого рода задание, связанное с работой с большим количеством информации, но при этом не имеющее точной формулировки, может быть воспринято как невыполнимое.

Приведем другие примеры, в которых обнаруживается расхождение между тем, что выражено вербально, и тем, что в действительности подразумевалось со стороны адресанта.

2. Преподаватель задает вопрос с «подвохом»:

Как звучит вопрос: – Как вы думаете, почему этот пункт закона сформулирован именно так?

Что подразумевает вопрос: преподаватель хочет, чтобы курсанты заметили противоречие в тексте.

Реакция курсантов: начинают давать поверхностные ответы, не углубляясь, так как не понимают, что от них ждут критического анализа.

Иностранцы могут вообще промолчать, опасаясь сказать что-то не то из-за языкового барьера.

3. Несоответствие формата общения цели.

Преподаватель проводит «дискуссию»:

– давайте обсудим, как действовать в этой ситуации».

Реальная цель: преподаватель хочет, чтобы курсанты пришли к единственно верному решению (по уставу).

Реакция курсантов: искренне предлагают варианты, но преподаватель отвергает их, так как ждет конкретного ответа.

Как результат – разочарование, нежелание участвовать в «псевдодискуссиях». Иностранцы же могут решить, что их мнение не ценится, и замкнуться.

4. Риторические вопросы как скрытая критика.

Ситуация: курсант отвечает неуверенно, и преподаватель говорит:

– вы действительно считаете, что это правильный ответ?

Реальная цель: дать понять курсанту, что ответ неверен.

Реакция курсанта: теряется, не понимая, в чем ошибка. Иностранцы могут воспринять это как вербальную агрессию и вообще отказаться отвечать в будущем.

Таким образом, очевидно, чтобы улучшить коммуникацию, надо четко формулировать цель, а также уважать любого собеседника.

«С КАКИМ РЕЗУЛЬТАТОМ: в коммуникации очень важной является *обратная связь*, которая дает возможность корректировать свою речь (непосредственно, по ходу общения, «здесь и сейчас» в устном контактном непосредственном общении или отсрочено в письменном дистантном опосредованном общении)» [2, с. 128].

Идеальным результатом общения является достижение его цели, противоположным, соответственно,

наоборот. Однако если во втором случае необходим анализ общения с последующим выводом о том, почему оно не достигло цели, то в первом случае анализ также важен для переноса положительного опыта общения на подобные ситуации в будущем, прогнозирование возможной корректировки с условием изменения какого-либо из компонентов коммуникативной ситуации при условии неизменности всех остальных.

На ход и результаты общения большое влияние оказывает такой механизм как атрибуция, в частности *каузальная атрибуция* (Г. Келли, Э. Джонс, К. Дэвис, Д. Кенноуз, Р. Нисбет, Л. Стрикленд). Атрибуция (лат. *attributio* – приписывание) – психологический термин, обозначающий механизм объяснения причин поведения другого человека. В частности, это может быть приписывание социальным объектам (человеку, группе, социальной общности) характеристик, не представленных в поле восприятия. Необходимость атрибуции обусловлена тем, что информация, которую может дать человеку наблюдение, недостаточна для адекватного взаимодействия с социальным окружением и нуждается в «дистраивании». Атрибуция и является основным способом такого «дистраивания» непосредственно воспринимаемой информации. Иными словами, это можно назвать «чтением в сердцах», когда мы приписываем человеку какие-то мысли, чувства, основываясь на своем предварительном знании о нем, а порой и на своих желаниях. Кроме того, плохое или недостаточное знание языка и культуры людей, говорящих на нем, приводит к коммуникативным неудачам, связанным с запуском механизма каузальной атрибуции. Приведем примеры.

Ситуация: преподаватель строго спрашивает слушателя из Юго-Восточной Азии:

– почему вы не выполнили задание?»

Реакция слушателя: молчит, опускает глаза (в его культуре это знак уважения).

Атрибуция преподавателя: он игнорирует меня или не готовился.

Реальная причина: слушатель показывает почтение, избегая прямого контакта глаз.

Еще один пример со слушателями из Юго-Восточной Азии: обучающийся улыбается после замечания – преподаватель считает его «беспечным», хотя улыбка означает смущение.

В образовательных организациях системы МВД России такие нюансы критичны, потому что ошибки атрибуции ведут к дисциплинарным взысканиям из-за «многого» неуважения, а языковой барьер усугубляет непонимание. Поэтому крайне важны четкие инструкции без намеков, письменные дублирования устных заданий, проверка понимания не через «Да/Нет», а через практические демонстрации.

Каузальная атрибуция тем больше определяет социальную перцепцию (восприятие), чем больше дефицит информации о партнере по общению. Иными словами, отсутствие достоверного знания о партнере по общению (его социальный статус, национальная принадлежность, профессиональная сфера деятельности, круг интересов, характер, темперамент и т. п.)

может и зачастую приводит к попыткам поиска недостающей информации не путем ее нахождения из объективных источников, а путем приписывания партнеру по общению тех или иных характеристик, выводимых нами из известной информации, из опыта, основанной на наших предположениях, выводах, но не фактах. Знание данного механизма объяснения причин поведения другого человека поможет избежать существенных коммуникативных неудач в профессиональном общении сотрудника ОВД.

Например, чтобы избежать стереотипов типа «мигрант = преступник» при обучении курсантов МВД, нужен системный подход, сочетающий правовое просвещение, межкультурную подготовку и практические кейсы. Приведем конкретные меры:

1. Правовое просвещение: акцент на факты, а не мифы.

Разбирать статистику: показывать официальные данные МВД: большинство преступлений совершают не мигранты, а местные жители.

Анализ реальных кейсов: разбирать дела, где мигранты были потерпевшими (например, эксплуатация на стройках).

2. Межкультурная подготовка.

Культурные тренинги: объяснять различия в поведении. Например: прямой взгляд у выходцев с Кавказа – знак уважения, а не агрессии; молчание выходцев из Средней Азии – не признак вины, а культурная норма.

Приглашать этнопсихологов и самих мигрантов для диалога.

3. Практические занятия: отработка нестереотипных сценариев.

Ситуационные задачи: к вам обратился трудовой мигрант с жалобой на задержку зарплаты. Ваши действия? (Акцент на защиту прав, а не подозрение.)

4. Историко-правовой контекст.

Развенчание мифов: объяснять, что в СССР миграция между республиками была нормой, а многие «мигранты» – граждане России (например, таджики с паспортом Российской Федерации).

Упор на закон: ст. 19 Конституции Российской Федерации: запрет дискриминации по национальности; ст. 136 УК РФ: уголовная ответственность за дискриминацию.

5. Работа с авторитетными членами диаспор.

Привлекать лидеров диаспор: совместные встречи с имамами, старостами общин – чтобы курсанты видели, что мигрантские сообщества за порядок.

Примеры позитивных кейсов: рассказывать о мигрантах-героях (спасших людей при ЧС, донорах крови и т. д.).

6. Контроль за языком.

Запрет на обобщения: не «они все преступники», а «конкретный человек подозревается».

Корректная терминология: не «нелегал», а «лицо без регистрации».

7. Личный пример преподавателей: преподаватели вузов МВД России должны сами демонстрировать

беспристрастность: да, этот человек – подозреваемый, но вот его земляк помог раскрыть дело.

Итак, психологи считают, что результаты приписывания могут стать материалом для формирования социальных стереотипов, добавим к этому – причиной, ведущей к коммуникативной неудаче¹, т. е. сбоем в общении, недостижению поставленной цели. Исходя из анализа речевой/ коммуникативной ситуации, обучающиеся приходят к пониманию того, что такое коммуникативная неудача и формулировке причин коммуникативных неудач.

Таким образом, осознание речевой/ коммуникативной ситуации и ее компонентов, понимание важности каждого из них является первым шагом на пути к эффективному общению в обиходно-бытовой сфере, а затем и в других, в частности, в профессиональной.

Подводя итоги, приведем алгоритм действий коммуникантов для реализации эффективной коммуникации.

1. Определить **коммуникативное намерение (цель)**: *я хочу ... рассказать о чем-то, доказать что-то, убедить кого-то, воздействовать на кого-то, склонить кого-либо к какому-либо действию, изменить чью-то позицию в отношении какого-то вопроса* и т. п. Цель может быть не осознана адресантом, но она всегда присутствует. Коммуникативное намерение – осознанная цель общения.

2. Определить **замысел**: в общих чертах представить себе предмет общения: *о чем я буду говорить*. Степень адекватности понимания замысла адресанта адресатом во многом определяется сходством их картин мира.

3. Определить **статусную и ситуативную роль адресата**. Статусная роль определяется возрастом, полом, должностью, т. е. относительно постоянными характеристиками адресата. Ситуативная роль, как ясно из названия, определяется конкретной социальной ситуацией, в которую вписана ситуация коммуникативная: человек, обладающий определенной статусной ролью может быть пациентом, пешеходом, водителем и т. п. Также в зависимости от психологических характеристик и конкретной коммуникативной ситуации он может выполнять роли коммуникативного лидера, ведомого, «взрослого», «ребенка» и т. д.

4. Выбрать **речевую стратегию: открытую (кооперативную) или закрытую (некооперативную)** и соответствующие им **речевые тактики**. Сложно однозначно ответить на вопрос, чем определяется вы-

бор речевой стратегии: с одной стороны, его может определять цель общения, с другой – на выбор влияет характер адресанта и адресата. Например: адресант хочет склонить адресата к собственной точке зрения по какому-либо вопросу, в котором не сходится с ним во мнениях. Возможно применить открытую стратегию: изложить информацию по вопросу максимально полно, ясно, добиться адекватного речевому замыслу понимания, не утаить важной, принципиальной информации, даже если адресат воспримет ее отрицательно, т. е. открытая стратегия предполагает полноценный диалог между коммуникантами, желание прийти к общему решению, желание услышать собеседника и постараться понять его. Однако возможен и другой сценарий, в котором диалог носит формальный характер, реплики адресата становятся формальными, адресант их не учитывает, он просто следует своему плану изложения информации с целью воздействия на адресата: он может представлять не полную картину, замалчивать о чем-либо («просеивание фактов»), что, на его взгляд, может препятствовать достижению его цели, в отдельных случаях – исказить информацию, пользоваться уловками, т. е. использовать некооперативные тактики речевого общения. Выбор и осуществление речевой стратегии включает ряд этапов (этапы речевой деятельности): ориентировка в ситуации общения, выбор тактики для соответствующего этапа общения, ее реализация, анализ достижения цели.

И в случае использования открытой стратегии, и в случае использования закрытой стратегии важно иметь определенный (примерный) план общения, т. е. предполагать варианты развития общения, которые будут применяться в зависимости от нового поворота общения (новая информация, психологическое состояние адресата). Необходимо внимательно следить за ходом общения, настроением собеседника, вовремя распознавать сигналы меняющейся ситуации. Помимо меняющейся информации сигналами зачастую служат невербальные средства общения. Однако необходимо всегда помнить об их ситуативности: они передают настроение человека *здесь и сейчас*, вполне может быть, что это отношение изменится, когда человек успокоится, пройдет какое-то время и он, проанализировав информацию, сменит свое к ней отношение. Кроме того, следует помнить, что, с одной стороны, невербальные средства могут выдать истинные эмоции, чувства, намерения адресата, а с другой – наоборот, скрыть их. Только постоянное наблюдение за невербальным поведением собеседников в целом, конкретного человека, умение отделять коммуникативно значимые невербальные сигналы от физиологических проявлений, может дать целостную правдивую картину.

Вступая в общение и анализируя ситуацию, следует помнить о таком явлении как установка. Установка представляет собой уже сформированную у адресата картину мира, конкретной ситуации, которая мешает ему увидеть реальную картину, «услышать» адресанта. Например, у человека был опыт неудачного похода

¹ Коммуникативная неудача – недостижение целей общения. Основные причины: 1) неудовлетворительное знание языка общения, его возможностей и ресурсов; 2) различия в картинах мира (различия национальных культур); нарушение норм поведения, в том числе и речевого, принятого в данном обществе, социуме; 3) нарушение, несоблюдение компонентов речевой ситуации (места, времени, присутствие нежелательного третьего лица и т. д.), их недостаточный учет; 4) несовпадение фонда знаний коммуникантов, их разный жизненный опыт, разный образовательный уровень. (См.: Токарева Т. Е. Русский язык. Культура речи. Риторика. Речевая коммуникация. Учебный словарь. М. : ВУ, 2010. С. 61.)

к стоматологу, сколько бы вы не убеждали его, что новый врач лучше, средства обезболивания действеннее и т. п., установка сформирована и влияет на восприятие настоящей ситуации.

Список источников

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений / пер. с англ. А. И. Фет. Philosophical arkiv, Sweden, 2016.
2. Токарева Т. Е. Русский язык. Культура речи. Ри-

торика. Речевая коммуникация. Учебный словарь. М. : ВУ, 2010.

References

1. Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships / Translated from English by A. I. Fet. Philosophical Arkiv, Sweden, 2016.
2. Tokareva T. E. Russian Language. Speech Culture. Rhetoric. Verbal Communication. An Educational Dictionary. Moscow : VU Publishing, 2010.

Информация об авторе

Д. И. Арзуманиян – доцент кафедры русского языка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент, лауреат Клуба российских военачальников.

Information about the author

D. I. Arzumaniyan – Associate Professor at the Department of Russian Language at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Laureate of the Club of Russian Military Leaders.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

ПСИХОЛОГИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность» / [В. Л. Цветков и др.] ; под ред. И. А. Калиниченко.

Рассматриваются проблемы психологии профессиональной деятельности сотрудников полиции. Даются психологическая характеристика следственной деятельности, профессиографическое описание деятельности участкового уполномоченного полиции.

Анализируются психологические особенности предварительного расследования. Уделяется внимание криминальной психологии и особенностям судопроизводства по уголовным делам. Самостоятельная глава посвящена судебно-психологической экспертизе.

Для курсантов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности и юридической психологии.

Научная статья

УДК. 37; ББК 74

EDN: <https://elibrary.ru/iaynjn>

НИОН: 2018-0077-1/26-718

MOSURED: 77/27-024-2026-01-917

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Педагогическая культура офицера в современных условиях: проблемы и пути решения

Владимир Витальевич Голуб¹, Алексей Владимирович Голуб²

^{1,2} Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,

Ростов-на-Дону, Россия

¹ Vgolub112@gmail.com

² golubtele3@gmail.com

Аннотация. Рассматривается педагогическая культура офицера как важнейший компонент его профессиональной деятельности в современных условиях службы. Раскрывается сущность и структура педагогической культуры, определяющей эффективность обучения, воспитания и морально-психологического состояния личного состава. Анализируются основные проблемы формирования педагогической культуры. Обоснован разрыв между требованиями войсковой практики и традиционными педагогическими подходами. Предложены основные направления совершенствования педагогической культуры офицеров, ориентированные на интеграцию педагогической подготовки, развитие мотивации, внедрение инновационных технологий и организацию методического сопровождения.

Ключевые слова. Педагогическая культура офицера, военная педагогика, профессиональная подготовка офицеров, психолого-педагогическая подготовка, коммуникативная культура, методическое сопровождение, морально-психологическое обеспечение

Для цитирования: Голуб В. В., Голуб А. В. Педагогическая культура офицера в современных условиях: проблемы и пути решения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 124–130. EDN: IAYNJJN.

Original article

Officer's pedagogical culture in modern conditions: problems and solutions

Vladimir V. Golub¹, Alexey V. Golub²

^{1,2} Rostov Branch Lebedev Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

¹ Vgolub112@gmail.com

² golubtele3@gmail.com

Abstract. The article examines the pedagogical culture of an officer as an essential component of his professional activity in the current conditions of service. The essence and structure of pedagogical culture, which determines the effectiveness of training, education, and the moral and psychological state of personnel, are revealed. The main problems of the formation of pedagogical culture are analyzed. The gap between the requirements of military practice and traditional pedagogical approaches is substantiated. The main directions of improving the pedagogical culture of officers, focused on integrating pedagogical training, developing motivation, introducing innovative technologies, and organizing methodological support, are proposed.

Keywords: pedagogical culture of an officer, military pedagogy, professional training of officers, psychological and pedagogical training, communicative culture, methodological support, and moral and psychological support

For citation: Golub V. V., Golub A. V. Officer's pedagogical culture in modern conditions: problems and solutions. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):124–130. (In Russ.). EDN: IAYNJJN.

Введение. Современные условия службы и профессиональной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации предъявляют повышенные требования не только к профессиональным знаниям и боевой подготовке офицера, но и к сформированным у него навыкам обучения, воспитания подчиненных, взаимодействия с ними. Офицер, находясь в непосредственном управлении подчиненными, несет ответственность за организацию учебно-воспитательного процесса и морально-психологического состояния личного состава. От его уровня педагогической культуры в значительной мере зависит эффективность боевой подготовки, морально-психологический климат в подразделении, а также способность самостоятельного развития личностных и профессиональных качеств. Именно поэтому педагогическая культура офицера рассматривается современными исследователями как важнейший компонент профессиональной подготовки военного специалиста.

Педагогическая культура офицера является практической реализацией целостной структуры знания, опыта, убеждений и навыков, отражающих способность офицера к взаимодействию с подчиненными в целях обучения, воспитания и совершенствования личного состава. В современных условиях ведения военных действий, информационной войны, трансформации национального сознания и ужесточения требований к качеству военной службы значение педагогической культуры существенно возросло.

Основное содержание. В отечественной науке педагогическая культура рассматривается как категория, отражающая уровень развития личностных и профессиональных педагогических качеств субъекта, способность к конструктивному взаимодействию с обучающимися и воспитанниками, а также готовность к постоянному развитию и самосовершенствованию. В военном контексте это понятие приобретает особую специфику, поскольку офицер выполняет одновременно функции командира руководителя, наставника, педагога и воспитателя личного состава.

Как отмечается в современных исследованиях, педагогическая культура офицера – это интегральное образование, представляющее собой совокупность морально-психологических, профессиональных, педагогических и коммуникативных качеств, обеспечивающих эффективность обучения и воспитания военнослужащих в условиях изменяющейся социальной и оперативно-стратегической обстановки [1].

Как профессиональное явление, педагогическая культура представляет собой совокупность качеств: глубину познания накопленного человечеством педагогического опыта; степень совершенства в учебно-воспитательной деятельности; достигнутый уровень развития личности офицера как педагога [2, с. 73].

Одной из ключевых характеристик педагогической культуры является способность офицера не только передавать знания, но и формировать ценностные ориентиры, мотивировать к самообразованию, обеспечивать развитие творческого потенциала подчиненных.

Педагогическая культура офицера представляет собой сложную и многокомпонентную систему качеств, включающую личностные, профессиональные и коммуникативные элементы. В научной литературе предлагаются различные модели структуры педагогической культуры. В совокупности они отражают как общие, так и специфические для военной педагогики компоненты. К наиболее обобщенным компонентам педагогической культуры офицера относят следующие.

Мировоззренческая культура офицера определяет систему ценностных ориентиров, норм и убеждений, которые направляют его поведение, формируют коммуникативную стратегию и определяют педагогическое взаимодействие с подчиненными. Она является основой профессиональной этики, ответственности и гражданской позиции, что является обязательным компонентом педагогической деятельности. Как подчеркивают исследователи, «офицер, обладающий развитой мировоззренческой культурой, способен соотносить свои действия с высокими моральными стандартами и донести эти ценности до личного состава».

Ключевым элементом педагогической культуры является *уровень владения офицером психолого-педагогическими знаниями*. К таковым относят знание возрастных особенностей, психологических механизмов восприятия, мотивации, групповой динамики и методов обучения, что обеспечивает эффективное взаимодействие с различными категориями военно-служащих.

Педагогическая направленность характеризует готовность офицера уделять внимание вопросам образования и воспитания подчиненных, видеть в этих процессах не формальную, но обязательную составляющую своей деятельности. *Мотивация* в данном контексте обусловлена стремлением офицера способствовать развитию личности военнослужащих, что становится важным фактором эффективности педагогического процесса.

Коммуникативная культура включает навыки межличностного взаимодействия, умение адекватно выражать мысли, слушать и слышать подчиненных, вести диалог и организовывать коллективную деятельность подразделения. Педагогически направленное общение – это не только передача информации, но и создание условий для формирования понимания, доверия и сплоченности в коллективе.

Профессионально-этическая культура отражает морально-этические нормы и стандарты поведения, соблюдение которых является обязательным для офицера. Она включает такие качества, как честность, справедливость, выдержка, уважение к подчиненным, добросовестное выполнение служебных обязанностей. Высокий уровень профессионально-этической культуры способствует укреплению авторитета офицера и обеспечивает устойчивость морально-психологического климата в подразделении.

Творческое педагогическое мастерство объединяет способности офицера к моделированию и адаптации методов обучения и воспитания в нестандартных ситуациях, к поиску инновационных форм взаимодействия

и креативных решений педагогических задач. Оно формируется на основе глубоких знаний, опыта и способности к рефлексии [2].

Представленность и взаимодействия всех вышеперечисленных компонентов педагогической культуры офицера, позволяет ему реализовать широкий спектр функций, непосредственно связанных с задачами профессиональной подготовки и воспитания военнослужащих. К основным необходимо отнести следующие.

Образовательная функция – обеспечивает передачу знаний, развитие умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей. Офицер как педагог помогает военнослужащим осваивать предметы боевой подготовки, использовать методы самообразования, анализировать изученный материал.

Воспитательная функция – заключается в формировании нравственных, морально-психологических качеств, патриотизма, дисциплины, ответственности перед обществом и государством, а также коллективизма и воинского товарищества. Через педагогическую культуру офицер влияет на становление как личности военнослужащего – гражданина и профессионала, так и воинского коллектива – единого слаженно действующего подразделения.

Коммуникативно-организационная функция – предполагает организацию эффективного взаимодействия в подразделении, управление коллективными процессами, разрешение конфликтов и создание благоприятного морального климата. Коммуникативная компетентность офицера способствует повышению мотивации подчиненных к службе и укреплению воинской дисциплины. Кроме того, реализуя коммуникативно-организационную функцию офицер выступает как пример для подчиненных в правильной и эффективной организации межличностного взаимодействия как в повседневной деятельности, так и при решении учебно-боевых задач.

Инновационная функция – заключается в реализации новых подходов к обучению и воспитанию, внедрении современных педагогических технологий, использованию цифровых ресурсов и развивающих методик в процессе подготовки военнослужащих [3].

Вместе с тем уровень воинской дисциплины и степень боеготовности воинского подразделения напрямую зависит от степени сформированности педагогической культуры командиров. Степень сформированности педагогической культуры же является прямым результатом обучения в военных образовательных учреждениях и самообразования офицеров в процессе прохождения воинской службы.

Анализ процесса подготовки военнослужащих и прохождения военной службы выявил ряд проблем, препятствующих реализации офицерами в полной мере своих обязанностей в педагогическом плане. К таковым можно отнести следующие.

Недостаточная методическая и психолого-педагогическая подготовленность офицеров, обусловленная недостаточностью подготовки в этом направлении в процессе обучения в военном вузе.

Анализ учебных планов военных образовательных организаций высшего образования показывает, что на психолого-педагогическую подготовку будущих офицеров в среднем отводится 400 академических часов, что составляет не более 4–6 % общего объема образовательной программы (около 9 000–10 000 часов за весь период обучения). При этом значительная часть этих часов приходится на младшие курсы (1–2 курс), когда у курсантов еще отсутствует практический опыт командной и воспитательной деятельности.

В то же время войсковая практика свидетельствует, что офицер на первичной должности (командир взвода) затрачивает до 30–40 % служебного времени на решение педагогических задач: проведение занятий по боевой подготовке, воспитательные мероприятия, индивидуальная работа с подчиненными, дисциплинарная практика. По результатам опросов молодых офицеров (выборка 180 человек), более 60 % из них отмечают недостаточность педагогических знаний и методических умений для уверенного выполнения этих задач в первые 1–2 года службы. Это подтверждает недостаточность объема педагогической подготовки реальным требованиям войсковой практики.

Фрагментарность и несистемность формирования педагогической культуры, обусловленная отсутствием общих подходов к формированию педагогической культуры офицеров, как на этапе обучения, так и при прохождении службы в войсках.

Учебные планы военных вузов, как правило, не предусматривают сквозную педагогическую подготовку: педагогические дисциплины изучаются изолированно и не связаны напрямую с военно-профессиональными модулями, **психолого-педагогическая подготовка распределена по разным модулям и курсам** без единой логической последовательности. Это приводит к тому, что офицеры осваивают практические педагогические навыки в разрозненном виде, не связывая их с конкретными ситуациями службы.

В войсках данная проблема усугубляется отсутствием единой программы педагогического развития офицеров. Войсковая практика показывает, что в общем объеме учебно-воспитательных мероприятий мероприятия методического характера (показные занятия, разборы педагогических ситуаций, обмен опытом) составляют не более 5–7 % в год. И даже те мероприятия, которые запланированы, не всегда проводятся (ввиду загруженности офицерского состава) или проводятся формально. В результате педагогическая культура формируется стихийно, на основе личного опыта и подражания, что приводит к значительным различиям в уровне педагогической подготовленности офицеров даже в рамках одного подразделения.

Высокая служебная нагрузка и дефицит времени для педагогического саморазвития – объективно обусловленная высокой интенсивностью служебной деятельности офицеров.

В войсковой практике средняя продолжительность служебного дня офицера составляет 10–12 часов, а в период подготовки к учениям и проверкам – до 14 часов

и более. При этом значительная часть времени уходит на выполнение организационно-административных и отчетных функций.

По данным анкетирования офицеров тактического звена (выборка 220 человек), лишь 8–10 % из них регулярно занимаются педагогическим самообразованием (изучение методической литературы, анализ опыта, участие в семинарах). Основными причинами является дефицит времени (78 %), отсутствие целенаправленной системы повышения педагогической квалификации (54 %) и недостаточная мотивация (41 %). Таким образом, объективные условия службы существенно ограничивают возможности офицеров по целенаправленному развитию педагогической культуры.

Недостаточный уровень коммуникативной и конфликтологической подготовки, обусловленный критически низким объемом времени, отводимым на изучение дисциплин социально-психологической направленности.

Снижение общеобразовательного и общекультурного уровня призывников, снижение мотивации к службе – все это повышает требования к коммуникативной и конфликтологической подготовке офицеров. По данным анализа дисциплинарной практики, до 60–65 % конфликтных ситуаций в подразделениях обусловлены не нарушением уставных требований как таковых, а ошибками в педагогическом общении – некорректным стилем руководства, отсутствием обратной связи, неспособностью офицера учитывать индивидуально-психологические особенности подчиненных.

При этом в учебных планах военных вузов дисциплины, направленные на развитие коммуникативной культуры (психология и педагогика), занимают в среднем 70 часов. Кроме того, вопросы коммуникативно-конфликтологического характера не включены в войсковые практики и стажировки курсантов, т. е. теоретические знания, полученные в лекционных аудиториях в ограниченном объеме, не закрепляются в ходе прохождения различных практик курсантами. Это приводит или к недостаточности, или к отсутствию устойчивых навыков **коммуникации в условиях стрессовых служебных ситуаций**.

Результаты анализа конфликтных ситуаций в войсках свидетельствуют, что **до 60–65 % недопониманий в подразделениях вызваны именно коммуникативными ошибками командиров**, что подтверждается актами служебных разбирательств и анализом морально-психологического климата в подразделениях. Это указывает на явный разрыв между теоретическими навыками, заложенными в квалификационных требованиях, и практической готовностью офицеров к педагогическому взаимодействию.

В итоге значительная часть офицеров вынуждена осваивать приемы педагогического общения эмпирическим путем, через собственные ошибки, что негативно отражается на морально-психологическом состоянии личного состава, качестве управления подразделением и в конечном итоге – в решении поставленных боевых задач.

Разрыв между требованиями современной службы и традиционными педагогическими подходами – объясняемый отставанием внедрения новейших научно-педагогических достижений в восковую практику, а в некоторых случаях и запаздыванием науки относительно возникающих вызовов военной службы.

В данном случае речь идет о недостаточном соответствии традиционных педагогических подходов современным условиям службы и обучения. Учебные планы военных вузов все еще в значительной степени ориентированы на лекционно-репродуктивные формы обучения и классические гуманитарные подходы, доля которых составляет до 65–70 % аудиторных занятий. В то же время войсковая практика требует более активных, деятельностных технологических подходов – решения ситуационных задач, моделирования боевых условий, анализа конкретных служебных эпизодов, деловых и ролевых игр, что в свою очередь будет способствовать формированию у офицера умений действовать в условиях неопределенности, дефицита времени и информации.

Войсковая практика применения активных методик (деловые игры, тактические симуляции) показывает, что применение таких методов увеличивает адаптацию личного состава к сложным условиям службы на **20–30 % по ключевым компетенциям принятия решений**. Однако офицеры часто не обладают достаточными умениями для практического внедрения таких методик из-за недостаточной сформированности умений их применения в процессе подготовки.

Результаты контрольных занятий и учений показывает, что военнослужащие, обучавшиеся с применением активных и проблемных методов, демонстрируют на 15–20 % более высокие показатели по действиям в нестандартных ситуациях. Однако недостаточная готовность офицеров к использованию современных педагогических технологий ограничивает их внедрение в повседневную практику обучения и воспитания личного состава.

Анализ методологических основ профессионального образования демонстрирует, что традиционные подходы к обучению военнослужащих требуют учета современных реалий, в том числе связанных с регулярным обновлением педагогических знаний и моделей обучения в условиях службы и боевой подготовки [8].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сформировавшихся в настоящее время устойчивых противоречиях между:

- реальной педагогической нагрузкой офицера (36–45 % служебного времени) и долей психолого-педагогической подготовки в вузе (2,4–3,2 % учебного времени);
- необходимостью закрепления знаний психолого-педагогического характера на практике (еще при обучении в военном вузе) и отсутствием сквозной педагогической подготовки;
- традиционными классическими подходами в процессе обучения в военном вузе и требованиями принятия

тия решений в условиях ресурсно-временной ограниченности.

Данные противоречия являются ключевыми причинами недостаточного уровня педагогической культуры офицеров на начальном этапе службы и требуют системного пересмотра содержания и структуры подготовки, а также организационно-методического сопровождения военной службы офицеров и изменения критериев оценки эффективности их служебной деятельности.

Для решения указанных противоречий и проблем формирования педагогической культуры офицера предлагается ряд направлений педагогической и организационной работы:

1. Интеграция психолого-педагогических дисциплин в основу подготовки офицеров, а также внедрение в образовательный процесс передовых педагогических технологий. В данном случае речь идет о необходимости сквозного включения вопросов психолого-педагогической направленности не только в учебный процесс по техническим, тактическим и военным дисциплинам, но и в повседневную жизнедеятельность курсантов. На занятиях по дисциплинам профессиональных циклов преподавателям необходимо уделять внимание не только вопросам, непосредственно касающимся изучаемых профильных дисциплин, но и организовывать групповое взаимодействие, со сменой руководителей групп, с целью формирования коммуникативных умений, умений по предотвращению возникновения конфликтных ситуаций при выполнении заданий во время практических, лабораторных и групповых занятий. Отдельным блоком включать вопросы формирования коммуникативных умений и умений предотвращения возникновения конфликтных ситуаций в ходе учебной и производственной практик, а также – войсковой стажировки.

2. Повышение мотивации офицеров к педагогическому профессиональному развитию. Мотивация офицеров к развитию педагогической культуры напрямую связана с системой оценки их служебной деятельности. В настоящее время при проведении аттестации и составлении служебной характеристики основное внимание уделяется показателям боевой подготовки, дисциплинарной практики подразделения и выполнения им служебных и боевых задач, без соотнесения оцениваемых показателей с психолого-педагогической компетентностью офицера. Педагогические результаты работы с личным составом зачастую носят вторичный характер и не имеют четких критериев оценки.

В то же время войсковая практика однозначно показывает прямую взаимосвязь уровня педагогической культуры офицера и дисциплинарной практики подразделения, качества выполнения последним служебно-боевых задач. Таким образом, можно однозначно утверждать о том, что включение показателей качества обучения и воспитания подчиненных в систему аттестации офицеров приведет к повышению боеготовности подразделений в целом и будет способствовать росту их интереса к педагогическому самообразованию.

Повышение мотивации возможно также через использование элементов рейтинговой оценки, присвоение квалификационных категорий, учета педагогической квалификации при назначении на вышестоящие должности. Таким образом, формирование педагогической культуры должно рассматриваться не как факультативная, а как значимая составляющая профессионального успеха офицера.

3. Использование инновационных педагогических технологий в обучении и воспитании личного состава. Обоснованием необходимости развития инновационной педагогической культуры является опыт боевой подготовки, где применение деловых игр, тактических ситуационных задач, моделирования служебных эпизодов значительно повышает уровень усвоения материала и профессиональную мотивацию военнослужащих. В условиях сокращения учебного времени и роста информационной нагрузки использование активных и интерактивных методов обучения становится не только целесообразным, но и объективно необходимым. Формирование у офицеров готовности к применению инновационных педагогических технологий должно осуществляться как в процессе обучения в вузе, так и в системе переподготовки и повышения квалификации.

Вместе с тем необходимо использование в образовательном процессе инновационных педагогических технологий и интерактивных форм обучения, которые в настоящий момент стали важнейшими элементами современной системы профессионального образования, включая подготовку кадров для Вооруженных Сил [9].

4. Организация постоянного методического сопровождения педагогической деятельности офицеров, внедрение передового педагогического опыта. В качестве методической поддержки офицеров может использоваться практика наставничества, широко применяемая как в гражданской, так и в воинской среде. Закрепление за молодым офицером опытного наставника позволяет сократить период профессиональной адаптации, передать практические психолого-педагогические приемы и обеспечить преемственность опыта. Внедрение практики проведения инструкторско-методических занятий наиболее опытными офицерами, изучение передового войскового психолого-педагогического опыта позволит в значительной степени сократить сроки адаптации молодых офицеров, повысит качество воспитательной работы в подразделениях. В этой связи целесообразно создание методических групп, разработка единых методических рекомендаций, регулярное проведение показательных и открытых занятий, что будет способствовать формированию устойчивых психолого-педагогических навыков и повышению общей педагогической культуры офицеров.

5. Развитие навыков межличностной коммуникации и педагогического общения. На сегодняшний день войсковая практика убедительно демонстрирует прямую зависимость эффективности управления под-

разделением от уровня коммуникативной культуры офицера. В условиях многонационального состава подразделений, различий в образовательном и социальном уровне военнослужащих, а также повышенной психоэмоциональной нагрузки военной службы недостаток коммуникативных навыков приводит к конфликтам, снижению дисциплины и ухудшению морально-психологического состояния подразделения.

Разнообразные приемы педагогического общения, способы убеждения и обратной связи, должны отрабатываться на всем протяжении обучения в военном вузе. Причем преподавателям профильных дисциплин, в ходе оценки учебных достижений курсантов необходимо оценивать не только усвоение специальных знаний, но и качество взаимодействия обучаемых между собой в ходе решения поставленных учебных задач, умения ставить задачи и организовывать работу в малых группах в качестве руководителя, умения предотвращать конфликтные ситуации. Развитие коммуникативной составляющей педагогической культуры должно осуществляться через тренинги, разбор служебных ситуаций, анализ конфликтных случаев и моделирование сложных форм взаимодействия в учебном процессе не только в ходе освоения учебных дисциплин социально-экономического и гуманитарного цикла, но и при проведении различных форм занятий по дисциплинам профессиональных циклов, а также на всех видах практик и стажировок.

Заключение. Педагогическая культура офицера – это многогранная система качеств, знаний и навыков, обеспечивающая эффективное выполнение служебно-боевых задач подразделением, способствующая формированию в нем положительного морально-психологического климата. В современных условиях изменчивости социальной и оперативно-военной среды роль педагогической компетентности становится особенно значимой. Формирование педагогической культуры требует системного подхода, включающего усиленную сквозную гуманитарную подготовку, мотивацию к постоянному развитию, внедрение инновационных технологий и организационно-методическую поддержку. Причем развитие педагогических компетенций в условиях сложной военной профессиональной деятельности должно носить системный характер. [7].

Только офицер, обладающий высоким уровнем педагогической культуры, способен обеспечить устойчивое развитие личностного и профессионального потенциала подчиненных, повысить боеготовность и морально-психологическую устойчивость войск.

Библиографический список

1. Белошицкий А. В. Становление субъектности будущих офицеров в военном вуз : дис. ... д-ра педагог. наук: 13.00.01 / Белошицкий Александр Владимирович. М., 2009г. 373 с.
2. Биочинский И. В., Кочин А. А. Педагогическая мастерская: профессиональная доподготовка преподавателей в образовательных организациях. Самара : Самарский юридический институт. 2022. 231 с.
3. Военная педагогика : учебник для вузов / [И. А. Алехин и др.] ; под общ. ред. И. А. Алехина. М. : Юрайт, 2022. 414 с.
4. Барабанщиков А. В., Давыдов В. П., Утлик Э. П., Феденко Н. Ф. Военная педагогика и психология / под ред. А. В. Барабанщикова. М. : Воениздат, 1986. 239 с.
5. Военная педагогика : учебник для вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Питер. 2024. 640 с.
6. Голуб В. В., Голуб А. В. Многоаспектность проблем коммуникативной культуры курсанта военного вуза как профессионально-личностного ресурса // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-3. С. 85–89.
7. Голуб В. В., Бурмакин А. Л., Голуб А. В. Становление военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза на основе развития коммуникативной компетентности // Среднее профессиональное образование. 2023. № 4. С. 47–52.
8. Голуб В. В. Методология моделирования пространства непрерывного военно-профессионального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Голуб Владимир Витальевич. Махачкала, 2019. 47 с.
9. Голуб В. В. Подготовка компетентного профессионала как стратегического ресурса национальной безопасности // Мировая и национальная стратегия устойчивого развития: достижения и проблемы, динамика, перспективы модернизации в экономике, проектном менеджменте, образовании, юриспруденции, языкознании, искусствоведении, культурологии, журналистике, экологии, растениеводстве, зоологии, химии, биологии, медицине, психологии, политологии, филологии, философии, социологии, градостроительстве, информатике, технике, математике, физике, истории, демографии : сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, 26–27 июня 2015 г. / Негос. образовательное учреждение доп. проф. образования «Санкт-Петербургский ин-т проектного менеджмента». Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2015. С. 43–46.
10. Голуб В. В. Преемственная инновационная деятельность как основа создания инновационно-ориентированного пространства непрерывного профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2017. № 10. С. 21–27.
11. Ларионов Е. А. Педагогическая культура офицера военно-политического корпуса // Научное образование. 2019. № 2 (3). URL: <https://www.na-obr.ru/component/djclassifieds/?view=item&cid=12:publ-7&id=45:педагогическая-культура-офицера-военно-политического-корпуса&Itemid=464#dj-classifieds> (дата обращения: 20.12.2025).
12. Солоницин Д. А. Развитие педагогической культуры офицера в процессе военной службы : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Солоницин Дмитрий Александрович. Военный университет МО РФ, 2015. 235 с.

Bibliographic list

1. Beloshitsky A. V. The formation of subjectivity of future officers in a military university : dis. ... doctor of pedagogical sciences: 13.00.01 / Alexander Vladimirovich Beloshitsky, Moscow, 2009. 373 p.
2. Biochinsky I. V., Kochin A. A. Pedagogical workshop: professional additional training of teachers in educational organizations. Samara : Samara Law Institute. 2022. 231 p.
3. Military pedagogy : a textbook for universities / [I. A. Alekhine et al.] ; under the general editorship of I. A. Alekhine. Moscow : Yurait, 2022. 414 p.
4. Barabanshchikov A. V., Davydov V. P., Utlik E. P., Fedenko N. F. Military pedagogy and psychology / edited by A. V. Barabanshchikov. Moscow : Voenizdat, 1986. 239 p.
5. Military pedagogy : a textbook for universities / ed. by O. Yu. Efremov. 2nd ed., ispr. and add. St. Petersburg : St. Petersburg Publishing House. 2024. 640 p.
6. Golub V. V., Golub A. V. The multidimensional nature of the problems of the communicative culture of a military university cadet as a professional and personal resource // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 81-3. P. 85–89.
7. Golub V. V., Burmakin A. L., Golub A. V. The formation of military professional identity of military university cadets based on the development of communicative competence // Secondary vocational education. 2023. No. 4. P. 47–52.
8. Golub V. V. Methodology of modeling the space of continuous military professional education : abstract of the dissertation. ... doctor of pedagogical sciences: 13.00.08 / Golub Vladimir Vitalievich. Makhachkala, 2019. 47 p.
9. Golub V. V. Training a competent professional as a strategic resource for national security // Global and National Sustainable Development Strategy: Achievements and Problems, Dynamics, and Prospects for Modernization in Economics, Project Management, Education, Law, Linguistics, Art Criticism, Cultural Studies, Journalism, Ecology, Plant Growing, Zoology, Chemistry, Biology, Medicine, Psychology, Political Science, Philology, Philosophy, Sociology, Urban Planning, Computer Science, Engineering, Mathematics, Physics, History, and Demography: A Collection of Scientific Articles Following the Results of the International Scientific and Practical Conference, June 26–27, 2015 / Non-State Educational Institution of Additional Professional Education «St. Petersburg Institute of Project Management». St. Petersburg : KultInformPress, 2015. P. 43–46.
10. Golub V. V. Continuous innovation activity as a basis for creating an innovation-oriented space for continuing professional education // Secondary vocational education. 2017. No. 10. P. 21–27.
11. Larionov E. A. Pedagogical culture of an officer of the military-political corps // Scientific education. 2019. № 2 (3). URL: <https://www.na-obr.ru/component/djclassifieds/?view=item&cid=12:publ-7&id=45:pedagogical-culture-officer-military-political-corps&Itemid=464#djclassifieds> (accessed: 12/20/2025).
12. Solonitsin D. A. The development of an officer's pedagogical culture in the process of military service : dis. ... candidate of pedagogical sciences : 13.00.01 / Solonitsin Dmitry Alexandrovich. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2015. 235 p.

Информация об авторах

В. В. Голуб – заведующий кафедры социально-гуманитарных дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор педагогических наук, доцент;

А. В. Голуб – студент Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Information about the authors

V. V. Golub – Head of the Department of Social Sciences and Humanities at the Rostov Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

A. V. Golub – Student at the Rostov Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 37

EDN: <https://elibrary.ru/gbsbgj>

НИОН: 2018-0077-1/26-719

MOSURED: 77/27-024-2026-01-918

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Правовые аспекты обеспечения безопасности в огневой и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и Кыргызской Республики

Айбек Сузакбаевич Джапаркулов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, aibek.2019@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ рисков и травматизма среди сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и Кыргызской Республики при проведении занятий по огневой и физической подготовке. Рассмотрены нормативные правовые основы регулирования обеспечения безопасности и охраны труда в системах МВД двух стран, а также актуальные научные исследования и статистические данные последних лет. Выявлены ключевые причины несчастных случаев и получения травм при обучении стрельбе и физической подготовке. Проведен сравнительно-правовой анализ подходов к предупреждению травматизма: от требований охраны труда и специальных инструкций до контроля за соблюдением техники безопасности. Отмечены общие тенденции и различия в правовом регулировании Российской Федерации и Кыргызской Республики, обозначены проблемы и предложены направления совершенствования нормативной базы с целью снижения травматизма.

Ключевые слова: огневая подготовка, физическая подготовка, травматизм, риски, охрана труда, безопасность, органы внутренних дел, МВД России, МВД Кыргызстана, правовое регулирование

Для цитирования: Джапаркулов А. С. Правовые аспекты обеспечения безопасности в огневой и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и Кыргызской Республики // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 131–135. EDN: GBSBGJ.

Original article

Legal aspects of ensuring safety in firearms and physical training for employees of internal affairs agencies of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic

Aibek S. Dzhaparkulov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, aibek.2019@mail.ru

Abstract. The article analyzes the risks and injury incidence among law enforcement officers in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic during firearms and physical training. The study examines legal regulations ensuring safety and occupational health in the Ministries of Internal Affairs of both countries, as well as recent academic research and statistical data. Key causes of accidents and injuries in firearms and physical training are identified. A comparative legal analysis of approaches to preventing injuries is conducted – from occupational safety requirements and special instructions to oversight of safety rule compliance. Common trends and differences in legal regulation between Russia and Kyrgyzstan are noted. The article highlights existing issues and suggests ways to improve the regulatory framework to reduce injury rates during police training.

Keywords: firearms training, physical training, injuries, risks, occupational safety, law enforcement, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, legal regulation

For citation: Dzhaparkulov A. S. Legal aspects of ensuring safety in firearms and physical training for employees of internal affairs agencies of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):131–135. (In Russ.). EDN: GBSBGJ.

Постановка проблемы. Огневая и физическая подготовка являются неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Эти виды подготовки сопряжены с повышенными нагрузками и использованием потенциально опасных средств (огнестрельное оружие, специализированный инвентарь), что создает определенные риски получения травм.

Статистика свидетельствует, что при исполнении служебных обязанностей и на учебных тренировках сотрудники полиции подвержены травматизму. По данным Кыргызской Республики, ежегодно гибнут до 10 сотрудников милиции и свыше 200 получают травмы [6]. В Российской Федерации проблематика травматизма в ОВД также актуальна: травмы входят в число ведущих причин временной нетрудоспособности сотрудников полиции. Основные причины производственных травм связаны с несоблюдением требований техники безопасности. Несчастные случаи происходят как при выполнении служебных задач, так и в ходе учебных занятий – например, доля спортивного травматизма составляет значительную часть от всех травм, полученных на службе в ОВД Российской Федерации.

Проблема обеспечения безопасности тренировочного процесса требует особого внимания законодателя и руководства правоохранительных органов. Учитывая указанное, необходимо выявить, какие риски характерны для огневой и физической подготовки, какова правовая база по их минимизации, и каковы различия и сходства между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой в данном аспекте.

Риски и характер травматизма

Огневая подготовка сотрудников ОВД связана с обращением с огнестрельным оружием и боеприпасами, поэтому ключевыми рисками являются огнестрельные ранения (при неосторожном обращении), контузии слуха от шума выстрелов, ожоги пороховыми газами, а также травмы, связанные с отдачей оружия [10]. Даже при строгих мерах безопасности случаются трагические инциденты. Примером служит случай в Псковской области (Российская Федерация) в 2025 г.: во время учебных стрельб в тире произошла гибель инструктора – майора полиции, вследствие неосторожного обращения с боевым оружием [2]. По факту гибели было возбуждено уголовное дело по причинению смерти по неосторожности, что подчёркивает серьезность нарушений правил безопасности.

В физической подготовке риски носят несколько иной характер – в основном это травмы опорно-двигательного аппарата (ушибы, растяжения, переломы), сердечно-сосудистые осложнения при перегрузках, тепловой удар и пр. К сожалению, нередки случаи, когда интенсивные нагрузки приводили к гибели обучаемых. Так, в Волгограде в 2022 г. 21-летний курсант академии МВД скончался во время кроссовой пробежки на занятиях по физической подготовке [1]. Медицинские службы констатировали смерть на месте, что свидетельствует о внезапной острой декомпенсации (возможный сердечный приступ или тепловой удар) в ходе

тренировки. Данный случай не получил подробного официального разбора в открытых источниках, но вызвал резонанс, указывая на необходимость тщательного контроля за состоянием здоровья и нагрузками на занятиях.

В целом, в структуре общей заболеваемости сотрудников ОВД травматизм составляет около 10 %, причем травмы вызывают и достаточно длительную потерю трудоспособности [5, с. 105–106; 7]. Это свидетельствует, что травмы – значимый фактор, влияющий на здоровье персонала и эффективность деятельности органов правоохранения.

Причины травм на занятиях

Анализ показывает, что значительная часть несчастных случаев происходит из-за человеческого фактора – несоблюдения инструкций и правил безопасности самими сотрудниками либо недостатков в организации занятий. В случае огневой подготовки типичными причинами инцидентов являются нарушение порядка обращения с оружием, ошибки при выполнении упражнений стрельб, недостаточная квалификация инструкторов либо обучаемых. Например, расследование упомянутого инцидента в тире установило неосторожное обращение с боевым оружием как непосредственную причину трагедии.

В физической подготовке травмы часто обусловлены превышением допустимых нагрузок, недостаточным разминанием, игнорированием противопоказаний по состоянию здоровья. Около 20 % травм, полученных сотрудниками ОВД при исполнении, приходилось на спортивные травмы во время служебно-прикладных занятий. Указанное говорит о необходимости профилактики именно учебного травматизма.

Кроме того, определенный вклад вносит внешний фактор: качество материально-технической базы (состояние тиров, спортивных залов, наличие защитных средств). Так, отсутствие современного стрелкового защитного оборудования, плохое состояние мишеней установок либо покрытий спортзалов могут способствовать травмированию.

Нормативно-правовая база и ответственность

В Российской Федерации и Кыргызстане действуют законодательные и ведомственные акты, направленные на обеспечение безопасных условий службы и учебных занятий. В Российской Федерации общие требования охраны труда регламентируются Трудовым кодексом и рядом специальных нормативов. Для системы МВД важнейшим документом является приказ МВД России № 466 от 10 августа 2016 г. «Об организации охраны труда работников и федеральных государственных гражданских служащих в органах внутренних дел Российской Федерации», которым утверждены Правила организации работы по охране труда в органах внутренних дел, возлагающие на руководителей подразделений обязанность создавать безопасные условия труда и обучения, назначать ответственных за технику безопасности, проводить специальную оценку условий труда и обучать персонал правилам охраны труда. Выполнение данных требований контролируется и находится

в зоне ответственности руководства каждого территориального органа МВД.

Кроме того, существуют детальные инструкции по проведению конкретных занятий. Например, методические указания по огневой подготовке предписывают соблюдать меры предосторожности при обращении с оружием – вплоть до мелочей техники стрельбы. Так, в учебных пособиях МВД отмечается, что стрелок должен отводить большой палец руки в сторону при стрельбе из пистолета, чтобы избежать травмы от движущегося затвора. Подобные технические нюансы включены в программы обучения, что снижает риск получения обучающимися травм от отдачи оружия или подвижных частей. За нарушение требований безопасности и повлекшие вред последствия предусмотрена юридическая ответственность.

Российское законодательство квалифицирует причинение тяжкого вреда или смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей как уголовно наказуемое деяние (например, ст. 143 УК РФ – нарушение требований охраны труда, ст. 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности). Применительно к случаю в псковском учебном центре, возбужденное уголовное дело по факту гибели сотрудника иллюстрирует реализацию принципа неотвратимости наказания для виновных должностных лиц. Тем самым формируется превентивный эффект: осознание ответственности стимулирует строгое соблюдение инструкций.

В Кыргызской Республике также действует система нормативных правовых актов по охране труда, базирующаяся на Трудовом кодексе Кыргызской Республики и специальном Законе КР «Об охране труда». Для сотрудников милиции особенности службы закреплены в Законе КР «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики» № 102 от 25 июля 2019 г. Этот закон определяет, в том числе, требования к уровню подготовки и обязанности сотрудников поддерживать свою профессиональную и физическую пригодность. Так, сотрудник правоохранительных органов КР обязан поддерживать и совершенствовать уровень профессиональной и физической подготовки, необходимый для надлежащего выполнения обязанностей, и проходить периодические проверки физической подготовленности. Данное требование подразумевает, что ведомство должно организовывать регулярные занятия и контролировать их качество и безопасность.

Непосредственно в системе МВД КР приняты ведомственные инструкции, регламентирующие учебный процесс. Хотя публично доступных данных о специализированных приказах МВД КР немного, известно, что вопросам охраны труда уделяется внимание: проводится мониторинг соблюдения трудовых прав сотрудников ОВД, по итогам которого разрабатываются рекомендации. Так, в 2017 г. аппарат Омбудсмена КР совместно с проектом ПРООН подготовил специальный доклад о трудовых правах и социальных гарантиях милиционеров, акцентируя вопрос безопасных условий службы [6]. В рамках мониторинга отмечалось, что го-

сударство должно гарантировать защиту жизни и здоровья сотрудников, которые ежедневно рискуют собой, поддерживая правопорядок.

Такая постановка вопроса свидетельствует о признании проблемы на высоком уровне. Впоследствии МВД КР усилило нормативную базу (например, обновление инструкций по проведению учебных стрельб, введение регулярного инструктажа по технике безопасности перед занятиями и т. п.), хотя подробности этих мер не широко освещены в открытых источниках.

Сравнительный анализ и научные данные

Сравнивая подходы двух государств, можно отметить больше сходств, нежели различий, в базовых принципах обеспечения безопасности. И в Российской Федерации, и в Кыргызской Республике законодательство устанавливает обязанность работодателя (соответственно – МВД) создавать безопасные условия труда и обучения, а сотрудников – соблюдать требования охраны труда. Различия прослеживаются в степени детализации ведомственных нормативов и практике их реализации. Российская система МВД исторически наработала разветвленную нормативную базу: помимо упомянутого приказа № 466, регулярно обновляются приказы об организации служебной подготовки, о мерах безопасности при обращении с оружием, проводятся служебные расследования каждого чрезвычайного происшествия. В Кыргызской Республике нормативная база в значительной степени заимствует подходы, аналогичные российским, однако ее внедрение может сталкиваться с ресурсными ограничениями. Тем не менее оба государства заинтересованы в снижении травматизма: каждый инцидент – это удар по имиджу правоохранительных органов, а главное – угроза жизни и здоровью персонала, что недопустимо.

Научные исследования последних лет подтверждают необходимость совершенствования подготовки с учётом риска-ориентированного подхода. В частности, ряд авторов указывает, что повышение эффективности физической и огневой подготовки сотрудников полиции должно вестись по двум направлениям: развитие нормативно-правовой базы и совершенствование методики обучения [3, с. 12]. Кроме того, предлагается модернизировать законодательство об организации подготовки кадров, учитывая современные вызовы и риски, а параллельно внедрять новые педагогические технологии, снижающие травматизм. Отдельные работы (например, Ю. В. Крохиной [4]) посвящены подготовке сотрудников МВД к применению физической силы и огнестрельного оружия – в них подчеркивается роль тщательной учебно-тренировочной работы и психологической готовности, что косвенно связано и с безопасностью (уверенный, обученный сотрудник реже ошибается в обращении с оружием).

Статистический учет и профилактика

Для выработки адекватных мер профилактики важна прозрачная система учета травматизма. В МВД России ведется статистика несчастных случаев на службе; регулярно отчитываются о проведении специальной оценки условий труда (в том числе на учебных объек-

тах). В МВД КР, судя по данным омбудсмена, в 2010-х годах полноценный учет случаев травм впервые был организован в ходе специального мониторинга. В настоящее время в Кыргызской Республике также существует статистическая отчетность о производственном травматизме (через органы трудового надзора), однако выделение именно травм в полиции в открытых публикациях встречается редко. Открытость данных способствует осознанию масштаба проблемы и принятию управленческих решений. Например, если будет известно, что значительная часть травм происходит на определенных этапах подготовки (скажем, при выполнении кроссов или при стрельбе из определенного вида оружия), то меры могут включать корректировку программ обучения, усиление медицинского контроля, улучшение экипировки (беруши, бронежилеты, тренировочные защитные костюмы и пр.).

Важным профилактическим направлением является медико-санитарное обеспечение учебного процесса. В российских нормативных актах указано, что работа по охране труда включает лечебно-профилактические мероприятия. На практике это реализуется через предрейсовые (предтренировочные) медосмотры, присутствие медработника на наиболее сложных учениях, обеспечение аптечками и средствами первой помощи. В Кыргызской Республике, по доступным данным, аналогичные меры также предпринимаются в рамках общих требований охраны труда (работодатель обязан обеспечивать оказание первой помощи при несчастных случаях, расследование происшествий и т. д., согласно закону об охране труда).

Таким образом, анализ показывает, что в обоих государствах сформирована общая основа для обеспечения безопасности при профессиональной подготовке сотрудников МВД, однако остаются проблемы практической реализации. К ним можно отнести: человеческий фактор (нарушение дисциплины и инструкций), недостаточное материально-техническое оснащение отдельных подразделений, а также пробелы в детализации ведомственных нормативов (особенно в Кыргызской Республике). Позитивным моментом является внимание научного сообщества и общества к данной тематике, что стимулирует совершенствование правового регулирования и распространение передового опыта.

Учитывая указанное, сформулирован ряд обобщающих выводов.

1. Огневая и физическая подготовка сотрудников ОВД сопряжены с повышенным риском травм различной природы. В огневой подготовке основными опасностями являются огнестрельные ранения и связанные с оружием травмы (контузии, ожоги), тогда как в физической – травмы опорно-двигательного аппарата и случаи острого ухудшения здоровья от перегрузок.

2. Главными причинами травматизма выступают нарушения правил техники безопасности и недостатки организации занятий. В структуре травм имеются случаи, вызванные человеческим фактором (неосторожность, недисциплинированность), а также доля травм, обусловленных недостаточной подготовленностью

самых сотрудников (низкая физическая выносливость, слабые навыки обращения с оружием). Существенное влияние оказывают условия проведения занятий – материально-техническое оснащение и медицинский контроль [8].

3. В обоих государствах создана законодательная база охраны труда, распространяющаяся на сотрудников внутренних дел. В Российской Федерации действует комплекс ведомственных актов, обязывающих обеспечивать безопасные условия обучения и предусматривающих ответственность должностных лиц за их нарушение. В Кыргызской Республике аналогичные принципы закреплены законом о службе в ОВД и трудовым законодательством; проводятся мониторинги и принимаются меры по улучшению условий службы. За несоблюдение требований безопасности наступает юридическая ответственность, что стимулирует профилактику.

4. К действенным механизмам предотвращения травм относятся:

- разработка подробных инструкций для каждого вида занятий (с учетом специфики огневой и физической подготовки);

- регулярный инструктаж сотрудников перед тренировками;

- специальная оценка условий труда на учебно-тренировочных объектах;

- медицинский контроль (допуск к занятиям по состоянию здоровья, присутствие медперсонала); использование средств защиты (шумозащитные наушники, защитные очки, маты и страховочные устройства в спортзалах и пр.);

- внедрение культуры безопасности: каждый сотрудник должен осознавать риски и следовать правилам [9].

Российский и кыргызский опыт в целом сходны в целях и основных подходах обеспечения безопасности подготовки, различаясь уровнем детализации норм и ресурсным обеспечением. В обеих странах прослеживается тенденция к усилению внимания к охране труда в полиции, однако требуется дальнейшее совершенствование. Рекомендуется: актуализировать ведомственные инструкции с учетом новых данных о травматизме; усилить обмен опытом между странами (например, обучение кыргызских милицейских инструкторов на базе российских вузов МВД по программам безопасного проведения занятий); развивать систему управления рисками и мониторинга травматизма в ОВД. Реализация этих мер будет способствовать снижению уровня травматизма и повышению эффективности профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. В Волгограде во время кросса скончался 21-летний курсант академии МВД // URL: https://vlg.aif.ru/incidents/details/v_volgograd_vo_vremya_krossa_skonchalsya_21-letniy_kursant_akademii_mvd.

2. В Пскове полицейский погиб во время занятий в тире учебного центра УМВД // URL: <https://www.dp.ru/a/2025/03/31/v-pskove-policejskij-pogib>.

3. Иванов Д. В., Гимазова Ю. В. Эффективность законодательства об организации огневой и физической подготовки полицейских в Российской Федерации // Управление. 2023. № 1. С. 5–15.

4. Крохина Ю. В. Педагогические условия подготовки сотрудников МВД России к применению физической силы и огнестрельного оружия // Современное образование. 2023. № 1. С. 29–38.

5. Мендель С. А., Кузьмина Т. С., Калинина Е. А. Динамика показателей заболеваемости сотрудников органов внутренних дел города Москвы // Менеджер здравоохранения. 2024. № 5. С. 104–110.

6. Специальный доклад омбудсмена Кыргызской Республики «О состоянии социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики» // URL: <http://ombudsman.vbizsoft.com/files/docs/reports/2016/law-enforcement-bodies.pdf>.

7. Травматизм сотрудников органов внутренних дел // URL: <https://ag.test.uitsurgut.ru/novosti/detail.php?ID=302607>.

8. Купавцев Т. С. Организационно-методическое обеспечение огневой и физической подготовки в территориальном органе МВД России : учебно-метод. пособ. / под общ. ред. Т. С. Купавцев [и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2023. 84 с.

9. Купавцев Т. С. Инструкторско-методические занятия по огневой и физической подготовке : метод. реком. / под общ. ред. Т. С. Купавцев ; [А. Р. Косиковский и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2022. 104 с.

10. Купавцев Т. С. Особенности организации и проведения занятий по огневой подготовке с сотрудниками территориальных органов МВД России в закрытых помещениях (сооружениях) и на открытых участках местности (стрельбищах, полигонах) : учебно-метод. пособ. / под ред. Т. С. Купавцева, И. В. Осипова. М. : Академия управления МВД России, 2024. 104 с.

References

1. In Volgograd, a 21-year-old cadet of the Ministry of Internal Affairs Academy died during a cross-country race // URL: https://vlg.aif.ru/incidents/details/v_volgograd_vo_vremya_krossa_skonchalsya_21-letniy_kursant_akademii_mvd.

2. In Pskov a police officer died during training at the shooting range of the Ministry of Internal Affairs training center // URL: <https://www.dp.ru/a/2025/03/31/v-pskov-policejskij-pogib>.

3. Ivanov D. V., Gimazova Yu. V. Effectiveness of legislation on the organization of firearms and physical training of police officers in the Russian Federation // Management. 2023. No. 1. P. 5–15.

4. Krokhnina Yu. V. Pedagogical conditions for training employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the use of physical force and firearms // Modern education. 2023. No. 1. P. 29–38.

5. Mendel S. A., Kuzmina T. S., Kalinina E. A. Dynamics of morbidity rates among employees of the internal affairs bodies of the city of Moscow // Healthcare Manager. 2024. No. 5. P. 104–110.

6. Special report of the Ombudsman of the Kyrgyz Republic «On the state of social and legal protection of employees of the internal affairs bodies of the Kyrgyz Republic» // URL: <http://ombudsman.vbizsoft.com/files/docs/reports/2016/law-enforcement-bodies.pdf>.

7. Injuries among Employees of Internal Affairs Bodies // URL: <https://ag.test.uitsurgut.ru/novosti/detail.php?ID=302607>.

8. Kupavtsev T. S. Organizational and Methodological Support for Firearms and Physical Training in the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of Russia: training and methodological manual / edited by T. S. Kupavtsev [et al.]; Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 84 p.

9. Kupavtsev T. S. Instructor-methodological classes in firearms and physical training: method. rec. / edited by T. S. Kupavtsev ; [A. R. Kosikovskiy et al.]. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 104 p.

10. Kupavtsev T. S. Features of organizing and conducting fire training classes with employees of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in closed spaces (structures) and in open areas (shooting ranges, training grounds): training and methodological manual / edited by T. S. Kupavtsev, I. V. Osipov. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 104 p.

Информация об авторе

А. С. Джапаркулов – слушатель 2 факультета (подготовки руководителей (начальников) территориальных органов МВД России) Академии управления МВД России.

Information about the author

A. S. Dzhaparkulov – Student of the 2nd Faculty (Training of Heads (chiefs) of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia) of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 04.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 377

EDN: <https://elibrary.ru/frhgcf>

NPION: 2018-0077-1/26-720

MOSURED: 77/27-024-2026-01-919

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Разрыв семейных связей как печальная реальность XXI века

Ольга Марковна Дорошенко¹, Наталья Борисовна Нижниченко²^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия¹ olka-olga@yandex.ru² nat-nish@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимоотношений между родителями и детьми, которая проводят ученые в разных странах. Разорванные связи между родителями и детьми – это трагедия, которая, к сожалению, встречается довольно часто. Когда родители и дети отдаляются друг от друга, это часто связано с попытками одного из родителей контролировать ситуацию. В таких случаях, особенно если один из родителей проявляет антисоциальное поведение, отношения с детьми могут быть использованы как средство манипуляции, чтобы причинить боль и изолировать другого родителя.

Юридическая оценка данного феномена является предметом активных дискуссий в профессиональной среде. Особую озабоченность вызывает потенциальный риск некорректного применения данного термина в судебной практике, что может повлечь за собой необоснованное нанесение ущерба репутации одного из родителей и оказать существенное влияние на исход судебного разбирательства в его неблагоприятном ключе. Следовательно, наблюдается определенная настороженность при рассмотрении синдрома родительского отчуждения в качестве значимого аргумента в судебных инстанциях.

Ключевые слова: дети, родители, любовь, здоровье, разрыв, отчуждение, конфликт, семья

Для цитирования: Дорошенко О. М., Нижниченко Н. Б. Разрыв семейных связей как печальная реальность XXI века // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 136–140. EDN: FRHGCF.

Original article

The breakdown of relationships between parents and children as a sad reality of the 21st century

Olga M. Doroshenko¹, Natalia B. Nizhnichenko²^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'¹ olka-olga@yandex.ru² nat-nish@yandex.ru

Abstract. This article explores the relationship between parents and children, which has been studied by researchers in various countries. The breakdown of relationships between parents and children is a tragedy that unfortunately occurs quite frequently. When parents and children become estranged, it is often due to one parent's attempts to control the situation. In such cases, especially when one parent exhibits antisocial behavior, the relationship with the children may be used as a means of manipulation to cause pain and isolate the other parent.

The legal assessment of this phenomenon is a subject of active discussion in the professional community. Of particular concern is the potential risk of incorrect use of this term in judicial practice, which could lead to unjustified damage to the reputation of one of the parents and have a significant negative impact on the outcome of the trial. Consequently, there is a certain.

Keywords: children, parents, love, health, breakup, alienation, conflict, family

For citation: Doroshenko O. M., Nizhnichenko N. B. The breakdown of relationships between parents and children as a sad reality of the 21st century. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):136–140. (In Russ.). EDN: FRHGCF.

Введение. Синдром родительского отчуждения (SAP) – это термин, с которым вы, возможно, не знакомы, но, возможно, сталкивались. Иногда он встречается в семьях, переживающих сложные времена, такие как развод или раздельное проживание.

Данные взяты из открытого источника Американской психологической ассоциации, где для диагностики рассматриваемого явления служат такие источники, как «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» пятого издания (DSM-V) и «Международная классификация болезней» одиннадцатого издания (МКБ-11), используемые в области психического здоровья.

Основная часть. Впервые это выражение было использовано доктором Ричардом А. Гарднером в 1985 году. Он пытался описать, что происходит, когда ребенок или дети в семье сильно отдают предпочтение одному из родителей перед другим, особенно когда родители не ладят.

Этот синдром заключается не только в том, что дети немного больше любят одного из родителей; он заключается в том, что дети начинают отталкивать или даже отвергать одного из родителей без уважительной причины.

Сначала люди думали, что такое случается только в распадающихся семьях, но это может произойти в любой семье, даже когда родители все еще вместе. Иногда родитель, к которому благоволит ребенок, помогает настроить ребенка против другого родителя, даже если он этого не хочет.

Американская психологическая ассоциация отвергает синдром родительского отчуждения как обоснованный диагноз. Он не включен в две важные книги, которые специалисты в области психического здоровья используют для диагностики психологических проблем. Этими книгами являются «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» пятого издания (DSM-V) и «Международная классификация болезней» одиннадцатого издания (МКБ-11). Исследования показали, что теория, лежащая в основе этого диагноза, неверна и не подтверждается наукой.

В течение нескольких десятилетий отчуждение родителей неоднократно не выдерживало проверки научными исследованиями. Совсем недавно PAS была отклонена в докладе, подготовленном по заказу Совета по правам человека после того, как она была рассмотрена в разоблачительном докладе Рима Алсалема, специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении женщин и девочек, его причинах и последствиях: «Псевдо концепция родительского отчуждения была придумана психологом Ричардом Гарднером, который утверждал, что дети, заявляющие о сексуальном насилии во время разводов с высоким уровнем конфликтов, страдают от «синдрома родительского отчуждения», вызванного матерями, которые заставили своих детей поверить,

что их отцы подвергались насилию, и выдвигать обвинения в насилии против них».

Кроме того, в докладе выявлена связь между СД и насилием в семье, поскольку оно часто используется в качестве тактики «ДАРВО» лицами, применяющими принудительный контроль и сексуальное насилие над детьми, чтобы отвлечь внимание от своих преступлений.

Отчуждение между родителями и детьми является общей чертой принудительного контроля, что является правильным термином для этого явления.

Уход ребенка в себя – это проблема взаимоотношений, а не патология.

Одна из причин, по которой теория синдрома родительского отчуждения считается проблематичной, заключается в том, что она патологизирует детей, у которых проблемы во взаимоотношениях с родителями. Разрыв отношений не обязательно свидетельствует о психологических расстройствах. Иными словами, разрыв отношений с родителем может происходить без каких-либо нарушений здорового психологического функционирования ребенка. Более того, лечение в психиатрической клинике не всегда является необходимым условием для решения проблемы ухода ребенка от родителей.

Какой бы болезненной ни была ситуация, может оказаться полезным выработать понимание точки зрения ребенка. Специалист по привязанности родителей к детям доктор Майкл Кинси объясняет: «Если ребенок вынужден выбирать, он может выбрать человека, который, по его мнению, ему больше всего нравится, или же он также выберет человека, который, по его мнению, безопаснее или за которым, по его мнению, более желательно следовать». В случае того сценария, который вы обсуждаете, это действительно вопрос выживания. Принадлежность к «своей группе» нарцисса необходима для выживания.

Разрыв отношений между родителями и детьми – печальная и болезненная реальность во многих семьях. Отчуждение родителей от детей является общей чертой принудительного контроля, что является правильным термином для этого явления. Антисоциальные партнеры могут использовать отношения с детьми как оружие, чтобы наказать и изолировать того, кто подвергается жестокому обращению.

Многие люди, ищущие ответы на мучительные вопросы, обращаются к теории синдрома родительского отчуждения. Она может глубоко затронуть родителей, которые скорбят об отсутствии любимого ребенка. Однако, приписывая уход ребенка дискредитировавшим себя представлениям о психическом здоровье, проблему не решить. Дети не обязательно должны страдать когнитивными, аффективными или поведенческими проблемами, чтобы дистанцироваться от родителей. Существует множество причин, по которым здоровый ребенок может принять такое болезненное решение, и которые заслуживают

дальнейшего изучения в рамках семейного отчуждения.

При отчуждении родителей один из родителей пытается побудить своего ребенка отвергнуть другого родителя.

Это можно сделать различными способами, например, сообщив ребенку, что другой родитель ненавидит его или подвергал физическому насилию. Это также может проявляться в перекладывании вины и наказания детей за то, что они хотят поддерживать отношения со своими родителями, живущими отдельно.

Некоторые эксперты не согласны с использованием слова «синдром» для описания этого явления, и врачи и психотерапевты десятилетиями спорят по поводу его использования. Но как бы вы это ни называли, синдром родительского отчуждения – это реальная проблема, которая затрагивает многие семьи и может нанести непоправимый ущерб.

Хотя синдром родительского отчуждения изучался и обсуждался на протяжении десятилетий, он по-прежнему является источником споров среди экспертов по этому вопросу. Один из основных спорных моментов заключается в том, следует ли классифицировать его как «синдром» или нет.

С медицинской точки зрения, синдром – это совокупность симптомов, которые постоянно проявляются вместе. Критики утверждают, что синдром родительского отчуждения не соответствует этим критериям, поскольку он может проявляться по-разному в каждой семье и у каждого ребенка.

Проблема юридической оценки данного феномена вызывает серьезные дискуссии в профессиональном сообществе. Особую озабоченность вызывает риск некорректного использования данного термина в судебной практике, что может привести к необоснованному очернению репутации одного из родителей и повлиять на исход судебного разбирательства не в его пользу. Данная ситуация породила определенную настороженность при рассмотрении синдрома родительского отчуждения как значимого аргумента в судебных инстанциях.

Критические замечания со стороны экспертов в сфере психологии и семейного консультирования касаются потенциальной упрощенности подхода к анализу сложных семейных взаимоотношений. По их мнению, использование данного термина может привести к несправедливому возложению ответственности исключительно на одного родителя, игнорируя прочие значимые факторы, включая индивидуальные особенности ребенка и общую динамику семейных отношений.

При этом **общепризнанным фактом** остается существование данного явления и его существенное влияние на благополучие семьи и психологическое состояние детей, независимо от используемой терминологии.

– **Проявления родительского отчуждения** демонстрируют различную степень выраженности в раз-

ных семьях. К основным индикаторам данного процесса относятся:

– **Вербальная агрессия** – систематическое выражение ребенком негативного отношения к отвергаемому родителю с использованием фраз и оценок, заимствованных у предпочитаемого родителя.

– **Эмоциональная бесчувственность** – отсутствие у ребенка чувства вины или беспокойства по поводу негативного поведения в отношении отвергаемого родителя.

– **Ложные претензии** – выдвижение ребенком преувеличенных или вымышленных обвинений в адрес отвергаемого родителя.

– **Идеализация** – формирование у ребенка идеализированного образа предпочитаемого родителя при полном отрицании его недостатков.

– **Эмоциональная дистанция** – проявление ребенком отчужденности, холодности или враждебности по отношению к отвергаемому родителю.

– **Избегание контактов** – активное сопротивление ребенка любым формам взаимодействия с отвергаемым родителем.

– **Расширение конфликта** – перенос негативного отношения на родственников отвергаемого родителя.

– **Селективное восприятие** – избирательное запоминание только негативных событий, связанных с отвергаемым родителем.

– **Тревожные реакции** – проявление ребенком страха или беспокойства при контакте с отвергаемым родителем.

– **Конфликтная позиция** – безоговорочная поддержка ребенком предпочитаемого родителя без стремления понять позицию отвергаемого.

– **Своевременное выявление** данных признаков критически важно для оказания необходимой помощи семье и минимизации негативных последствий для всех участников ситуации.

Соотношение с нарциссизмом

Хотя родительское отчуждение и нарциссическое расстройство личности представляют собой различные феномены, между ними существует определенная взаимосвязь. Если родительское отчуждение характеризуется целенаправленным манипулированием ребенком для создания конфликта с другим родителем, то нарциссизм проявляется как личностная черта, связанная с чрезмерным самолюбованием и дефицитом эмпатии.

Нарциссический родитель может быть более склонен к отчуждению от родителей, чтобы сохранить контроль или добиться одобрения. Однако не все случаи родительского отчуждения коренятся в нарциссизме.

Отчуждение родителей, как правило, проходит поэтапно с течением времени. Хотя опыт каждой семьи уникален, вот пять фаз, которые показывают типичное развитие отчуждения родителей.

На этом этапе ребенок находится в замешательстве из-за конфликта между своими родителями. Они могут

слышать негативные комментарии одного из любимых родителей о другом, что заставляет их сомневаться в своих чувствах и воспоминаниях. Они также могут избегать отчужденного родителя или отказываться вступать с ним в контакт.

Ребенок начинает усваивать критику и негативные образы отчужденного родителя. Он начинает сомневаться в своем собственном опыте и может задаться вопросом, действительно ли отчужденный родитель такой хороший и любящий, как они думали изначально, даже несмотря на то, что до отчуждения у него были положительные отношения с этим родителем.

Нет свидетельств жестокого обращения со стороны отчужденного родителя. На этом этапе ребенок начинает более тесно взаимодействовать с любимым родителем. Он может начать перенимать взгляды любимого родителя и обосновывать свое отчуждение, например, жестоким обращением или отсутствием заботы. Однако, как правило, до начала конфликта нет никаких свидетельств жестокого обращения или отсутствия заботы со стороны отчужденного родителя.

Отчуждающее поведение предпочитаемого родителя.

К этому моменту у ребенка практически не остается эмоциональной связи с отчужденным родителем. Он может отказываться от любых контактов и даже становиться враждебным. Взгляды ребенка теперь полностью совпадают с взглядами любимого родителя, который использует стратегии отчуждения для дальнейшего разрыва связей между ребенком и отчужденным родителем.

У ребенка проявляются симптомы родительского отчуждения.

На этой заключительной стадии у ребенка не остается эмоциональной или психологической связи с отчужденным родителем. Он может отвергать любые формы контактов или коммуникации, возможно, распространяя это неприятие на других членов семьи, связанных с отчужденным родителем.

Последствия для детей и семей.

Последствия отчуждения родителей выходят за рамки непосредственного напряжения между ребенком и отчужденным родителем. Это имеет волновой эффект, который влияет на эмоциональное и психологическое благополучие всех вовлеченных членов семьи.

Для детей:

Эмоциональная нестабильность. Дети, пострадавшие от отчуждения родителей, часто проявляют такие эмоциональные проблемы, как тревожность, депрессия и низкая самооценка.

Нарушение взаимоотношений. Обучение отчуждению от любимого человека может нанести ущерб способности ребенка формировать здоровые отношения не только с отчужденным родителем, но и в их будущих взаимоотношениях.

Снижение успеваемости. Эмоциональное потрясение часто приводит к плохой успеваемости, так как ребенку трудно сосредоточиться на учебе.

Долгосрочные психологические последствия. Травма отчуждения может привести к длительным психологическим проблемам, требующим терапии, а иногда и медикаментозного лечения.

Психологическое воздействие отчуждения родителей на ребенка может быть глубоким. Они могут чувствовать себя сбитыми с толку, грустными и одинокими из-за потери отношений с одним из родителей, которого они все еще любят. Такер говорит, что это горе может усугубляться недостаточностью доказательств, чтобы опровергнуть ложь другого родителя, и скрытой неуверенностью в том, когда закончится отчуждение.

Для семей:

Разорванные связи. Семьи, страдающие от отчуждения родителей, часто сталкиваются с разрывом связей, которые распространяются на бабушек и дедушек, дядей, тетей и двоюродных братьев, и сестер. Семейные встречи и праздники могут стать источником стресса, а не радости.

Юридические проблемы. Опекаемый родитель может использовать отчуждение ребенка в качестве стратегии в борьбе за опеку, что еще больше усложнит юридический аспект раздельного проживания или развода.

Финансовые трудности. Судебные разбирательства в сочетании с лечением и консультированием ребенка могут привести к значительному финансовому стрессу для семьи.

Родительский дистресс. Отчужденный родитель испытывает сильный эмоциональный и психологический стресс, часто чувствуя себя беспомощным и разочарованным из-за потери отношений со своим ребенком.

Заключение. Все эти последствия могут оказать существенное влияние на семейную динамику. Это может осложнить отношения между братьями и сестрами, поскольку они вынуждены принимать чью-либо сторону в эмоционально напряженной ситуации.

Библиографический список

1. URL:<https://www.verywellmind.com/parental-alienation-syndrome-7965936>.
2. URL:<https://www.narcissisticabuser rehab.com/what-is-parental-alienation-syndrome/>.
3. Parental alienation syndrome or alienating parental relational behaviour disorder: a critical overview / А. Сиракузано, Ю. Бароне, Г. Лизи, К. Ниолу ; кафедра Системной медицины, Римский университет Тор Вергата, УПЦ психиатрии и клинической психологии, поликлиника Тор Вергата, Рим, Италия, 2025.
4. «Экологичный развод. Как уберечь ребенка от травмы и выйти из кризиса самому?» / Татьяна Герасименко. Изд. Феникс, 2021.

5. Базулина А. А., Козлов Т. А. Социальная норма как регулятор конфликтного взаимодействия / В сборнике : Совершенствование профессиональной подготовки психологов для подразделений органов внутренних дел. Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции. 2020. С. 184–187.

6. Дудин Г. Е., Калинина С. В. Операция «нелегальный мигрант» // Миграционное право. 2013. № 2. С. 24–29.

7. Литвинова А. В. Проблемы психологической безопасности личности и образовательной среды. Москва : Русайс, 2022. 189 с.

8. Никитская Е. А. Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма. Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 150–162.

9. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Журнал. Том 33. № 1. Изд-ль АО «Шико», 2025.

Bibliographic list

1. URL: <https://www.verywellmind.com/parental-alienation-syndrome-7965936>.

2. URL: <https://www.narcissisticabuser rehab.com/what-is-parental-alienation-syndrome/>.

3. Parental alienation syndrome or alienating parental relational behavior disorder: a critical overview / A. Siracuzano, J. Barone, G. Lisi, C. Niolu; Department of Systemic Medicine, University of Rome Tor Vergata, UPC of Psychiatry and Clinical Psychology, Policlinico Tor Vergata, Rome, Italy, 2025.

4. «Ecological divorce. How to protect a child from trauma and get out of the crisis yourself?» / Tatiana Gerasimenko. Publ. Phoenix, 2021.

5. Bazulina A. A., Kozlov T. A. Social Norm as a Regulator of Conflict Interaction / In the collection: Improving the Professional Training of Psychologists for Units of Internal Affairs Bodies. Collection of Materials of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference. 2020. P. 184–187.

6. Dudin G. E., Kalinina S. V. Operation «Illegal Migrant» // Migration Law. 2013. No. 2. P. 24–29.

7. Litvinova A. V. Problems of Psychological Safety of the Individual and the Educational Environment. Moscow : Rusais, 2022. 189 p.

8. Nikitskaya E. A. Use of Confessional and Pedagogical Forms of Work with Minors in Fostering Patriotism and Preventing Extremism. Psychology and Law. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 150–162.

9. Problems of Social Hygiene, Healthcare, and the History of Medicine. Journal. Vol. 33. No. 1. Published by Shiko JSC, 2025.

Информация об авторах

О. М. Дорошенко – заместитель начальника кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности в органах внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Н. Б. Нижниченко – старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

O. M. Doroshenko – Deputy Head of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Service Activities in the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. B. Nizhnichenko – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Federal State Educational Institution of Higher Education of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 378.6:34

EDN: <https://elibrary.ru/frxuqp>

НИОН: 2018-0077-1/26-721

MOSURED: 77/27-024-2026-01-920

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Цигун к структуре физической подготовки с использованием на занятиях в образовательных учреждениях МВД России

Тагир Шамшидович Казбеков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tagir.kazbekov.72@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются эффективность и высокая продуктивность занятий физической подготовкой в учреждениях МВД России, для подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел выполнять оперативные и служебные задачи, а также поднятия работоспособности. Цивилизация древнего Китая практиковала совершенствование физических способностей в методиках Цигун.

Ключевые слова: физическая подготовка в учреждениях МВД России, выполнение оперативных и служебных задач, совершенствование физических способностей, методика Цигун

Для цитирования: Казбеков Т. Ш. Цигун к структуре физической подготовки с использованием на занятиях в образовательных учреждениях МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 141–144. EDN: FRXUQP.

Original article

Qigong to the structure of physical training using in the classroom of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tagir Sh. Kazbekov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tagir.kazbekov.72@mail.ru

Abstract. The article examines the effectiveness of solutions to the goals of high productivity of physical training classes in institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Training of future employees of the internal affairs bodies to perform operational and official tasks, as well as improving their working capacity. The civilization of ancient China practiced the improvement of physical abilities in the techniques of Wushu and Qigong.

Keywords: physical training in institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, performing operational and official tasks, improving physical abilities, Qigong and Wushu techniques

For citation: Kazbekov T. Sh. Qigong to the structure of physical training using in the classroom of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):141–144. (In Russ.). EDN: FRXUQP.

В последние годы в России происходит активное развитие системы образования в Министерстве внутренних дел России. Среди основных целей и задач является профессиональное обучение сотрудников и развитие их профессиональных навыков. В этой связи важно понять значение физической подготовки в образовательных учреждениях МВД России.

Итак, физическая подготовка в образовательных учреждениях МВД имеет значимую роль в обучении курсантов и слушателей, так как позволяет сформировать определенные профессиональные навыки, позволяю-

щие успешно справляться с последующими задачами, в том числе в условиях сложной оперативной обстановки, при повышенной психологической нагрузке.

В современном обществе при возрастании объема задач, решаемых органами внутренних дел, изменение качественных параметров преступности существует потребность в поддержании персоналом высочайшего уровня функциональных возможностей организма, физической готовности и профессионально важных психологических качеств. Систематическая физическая подготовка выступает не только средством поддержания

соматического здоровья и повышения работоспособности, но и значимым фактором в укреплении психической устойчивости, развитии когнитивных функций, таких как скорость принятия решений и ситуационная осведомленность, что в совокупности напрямую коррелирует с эффективностью правоохранительной деятельности.

Таким образом, физическая подготовка обладает несомненной прикладной ценностью для служебной деятельности в системе МВД России, что обосновывает необходимость выделения достаточного объема часов на ее реализацию в рамках образовательных программ.

В целях оптимизации данного направления представляется целесообразным рассмотреть вопрос интеграции в учебный процесс современных и доказавших свою эффективность оздоровительных систем. В данном контексте вашему вниманию предлагается к рассмотрению древняя китайская практика – Цигун. С позиций современной науки цигун может быть охарактеризован как комплексная психофизическая система, объединяющая элементы регулируемого дыхания, плавной двигательной активности, статических поз и медитативной сосредоточенности, направленная на гармонизацию психоэмоционального состояния и оптимизацию физиологических функций организма.

Практики, являющиеся историко-культурным прообразом современного цигуна, формировались в контексте древнекитайской философской и медицинской мысли на протяжении тысячелетий. Этимологически термин «Цигун» представляет собой композит двух понятий: «Ци», в различных контекстах интерпретируемого как дыхание, жизненная сила или фундаментальная энергетическая субстанция, и «Гун», означающего работу, мастерство или достижение¹. Таким образом, цигун может быть понят как «работа с жизненной энергией» или «искусство управления дыханием/жизненной силой». С позиции традиционного подхода, практика нацелена на комплексное развитие человека посредством регуляции дыхания, ума и тела, что, согласно ее внутренней логике, ведет к гармонизации психофизиологического состояния.

Научный интерес к цигуну подтверждается рядом исследований в области спортивной медицины, психофизиологии и реабилитологии. Так, мета-анализы² ука-

зывают на положительное влияние практик, основанных на принципах цигуна и тайцзи, на снижение уровня стресса, тревожности, улучшение показателей кардиореспираторной выносливости, нейромышечной координации, баланса и гибкости. Механизм воздействия связывают с активацией парасимпатической нервной системы, улучшением микроциркуляции и осознанным контролем над психофизиологическими реакциями.

Для потенциального внедрения в программу физической подготовки личного состава могут быть адаптированы следующие направления цигуна.

Динамический цигун (Дунгун). Включает плавные, скоординированные движения, выполняемые в сочетании с дыханием. Способствует развитию общей выносливости, гибкости, мышечного тонуса и координации, что непосредственно применимо к развитию профессиональных двигательных навыков.

Статический (медитативный) цигун (Цзингун). Акцент делается на дыхательных техниках, визуализации и сохранении неподвижных поз. Направлен на развитие навыков саморегуляции, концентрации внимания, стрессоустойчивости и психического восстановления, что критически важно для эффективности в условиях длительного дежурства или после воздействия психотравмирующих факторов.

Цигун осознанности. Интегрирует принципы осознанности в двигательную практику, способствуя развитию эмоционального интеллекта, самоконтроля и способности к нереактивному восприятию сложных ситуаций, что напрямую соотносится с требованиями к профессиональной дисциплине и этике.

Методологическую основу цигуна как системы психофизического тренинга можно свести к нескольким базовым принципам, имеющим практическое значение для профессиональной подготовки:

Триединство регулятивных задач. В прикладной интерпретации практика направлена на последовательное решение взаимосвязанных задач:

1. Психоэмоциональная регуляция: снижение уровня тревожности и развитие стрессоустойчивости через осознанное управление вегетативными реакциями.

2. Гомеостатический баланс: достижение состояния внутреннего равновесия и функционального покоя нервной системы.

3. Соматическое оздоровление: опосредованное улучшение физического состояния как следствие комплексной психофизиологической гармонизации.

4. Доминанта осознанного дыхания. Дыхание выступает в роли первичного биоуправляемого ритма, связывающего произвольную (двигательную) и непроизвольную (вегетативную) регуляцию. Контроль за дыхательным циклом является ключевым инструментом для модуляции психического состояния и синхронизации телесных процессов.

5. Принцип осознанного присутствия. Все упражнения выполняются с фокусом внимания на текущих телесных ощущениях и дыхании, что тренирует навык концентрации, повышает уровень самосознания (ин-

¹ Алдошина Е. А., Алдошин А. В., Демина А. В. Организационные условия повышения эффективности формирования готовности к профессиональной деятельности у обучающихся образовательных организаций // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4 (81). С. 236–239 ; Баркалов С. Н. Воспитательные аспекты учебных дисциплин в формировании опыта профессионального поведения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 102–105 ; Фен И. Чань – Ми-Гун (2012).

² Jahnke R., Larkey L., Rogers C., Etnier J., Lin F. A Comprehensive Review of Health Benefits of Qigong and Tai Chi [Все-сторонний обзор преимуществ цигуна и тайцзи для здоровья] // American Journal of Health Promotion. 2010. Vol. 24. № 6. P. 25.

троспекции) и способствует интеграции двигательного опыта.

6. Принцип ненасильственности и адаптивности. Практика требует от занимающегося уважительного и внимательного отношения к собственным физиологическим и психологическим пределам, что исключает форсирование нагрузок и минимизирует риск травм. В групповом формате это формирует атмосферу взаимоподдержки.

Потенциальные преимущества внедрения элементов цигуна в подготовку сотрудников ОВД могут включать:

- повышение резистентности к стрессу и профилактику профессионального выгорания;
- улучшение показателей вегетативной регуляции и функционального состояния сердечно-сосудистой системы;
- развитие проприоцепции, баланса и координации, что снижает риск травматизма;
- ускорение процессов постнагрузочного восстановления;
- формирование навыков оперативной психической саморегуляции в служебных условиях.

Ключевым условием безопасного и эффективного внедрения является обязательное привлечение квалифицированных инструкторов, имеющих профильное образование и опыт преподавания, способных адаптировать практику под служебные задачи и обеспечить методически грамотное освоение техник.

Рекомендуемая структура программы может состоять из трех модулей.

Теоретико-ознакомительный модуль: История, философско-культурологические основы (в контексте знакомства с методом), современное научное обоснование эффектов, принципы безопасности.

Практический модуль: Поэтапное освоение базовых дыхательных техник, стоек и комплексов движений. Интеграция навыков в контексте типовых профессиональных ситуаций (работа над концентрацией перед заданием, техники быстрого восстановления и снижения психоэмоционального напряжения после него).

Консультационно-аналитический модуль: Индивидуальная работа и супервизия с целью коррекции техники и обсуждения субъективного опыта интеграции практик в профессиональный и личный контекст.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотрение цигуна в качестве дополнительного компонента системы физической и психофизиологической подготовки представляется перспективным направлением. Его интеграция, при условии научно-методического подхода и грамотной адаптации, может способствовать не только повышению индивидуальной профессиональной надежности и здоровья сотрудников, но и в долгосрочной перспективе – оптимизации климата в служебных коллективах и формированию культуры осознанного отношения к своему психофизиологическому состоянию как к ключевому профессиональному ресурсу.

Одним из первых шагов по использованию Цигуна в МВД России является проведение демонстрационного занятия с применением техник Цигуна, и внедрение пробной программы и проведения исследования по результатам реализации которых определить изменения физического и психологического состояния сотрудников органов внутренних дел.

Несмотря на то, что в Китае Цигун активно используется, в России до сих пор не проводилось достаточно достоверных исследований, оценивающих эффективность Цигун в этой области. Следовательно, предполагается, что важно провести ряд исследований, направленных на изучение практики использования Цигун при физической подготовке сотрудников органов внутренних дел. В частности, рекомендуется выполнить следующие исследования:

1. Исследовать практики применения Цигун в физической и психологической подготовке сотрудников органов внутренних дел в различных отраслях.

2. Исследовать потребность в применении Цигун при физической подготовке сотрудников органов внутренних дел, а также привести преимущества и недостатки данной практики.

3. Исследовать безопасность и эффективность практики Цигун в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел путем проведения масштабных исследований.

4. Разработать виды и программы применения Цигун при физической подготовке сотрудников органов внутренних дел.

5. Изучить методы оценки эффективности практики Цигун при физической подготовке сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, представляется целесообразным включение элементов практики Цигун в подготовительную часть занятий по боевым приемам борьбы, как дополнительные упражнения в учебном процессе. Цигун, безусловно, способствует повышению эффективности процесса совершенствования физической возможности человека, сохраняя при этом здоровье и высокую работоспособности.

Библиографический список

Нормативные правовые акты

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.
4. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Совершенствование деятельности по организации подготовки кадров для замещения должностей в ОВД РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ МВД Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Научная, учебная, справочная литература

6. ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения» // НПП «Гарант-сервис».

7. Амелин С. Г., Кочетов П. А., Орлов В. В. Универсальные приемы борьбы при решении служебных задач, связанных с применением физической силы сотрудниками полиции : учебно-практическое пособие. Омск : Омская Академия МВД России. 2015. 75 с.

8. Кубышко В. Л. Профессиональная подготовка полицейских : учебник в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М. : ДГСК МВД России. 2017. Ч. 1. 264 с.

9. Кубышко В. Л. Профессиональная подготовка полицейских : учебник в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М. : ДГСК МВД России. 2017. Ч. 2. 472 с.

10. Кузнецов С. В., Волков А. Н., Воронов А. Й. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебник / под общ. ред. С. В. Кузнецова. М. : ДГСК МВД России. 2016. 328 с.

11. Профессиональная подготовка полицейских : учебник для образовательных организаций системы МВД России : в 3 ч. / Департамент гос. службы и кадров ; под общ. ред. В. Л. Кубышко. М. : ДГСК МВД России. 2017.

Bibliographic list

Regulatory legal acts

1. Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ «On Police» // LRS «ConsultantPlus».

2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 7, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Article 2954.

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on August

2, 2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. December 24, 2001. No. 52. Part I. Article 4921.

4. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016, No. 699, «Improving the Organization of Personnel Training for Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of February 2, 2024, No. 44, «On Approval of the Procedure for Organizing Personnel Training for Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Scientific, Educational, and Reference Literature

6. GOST R 51215-98, «Bladed Weapons. Terms and Definitions» // RPE «Garant-Service».

7. Amelin S. G., Kochetov P. A., Orlov V. V., Universal Combat Techniques in Solving Official Tasks Involving the Use of Physical Force by Police Officers : A Training and Practical Manual. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. 75 p.

8. Kubyshko V. L. Professional training of police officers: a textbook in 2 parts / general editor V. L. Kubyshko. Moscow : DGSK MVD of Russia. 2017. Part 1. 264 p.

9. Kubyshko V. L. Professional training of police officers: a textbook in 2 parts / general editor V. L. Kubyshko. Moscow : DGSK MVD of Russia. 2017. Part 2. 472 p.

10. Kuznetsov S. V., Volkov A. N., Voronov A. I. Theoretical and methodological foundations of organizing physical training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation : a textbook / general editor S. V. Kuznetsov. Moscow : Department of State Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. 328 p.

11. Professional training of police officers: textbook for educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: in part 3 / Department of State Service and Personnel; edited by V. L. Kubyshko. Moscow : Department of State Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017.

Информация об авторе

Т. Ш. Казбеков – старший преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

T. Sh. Kazbekov – Senior Lecturer at the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 37

EDN: <https://elibrary.ru/erpqoj>

НИОН: 2018-0077-1/26-722

MOSURED: 77/27-024-2026-01-921

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Профессионально-ориентированное обучение русскому языку иностранных слушателей в университете МВД: правовой и лингвистический компоненты

Наталья Олеговна Козина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, n.kozina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному сотрудников правоохранительных органов из стран СНГ в ведомственных вузах МВД России. Автор анализирует особенности контингента учащихся, отмечая неоднородность их языковой подготовки, склонность к завышенной самооценке и трудности в освоении профессиональной лексики. В работе обосновывается необходимость применения групповых форм обучения и профессионально-ориентированных методик, включая диагностику, моделирование служебных ситуаций и поэтапное усложнение заданий. Особое внимание уделяется коррекции самооценки учащихся через практико-ориентированные кейсы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, профессиональная коммуникация, групповые формы обучения, разноуровневое обучение, языковая диагностика, мотивация учащихся

Для цитирования: Козина Н. О. Профессионально-ориентированное обучение русскому языку иностранных слушателей в университете МВД: правовой и лингвистический компоненты // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 145–147. EDN: ERPQOJ.

Original article

Professionally oriented teaching of russian to foreign students at the university of the Ministry of Internal Affairs: legal and linguistic components

Natalia O. Kozina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, n.kozina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the current problems of teaching Russian as a foreign language to law enforcement officers from the CIS countries in departmental universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author analyzes the characteristics of the student body, noting the heterogeneity of their language training, a tendency to overestimate self-esteem and difficulties in mastering professional vocabulary. The paper substantiates the need for the use of group forms of training and professionally oriented methods, including diagnostics, modeling of service situations and step-by-step complication of tasks. Special attention is paid to correcting students' self-esteem through practice-oriented cases. The article is valuable for RCT teachers working in departmental educational institutions

Keywords: russian as a foreign language, professional communication, group forms of education, multi-level education, language diagnostics, student motivation

For citation: Kozina N. O. Professionally oriented teaching of russian to foreign students at the university of the Ministry of Internal Affairs: legal and linguistic components. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):145–147. (In Russ.). EDN: ERPQOJ.

Министерство внутренних дел Российской Федерации на протяжении десятилетий активно участвует в обучении и профессиональной подготовке сотруд-

ников правоохранительных органов зарубежных государств. Ежегодно ведомственные вузы МВД выпускают более 2 000 квалифицированных специалистов

© Козина Н. О., 2026

из числа иностранных слушателей, представляющих силовые структуры различных стран [4]. Наибольший поток иностранных слушателей поступает из стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Граждане Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана и других государств региона составляют большую часть обучающихся в университетах МВД России. Содержание образовательной программы предполагает изучение русского языка как иностранного. Основная цель обучения – освоение языка профессии и получение коммуникативных навыков, необходимых для решения учебно-профессиональных задач.

Данный контингент отличается неоднородностью. Некоторые учащиеся из стран СНГ владеют русским языком на уровне ТРКИ-2, так как окончили среднюю школу с русским языком обучения. Однако большинство из них осваивали русский язык вне академической среды, поэтому их знания ограничиваются обиходно-бытовыми единицами языка. Хотя многие из слушателей имеют русскоязычный фон, их уровень владения русским языком лишь приблизительно соответствуют ТРКИ-1. Результаты входного контроля выявляют у большинства этих учащихся асимметричное владение языковыми навыками: как правило, у них хорошо развиты устная речь и восприятие на слух, но значительно слабее – чтение и письмо [3].

Исследования показали, что слушатели из стран СНГ, даже демонстрирующие свободное владение русским языком в бытовой коммуникации, сталкиваются со значительными трудностями при использовании профессиональной лексики в устной и письменной речи, выборе формул официального общения, оперативном переключении между разговорным и профессиональным регистрами речи, достижении интонационной убедительности в профессиональной устной коммуникации и др. [3; 4; 5].

Вместе с тем многие учащиеся из стран СНГ склонны переоценивать свой уровень владения русским языком: в быту они свободно общаются по-русски и поэтому считают свои знания исчерпывающими и не требующими дальнейшего совершенствования. Дело в том, что эти учащиеся не осознают принципиальной разницы между повседневной обиходно-бытовой речью и языком профессии. [4; 5].

Таким образом, образовательный процесс по русскому языку как иностранному осуществляется преимущественно в условиях полилингвальной и разновывной обучающей среды, где большинство взрослых учащихся владеет русским языком на обиходно-бытовом уровне и демонстрирует необъективную самооценку собственных языковых компетенций.

В этих условиях преподавателю русского языка как иностранного требуются методическая гибкость и владение разными приемами лингводидактики.

Во-первых, с нашей точки зрения фронтальный подход к обучению в такой ситуации не должен быть основным. Причина в том, что он не учитывает разный уровень учащихся, ограничивает практику говорения, провоцирует пассивность, слабые не успевают, а силь-

ные скучают и теряют мотивацию. Целесообразно в этих условиях в качестве основной формы работы выбрать обучение в мини-группах. Работа в мини-группах действует как выравнивающий механизм благодаря нескольким взаимосвязанным факторам, среди которых:

1) эффект «языкового лифта»: сильные учащиеся невольно тянут слабых, потому что те перенимают более сложный языковой материал;

2) зона ближайшего развития: слабые ученики выполняют задания, которые не способны сделать самостоятельно, но могут сделать это в группе [2];

3) феномен языкового зеркала: учащиеся слышат свою речь со стороны и мгновенно корректируют ошибки, услышав правильный вариант от партнера [6].

Наконец, групповая работа создает естественную языковую среду, которую невозможно воспроизвести при фронтальном обучении.

Во-вторых, неадекватная самооценка языковых компетенций может привести к ряду серьезных последствий: потере учебной мотивации, формированию фрагментарных знаний, возникновению когнитивного диссонанса при столкновении с реальными профессиональными требованиями, а также к ошибочному выбору специализации, что в перспективе негативно скажется на карьерном развитии.

Работа со слушателями университета МВД, переоценивающими свои языковые компетенции, требует особого подхода. С нашей точки зрения, для данной аудитории эффективны задания, моделирующие реальные служебные ситуации, в которых языковая некомпетентность приводит к профессионально значимым последствиям (например, неверно составленный протокол может повлечь отмену решения суда). Это создает естественную мотивацию для объективной самооценки и совершенствования языковых навыков учащихся.

Вот возможные варианты работы.

1. *Профессионально-ориентированная лингвистическая диагностика*, то есть оценки языковых компетенций, разработанная с учетом конкретных профессиональных задач и коммуникативных ситуаций, с которыми сталкиваются учащиеся в своей будущей или текущей профессиональной деятельности. Диагностика позволяет оценить не общий уровень владения языком, а только навыки, необходимые для профессиональной коммуникации. При этом используются реальные профессиональные кейсы и документы. Проверяется терминологическая грамотность, умение излагать мысли в рабочих ситуациях, а также компетентность ведения документов. Приведем примеры диагностических заданий для будущих сотрудников внутренних дел.

Аудирование: Послушайте оперативную сводку. Выделите ключевые факты.

Говорение: Проведите инструктаж для граждан по правилам безопасности.

Письмо: Составьте рапорт о происшествии по заданным параметрам.

Выявляя реальную, а не предполагаемую готовность к профессиональной коммуникации, эти задания

помогут учащимся объективно оценить свои компетенции и скорректировать завышенную самооценку.

2. Коррекция самооценки через профессиональные кейсы. Примером корректировочных заданий может служить видеозапись имитации допроса с последующим анализом, а также привлечение действующих сотрудников МВД для комментариев лингвистической адекватности. Этот подход особенно важен для ведомственных вузов, где ошибки в языке могут привести к серьезным служебным последствиям.

3. Специальные профессиональные задания. Например, можно предложить учащемуся составить протокол объяснений свидетеля (обучение речевой компрессии) или проанализировать лингвистическую экспертизу текста (обучение профессиональной лексике).

При работе с письменными текстами целесообразно использовать технологию поэтапного усложнения: учащиеся сначала выполняют задания по шаблонам (наблюдение, осознание, имитация), потом восстановление поврежденных текстов (подстановка, трансформация, стереотипная ситуация), затем самостоятельно составляют процессуальные бумаги (этап самостоятельного поиска элементов содержания и языкового оформления) и наконец проводят анализ юридических текстов.

Эффективное обучение русскому языку в ведомственных вузах требует создания условий, в которых учащиеся смогут не только объективно оценить свои профессионально-языковые компетенции, но и осознать прямую зависимость между качеством владения языком и успешностью служебной деятельности.

Через моделирование реальных профессиональных ситуаций и системную диагностику можно сформировать устойчивую мотивацию к совершенствованию языковых навыков у будущих сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Байбородова Л. В., Касаткина Н. Н., Данданова С. В. Организация групповой работы в разновозрастных и разноуровневых группах // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 7–12.

Информация об авторе

Н. О. Козина – старший преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат филологических наук.

Information about the author

N. O. Kozina – Senior Lecturer at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

2. Выготский Л. С. Мышление и речь. Соб. соч. в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 2. С. 248–249.

3. Зорина В. В. Актуальный уровень владения русским языком иностранными слушателями ведомственных образовательных организаций (на примере обучающихся СибЮИ МВД России) // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 4.

4. Кушкина О. В., Ильина Н. Ф. Обучение иностранных студентов по направлению подготовки «юриспруденция» в высших учебных заведениях России // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85).

5. Савицкая И. Г. Особенности обучения иностранных слушателей-юристов в вузах МВД России // Вестник Воронежского государственного университета. 2019. № 4. С. 67–70.

6. Lightbown P. M., Spada N. (2013). *How Languages Are Learned* (4th ed.). Oxford University Press.

Bibliographic list

1. Bayborodova L. V., Kasatkina N. N., Dandanova S. V. Organization of group work in mixed-age and mixed-level groups // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014. No. 4. P. 7–12.

2. Vygotsky L. S. *Thinking and speech*. Personal works in 6 volumes. Moscow : Pedagogy, 1982. Vol. 2. P. 248–249.

3. Zorina V. V. Current level of Russian language proficiency among foreign students of departmental educational organizations (using the example of students of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // *Modern science-intensive technologies*. 2023. No. 4.

4. Kushkina O. V., Ilyina N. F. Training of foreign students in the field of training «jurisprudence» in higher educational institutions of Russia // *World of science, culture, education*. 2020. No. 6 (85).

5. Savitskaya I. G. Features of training foreign law students at universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Bulletin of Voronezh State University*. 2019. No. 4. P. 67–70.

6. Lightbown P. M., Spada N. (2013). *How Languages Are Learned* (4th ed.). Oxford University Press.

Научная статья

УДК 37+796

EDN: <https://elibrary.ru/fhxikk>

ИПОН: 2018-0077-1/26-723

MOSURED: 77/27-024-2026-01-922

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Сравнительный анализ нормативно-правового обеспечения физической подготовки в вооруженных силах и Министерстве внутренних дел: общее и особенное

Константин Николаевич Костиков¹, Владимир Андреевич Тихомиров²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kostia2350@mail.ru

² tikhomirov90.96@mail.ru

Аннотация. В современных условиях к уровню физической подготовки военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел предъявляются повышенные требования. Физическая подготовка сотрудник ОВД и военнослужащих лежит в основе успешного выполнения задач, поставленных перед ними. Подлежавшее изменению в последние годы нормативно-правовое обеспечение физической подготовки требует детального изучения с целью повышения его дальнейшей эффективности. Сравнительно-правовой анализ нормативно-правового обеспечения позволяет выявить преимущества и недостатки обоих нормативных правовых актов, регулирующих порядок и организацию физической подготовки в органах внутренних дел и вооруженных силах.

Ключевые слова: физическая подготовка, органы внутренних дел, вооруженные силы, военнослужащие, сотрудники полиции, физические качества, физические упражнения, нормативно-правовое обеспечение, нормативные правовые акты

Для цитирования: Костиков К. Н., Тихомиров В. А. Сравнительный анализ нормативно-правового обеспечения физической подготовки в вооруженных силах и Министерстве внутренних дел: общее и особенное // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 148–152. EDN: FHXIKK.

Original article

Comparative analysis of the regulatory and legal support for physical training in the armed forces and the Ministry of Internal Affairs: common and peculiar

Konstantin N. Kostikov¹, Vladimir A. Tikhomirov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kostia2350@mail.ru

² tikhomirov90.96@mail.ru

Abstract. In today's conditions, the level of physical training of military personnel and employees of internal affairs bodies is subject to increased requirements. The physical training of employees of internal affairs bodies and military personnel is the basis for the successful implementation of the tasks assigned to them. The legal and regulatory framework for physical training, which has undergone changes in recent years, requires detailed study in order to improve its effectiveness. A comparative legal analysis of the legal and regulatory framework allows us to identify the advantages and disadvantages of both legal acts that regulate the procedure and organization of physical training in internal affairs bodies and the armed forces.

Keywords: physical training, internal affairs bodies, armed forces, military personnel, police officers, physical qualities, physical exercises, legal support, regulatory legal acts

For citation: Kostikov K. N., Tikhomirov V. A. Comparative analysis of the regulatory and legal support for physical training in the armed forces and the Ministry of Internal Affairs: common and peculiar. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):148–152. (In Russ.). EDN: FHXIKK.

© Костиков К. Н., Тихомиров В. А., 2026

Деятельность военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел (далее – сотрудников ОВД), напрямую связана с применением физической силы. Физическая подготовка является неотъемлемой частью служебной деятельности вооруженных сил и органов внутренних дел. Высокий уровень физической подготовки лежит в основе успешного выполнения оперативно-служебных задач, поставленных как перед военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – военнослужащие ВС РФ), так и перед сотрудниками ОВД. Однако служебная деятельность военнослужащих и сотрудников ОВД имеет принципиально различный характер. Органы внутренних дел и вооруженные силы хоть и имеют некоторые схожие задачи, но в целом, их деятельность можно считать принципиально разной [3]. Следовательно, цели, задачи и нормативно-правовое регулирование организации физической подготовки в органах внутренних дел и вооруженных силах также, имеют как некоторую схожесть, так и существенные различия.

С 12 марта 2024 г. деятельность по организации физической подготовки в МВД России регулируется приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [6].

Организация физической подготовки в вооруженных силах регулируется приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 апреля 2023 г. № 230 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации» [7].

Проводя сравнительный анализ вступительных положений указанных нормативных правовых актов, можно сделать вывод о том, что предмет регулирования локального нормативного правового акта МВД России значительно шире, нежели аналогичный акт Министерства обороны. Вышеуказанный локальный нормативный правовой акт МВД России сосредоточил в себе положения ранее действующих наставлений по служебной, физической и огневой подготовке. В Министерстве обороны по-прежнему действует единичное наставление по физической подготовке. На наш взгляд, в данном случае, нормативно-правовое регулирование физической подготовки в МВД России содержит ряд преимуществ, поскольку таким образом, достигается комплексное урегулирование вопросов, связанное с подготовкой профессиональных кадров.

Проводя сравнительно-правовой анализ, полагаем, в начале необходимо рассмотреть требования, предъявляемые к сотрудникам ОВД и военнослужащим ВС. Нормативные правовые акты МВД России классифицируют уровень физической подготовки на базовый, усиленный и специальный уровень в зависимости от требований, устанавливаемых для результатов контрольных нормативов, где для специального уровня устанавливаются повышенные требования.

В наставлении по физической подготовке Министерства обороны Российской Федерации не содержится каких-либо положений, устанавливающих уровни физической подготовки. Усиленный уровень устанавливается для всех лиц, имеющих специальные звания полиции. Специальный уровень физической подготовки в МВД России устанавливается для подразделений по обеспечению государственной защиты, личной охраны управления собственной безопасности, т. е. для подразделений, т. е. для подразделений, где вероятность физического контакта и возможного применения физической силы в разы возрастает. Анализируя положения наставления по физической подготовке Министерства обороны Российской Федерации, можно прийти к выводу, что требования по физической подготовке устанавливаются исходя из рода (вида) войск и совершенно очевидно, что имеют существенные различия. Однако данные различия не определяются как «Повышенный» либо «Усиленный (специальный) уровень физической подготовки, а построены в зависимости от того, какой характер боевых задач выполняет конкретный род (вид) войск. Кроме того, стоит упомянуть, что существенным различием нормативно-правового регулирования при построении контрольных нормативов является тот факт, что все военнослужащие, в обязательном порядке оцениваются по такому физическому качеству как выносливость. В ОВД выносливость как физическое качество оценивается в обязательном порядке у подразделений, которые относятся к специальному уровню подготовки, а также у курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России [8, с. 128–129]. Сотрудники, не входящие в указанные категории, т. е. их преимущественное большинство от общего количества, не оцениваются по указанному физическому качеству. Вместе с тем, проводя сравнительно-правовой анализ приложений к рассматриваемым нормативным правовым актам, можно сделать вывод о том, что в приложениях к приказу министерства обороны содержится значительно большее количество контрольных нормативов по общей физической подготовке. Общим для указанных нормативных правовых актов является то, что контрольные нормативы, позволяющие оценивать такое физическое качество как «сила», направлены на проявление именно силовой выносливости, поскольку нормативы сконструированы таким образом, что результат улучшается в зависимости от увеличения количества сделанных повторений (например, сгибание/разгибание рук в упоре лежа, подтягивание на турнике и т. д.). Как справедливо отмечает Н. В. Астафьев, «базовыми физическими качествами военнослужащих и сотрудников ОВД являются аэробная и анаэробная виды выносливости, а из проявления силовых способностей – силовая выносливость» [1].

Проводя анализ разделов прикладной направленности физической подготовки в указанных нормативных правовых актах (Служебно-прикладной раздел в приказе МВД России и «Физические упражнения,

направленные на формирование и совершенствование военно-прикладных двигательных навыков рукопашного боя» в приказе Министерства обороны), можно прийти к выводу о том, что указанный раздел физической подготовки направлен на исполнения требований федерального закона «О полиции», требующего минимизации ущерба при применении физической силы [5, с. 21–22]. Иными словами, физические упражнения, содержащиеся в рамках данного раздела, направлены именно на задержание лица, при этом, позволяя снизить возможный риск нанесения травм, телесных повреждений и др. Совершенно иным характером обладают упражнения, указанные в рассматриваемом разделе наставления по физической подготовке Министерства обороны. Учитывая характер выполняемых служебных и боевых задач, содержащиеся в нем упражнения, в большей мере направлены на ликвидацию противника, либо причинения ему значительного физического вреда (например, «удары пехотной лопатой») [2, с. 67]. Однако, учитывая возможные ситуации, возникшие при выполнении служебно-боевых задач, обоими нормативными правовыми актами предусмотрен ряд общих специальных упражнений, среди которых защита от ударов руками, ногами, ножом, подручными средствами, обезоруживание при угрозе ножом, пистолетом, освобождение от ряда захватов, ударная техника и др. Наши доводы подтверждает и тот факт, что если обратить внимание на уточненные формулировки в обоих нормативных правовых актах, можно определить, что при описании того или иного упражнения, используются такие формулировки, как «Противник» (в наставлении МО РФ), а также «Правонарушитель» (в приказе МВД России).

Подлежат сравнению и определенные системы оценивания при сдаче контрольных нормативов. Согласно наставлению МО РФ, контрольные нормативы оцениваются по балловой системе для всех военнослужащих без исключения. Представляет интерес и то, что специальные упражнения из раздела, рассмотренного выше, также оцениваются по балльной системе (в совокупности всех выполненных упражнений на контроль зачете, согласно таблице перевода в баллы). В приказе МВД России установлено, что балловая система оценивания предусмотрена для оценки выполнения контрольных нормативов всех сотрудников, за исключением курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, где оценка выставляется сразу исходя из результата (т. е. система оценки «отлично» – определенный результат и т. д.). При этом упражнения из прикладного раздела (боевые приемы борьбы) по балловой системе не оцениваются ни для одной категории сотрудников. В рамках системы оценивания также интерес представляет и подход «коллективной оценки». Согласно наставлению МО РФ, оценке состояния физической подготовки подлежат подразделения, соединения вооруженных сил различного уровня численности.

В зависимости от процентного результата (например, для успешной сдачи на оценку «удовлетвори-

тельно», необходимо, чтобы было получено не менее 60 % положительных оценок среди всех его военнослужащих). Для такой оценки у проверяющим того или иного подразделения заполняется контрольно-проверочный комплекс, где подсчитываются результаты выполнения каждого упражнения, вынесенного на контрольный зачет.

С выходом из состава МВД России ряда специальных подразделений, система коллективной оценки была ликвидирована. В настоящий момент в МВД России установлен индивидуальный оценочный подход [4, с. 110–111]. На наш взгляд, данные положения рассматриваемых нормативных правовых актов, совершенно оправдано. Военнослужащие обязаны уметь действовать в группе, где успешное выполнение служебно-боевой задачи напрямую зависит от уровня физической подготовки [9]. Некоторые категории сотрудников ОВД при выполнении оперативно-служебных задач хотя и действуют в подразделениях, однако это не образует такого же характера, как в случаях с военнослужащими.

Относительно вопроса условий организации и проведения занятий по физической подготовке также есть определенные сходства и различия. Наставлением МО РФ предусмотрен порядок организации и проведения занятий по физической подготовке в условиях холодного и жаркого климата, иных особенностей окружающей среды. При этом при такой организации применяется системный подход, направленные на адаптацию к окружающей среде и затем, плавному проведению плановых занятий по физической подготовке. Приказ МВД России содержит положения о необходимых мерах по предупреждению травматизма на занятиях по физической подготовке, которые включают в себя необходимые требования для условий проведения занятий, предупреждению солнечных ударов, обморожений. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что формально не определен порядок занятий в условиях, хотя и формально не подпадающих под меры недопущения травматизма, но создающих определенную угрозу жизни и здоровью занимающихся. На наш взгляд, в данном сравнении, наставление МО РФ является наиболее продуманным и совершенным, поскольку предусматривает порядок организации и проведения занятий в указанных ситуациях. Кроме того, в рамках условий проведения занятий по физической подготовке, стоит дополнить, что наставление МО РФ содержит положения о вариантах конкретного форменного обмундирования, установленного для проведения занятий по физической подготовке в тех или иных условиях. В приказе МВД России, мы полагаем, установленное форменное обмундирование для занятий по физической подготовке подразумевается также в контексте мер по недопущению травматизма на занятиях, однако конкретно не определяет, какое обмундирование должно быть и при каких условиях оно должно использоваться.

Подводя итоги, стоит отметить, что у подвергнутого сравнительно-правовому анализу нормативно-правового обеспечения физической подготовки в вооруженных силах и министерстве внутренних дел, есть как определенные сходства, так и существенные различия во множестве вопросов. Проведя указанный сравнительно-правовой анализ, мы полагаем, что можно выделить преимущество приказа МВД России в том, что, сосредоточив в себе положения о профессиональной подготовке сотрудников ОВД в целом, урегулирование вопросов, связанных с подготовкой профессиональных кадров, становится наиболее оптимальным и эффективным, в том числе за счет применения комплексного подхода. Напротив, наставление МО РФ, на наш взгляд, отличается преимуществом в вопросе системы оценки уровня физической подготовленности, который, достигается путем определенных мер стимулирования личного состава к достижению высокого уровня такой подготовленности, в то время как в системе МВД России такие меры отсутствуют. Кроме того, на наш взгляд, наставление МО РФ, более совершенно в вопросе условий проведения занятий по физической подготовке. Между рассматриваемыми нормативными правовыми актами содержится ряд принципиальных различий, который обусловлены спецификой задач, поставленных перед ОВД и Вооруженными Силами РФ.

Список источников

1. Астафьев Н. В., Глубокий В. А. Сравнительный анализ требований по физической подготовке, предъявляемых к военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 1 (179). С. 1–2.
2. Богачев Е., Арутюнов А. Физическая подготовка военнослужащих и сотрудников силовых структур. Москва 2019. 109 с.
3. Комлев Ю. Ю. Транзит от военной к социальной модели ОВД. Дискурсивный анализ проблем полицейской реформы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 8.
4. Кузнецов С. В., Волков А. Н. Физическая подготовка : учебник / под ред. С. В. Кузнецова. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2024. 152 с.
5. Плохих Г. И. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Курск : Юго-Зап. Гос. ун-т, 2014. 333 с.
6. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // URL: <https://77.мвд.рф/documents/приказы-мвд-россии/item/48919825/> (дата обращения: 02.12.2025).
7. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 20 апреля 2023 г. № 230 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных

Силах Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406972208/> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Физическая культура и физическая подготовка : учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / В. Я. Кикоть, Я. С. Барчуков, Ю. Н. Назаров [и др.] ; под ред. В. Я. Кикотя. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2020. 455 с.

9. Физическая подготовка в подразделении : учебно-методическое пособие для курсантов и студентов, проходящих военную подготовку в военных учебных заведениях / Е. Д. Бойко [и др.]. Минск : БНТУ, 2017. 73 с.

References

1. Astafyev N. V., Glubokiy V. A. Comparative Analysis of Physical Fitness Requirements for Military Personnel and Law Enforcement Officers // Scientific Notes of Lesgaft University. 2020. No. 1 (179). P. 1–2.
2. Bogachev E., Arutyunov A. Physical Fitness of Military Personnel and Law Enforcement Officers. Moscow, 2019. 109 p.
3. Komlev Yu. Yu. Transition from the Military to the Social Model of the Internal Affairs Bodies. A Discursive Analysis of Police Reform Issues // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 8. P. 8.
4. Kuznetsov S. V., Volkov A. N. Physical Fitness : Textbook / Edited by S. V. Kuznetsov. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 152 p.
5. Plokhikh G. I. Specialized Training of Employees of Internal Affairs Bodies : Textbook. Kursk : South-West State University, 2014. 335 p.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated February 2, 2024, No. 44 «On Approval of the Procedure for Organizing the Training of Personnel to Fill Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // URL: <https://77.мвд.рф/documents/приказы-мвд-россии/item/48919825/> (date of access: 02.12.2025).
7. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of April 20, 2023 No. 230 «On Approval of the Manual on Physical Training in the Armed Forces of the Russian Federation» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406972208/> (date of access: 02.12.2025).
8. Physical Education and Physical Training: a textbook for university students, cadets, and students of educational institutions of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. Ya. Kikot', Ya. S. Barchukov, Yu. N. Nazarov [et al.] ; edited by V. Ya. Kikot'. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : UNITY-DANA, 2020. 455 p.
9. Physical training in the unit: a teaching aid for cadets and students undergoing military training in military educational institutions / E. D. Boyko [et al.]. Minsk : BNTU, 2017. 73 p.

Информация об авторах

К. Н. Костиков – старший преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

В. А. Тихомиров – преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

K. N. Kostikov – Senior Lecturer in the Department of Physical Fitness of the Educational and Scientific Complex for Specialized Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

V. A. Tikhomirov – Lecturer in the Department of Physical Fitness of the Educational and Scientific Complex for Specialized Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

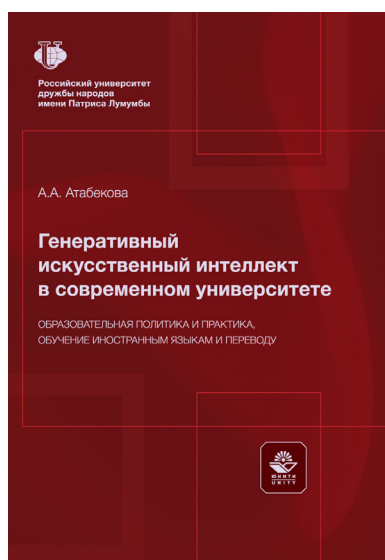
Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Генеративный искусственный интеллект в современном университете. Образовательная политика и практика, обучение иностранным языкам и переводу : монография / А. А. Атабекова.

В монографии излагаются общие вопросы генеративного ИИ в современном обществе, в том числе различные ракурсы определения феномена генеративного ИИ, его философские истоки и современное состояние, риски использования и нормативно-правовое регулирование.

Рассматривается присутствие генеративного ИИ в современном высшем образовании, в том числе анализируется текущая практика вузов, восприятие участников учебного процесса, вопросы регулирования генеративного ИИ в образовательной политике вузов и критерии его эффективности, предлагается ряд рекомендаций и формулируются прогнозы развития генеративного ИИ.

Исследуется включение генеративного ИИ в процесс взаимосвязанного обучения видам иноязычной речевой деятельности и переводу в аспекте текущей практики и ее теоретико-методологического осмысления.

Для специалистов в области высшего образования, исследователей и преподавателей-практиков в области преподавания иностранных языков и перевода с использованием генеративного искусственного интеллекта.

Научная статья

УДК 37+001.891; ББК 72.52

EDN: <https://elibrary.ru/otjdzh>

НИОН: 2018-0077-1/26-724

MOSURED: 77/27-024-2026-01-923

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика; 5.7. Философия

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования; 5.7.6. Философия науки и техники

Становление академического гострайтинга: от отчуждения осмысленности труда к симуляции компетентности в эпоху искусственного интеллекта

Иван Сергеевич Лукинский¹, Ирина Аркадьевна Горшенева²

¹ Главное управление по работе с личным составом МВД России, Москва, Россия, ivanlukinsky@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor.irina@gmail.com

Аннотация. Рассматривается эволюция концепта отчуждения от классической немецкой философии до его актуального воплощения в современной академической среде. Авторами проанализировано, как марксистское понимание отчуждения труда проявляется в условиях доминирования парадигмы «publish or perish», где ученый превращается в «академического производителя», отчужденного от продукта, процесса труда и своей творческой сущности. Особое внимание уделено феномену академического гострайтинга как адаптационной стратегии в условиях искаженных стимулов. Показано, что с появлением генеративного ИИ происходит качественный скачок: классический гострайтинг эволюционирует в промт-инжиниринг, приводя к окончательному отчуждению содержания от процесса его производства, кризису атрибуции и трансформации роли ученого в куратора алгоритмов. Сделан вывод о необходимости пересмотра философии оценки научного труда для преодоления системного кризиса, вызванного тотальной симуляцией научной деятельности.

Ключевые слова: академический гострайтинг, промт-инжиниринг, publish or perish, симуляция научной деятельности

Для цитирования: Лукинский И. С., Горшенева И. А. Становление академического гострайтинга: от отчуждения осмысленности труда к симуляции компетентности в эпоху искусственного интеллекта // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 153–158. EDN: OTJDZH.

Original article

The evolution of academic ghostwriting: from the alienation of meaningful labor to the simulation of competence in the age of artificial intelligence

Ivan S. Lukinsky¹, Irina A. Gorsheneva²

¹ Main Directorate for Work with Personnel, Moscow, Russia, ivanlukinsky@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor.irina@gmail.com

Abstract. The article examines the evolution of the concept of alienation from classical German philosophy to its current embodiment in the modern academic environment. The authors analyze how the Marxist understanding of labor alienation manifests itself under the dominance of the «publish or perish» paradigm, where the scholar is transformed into an «academic producer» alienated from the product, the labor process, and their creative essence. Special attention is paid to the phenomenon of academic ghostwriting as an adaptation strategy within a system of distorted incentives. It is shown that with the advent of generative AI, a qualitative leap occurs: classical ghostwriting evolves into prompt engineering, leading to the ultimate alienation of content from its production process, an attribution crisis, and the transformation of the scholar's role into that of an algorithm curator. The conclusion is drawn about the necessity of revising the philosophy of scientific evaluation to overcome the systemic crisis caused by the total simulation of scientific activity.

Keywords: academic ghostwriting, prompt engineering, publish or perish, simulation of scientific activity

For citation: Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A. The evolution of academic ghostwriting: from the alienation of meaningful labor to the simulation of competence in the age of artificial intelligence // Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):153–158. (In Russ.). EDN: OTJDZH.

Феномен «publish or perish», возведенный в ранг ключевого принципа научного менеджмента, порой доводит до абсурда рыночные отношения в академической среде, отчуждая исследователя от продукта его интеллектуальной деятельности

Смысловая нагрузка контекста «отчуждение» (нем. Entfremdung), пройдя стадии многоэтапной эволюции в ходе трансформации философской мысли, обрела свою классическую форму в работах немецких идеалистов. Если у Гегеля «Entfremdung» означал требуемый уровень необходимой стадии саморазвития мирового духа, характеризующий преодолеваемыми в сфере сознания противоречиями внутреннего и внешнего [1, с. 143], то Карл Маркс совершил радикальный поворот в понимании этой категории. В своем труде «Экономико-философские рукописи 1844 года» [2], переместив путем всестороннего анализа понятие отчуждение из умозрительно-спекулятивного поля в практическую плоскость, раскрыв его как фундаментальное условие существования рабочего при капитализме. Маркс показал, что состояние отчуждения сопровождает производителя всю жизнь: начиная с самого процесса труда, представляющего собой принудительную деятельность, до его конечного результата, то есть продукта оно, который не принадлежит создателю выступая чуждой, господствующей над ним силой.

Парадоксально, что образом почти два столетия спустя, это сугубо материалистическое толкование находит свое точное и тревожное воплощение в, казалось бы, далекой от фабричной специфике сфере – в современной академической науке. Доминирующий сегодня в научных кругах в ней культурный императив «publish or perish»¹, будучи возведенным в ранг ключевого рычага управления, проецирует логику организации капиталистического производства на область интеллектуального творчества. В условиях, когда ценность деятельности исследователя административскими методами сводится к объему и, так называемой, «индексируемости» продуктов его труда, ученый претерпевает метаморфозу, в результате которой он становится не более, чем «академическим производителем», чей труд может подвергаться всем формам отчуждения, по К. Марксу. Предлагаем рассмотреть ситуацию более детально.

Во-первых, происходит отчуждение исполнителя от продукта труда. Научный результат, являющийся квинтэссенцией многомесячных изысканий, озарений и сомнений, перестает быть продуктом коммуницирования в сфере научного сообщества. Работа низводится до статуса безличной «публикационной единицы» –

товара, обладающего не потребительской ценностью (новым знанием), а меновой (цифрой в отчете, баллом в системе гранта, рейтинга). Автор теряет глубинную личностную связь с собственным интеллектуальным продуктом, который становится отчуждаемым активом, циркулирующим в системе административного учета.

Во-вторых, возникает отчуждение от процесса труда. Естественный, зачастую хаотичный и нелинейный процесс познания, с его тупиковыми выводами, неожиданными открытиями, внутренней мотивацией и прогнозами – вытесняется конвейерной, принудительной гонкой за «плановыми показателями». Из объекта творческого созидания исследование превращается в рутину действий по производству текстов, удовлетворяющих формальным критериям журналов или сборников трудов научно-представительских мероприятий. Внутренняя мотивация, основанная на интересе к неизведанному и любознательности, подменяется внешним прессингом, выхолащивающим саму суть научного поиска.

В-третьих, имеет место быть отчуждение от своей «родовой сущности», под которым Маркс подразумевал отчуждение человека от его человеческой, творческой природы [2]. В академическом контексте фигура мыслителя, ориентированного на постоянное приращение знаний, замещается фигурой «эффективного производителя контента», чья личностная креативная исследовательская деятельность измеряется формальными, количественными показателями. Таким образом происходит фундаментальный разрыв между изначальным содержанием труда ученого и той социальной функцией, которую он вынужден исполнять.

Кроме того, формируется отчуждение и от окружающих его субъектов. Научная среда, традиционно предполагаемая как сообщество единомышленников, шаг за шагом трансформируется в территорию острой конкуренции за ограниченные ресурсы – индексы, гранты, научные позиции. И из соратников и единомышленников бывшие коллеги превращаются в соперников, а научные институты – в подобие корпораций, участников рыночной конкуренции.

Таким образом, в развивающейся системе искаженных стимулов научное знание окончательно становится товаром, подтверждая давнее наблюдение Гегеля о способности буржуазной деятельности превращать духовные качества человека в предмет купли-продажи. Именно такое, фундаментальное противоречие между экзистенциальной сутью научного творчества и редуционистской логикой его административного учета порождает системный спрос на структурирование механизмов адаптации. Одним из таких механизмов, являющимся прямым продуктом описанной среды, и выступает феномен академического гострайтинга, возникающий как теневой рынок отчужденного интеллектуального труда.

Формирующаяся в описанных условиях гиперпродуктивность, навязываемая в качестве императива, за-

¹ Publish or perish (англ. «публикуй или умри») – идиоматическое выражение, описывающее давление, оказываемое на ученых и исследователей, путем постоянных требований публикации научных статей в рецензируемых журналах для сохранения своей карьеры, получения финансирования и академического признания.

кономерно порождает рынок услуг по ее обеспечению и не всегда своими силами. Так возник феномен академического гострайтинга – выполнение заказа на написание научной статьи сторонним, «теневым» автором.

Отметим, что гострайтинг явление не новое. Так, еще в 1976 году, педагоги осознали, что студенты часто переключают свою работу на аутсорсинг [3]. В «доинтернетную» эпоху написание академических работ включало в себя целый ряд разновидностей: от обращений отдельных лиц выполнить работу в качестве одолжения до более витиеватых схем с контрактами [4–6]. Суть такого гострайтинга всегда заключалась в том, чтобы платить кому-то за подготовку работ и выдавать их за свои собственные [7–8].

В современной парадигме гострайтинг представляет собой не аномалию, а рациональную адаптационную стратегию и прямое следствие системы, где на кону стоит профессиональное выживание. Исходя из учений К. Маркса, можно заключить, что гострайтер становится фигурой «научного пролетария», продающего свой специфический товар – способность к продуцированию академических текстов – ученому, который, в свою очередь, выступает в роли «покупателя» отчуждаемых публикационных единиц.

Этот теневой симбиоз представляется диалектическим ответом на искажение стимулов: если система требует от ученого не столько генерации нового знания, сколько формального «выхода», то делегирование функции письма становится экономически выгодным. Исследователь, отчужденный от процесса труда, делегирует не только собственные идеи, но и сам акт письма, окончательно разрывая связь между интеллектуальной работой и ее текстовой репрезентацией. Таким образом, гострайтинг становится кульминацией процесса отчуждения – его окончательной экстернализацией.

Особую остроту эта проблема приобретает в контексте современных реформ публикационной деятельности в России, в частности, в связи с переходом к так называемым «белым спискам» журналов, рекомендуемых для публикации основных научных результатов. С одной стороны, эта мера призвана повысить качество и репрезентативность отечественной науки, консолидируя публикационные потоки в соответствующих изданиях. С другой стороны, она ужесточает и без того высокие требования, создавая для исследователей дополнительный барьер и усиливая конкурентное давление. В этих условиях закономерно возрастает спрос на услуги квалифицированных гострайтеров, специализирующихся на конкретной тематике и четко соблюдающих требования журналов из «белого списка». Система, борясь с симптомами (например, с публикациями в «мусорных» журналах), может невольно стимулировать развитие более изощренных и трудно выявляемых форм симуляции научной деятельности, коей является профессиональный гострайтинг.

Однако наиболее радикальную трансформацию феномен гострайтинга претерпел в последние годы

с популяризацией и повсеместной интеграцией технологий искусственного интеллекта.

Если классический гострайтинг, при всей его проблемности, все же сохранял связь с интеллектом субъекта и экспертизой, то современная технологическая революция, связанная с распространением генеративного искусственного интеллекта, знаменует собой качественный скачок в эволюции рассматриваемого феномена. Сегодня очевидна фундаментальная трансформация данной области в плане дематериализации самого гострайтера. На смену грамотному посреднику – специалисту в конкретной предметной области, чьи компетенции арендовались, приходит технический оператор, промт-инженер [9], чьи умения сугубо формальны и инструментальны.

Этот переход от содержательной аренды к формальной генерации будет иметь, на наш взгляд, несколько принципиальных последствий, способных усилить уровень кризиса академического производства. Рассмотрим некоторые из них.

1. Окончательное отчуждение содержания от процесса его производства.

В модели с наличием персоны гострайтера заказчик, по крайней мере, делегировал задачу другому субъекту сознания, способному понимать, синтезировать и критически оценивать продукт. Тогда как алгоритм, каким бы совершенным он ни был, лишен функции понимания, интенциональности или связи с реальностью. Он оперирует статистическими корреляциями в парадигме данных. Таким образом, ученый делегирует создание текста не просто другому субъекту, а системе, принципиально лишенной субъектности в отношении к истине. Такая ситуация становится кульминацией отчуждения, по Марксу, то есть продукт (текст) создается механическим процессом (функционированием алгоритма), абсолютно чуждым и непрозрачным для самого «производителя». Таким образом в результате появляется не просто отчужденный, но и онтологически чуждый создателю продукт, рожденный иной, нечеловеческой природой.

2. Кризис атрибуции и тотальная симуляция.

Классический гострайтинг создавал проблему нечестной атрибуции авторства, но сам текст все же являлся продуктом человеческого разума. С приходом ИИ возникает проблема иного порядка – симуляция компетенций достигает эпистемологического уровня¹. Алгоритм генерирует текст, который идеально мимикрирует

¹ От греч. *epistēmē* – «знание», *logos* – «учение». Эпистемология – теория познания, исследующая его природу, предпосылки и условия достоверности. Проблема «эпистемологического уровня» заключается в том, что ИИ симулирует не отдельные когнитивные акты, а саму структуру продуцирования знания, создавая артефакты, которые по всем внешним критериям соответствуют результату познавательной деятельности. Это порождает парадокс, при котором знание оказывается оторвано от субъекта познания и его интенциональности, что является центральной темой классической эпистемологии.

под стиль, структуру и риторику академической статьи, но при этом может быть интеллектуально пустым, содержать скрытые логические ошибки или «галлюцинации» (конфабуляции) [10]. Такой текст проходит формальные проверки на заимствования, но является симулякром в бодрийеровском смысле – копией без оригинала, репрезентацией без репрезентируемого [11]. Таким образом наука, основанная на производстве недостоверного знания, рискует превратиться в систему циркуляции неправдоподобных симулякров.

3. Демократизация симуляции и кризис контроля.

Несомненно, что классический гострайтинг был ограничен рынком квалифицированных специалистов, их временем и стоимостью услуг. Искусственный интеллект демократизирует доступ к инструменту симуляции, делая его мгновенным, дешевым, а зачастую и вовсе бесплатным, и повсеместно доступным. Это радикально изменяет масштаб проблемы. Традиционные системы проверки авторства такие как рецензирование, антиплагиат оказываются бессильны перед контент-независимой генерацией. Возникает своего рода «Arms race»¹ между генеративными моделями и детекторами, где последние, по общему признанию, значительно отстают. Подобное соревнование порождает ситуацию перманентного методологического кризиса и тотального недоверия, когда любой текст, особенно средней степени качества, может быть заподозрен в машинном происхождении.

4. Трансформация роли ученого: от генератора идей к куратору алгоритмов.

В новой парадигме ключевой компетенцией исследователя рискует стать не глубина познания в предметной области, а сугубо технический навык промт-инжиниринга, то есть умения формально сформулировать задачу для генеративного ИИ, верифицировать его выводы и интегрировать сгенерированные фрагменты в связный нарратив, что незамедлительно порождает фундаментальное противоречие, где промт-инжиниринг, по своей сути, становится антонимом подлинной креативности, понимаемой как «комбинаторно-конструирующая игра», основанная на доязыковом мышлении, интеграции сенсомоторного опыта и способности к генерации принципиально новых идей [12]. Подчеркнем, что если креативность есть «готовность к генерации нового знания» через комбинирование чувственной и интеллектуальной информации, то промт-инжиниринг сводится к управлению алгоритмом, лишенным этого глубинного, доязыкового комбинаторного фундамента.

¹ Arms race (англ. «гонка вооружений») — термин, введенный в конце XIX – начале XX века для описания стремительного конкурентного наращивания вооружений. В современном значении описывает ситуацию любого конкурентного противостояния, в которой стороны вынуждены непрерывно наращивать свой потенциал (технический, научный, ресурсный) для сохранения преимущества, что приводит к спиралевидному росту затрат без существенного увеличения общей безопасности или стабильности.

Исследователь, таким образом, превращается в «редактора-куратора», чья задача смещается от творческого акта к фильтрации и легитимации созданного алгоритмом продукта. Такая ситуация делает сомнительной саму онтологию научного труда: что остается от творческой компоненты и критического мышления, этой отличительной черты человеческого познания, если базовый акт письма, являющийся актом формирования и воплощения мысли, делегируется машине? Отметим, что критическое мышление, необходимое для верификации выводов ИИ в таком случае, оказывается оторванным от первичного процесса генерации идей, что ведет к риску утраты целостности исследовательской деятельности. В результате, вместо развития импровизационной и исследовательско-трансформационной креативности система работает на становление ученого как оператора, чья роль ограничивается техническим контролем над интеллектуальным производством, окончательно разрывая связь между исследователем и его творческим потенциалом.

Общие выводы. За горизонтом отчуждения

Эволюция академического гострайтинга от теневого найма специалиста к использованию ИИ представляет собой иллюстрацию пути, на котором инструмент преодоления, возникающего в настоящее время инновационного системного кризиса («публикуй или умри»), сам становится источником более глубокого кризиса, эпистемологического. Сегодня можно наблюдать последовательное расщепление: сначала труд был отчужден от продукта (Маркс), затем продукт был отчужден от автора (*классический гострайтинг*), и, наконец, авторство отчуждено от человеческого сознания (*ИИ-гострайтинг*).

Зарубежные коллеги [13–14] видят финал этого пути не просто в нечестной практике, но и в фундаментальной трансформации самого понятия «научное знание» из чего следует, что если широкодействующая система не будет пересмотрена, человечество рискует оказаться в мире, где «наука» будет измеряться не приращением понимания реальности, а эффективностью алгоритмов по генерации правдоподобных текстов, удовлетворяющих формальным критериям устаревших установок. Преодоление этого кризиса требует отнюдь не ужесточения контроля, а пересмотра самой философии оценки научного труда, где его ценность будет определяться не количеством публикаций, а качеством идей, которые пока еще слишком сложны для симуляции даже самым продвинутым искусственным интеллектом.

Список источников

1. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи 1844 года. 2-е. изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 42. 572 с.

3. Hammer G. How to exorcise academic ghostwriting // *The Phi Delta Kappan*. 1976. No. 57 (5). P. 328–330.

4. Lines L. Ghostwriters guaranteeing grades? The quality of online ghostwriting services available to tertiary students in Australia // *Teaching in Higher Education*. 2016. No. 21 (8). P. 889–914. <https://doi.org/10.1080/13562517.2016.1198759>.

5. Medway D., Roper S., Gillooly L. Contract cheating in UK higher education: A covert investigation of essay mills // *British Educational Research Journal*. 2018. No. 44 (3). P. 393–418. <https://doi.org/10.1002/berj.3335>.

6. Rowland S., Slade C., Wong K.-S., Whiting B. 'Just turn to us': The persuasive features of contract cheating websites // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2018. No. 43 (4). P. 652–665. <https://doi.org/10.1080/02602938.2017.1391948>.

7. Amigud A., Lancaster T. I will pay someone to do my assignment: An analysis of market demand for contract cheating services on twitter // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2020. No. 45 (4). P. 541–553. <https://doi.org/10.1080/02602938.2019.1670780>.

8. Clarke R., Lancaster T. Eliminating the successor to plagiarism? Identifying the usage of contract cheating sites. *Proceedings of 2nd International Plagiarism Conference*. 2006. P. 19–21.

9. Лукинский И. С., Горшенева И. А. Промт-инжиниринг в образовательном процессе и научной деятельности или к вопросу о необходимости обучения работе с искусственным интеллектом // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2024. № 4. С. 148–154. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-4-148-154>.

10. Özer M. Is Artificial Intelligence hallucinating? // *Turk Psikiyatri Derg.* 2024 Oct 14;35(4):333–5. <https://doi.org/10.5080/u27587>.

11. Бронзино Л. Ю. Концепция симулякра Жана Бодрийяра: методология «Алеаторного мышления» и трансформация субъекта в обществе потребления // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2011. № 1. С. 11–23.

12. Лукинский И. С., Горшенева И. А., Лукинская М. И. Креативность и ее роль в современном образовательном процессе: комбинаторное мышление и пределы систем искусственного интеллекта // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2025. № 1. С. 127–131. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2025-1-127-131>.

13. Holi Ibrahim Holi Ali, Awad Alhassan. Fighting contract cheating and ghostwriting in Higher Education: Moving towards a multidimensional approach // *Cogent Education*. 2021. Vol. 8. Issue 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2021.1885837>.

14. Chen K. H., Liu J. CE. Overcoming stigma: how academic ghostwriting companies neutralize their services in Chinese and English markets // *High Educ.* 2024. 88, 1255–1274. <https://doi.org/10.1007/s10734-023-01168-9>.

References

1. Ilyenkov E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow : Politizdat, 1991. 464 p.

2. Marx K. *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844* // Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd ed. Moscow : Politizdat, 1974. Vol. 42. 572 p.

3. Hammer G. (1976). How to exorcise academic ghostwriting. *The Phi Delta Kappan*, 57(5), 328–330.

4. Lines L. (2016). Ghostwriters guaranteeing grades? The quality of online ghostwriting services available to tertiary students in Australia. *Teaching in Higher Education*, 21(8), 889–914. <https://doi.org/10.1080/13562517.2016.1198759>.

5. Medway D., Roper S., & Gillooly L. (2018). Contract cheating in UK higher education: A covert investigation of essay mills. *British Educational Research Journal*, 44(3), 393–418. <https://doi.org/10.1002/berj.3335>.

6. Rowland S., Slade C., Wong K.-S., & Whiting B. (2018). 'Just turn to us': The persuasive features of contract cheating websites. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 43(4), 652–665. <https://doi.org/10.1080/02602938.2017.1391948>.

7. Amigud A., & Lancaster T. (2020). I will pay someone to do my assignment: An analysis of market demand for contract cheating services on twitter. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 45(4), 541–553. <https://doi.org/10.1080/02602938.2019.1670780>.

8. Clarke R., & Lancaster T. (2006). Eliminating the successor to plagiarism? Identifying the usage of contract cheating sites. *Proceedings of 2nd International Plagiarism Conference* (P. 19–21).

9. Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A. Prompt Engineering in the Educational Process and Scientific Activity, or on the Necessity of Training in Working with Artificial Intelligence // *Psychology and Pedagogy of Service Activity*. 2024. No. 4. P. 148–154. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-4-148-154>

10. Özer M. Is Artificial Intelligence hallucinating? *Turk Psikiyatri Derg.* 2024 Oct 14;35(4):333–5. <https://doi.org/10.5080/u27587>.

11. Bronzino L. Yu. The Concept of the Simulacrum by Jean Baudrillard: The Methodology of «Aleatory Thinking» and the Transformation of the Subject in Consumer Society // *RUDN Journal of Sociology*. 2011. No. 1. P. 11–23

12. Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A., Lukinskaya M. I. Creativity and Its Role in the Modern Educational Process: Combinatorial Thinking and the Limits of Artificial Intelligence Systems // *Psychology and Pedagogy of Service Activity*. 2025. No. 1. P. 127–131. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2025-1-127-131>.

13. Holi Ibrahim Holi Ali & Awad Alhassan (2021) Fighting contract cheating and ghostwriting in Higher Education: Moving towards a multidimensional approach, *Cogent Education*, 8:1, 1885837, <https://doi.org/10.1080/2331186X.2021.1885837>.

14. Chen K. H., Liu J. CE. Overcoming stigma: how academic ghostwriting companies neutralize their services in Chinese and English markets. *High Educ* 88, 1255–1274 (2024). <https://doi.org/10.1007/s10734-023-01168-9>.

Библиографический список

1. Жевлакович С. С., Сумина А. В., Лукинский И. С. Может ли искусственный разум воспитать разумного человека? // *Юридическое образование и наука*. 2023. № 5. С. 3–13. DOI 10.18572/1813-1190-2023-5-3-13.

2. Шейпак С. А. Гострайтинг: симулякры академической эффективности // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 4. С. 100–112. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-100-112.

3. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 5. С. 88–106. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106.

4. Колесникова И. А. Академический гострайтинг»: рынок имитации научно-образовательной ак-

тивности // *Непрерывное образование: XXI век*. 2017. № 2 (18). С. 127–148.

Bibliographic list

1. Zhevlakovich S. S., Sumina A. V., Lukinsky I. S. Can Artificial Intelligence Raise a Reasonable Man? // *Legal Education and Science*. 2023. № 5. P. 3–13. DOI 10.18572/1813-1190-2023-2023-5-3-13.

2. Sheypak S. A. (2022). Ghostwriting: Simulacra of Academic Performance. *Higher Education in Russia*. Vol. 31. No. 4. P. 100–112. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-4-100-112.

3. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. (2021). Imitations in Higher Education as a Social Problem. *Higher Education in Russia*. Vol. 30. No. 5. P. 88–106. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106.

4. Kolesnikova I. A. Academic Ghostwriting: The Market of Imitation of Scientific and Educational Activity // *Continuous Education: XXI Century*. 2017. No. 2 (18). P. 127–148.

Информация об авторах

И. С. Лукинский – инспектор по особым поручениям отдела организации научной деятельности образовательных организаций МВД России управления организации подготовки кадров Главного управления по работе с личным составом МВД России;

И. А. Горшенева – заведующий кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the authors

I. S. Lukinsky – Inspector on Special Assignments of the Department for Organization of Scientific Activities of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Department for Organization of Personnel Training of the Main Department for Work with Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

I. A. Gorsheneva – Head of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Law Sciences, Professor, Honored worker of Higher school of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 378.11; ББК 6/8-67

EDN: <https://elibrary.ru/ohxdtg>

НИОН: 2018-0077-1/26-725

MOSURED: 77/27-024-2026-01-924

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

К вопросу о патриотическом воспитании учащейся молодежи посредством военно-спортивной подготовки

Сергей Сергеевич Некрутов¹, Кирилл Ильич Братков²

¹ Центр «Воин», Москва, Россия

² Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы патриотического воспитания учащейся молодежи в условиях глобальных вызовов и угроз российской государственности. Обоснована необходимость внедрения системы военно-спортивной подготовки образовательных организаций, показано, что данная система позволяет не только повышать оборонно-мобилизационный потенциал государства, но и является важнейшим профориентационным блоком к поступлению молодежи на службу (в том числе образовательные организации) в силовые ведомства Российской Федерации. Презентованы результаты экспертного опроса, по выявлению основных личностных характеристик патриотического воспитания. Кратко описаны основные векторы авторской программы патриотического воспитания посредством военно-спортивной подготовки.

Ключевые слова: патриотизм, военно-спортивная подготовка, учащаяся молодежь, специальный образовательно-патриотический контент

Для цитирования: Некрутов С. С., Братков К. И. К вопросу о патриотическом воспитании учащейся молодежи посредством военно-спортивной подготовки // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 159–163. EDN: OHXDTG.

Original article

To the question of patriotic education of students through military-sports training

Sergey S. Nekrutov¹, Kirill I. Bratkov²

¹ Center «Warrior», Moscow, Russia

² Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the problems of patriotic education of students in the context of global challenges and threats to Russian statehood. The necessity of introducing a system of military sports training for educational organizations is substantiated, it is shown that this system allows not only to increase the defense mobilization potential of the state, but also is the most important career guidance block for the admission of young people to service (including educational organizations) in the law enforcement agencies of the Russian Federation. Presented results of an expert survey on identifying the main personal characteristics of patriotic education. The main vectors of the author's program of patriotic education through military and sports training are briefly described.

Keywords: patriotism, military and sports training, students, special educational and patriotic content

For citation: Nekrutov S. S., Bratkov K. I. To the question of patriotic education of students through military-sports training. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):159–163. (In Russ.). EDN: OHXDTG.

Актуальность совершенствования системы патриотического воспитания, поиск новационных педагогических

технологий военно-спортивной подготовки учащейся молодежи обусловлена следующими обстоятельствами:

© Некрутов С. С., Братков К. И., 2026

- ростом количества угроз и вызовов национальной безопасности Российской Федерации;
- дестабилизирующим информационно-психологическим воздействием на граждан России, особенно в подростковой и студенческой среде;
- системным кризисом (на протяжении трех десятилетий) идеологии и общественного сознания, приведшим к дезориентации духовно-нравственных ценностей;
- реформированием и модернизацией системы воспитательной работы в образовательных организациях;
- потребностью во внедрении форм и средств развития государственно-патриотических убеждений у учащейся молодежи, формирования у них высокой гражданской позиции, нравственности, духовных и иных профессионально значимых качеств личности, обусловленных требованиями государственного заказа;
- актуализацией потребности в здоровом образе жизни;
- необходимостью формировать мобилизационный резерв посредством оборонно-спортивной подготовки.

С момента начала Специальной военной операции на нормативном правовом, историко-философском и психолого-педагогическом уровнях разрабатываются положения, способствующие адекватному ответу на вызовы и угрозы современности.

Это подтверждается Указом Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором отмечается следующее: «Создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [5]. Отметим, что этот процесс творческий, в рамках разработки таких условий необходимо осмысление предыдущего опыта патриотического воспитания молодежи в ретроспективе всех этапов развития российской государственности.

В исследовании Т. К. Ким и соавт. отмечается: «на современном этапе наблюдается ослабление системы требований к подросткам и юношеству в учебной и внеучебной деятельности, выведение режимов регламентации нагрузки при занятиях физкультурно-спортивной активностью на индивидуально комфортные уровни их воздействия на организм и психику, толерантность взрослого поколения к деструктивным поступкам и поведенческим стратегиям, интерпретация данных поступков как допустимых особенностей поведения, не требующих порицания и коррекции, что приводит к размыванию социальных ценностей, к общественно одобряемой возможности альтернативного восприятия системы требований как необязательных и в условиях свободы выбора личности – ее отказу от развивающей деятельности» [2].

Таким образом, это подтверждает важность внедрения системы военно-спортивной подготовки в патриотическое воспитание обучающихся.

Актуализация военно-спортивной подготовки началась с потребности государства и общества в сформированности (наличие) обоснованных, юридически закреплённых компетенций (знаний, умений и навыков) и личностных качеств, необходимых для современной молодежи в интересах обеспечения защиты Родины, Отечества.

В основном методические рекомендации в данной области посвящены организации процесса военно-патриотической работы [1], подготовки к военной службе [3], что мало затрагивает технологии формирования оборонно-спортивных навыков как таковых. За очень малым исключением, все они действительно реализуют общую, хорошо осознаваемую задачу: формирование будущего защитника Родины. Данная проблема перекликается с вопросом нормативного регулирования. В частности, в рамках ВВПОД Юнармия ведется работа над апробацией «Единой программы подготовки юнармейца», свои программы совместно с МПГУ разрабатывает АНО «Воин», но все они, имея характер рекомендованных к тиражированию, работают в рамках определенных сетевых клубов.

Наиболее актуальным для нашего исследования является следующая трактовка: «Военно-спортивная подготовка – это комплекс мер учебно-методического, воспитательного, организационно-правового, информационного и другого характера, который направлен на военно-патриотическое воспитание и подготовку граждан к защите Отечества» [4].

В результате проведенного ретроспективного анализа системы оборонно-массовой и военно-спортивной работы в рамках военно-патриотического воспитания Древней Руси, царской и имперской России, в советский период и на современном этапе развития российской государственности и сопоставительного анализа факторов выявлены положительные и отрицательные стороны, а также проблемы обучения кадров для этой области с учетом потребности государства в подготовке защитников Отечества, обладающих военно-профессиональными компетенциями, отвечающими запросам боевых действий в современных реалиях. Кроме того, благодаря собственному инструкторскому, тренерскому опыту вкупе с современным реалиями к патриотическому воспитанию граждан РФ, в соответствии с нормативными актами и актуальными указами Президента России, мы разработали авторскую схему организационно-методического обеспечения военно-спортивной подготовки (рис. 1).

В русле нашего исследования главенствующим положением выступает следующее: **военно-спортивная подготовка** является незаменимым фактором в вопросе формирования и развития духовно-нравственных ценностей у обучающихся, являясь зоной их ближайшего развития. Полагаем, что в рамках патриотического воспитания личности военно-спортивная подготовка должна включать следующие блоки: начальный военный;

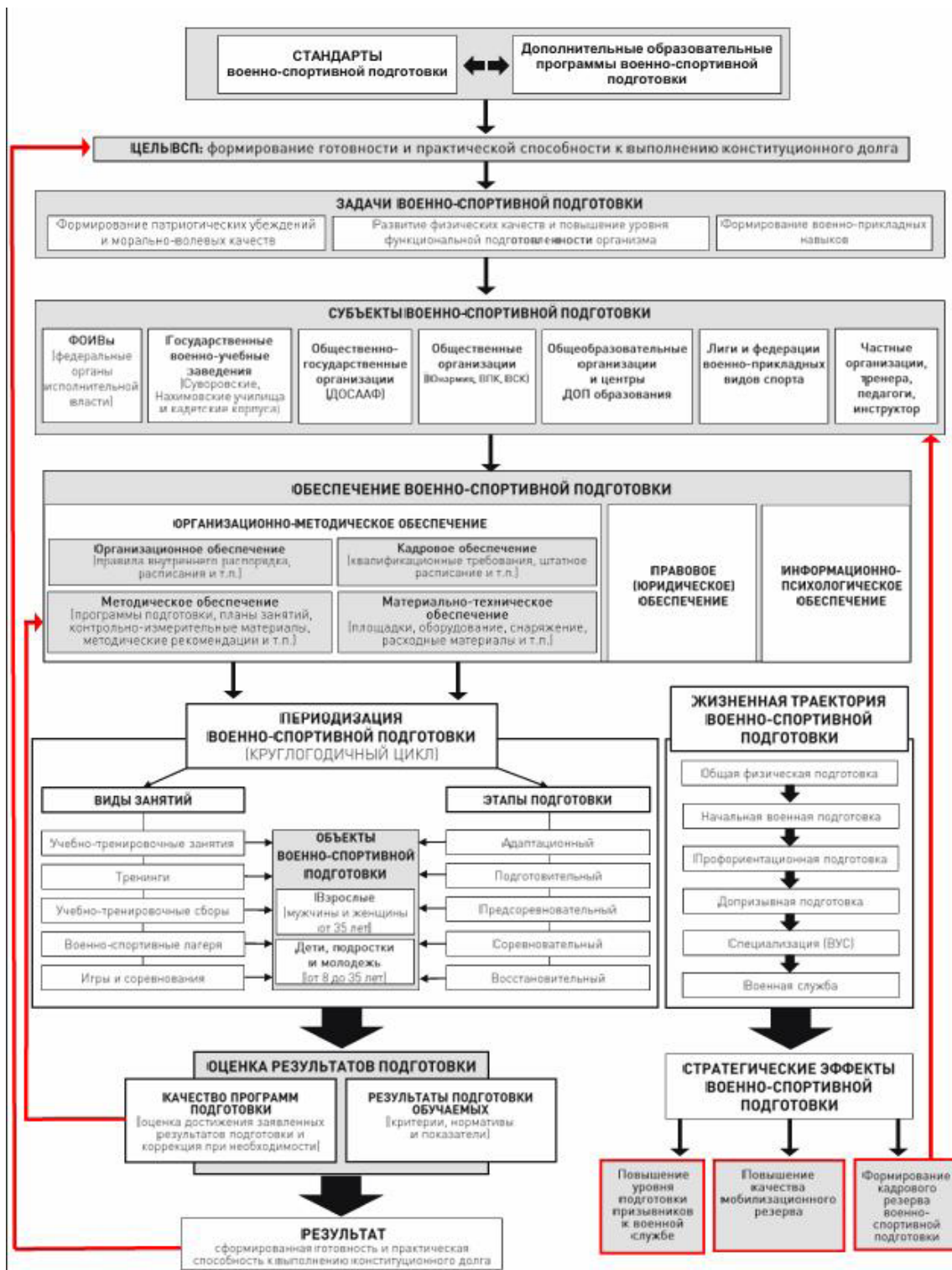

Рис. 1. Авторская схема организационно-методического обеспечения военно-спортивной подготовки

физический и тактико-специальный; историко-философский; валеологический; морально-нравственный; интеллектуально-личностный; профориентационный (приоритет служба в силовых ведомствах России).

В рамках нашего исследования был проведен анонимный экспертный опрос 350 студентов Москвы и Архангельска, 47 инструкторов по спорту Юнармии и АНО «Воин», 69 человек среди профессорско-преподавательского состава, 27 сотрудников силовых ведомств РФ,

в т. ч. участников СВО. Опрос проводился на основе предложенного авторского бланка экспертного листа, респонденту необходимо было выбрать по 10-ти бальной шкале уровень значимости критериев, характеризующих высокий уровень патриотизма. Согласно данным, полученным в ходе экспертного опроса, для эффективной педагогической деятельности в сфере военно-спортивной подготовки учащейся молодежи выделяются следующие средства патриотического воспитания (табл. 1).

№	Критерий	Ранг (среднее значение)	Ранг (стандартное отклонение)	W
1	Ценностные ориентации	9,87	0,065	$0,86 \geq 0,5$
2	Государственно-патриотические убеждения	9,36	0,32	$0,71 \geq 0,5$
3	Физическая подготовка, соответствующая возрастной группе (по показателям ГТО)	9,14	0,43	$0,59 \geq 0,5$
4	Военно-прикладные навыки	8,96	0,52	$0,63 \geq 0,5$
5	Отсутствие вредных привычек	8,72	0,64	$0,66 \geq 0,5$
6	Наличие спортивного разряда	8,64	0,68	$0,54 \geq 0,5$
7	Мотивация на саморазвитие	8,29	0,87	$0,53 \geq 0,5$
8	Опыт волонтерской деятельности	8,28	0,86	$0,79 \geq 0,5$
9	Высокий уровень исполнительской дисциплины	8,03	0,985	$0,61 \geq 0,5$
10	Волевая саморегуляция	7,98	1,01	$0,82 \geq 0,5$
11	Знание истории своей страны	7,91	1,045	$0,98 \geq 0,5$
12	Ответственность	7,87	1,065	$0,63 \geq 0,5$
13	Трудолюбие	7,69	1,155	$0,62 \geq 0,5$
14	Ассертивное поведение	7,56	1,22	$0,72 \geq 0,5$
15	Честность	7,41	1,295	$0,91 \geq 0,5$

Наивысший показатель исходя из экспертного опроса получили показатели: ценностные ориентации; государственно-патриотические убеждения; физическая подготовка, соответствующая возрастной группе (по показателям ГТО); военно-прикладные навыки. Это свидетельствует о необходимости военно-спортивной подготовки как средства патриотического воспитания обучающихся в интеграции с аксиологическим и физическим и тактико-специальным компонентом.

В среднем диапазоне показателей экспертного опроса находится, по сути, деятельностно-поведенческий и валеологический компоненты. Они представлены следующими характеристиками: отсутствие вредных привычек; наличие спортивного разряда; опыт волонтерской деятельности; высокий уровень исполнительской дисциплины.

На диапазоне ниже среднего находится волевой, поведенческий и когнитивный компоненты, обусловленные следующими характеристиками: волевая саморегуляция; знание истории своей страны; ответственность; трудолюбие; ассертивное поведение; честность.

Исходя из статистического анализа коэффициента конкордации (отражает степень согласованности между мнениями экспертов) $W \geq 0,5$, что свидетельствует о сильной согласованности мнений между экспертами. Самый наивысший показатель практически $W = 1$ в характеристике «Знание истории своей страны».

Таким образом, считаем необходимой разработку авторской программы военно-спортивной подготовки обучающихся. Полагаем, что реализация программы возможна благодаря следующим организационно-педагогическим условиям:

- формирование единых нормативных требований к материально-технической базе и должностным лицам, курирующим патриотическое воспитание в образовательных организациях и тренерам-преподавателям, реализующим программу военно-спортивной подготовки обучающихся, на уровне государственной системы

- создание в образовательной организации специального образовательно-патриотического контента

на основе военно-спортивных технологий, направленных на результативное трансформирование осознанных знаний и умений в специализированные навыки (военно-спортивные компетенции);

- целенаправленная подготовка кадров для военно-спортивной подготовки, заключающаяся в формировании у тренера-преподавателя (инструктора по спорту) практических умений преподавания универсальных навыков обороны и безопасности различным категориям обучающихся.

Полагаем, что эффективность патриотического воспитания обучающихся будет достигаться, если программа военно-спортивной подготовки будет направлена на:

- формирование общефизических качеств (скорость, выносливость, сила, ловкость);

- развитие тактико-специальных и координационных способностей, которые обучающийся может применить в обычных и экстремальных условиях жизнедеятельности (навыки рукопашного боя и боевые приемы борьбы, сборка-разборка автомата, тактическая медицина);

- формирование спортивно-туристических навыков – организация безопасного быта в условиях природы, информирование о видах экипировки, выездное практическое занятие по установке лагеря и приготовление пищи, спортивное ориентирование с использованием компаса, карты, а также современных информационных карт или программ (например, альпен-квест);

- формирование когнитивной сферы обучающихся: память, внимание, воображение, коммуникативные качества, рефлексия, организаторские качества. Используются творческие развивающие задачи на гибкость мышления, внимание (ТРИЗ-педагогика), интеллект-тренажеры, иммерсивные средства обучения, тренинги;

- развитие эмоционально-волевой сферы личности обучающихся (воля, навыки саморегуляции, эмпатия). Используются психофизический тренинг, аутогенная тренировка, тренинги;

– формирование умений и навыков применения полученных знаний после освоения авторской программы в любых служебно-боевых ситуациях, в частности при непосредственном контакте с противником в рукопашном бою в условиях ограниченного пространства; вариативное комбинирование по времени выполнения и технико-тактическим действиям с огнестрельным, холодным оружием и без оружия.

Ввиду технологического прогресса, изменившего ход ведения боевых действий, предлагаем в авторскую программу добавить кейс по БПЛА. Данный кейс предполагает обучение приемам управления беспилотником, основные принципы и виды беспилотной авиации, меры безопасности при обнаружении беспилотника в городе или на природе, возможность самому попробовать управлять БПЛА, также обучающие выезд на полигон БПЛА.

Реализация организационно-педагогических условий военно-спортивной подготовки учащейся молодежи позволит не только качественно повысить уровень патриотизма в молодежной среде, но и оптимизировать оборонно-мобилизационный потенциал государства.

Список источников

1. Выршиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое и гражданское воспитание молодежи. Волгоград : ВолГМУ, 2018. 123 с.
2. Ерина Ю. И., Ким Т. К., Кузьменко Г. А., Кравченко А. В. Идеологическая основа спортивной, военно-спортивной подготовки и патриотического воспитания российских школьников в отражении концептуальных линий мировоззрения наставников // Преподаватель XXI век. 2023. № 3. Ч. 1. С. 240–255.
3. Кошкин С. И. Педагогические аспекты использования военно-спортивных многоборий в подготовке со-

временной молодежи к службе в армии // Вестник Мариинского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 405–410.

4. Ширшов В. Д. Основы военно-патриотического воспитания : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021.

5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/.

References

1. Vyreshchikov A. N., Kusmartsev M. B. Patriotic and civic education of youth. Volgograd : VolGМУ, 2018. 123 p.
2. Erina Yu. I., Kim T. K., Kuzmenko G. A., Kravchenko A. V. Ideological Basis for Sports, Military-Sports Training, and Patriotic Education of Russian Schoolchildren as Reflected in the Conceptual Lines of Mentors' Worldviews. Teacher XXI Century. 2023. No. 3. Part 1. P. 240–255.
3. Koshkin S. I. Pedagogical Aspects of Using Military-Sports All-Around Events in Preparing Modern Youth for Military Service. Bulletin of the Mari State University. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 405–410.
4. Shirshov V. D. Fundamentals of Military-Patriotic Education : A Textbook. Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2021.
5. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036» // LRS «Consultant-Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/.

Информация об авторах

С. С. Некрутов – руководитель отдела по учебно-методической работе Центра «Воин»;

К. И. Братков – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (качества военного образования) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

S. S. Nekrutov – Head of the Educational and Methodological Work Department at the Voin Center;

K. I. Bratkov – Senior Researcher, Research Department (Quality of Military Education), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 37

EDN: <https://elibrary.ru/njsvyb>

ИИОН: 2018-0077-1/26-726

MOSURED: 77/27-024-2026-01-925

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Проблемы педагогической дидактики в высшей школе: причины, следствия и пути преодоления

Наталья Владимировна Николаева

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Московская область, п. Старотеряево, Россия, sicleph@mail.ru

Аннотация. Анализируются факторы, вызвавшие проблемы высшего образования, особенно ярко выраженные в контексте соотношения целей, результатов и содержания образования с требованиями рынка труда, а также проявляющиеся на стыке традиционной и инновационной дидактики.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе и систематизации причин, вызвавших проблемы современной дидактики, а практическая значимость выражается в поиске путей выхода их сложившихся обстоятельств, оптимизации целей, результатов профессионального обучения в соответствии с запросами рынка труда. Последний, в свою очередь, предъявляет высокие требования к цифровым компетенциям выпускников, обязательно включающие навыки пользования информационными цифровыми технологиями и искусственным интеллектом.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, принцип единства образования и воспитания, традиционная дидактика, инновационные технологии в образовании, цифровые платформы, дистанционное обучение, компетентностный подход

Для цитирования: Николаева Н. В. Проблемы педагогической дидактики в высшей школе: причины, следствия и пути преодоления // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 164–169. EDN: NJSVYB.

Original article

Problems of pedagogical didactics in higher education: causes, consequences and ways to overcome them

Natalia V. Nikolaeva

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow Region, Staroteryaev village, Russia, sicleph@mail.ru

Abstract. This article analyzes the factors that have caused problems in higher education, particularly in the context of the relationship between the goals, results, and content of education and labor market demands, as well as those that manifest themselves at the intersection of traditional and innovative didactics.

The theoretical significance of this study lies in its analysis and systematization of the causes of problems in modern educational systems, while its practical significance lies in identifying solutions to overcome these challenges and optimizing the goals and outcomes of professional training in line with labor market demands. The latter, in turn, places high demands on graduates' digital competencies, which necessarily include skills in using digital information technologies and artificial intelligence.

Keywords: sociocultural transformation, principle of the unity of education and upbringing, traditional didactics, innovative technologies in education, digital platforms, distance learning, competency-based approach

For citation: Nikolaeva N. V. Problems of pedagogical didactics in higher education: causes, consequences and ways to overcome them. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):164–169. (In Russ.). EDN: NJSVYB.

В современном отечественном образовании на-
зрели проблемы, требующие быстрого решения
в современных условиях социокультурной транс-

формации. Именно сфера образования является ин-
дикатором глубины и масштаба происходящих изме-
нений.

Сегодня стало повседневной реальностью стремительное развитие современных производственных технологий, искусственного интеллекта (ИИ), который как космополит захватывает все сферы социальной жизни, дистанционного формата взаимодействия работодателя и работника на рынке труда, несоответствия между традиционной педагогикой и педагогикой, дистанцирующейся от обучаемого и воспитуемого в силу развития цифровых телекоммуникационных технологий.

Анализ происходящего в современном образовании и высшей школе, в частности, показывает рассогласование между внедрением образовательных стандартов, требующих четких целей, и непрерывным обновлением содержания высшего образования, предъявляющим все более высокие требования к педагогическому составу, особенно в проектировании и реализации этого обновленного содержания. Современная дидактика сталкивается с задачей объединения концепций и педагогических технологий, которыми будущий преподаватель должен овладеть для самостоятельной разработки постоянно меняющегося образовательного наполнения.

В условиях модернизации российской образовательной системы все больше внимания уделяется проблеме вариативности высшего образования, что требует создания авторских программ и разнообразных учебников. Такой подход наталкивает, например, на вопрос о целесообразности изучения информатики в гуманитарных вузах, и, если да, то в каком объеме. Эксперты утверждают, что это необходимо, но с иным подходом и в меньшем объеме, чем на математических факультетах. А компетентностный подход, все еще реализуемый в рамках болонской системы, оперирующий все теми же знаниями, умениями и навыками как индикаторами сформированности будущих результатов, трудно согласуется с практико-ориентированным обучением, которое резко сужает теоретико-методологическую составляющую базового знаниевого опыта обучающегося, в котором обретается важнейшее умение – учиться. Речь идет о студенте, который пока еще не решает задачу, а знает, где и как находить ответы и возможные варианты решения. Работодатель же хочет получить молодого энергичного не только знающего специалиста, но и «с опытом работы», готового решать сложные задачи, формулируемые текущей ситуацией.

Я. А. Коменский, предложивший идею «обучать всех, всему, всесторонне», фактически провозгласил три важнейших принципа: демократизации образования, сочетания энциклопедических знаний и профессионализма, гармонизации обучения, воспитания и развития личности. Однако для реализации этих принципов преподавателю необходимо преодолеть множество дидактических трудностей.

Важно подходить с научной осторожностью к анализу и переоценке роли отечественной дидактики, а также к традиционным методам обучения и воспитания. По мнению многих западных авторитетных ученых (В. Н. Сойфера и др.), в России существует одна из лучших в мире систем естественно-математического образования, которая постоянно, хоть и не всегда успешно,

совершенствуется. В то же время гуманитарная сфера, несмотря на критику, также обладает значительным количеством ценных и специфически самобытных элементов, отражающих национальные ценности и приоритеты.

Уязвимыми в современных условиях и попытках встроиться в социально-экономических контекст трансформация сделала высшие учебные заведения, задача которых – подготовка высококвалифицированных, компетентных, конкурентоспособных специалистов, востребованных на рынке труда.

Дидактика высшей школы выступает наукой о том, как превратить знание в умение, а умение – в профессию. Современная же дидактика столкнулась в небывалыми ранее трудностями. Сегодня она сосредоточилась на главной задаче, как не потерять студента между текущим на экране слайдом и новым сообщением в телефоне, а также как удержать преподавателя от выгорания и как не дать вузу превратиться в фабрику дипломов. Современная высшая школа столкнулась сразу с рядом проблем в сфере организации обучения, его соответствия и запросам работодателей и стратегическим долгосрочными национальным интересам.

За последние пять лет российская высшая школа пережила три серьезных испытания.

Первый шок был вызван вынужденным дистантом 2020–2022 годов из-за COVID-19. Эпидемия внесла свои коррективы в процесс внедрения дистанционных технологий в образовательный процесс вузов, распространяя их на все формы (очное, очно-заочное, заочное) обучения и чрезвычайно его ускоряя. Но внедрение дистанционного обучения, получившее экстремально быстрые темпы во время пандемии, обнаружило неоднозначные итоги. С одной стороны, образование стало более доступным в крупных городах и экономически стабильных регионах, однако проявились проблемы с поддержанием заинтересованности и концентрации учащихся. К примеру, как отмечают исследователи Н. В. Балицкая, Н. А. Козырев, О. А. Козырева, в университетах, активно практиковавших онлайн-формат, удовлетворенность студентов обучением упала на 20 %, что подчеркивает необходимость улучшения данной системы [2, с. 130–142].

В другом исследовании [1, с. 144–156] анализ данных позволил судить о доступности и использовании таких цифровых образовательных ресурсов и технологий в различных регионах России. Оказалось, что существуют серьезные региональные различия в обеспеченности ресурсами и эффективности использования цифровых технологий в образовании. Особое внимание исследователи уделили такому критерию эффективности, мотивации и успеваемости студентов. Привлечение данных социологических опросов позволило выявить авторам Р. Р. Закиевой, С. Н. Рыжикову, Р. А. Сулейманову причины, мотивации к обучению студентов, а также оценить, влияние различных образовательных стратегий на обучение [5, с. 13–18], в частности, для студентов высоко значим факт использование дидактических стратегий в российской высшей школе – совместное использование интерактивных методов обучения и цифровых технологий повышают качество усвоения учебного материала.

В университетах, внедряющих цифровые инновационные методы, студенты более удовлетворены обучением и качеством образования, чем при использовании традиционных методик. В сознании обучающихся уровень образования неразрывно связан с внедрением современных инновационных подходов.

Второе испытание для российской системы образования было связано с внедрением ФГОС 3++ в 2021–2023 годах. Необходимость разработки стандартов высшего образования нового поколения была вызвана «вхождением в дружную семью европейских народов» и включением в Болонскую систему образования. Сегодня готовятся стандарты четвертого поколения [3, с. 207–213], которые будут отвечать не только современным технологическим и реалиям, но и учитывать национальные стратегические интересы государственной политики в сфере образования.

Наконец, третий шок современной системы образования – усилия педагогов высшей школы столкнулись с массовым появлением и распространением цифровых помощников, которые пишут курсовые проекты, эссе, научно-исследовательские и другие работы за студента.

Каждый шок обнажал одну и ту же проблему: классические дидактические принципы обучения – научность, наглядность, доступность и индивидуализация, систематичность и последовательность, сознательность и активность, связь теории с практикой, воспитывающее обучение [4, с. 72–80] – вступили в конфликт с когнитивной реальностью поколения, которое живет в мире переизбытка информации, мыслит клипами, оперирует категориями масштаба и скорости, комфорта и технологичности, а не полноты, глубины и обстоятельности. Современное поколение обучающихся скроллит 180 км ленты за семестр и считает 90-минутную лекцию «длинным видео».

Попытаемся выявить причины кризиса современной педагогической дидактики и обобщить факторы, на них влияющие.

Причина первая – когнитивная. В оперативной памяти современного студента удерживается меньше фрагментов информации нежели десятилетие назад [13], а чтобы запомнить последовательность событий и восстановить временные связи, мозг создает «пространственные подсказки». Исследования особенностей мышления современного обучающегося также подтверждают его клиповый характер [9], которое опирается на восприятие информации в коротких форматах, ярких образах. Это не лень и не деградация, это адаптация к среде, где информация обновляется слишком быстро. Феномен клипового мышления является закономерной адаптивной реакцией мозга на переизбыток информации, а на его формирование повлияли следующие объективные причины:

во-первых, информационная перегрузка в современном цифровом пространстве, которое пронизывает все сферы жизни человека, приводит к стремительному увеличению объема доступных сведений, который существенно превышает возможности их обработки обычными способами;

во-вторых, многозадачность, которая является сегодня частью практически любой профессиональной сре-

ды, – заставляет нас адаптироваться к одновременной работе с различными данными, их источниками и быстро переключаться между задачами;

в-третьих, нарастание темпа жизни требует сокращения времени на анализ и взвешенное принятие решений;

в-четвертых, прогресс цифровых технологий приводит к невозможности игнорировать устройства и платформы коммуникации, в том числе и профессиональной, способствующих фрагментированному восприятию информации.

Огромное значение в ряду вышеперечисленных факторов имеет конкуренция маркетологов за завоевания внимания потребителей (в том числе потребителей образовательного контента – студентов и педагогов, образовательных технологий – вузов и прочее). Внимание потенциального покупателя сегодня главный товар, а его коммерциализация мощный экономический фактор.

В связи с вышеизложенными факторами, определяющими когнитивный контекст современной педагогической дидактики в высшей школе, становится очевидным факт, что такая форма проведения занятия, как, например, академическая лекция, построенная по схеме «от простого к сложному», воспринимается как помеха. Студент не слушает преподавателя, он ищет в сети короткое сжатое видео или текст в википедии, не считая нужным критически подойти к его содержанию, потому что на это требуется время и усилия, а также сформированная привычка здорового скепсиса, особенно к информации политической, исторической, этнокультурной. Преподаватель реагирует запретами на наличие телефонов на занятии, а студент – режимом «автопрокрутка». Цикл замыкается, а принципы классической дидактики, упомянутые выше, остаются нереализованными. В итоге на семинаре мы получаем не полный стройный и логически выверенный ответ, а слышим фрагменты, основные тезисы по вопросу. В итоге дискуссии не получается и цель семинара размывается.

Причина вторая – алгоритмическая. Онлайн-платформы «Открытое образование», Stepik, Smart LMS, Moodle, iSpring, Web-Tutor, Teachbase, и др. обещают «индивидуальную траекторию» обучения [6, с. 151]. На деле же в алгоритме цифрового обучения считается определенное небольшое число последних ошибок, и система выдает то же самое, но сложнее. Искусственный интеллект и его обучающие алгоритмы не совершенны, а обучающийся студент, привыкший быстро и не критически подходить к использованию информации, получает фантастические выводы, опирающиеся на несуществующую статистику, сфабрикованные ИИ наукообразные корреляции показателей соцопросов, которые никогда не проводились, и озвучивает их на занятии, использует в проектах. Особенно опасно педагогам игнорировать в ответах обучающихся данные, полученные с помощью ИИ и не отрефлексированные сознанием студента, в гуманитарном знании, где всплывает информация, заимствованная из экстремистских сайтов, сайтов организаций, признанных иноагентами в Российской Федерации.

В итоге традиционные подходы сегодня оказываются излишне теоретизированы и уводят от актуальных за-

дач обучения, имеющих практическую направленность, потребность в которой ускоряется запросами рынка труда. А алгоритмические механизмы машинного обучения технически не совершенны, а иногда беспомощны без участия специалиста, например в тех областях, где требуется глубокие знания и интерпретация полученных результатов. Помимо этого, равенство возможностей (технических, финансовых, технологических) как для студентов, так и для вузов обучения имеются не во всех регионах, а во многих из них элементарные операции в рамках дистанционного обучения завязят даже от скорости передачи данных в сети Интернет.

Причина третья – нормативная. Перманентная трансформация системы высшего образования в России идет на протяжении уже почти тридцати лет, порождая проблемы для дидактики высшего образования. Опережающее внедрение ФГОС ВО в образовательный процесс без достаточной дидактической проверки образовательных решений привело к тому, что образовательные стандарты постоянно редактируются по своей структуре результатам освоения и кадровым, финансовым и материально-техническим условиям реализации основных образовательных программ. Это не способствует повышению качества подготовки специалистов, вынуждая преподавателей работать «методом проб и ошибок», плодить бесчисленное множество документов и не успевая перестраиваться под очередные требования. Если мы хотим организационного порядка изучения образовательных программ, относительной содержательной полноты и дидактической адекватности, нам требуется переосмыслить ситуацию и сформировать новые дидактические правила, новые учебники на базе информационно-коммуникационных технологий, определить новые качества преподавателей и студентов, сформировать новые условия реализации учебного процесса в виртуальных средах и т. п. Эффективное функционирование системы высшего образования в сложившихся условиях необходимо поддерживать своевременными и адекватными дидактическими решениями, развивающими теорию и практику обучения в вузе.

Причина четвертая – кадровая. По мнению исследователей Т. Н. Лебедевой, Л. С. Носовой [10, с. 9–13], ведущей причиной нехватки специалистов в сфере высшего образования, активно и эффективно применяющих цифровые технологии, является их несоответствие требованиям работодателей, как по количественным, так и по качественным показателям. Рынок производства и услуг в целом по ряду показателей опережает подготовку кадров, владеющих новыми цифровыми технологиями. Особенно не хватает кадров, соответствующих качественным показателям, отражающим потребности рынка [8, с. 87–89]. На сегодняшний день потребность образования в высококвалифицированных в ИТ-сфере кадрах не удовлетворена. ИТ-технологии развиваются настолько быстро, что вузы не успевают готовить специалистов, которые могли бы покрыть этот спрос. Как считают Н. А. Полянская, А. Е. Шамин, эти проблемы связаны с большим стремлением российского ИТ-образования к фундаментальности, чем к прикладной направленно-

сти [12, с. 107–118]. Программы дополнительного образования и переподготовки педагогического состава часто существенно не улучшили ситуацию, а обучение зачастую перегруженных документооборотом, подверженных профессиональному выгоранию в стремлении поспеть за новыми требованиями педагогов остается формальным и не приносит нужных результатов.

Следствия складываются в систему. Знание перестает быть системным, а компетенции не способствуют формированию профессионала в современном формате. Преподаватель перестает быть наставником: он становится модератором чата контроллером. Вуз сегодня не дает возможности воспользоваться социальным лифтом выпускникам, ведь разница в их стартовой зарплате в Москве и Барнауле существенно отличаются.

Но кризис – это всегда точка бифуркации. Российская высшая школа обладает уникальным теоретическим капиталом: культурно-историческая концепция Л. С. Выготского, компетентностный подход В. А. Сластенина, эвристическая дидактика А. В. Хуторского.

Рассмотрим некоторые перспективные направления дидактических исследований в высшей школе, возникающие в связи с необходимостью совершенствования процесса обучения и приведения его в соответствие с требованиями времени. Анализ актуальной литературы выявил ряд проблем в сфере высшего образования и дидактики, в частности, которые требуют неотложного решения.

Одной из главных решений является поиск баланса между традиционными и инновационными подходами к обучению [7, с. 164–176]. Это вытекает из тех причин, которые мы рассмотрели выше. Решение этой проблемы сложнее, чем кажется на первый взгляд. С одной стороны, традиционные методы обучения как показывает практика, надежные и основательные, они обеспечивают качественное усвоение знаний. В то же время поворот к инновационным моделям – это не дань моде сегодня, а необходимость поспеть за рынком, за работодателем, а значит скомплементировать продукт обучения – выпускника и работодателя – «потребителя» подготовленных кадров. Инновационные методы своей интерактивностью мотивируют студентов к активному участию, повышают эффективность усвоения информации и обогащают образовательный опыт. Баланс традиционных и инновационных методов обучения осуществляется также за счет разработки, внедрения и использования учебных тренажеров, треков, видеоконтента, встроенного в цифровую образовательную среду с интерактивными возможностями и сроками выполнения шагов и этапов. Используемые в них традиционные методы: работа с наглядными пособиями, видео- и аудиоматериалами позволяет создать контент, при этом инновационные методы – чаще всего решение кейсов – способствуют развитию практических навыков.

Вторым решением может быть создание иммерсивных условий обучения. Они способствуют выполнению студентами квазипрофессиональной деятельности, что является важным в формировании субъектного профессионального опыта будущих специалистов и в фор-

мировании их конкурентоспособности. Эффективным решением здесь выступает разработка и внедрение в образовательный процесс VR- и AR-технологий, так называемых симуляций. Исследователи А. А. Муравьева, О. Н. Олейникова [11] отмечают эффективность этого подхода с учетом погружения в VR-среду современной молодежи. AR-технологии, дополняя образовательную среду придают ей интерактивный характер. Они формируют профессиональный опыт без риска последствий для результата профессиональной деятельности. Использование коммуникативного VR-тренажера в Самарском медицинском университете при изучении гуманитарных дисциплин способствовало развитию у студентов коммуникативных навыков.

Третьим решением может выступать согласование содержания опыта работы действующих в рамках традиционного подхода преподавателей и возможностей цифровых технологий. Это расширяет возможности образовательного процесса в формировании как общекультурных, так и профессиональных компетенций. Использование реверсивного наставничества – один из таких путей. Объединение разных поколений для обмена опытом посредством проведения тренингов, участия в общих проектах, реализации менторских программ будет способствовать одновременно развитию профессионально личностных качеств молодых сотрудников и переосмыслению субъектного профессионального опыта старших сотрудников. При этом важно пересмотреть образовательные программы педагогических вузов. Они должны предусматривать формирование профессиональных компетенций как в педагогической сфере, так и в сфере IT-технологий.

Еще одним решением можно назвать внедрение систем электронного документооборота, созданных для более быстрого и качественного оформления, но при этом ликвидацию бумажного, исключая дублирование.

Более конкретными можно назвать следующие решения, которые подстраивают педагогические решения под современные реалии, в которых живет молодежь. К ним можно отнести введение микрокомпетенций объемом до шести зачетных единиц с учетом профилизации и прикладной составляющей будущего специалиста, в которых усвоение выше и знание более конкретное, не теоретизированное. Создание цифрового портфолио для вузов, готовящих представителей творческих профессий. Региональные облачные хабы могут быть использованы вне зависимости от профиля подготовки специалистов. Такие комплексные решения интегрируются в единую цифровую образовательную среду и наряду с традиционными библиотечно-справочными ресурсами создают интерактивные возможности для использования актуального здесь и сейчас контента. Например, сибирские вузы делят на всех одну лицензию MATLAB. В такой единой среде можно работать на языке инженерных расчетов, графических приложений, а также профессиональных расширений системы и ее адаптации под решение определенных классов математических и научно-технических задач.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать необходимость обратить внимание на необходи-

мость создания условий для решения сложившихся проблем. Теоретическое наследие отечественной педагогики и ее современные кадры в рамках культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, дают зону ближайшего развития, компетентностный подход В. А. Сластенина – карту умений, эвристическая дидактика А. В. Хуторского – пространство для открытия. Нейронаука добавляет мотивации, а цифровые инструменты скорость обучения.

Дидактика высшей школы становится наукой о том, как учиться всю жизнь, не сгорая и не теряя себя. Гибридная модель с гибким сочетанием традиционных подходов и цифрового формата обучения сегодня – это не эксперимент, а готовый прототип университета будущего, где преподаватель правит смыслом, студент защищает ценность, а помощники пишут черновики.

Список источников

1. Антоненко Н. А., Асаева Т. А., Тихонова О. В., Гречушкина Н. В. Кастомизированный подход к реализации образовательных программ при подготовке инженерных кадров // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 144–156. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-144-156>.
2. Балицкая Н. В., Козырев Н. А., Козырева О. А. Теоретизация успешности продуктивного становления личности в системе непрерывного образования // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 3 (78). С. 130–142.
3. Борзунов И. В. Калицкая В. В., Степанова Л. А. Изменения ФГОС как часть государственного регулирования деятельностью учреждения высшего образования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12. Ч. 2. С. 207–213. URL: <https://vaael.ru/article/view?id=3156> (дата обращения: 22.11.2025). DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3156>.
4. Васильева В. Д., Петрунева Р. М., Беришева Е. Д. Классические дидактические принципы и электронные обучающие среды // Primo Aspectu. 2021. № 1. С. 72–80. URL: <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2021-1-45-72-80>.
5. Закиева Р. Р., Рыжиков С. Н., Сулейманов Р. А. Реальный проект: взаимодействие профессионального образования с рынком труда // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 1. С. 13–18.
6. Елтунова И. Б., Нестеров А. С. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в образовании // Современное педагогическое образование. 2021. № 11. С. 151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii> (дата обращения: 23.11.2025).
7. Иванова С. В., Азархин А. В. Проблемы высшего образования в период трансформации общества и пути их решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 6. С. 164–176. URL: <https://e-koncept.ru/2025/251111.htm>. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11111.
8. Климова Ю. О. Проблемы подготовки кадров в сфере информационных технологий // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 87–89. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-podgotovki-kadrov-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 23.11.2025).

9. Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-fenomen-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 22.11.2025).

10. Лебедева Т. Н., Носова Л. С. Проблемы и перспективы подготовки ИТ-специалистов в России // Управление в современных системах. 2016. № 4 (11). С. 9–13.

11. Муравьева А. А., Олейникова О. Н. Иммерсивное обучение – технология будущего или временное увлечение? // КПЖ. 2023. № 1 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnoe-obuchenie-tehnologiya-buduschego-ili-vremennoe-uvlechenie> (дата обращения: 23.11.2025).

12. Полянская Н. А., Шамин А. Е. Актуальные проблемы подготовки кадров для ИТ-сектора Нижегородской области // Вестник НГИЭИ. 2014. № 9 (40). С. 107–118.

13. «В НИУ ВШЭ изучили рабочую память и узнали, что время дорого обходится мозгу» // Naked Science. URL: <https://naked-science.ru/article/column/izuchili-rabochuyu-pamyat>.

References

1. Antonenko N. A., Asaeva T. A., Tikhonova O. V., Grechushkina N. V. A Customized Approach to the Implementation of Educational Programs in the Training of Engineering Personnel // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29. No. 5. P. 144–156. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-144-156>.

2. Balitskaya N. V., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Theorizing the Success of Productive Personal Development in the System of Continuous Education // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2020. No. 3 (78). P. 130–142.

3. Borzunov I. V., Kalitskaya V. V., Stepanova L. A. Changes in the Federal State Educational Standard as Part of State Regulation of the Activities of Higher Education Institutions // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 12. Part 2. P. 207–213. URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=3156> (accessed: 22.11.2025). DOI: <https://doi.org/10.17513/vael.3156>.

4. Vasilyeva V. D., Petrunova R. M., Berisheva E. D. Classical Didactic Principles and Electronic Learning Environments // Primo Aspectu. 2021. No. 1. P. 72–80. URL: <https://doi.org/10.17513/vael.3156>. org/10.35211/2500-2635-2021-1-45-72-80.

5. Zakieva R. R., Ryzhikov S. N., Suleimanov R. A. Real Project: Interaction of Professional Education with the Labor Market // Innovative Projects and Programs in Education. 2020. No. 1. P. 13–18.

6. Eltunova I. B., Nesterov A. S. Using Artificial Intelligence Algorithms in Education // Modern Pedagogical Education. 2021. No. 11. P. 151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii> (date of access: 23.11.2025).

7. Ivanova S. V., Azarhin A. V. Problems of Higher Education in the Period of Social Transformation and Ways to Solve Them // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». 2025. No. 6. P. 164–176. URL: <https://e-koncept.ru/2025/251111.htm>. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11111.

8. Klimova Yu. O. Problems of Training Personnel in the Sphere of Information Technology // Problems of Territorial Development. 2020. No. 6 (110). P. 87–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-podgotovki-kadrov-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy> (date of access: 23.11.2025).

9. Kupchinskaya M. A., Yudalevich N. V. Clip thinking as a phenomenon of modern society // Business education in the knowledge economy. 2019. No. 3 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-fenomen-sovremennogo-obschestva> (date of access: 22.11.2025).

10. Lebedeva T. N., Nosova L. S. Problems and prospects of training IT specialists in Russia // Management in modern systems. 2016. No. 4 (11). P. 9–13.

11. Muravyova A. A., Oleynikova O. N. Immersive learning – technology of the future or a temporary fad? // KPZh. 2023. No. 1 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnoe-obuchenie-tehnologiya-buduschego-ili-vremennoe-uvlechenie> (date of access: 23.11.2025).

12. Polyanskaya N. A., Shamin A. E. Actual problems of personnel training for the IT sector of the Nizhny Novgorod region // Vestnik NGIEI. 2014. No. 9 (40). P. 107–118.

13. «At the National Research University Higher School of Economics, they studied working memory and found that time is expensive for the brain» // Naked Science. URL: <https://naked-science.ru/article/column/izuchili-rabochuyu-pamyat>.

Информация об авторе

Н. В. Николаева – заместитель начальника кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

N. V. Nikolaeva – Deputy Head of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 37; ББК 74

EDN: <https://elibrary.ru/mhoqus>

ИИОН: 2018-0077-1/26-727

MOSURED: 77/27-024-2026-01-926

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Компонентный и функциональный анализ термина «образование» на примере книги Гёте «Поэзия и правда»

Елена Николаевна Полунина¹, Надежда Николаевна Марьина²

¹ Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, moiseewa83@list.ru

² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, nadezhda.marina.2016@mail.ru

Аннотация. Проводится контент-анализ термина «образование» на примере автобиографического сочинения Иоганна Вольфганга фон Гёте «Поэзия и правда». Рассматривается содержание автобиографической работы. Исследуется употребление термина в автобиографии. Рассматривается понятие индивидуальности дефиниции в конкретном историческом случае, а также смысловое превращение понятия во времени.

Ключевые слова: педагогика, образование, концепция образования

Для цитирования: Полунина Е. Н., Марьина Н. Н. Компонентный и функциональный анализ термина «образование» на примере книги Гёте «Поэзия и правда» // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 170–173. EDN: MHOQUS.

Original article

A componential and functional analysis of the term «education» using Goethe's «Poetry and Truth» as an example

Elena N. Polunina¹, Nadezhda N. Maryina²

¹ Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia, moiseewa83@list.ru

² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, nadezhda.marina.2016@mail.ru

Abstract. This paper provides a content analysis of the term «education» based on the example of Johann Wolfgang von Goethe's autobiographical work «Poetry and Truth». The content of the autobiographical work is considered. The usage of the term in the autobiography is investigated. The concept of individuality of definition in a specific historical case is considered, as well as the semantic transformation of the concept in time.

Keywords: pedagogy, education, the concept of education

For citation: Polunina E. N., Maryina N. N. A componential and functional analysis of the term «education» using Goethe's «Poetry and Truth» as an example. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):170–173. (In Russ.). EDN: MHOQUS.

В различные исторические периоды педагогика и педагогическая наука всесторонне обсуждались, анализировались и, как на Западе, так и на Востоке, критиковались и восхвалялись в мемуарах тех, кто был вовлечен в процесс, в анализах бесчисленных наблюдателей. Однако в значительной степени отсутствовала критика и самокритика, в том числе, в апологии тех, кто был вовлечен в процесс. История

научной педагогики еще вершится, поэтому исторически критическое рассмотрение ее образов еще не завершено. Существуют очень разные повествования о научной педагогике и конкретно о понимании дефиниции «образование».

В настоящее время термин «образование» имеет многозначную интерпретацию. И в этом мы сможем убедиться, проведя анализ вышеуказанного понятия

на примере автобиографического сочинения Иоганна Вольфганга фон Гёте «Поэзия и правда».

Уже более 150 лет имя Гёте является «символом образования» [1, с. 68]. Многократные исправления образа Гёте не смогли этого изменить, как и растущая неопределенность в отношении того, что на самом деле означает термин «образование». Историки, социологи, педагоги и литературоведы неоднократно пытались понять этот термин. Одним из результатов этих попыток стало странное наблюдение: чем точнее пытались понять этот термин, тем больше он ускользал от конкретного доступа и точного определения. Кто-то искал наименьший общий знаменатель различных употреблений, нанизывал отдельные концепции образования или подходил к истории употребления с дискурс-аналитическим инвентарем. Все это позволило многое понять, но не смогло объяснить парадокс неясности и одновременной интерпретационной силы понятия «образование».

Ситуация с исследованием концепции образования Гёте представляет собой аналогичную картину. Концепция образования является важнейшей для поэта и натуралиста. Сложно ответить на вопрос, что именно представляет собой концепция образования Гёте, несмотря на всю ее кажущуюся самоочевидность, а также определить, какое влияние она оказывает на его творчество.

Помимо трудов по естествознанию, долгое время для интерпретации концепции образования использовались почти исключительно беллетристические произведения, например второй по счету и самый длинный роман Иоганна Вольфганга Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Однако именно статус беллетристики делает здесь анализ особенно трудным, если не принимать ролевую прозу за прямое высказывание поэта, как это часто бывает. Упомянутое выше приравнивание Гёте и образования – не только результат его поэтического творчества. Долгое время Гёте-человек считался не менее образцовым или, по крайней мере, не менее достойным обсуждения, чем поэт. Было известно, что совершенное гармоническое «образование» было «основной идеей и движущей силой всей его жизни» [2, с. 5]. Откуда это было известно? Гёте сам убедился в этом в многочисленных автобиографических записях.

Это можно воспринимать как самодраматизацию, но это не отменяет вопроса о том, почему этот образ себя был так важен для Гёте и почему его восприятие, начиная с современников, было столь успешным. Автобиографическая работа обширна. Она включает в себя издания писем, такие как переписка с Шиллером и Зельтером, комбинации писем и дневников, такие как *«Итальянское путешествие»*, отчеты, такие как *Tag- und Jahreshefte*, проекты журналов по естественной истории с автобиографическим характером. «Поэзия и правда» занимают центральное место в книге [3]. Сам размер книги выделяет ее сре-

ди иных трудов поэта. В то время как большинство других работ состоят из уже имеющихся материалов, 900 страниц биографии с самого начала задумывались как самостоятельное произведение. Более того, в ней изображены детство и юность Гёте – период, который имеет большое значение для любой формы развития мышления. Поэтому очевидно, что для ответа на поставленные выше вопросы необходимо сосредоточиться на этой биографии.

Для того чтобы адекватно отразить интерпретационную силу понятия «образование», предлагается новый метод – историко-функциональный концептуальный анализ. В его основе лежит тезис о том, что термины – это ментальные репрезентации, которые не представляют собой фундаментально неопределенные или четко определенные единицы, а скорее сети семантических признаков, которые актуализируются в различных конфигурациях при использовании конкретного термина. Таким образом, концепты объединяют компоненты. Сами компоненты, в свою очередь, представляют собой термины современной семантики. Более того, предлагаемая процедура предполагает, что изменение терминов может быть объяснено в определениях эволюционной теории.

Выделяются два фактора, каждый из которых можно назвать средой термина. Во-первых, история термина зависит от компонентов, с которыми он объединен в сеть. Изменения в этих семантических элементах всегда будут влиять на сфокусированный термин, так же как изменения в использовании термина будут влиять на сетевые семантические элементы. Взаимосвязь термина с его «терминологическим окружением» определяется с помощью анализа семантических компонентов. Во-вторых, история термина определяется проблемами жизненного мира людей, которые его используют. В этом случае актуальность определения зависит от его способности решать общественные проблемы. Таким образом, концепт соотносится с социальной средой через свои функции.

Предлагаемая процедура предполагает внимательное прочтение и анализ автобиографии Гёте «Поэзия и правда». Начиная с прояснения методологических основ и предварительного определения соответствующих компонентов понятия «образование» в тексте, анализируются два концепта или концептуальные области. А именно рассматривается понятие индивидуальности дефиниции в конкретном историческом случае, а также смысловое превращение понятия во времени. Затем следует анализ употребления термина в автобиографии: во-первых, название произведения и его значение для понимания цели и стратегии репрезентации; во-вторых, повествовательная нить, описывающая религиозное развитие Гёте. Текстуальный анализ по концептуальным составляющим, а также рассмотрение сложных употреблений

показывает, что биография во многом определяется концептом образования. Концептуально-аналитический метод доказывает свою пригодность именно благодаря высокому разрешению, с которым можно получить доступ к тексту.

Анализ автобиографии приводит нас к выводу, что высказывание «Она имеет образование» в XVIII веке означало нечто иное, чем «У нее прекрасное образование». Даже простое рассмотрение того, как автор использует слово «Bildung», показывает это запутанное разнообразие.

Гёте говорит об «образованных людях, стремящихся к образованию»: «Человек может воспитывать себя, даже если он уже образован» [4, с. 38]. Согласно этому, образование должно быть целью, задачей, но в чем она состоит, кто является действующим субъектом и кто объектом образования? Задача не совсем ясна. В тексте говорится о воспитании вкуса, о воспитании сердца, о нравственном воспитании. Субъект воспитания так же запутан.

Гёте говорит о воспитании самого себя. Согласно этому, субъект и объект должны быть идентичны. Однако он также говорит о «воспитании себя друг с другом» или о «воспитании кого-то». Является ли это деятельностью, направленной на людей со стороны людей? Вовсе нет, поскольку очевидно, что «изучение греческой и римской литературы, французских книг или актерского искусства также может воспитывать».

Объектом воспитания не обязательно должен быть человек, ведь Гёте говорит также об образовании кристаллов или о формировании типа гор. В этих разнообразных словоупотреблениях становится очевидным, еще без разнообразия, возникающего в лингвистических и прагматических контекстах, что лежащий в основе термин «Bildung» является чрезвычайно размытым и неоднозначным, но в то же время универсальным и гибким. Он, как и другие термины, одновременно статичен и динамичен, что уже описал Гёте: «Поэтому наш язык склонен использовать словообразование достаточно уместно как для обозначения того, что производится, так и того, что производится». Поэтому образование может обозначать как процесс, так и конечный продукт процесса.

Концепция образования также характеризуется тем, что она имеет описательную и предписывающую стороны. Как антропологический или научный термин «образование» служит для описания изменений и становления, а также для обозначения того, что появилось. В то же время, однако, образование, в основном в образовательных контекстах, обозначает путь, который нужно выбрать, и цель изменений, к которой нужно стремиться. Таким образом, этот термин является одновременно расплывчатым и сложным.

Это подкрепляется отношениями между словом и понятием. Использование слова варьируется от чет-

ко определенного терминологического употребления до бессмысленного, крайне ассоциативного. Оно относится к понятию образования, но может иметь и другие значения. С другой стороны, в текстах XVIII века часто можно встретить фигуры мысли, которые в других местах упоминаются со словом «образование».

Так, можно описать расплывчатый образный комплекс, который обозначается, в частности, словами «Bildung» и «gebildet», но в истории этого понятия другие слова также обозначали этот комплекс или его части. На самом деле слово «образование» в конкретном употреблении часто также относится только к частям общего комплекса. Только контекст позволяет понять, какие именно части актуализируются. Поэтому следует различать слово и понятие «образование». Первое является двусмысленным. Один из вариантов значения служит для обозначения термина. Термин, в свою очередь, чрезвычайно сложен и многослоен. Не все случаи употребления слова относятся к термину. С другой стороны, термин используется гораздо шире, чем можно было бы предположить, исходя из простой истории слова. В произведении под «Bildung» подразумевается термин, то есть совокупность мыслительных фигур, который был сформулирован около 1800 года. Слово «Bildung» существовало уже до этого, понятие, которое здесь рассматривается, появилось только в последней трети XVIII века.

Неоднозначность слова и сложность понятия также отражаются в разнообразии исследовательских работ немецких ученых. Основную часть исследований составляют работы по истории концептов. Их ряд начинается с анализа Вейля в 1930 году и диссертации Ильзы Шааршмидт в 1931 году и продолжается до работы Георга Болленбека в 1994 году [5, с. 15; 6, с. 95–111].

Другая часть обширной исследовательской литературы, посвященной концепции образования, определяется интересом педагогики к подтверждению одного из своих центральных понятий или к его окончательной историзации. Третья исследовательская традиция, к которой опять-таки относятся Вайль и Болленбек, а также Фидлер и Ассманн, подходит к понятию с помощью социологических или социально-исторических инструментов. Определение и обсуждение жанра всегда оказывало влияние на обсуждение концепции образования. Сосредоточившись на вымышленных текстах, сложность объекта исследования автоматически возрастала. При этом проблемы, возникающие при анализе концепции образования, смешивались с проблемами анализа художественной литературы. Поэтому, наверное, неудивительно, что исследования немецких ученых, посвященные концепции образования Гёте, практически не нашли своего отражения в работах по истории концепций.

Компонентный и функциональный анализ термина «образование» на примере книги Гёте «Поэзия и правда» позволяет сделать вывод о том, что образование – это ментальная схема, которая придает последовательность и, следовательно, смысл течению жизни. Течение жизни больше не получает смысл от надиндивидуального, общеобязательного шаблона, но все больше и больше индивидов вынуждены генерировать свой собственный шаблон смысла с помощью абстрактной концепции образования. Концепция образования оказывается центральным элементом общекультурной социализации благодаря гибкому объединению важных современных концепций и обилию функций.

Слово «образование» даже на поверхностный взгляд оказывается многозначным. Следовательно, можно говорить о «курсе образования» человека, но также и о «пути образования».

Список источников

1. Шааршмидт Э. Изменение значения слов «формировать» и «образование» в эпоху просвещения от Готшета до Гердера / В. Клапки // Вклад в историю Образовательный термин. Вайнхайм, 1965. 68 с.
2. Хеттнер Г. История литературы эпохи Гете. Мюнхен, 1970. 580 с.
3. Гёте И. В. Собрание сочинений в десяти томах. Из моей жизни: Поэзия и правда. М. : Художественная литература, 1978. Т. 3. 526 с.

4. Вайль Г. Возникновение немецкого образовательного принципа. Бонн, 1930. С. 95–111.

5. Сен Ф. П. Изменения идеала образования в их взаимосвязи с социальным развитием // Переговоры десятого евангелическо-социального конгресса, проведенные по Киль 25 и 26 мая 1899 года. Геттинген, 1899. 120 с.

6. Штейнер Р. Мировоззрение Гёте. СПб. : Деметра, 2011. 192 с.

References

1. Schaarshmidt E. The Changing Meaning of the Words «To Form» and «Education» in the Age of Enlightenment from Gottsched to Herder / V. Klafki // Contribution to History: The Educational Term. Weinheim, 1965. 68 p.
2. Hettner G. History of Literature in Goethe's Time. Munich, 1970. 580 p.
3. Goethe I. V. Collected Works in Ten Volumes. From My Life: Poetry and Truth. Moscow : Khudozhestvennaya Literatura, 1978. Vol. 3. 526 p.
4. Weil G. The Emergence of the German Educational Principle. Bonn, 1930. P. 95–111.
5. Sen F. P. Changes in the Ideal of Education in Their Relationship with Social Development / Negotiations of the Tenth Evangelical Social Congress, held in Kiel on May 25 and 26, 1899. Göttingen, 1899. 120 p.
6. Steiner R. Goethe's Worldview. St. Petersburg : Demetra, 2011. 192 p.

Информация об авторах

Е. Н. Полунина – заместитель начальника кафедры общеправовых дисциплин;

Н. Н. Марьина – заместитель начальника кафедры специальных дисциплин, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. N. Polunina – Deputy Head of the Department of General Legal Disciplines;

N. N. Maryina – Deputy Head of the Department of Special Disciplines, a Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 377

EDN: <https://elibrary.ru/jmkncy>

ИИОН: 2018-0077-1/26-728

MOSURED: 77/27-024-2026-01-927

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Перспективы и вызовы при интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения: влияние на качество подготовки кадров

Ирина Александровна Ржаницына

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, irina-Makharinova@mail.ru

Аннотация. В настоящее время человечество переживает беспрецедентный период развития. Появление цифровых технологий, способных качественно изменить жизнь во всех ее сферах, влечет изменения и в образовательном процессе.

Профессиональная подготовка кадров, обладающих современными знаниями, навыками и гибкостью мышления, становится не просто задачей системы образования, а условием устойчивого развития государства, его технологического суверенитета и конкурентоспособности на мировой арене, что обуславливает актуальность анализа перспектив использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: подготовка кадров, учебный процесс, образовательные технологии, сеть Интернет, искусственный интеллект

Для цитирования: Ржаницына И. А. Перспективы и вызовы при интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения: влияние на качество подготовки кадров // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 174–176. EDN: JMKNCY.

Original article

Prospects and challenges for integrating artificial intelligence into the educational process: impact on the quality of personnel training

Irina A. Rzhantsyna

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, irina-Makharinova@mail.ru

Abstract. Humanity is currently experiencing an unprecedented period of development. The emergence of digital technologies capable of fundamentally changing life in all spheres is also bringing about changes in the educational process.

Professional training of personnel possessing modern knowledge, skills, and flexible thinking is becoming not just a task for the education system, but a prerequisite for the sustainable development of the state, its technological sovereignty, and competitiveness on the global stage, which makes it relevant to analyze the prospects for the use of artificial intelligence.

Keywords: personnel training, educational process, educational technologies, internet, artificial intelligence

For citation: Rzhantsyna I. A. Prospects and challenges for integrating artificial intelligence into the educational process: impact on the quality of personnel training. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):174–176. (In Russ.). EDN: JMKNCY.

Современное общество переживает трансформацию, сопоставимую с промышленными революциями прошлых столетий. Мы наблюдаем стремительное развитие цифровых технологий, проникающих во все сферы жизни – от экономики до медицины, от государственного управления до социальной сферы. Особую роль в этих процессах играет искусственный интеллект – технология, способная кардинально изменить методы работы с информацией, принятия решений и взаимодействия между человеком и машиной. На фоне этих процессов качественная подготовка кадров, обладающих современными

знаниями, навыками и гибкостью мышления, становится не просто задачей системы образования, а условием устойчивого развития государства, его технологического суверенитета и конкурентоспособности на мировой арене. Именно поэтому анализ потенциала искусственного интеллекта как инструмента повышения эффективности образования становится сегодня научной и практической необходимостью.

Прежде всего необходимо определить, что следует понимать под искусственным интеллектом в образовательной среде. Речь идет о системах, способных к обра-

ботке больших объемов информации, обучению на основе данных, принятию решений и адаптации под различные условия. В образовании это выражается в таких формах, как интеллектуальные обучающие системы, адаптивные платформы, автоматическое тестирование, а также виртуальные ассистенты и цифровые помощники.

В настоящее время искусственный интеллект стал неотъемлемой частью образовательного процесса, затрагивая миллионы учащихся и преподавателей по всему миру. Значительная доля образовательных организаций активно применяет генеративные модели искусственного интеллекта.

Эволюция искусственного интеллекта в образовании прошла путь от простых автоматизированных систем до сложных адаптивных платформ. Искусственный интеллект способен революционизировать процесс обучения, повышая его эффективность, но только при условии осознанного подхода к преодолению сопутствующих вызовов, которые напрямую влияют на качество подготовки специалистов.

Перспективы интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения. Прежде всего речь идет об индивидуализации образовательного процесса. ИИ позволяет формировать уникальные траектории обучения, учитывать предыдущий опыт, уровень мотивации, тип мышления и эмоциональное состояние обучающегося. Это особенно важно при работе с учащимися, испытывающими трудности в традиционной системе – например, с особыми образовательными потребностями.

Второй значимый аспект – повышение доступности образования. Благодаря интеллектуальным системам обучение становится возможным в любом месте и в любое время. Это расширяет границы образовательного пространства, снижает барьеры для участия в образовательных программах, в том числе для жителей отдаленных территорий, людей с ограничениями по здоровью или занятых на производстве.

Третье преимущество – повышение мотивации обучающихся. Интерактивные формы взаимодействия, элементы геймификации, обратная связь в реальном времени создают более вовлекающую образовательную среду, способствующую активному включению в процесс познания.

Не менее важно и то, что ИИ способен значительно облегчить работу педагога, автоматизируя рутинные функции: проверку тестов, ведение документации, анализ статистики успеваемости. Это высвобождает ресурсы для творческой, методической и воспитательной деятельности преподавателя, позволяя ему сосредоточиться на содержании и качестве преподавания.

Вместе с тем стоит отметить возможность формирования так называемых цифровых следов обучающихся. Системы ИИ фиксируют огромное количество параметров учебной активности – от времени, затраченного на изучение темы, до стиля взаимодействия с материалом. Этот массив данных позволяет не только точно диагностировать пробелы, но и прогнозировать дальнейшее развитие обучающегося, формировать рекомендации по корректровке программы обучения.

Иммерсивные технологии, интегрированные с искусственным интеллектом, включая виртуальную и дополненную реальность, создают интерактивные среды для ви-

зуализации сложных концепций, делая обучение более увлекательным и эффективным.

Вызовы интеграции искусственного интеллекта.

Однако столь значительный потенциал не может быть реализован в отрыве от понимания сопряженных с этим процессов вызовов и рисков.

Один из главных вызовов – это недостаточная готовность педагогического сообщества к работе с новыми технологиями. Большая часть преподавателей не имеет необходимой цифровой подготовки, методических материалов и организационной поддержки для внедрения ИИ в свою практику.

Второй аспект – этические и правовые проблемы. В условиях обработки больших объемов персональных данных возникает вопрос: кто и как регулирует сбор, хранение и использование информации об обучающихся? Насколько прозрачны алгоритмы принятия решений? Кто несет ответственность в случае ошибок системы?

Третье – риск утраты живого педагогического взаимодействия. Прямой контакт между преподавателем и обучающимся остается важнейшим элементом образовательного процесса, особенно в гуманитарной и социальной сферах. Подмена человеческого общения цифровыми посредниками может ослабить формирование критического мышления, социальная ответственность: учащиеся, полагающиеся на генеративные инструменты для создания текстов, рискуют утратить навыки самостоятельного анализа и синтеза информации.

Влияние на качество подготовки кадров. На данном этапе важно проанализировать, как именно интеграция искусственного интеллекта влияет на конечную цель образовательной системы – подготовку компетентных, конкурентоспособных специалистов. Положительные эффекты включают улучшение академических результатов, повышение вовлеченности и развитие навыков, необходимых для современного рынка труда. В ближайшие несколько лет ожидается значительное изменение структуры профессиональных компетенций под влиянием искусственного интеллекта, и образование должно адаптироваться, ускоряя переподготовку в профессиональных областях.

В то же время нельзя игнорировать потенциальные риски. Например, чрезмерная алгоритмизация обучения может привести к формализации процесса, снижению роли творчества и самостоятельного поиска. Если студента ведет исключительно цифровой алгоритм, его критическое мышление и способность к рефлексии могут не получить необходимой степени развития.

Вместе с тем возникает необходимость пересмотра самой модели выпускника. Современный специалист должен не только владеть знаниями в своей профессиональной области, но и уметь работать с ИИ, взаимодействовать с цифровыми системами, критически оценивать данные, принимать ответственные решения в условиях неопределенности. Это требует от системы образования гибкости, мобильности и готовности к постоянному обновлению.

Рекомендации и перспективы. Для максимизации преимуществ необходимо обозначить возможные пути преодоления рисков и обеспечения устойчивого внедрения ИИ в образовательную систему.

Во-первых, необходимо системное повышение цифровой грамотности преподавателей всех уровней – от школы до вуза. Это предполагает организацию курсов повышения квалификации, интеграцию цифровых компетенций в программы педагогического образования [1].

Во-вторых, должна быть разработана нормативная правовая база, регулирующая применение ИИ в образовании. Это касается защиты данных, прозрачности алгоритмов, принципов этичного использования технологий, предотвращения дискриминации и манипуляций [3; 4].

В-третьих, важно поддерживать разработку научно обоснованных методик применения ИИ. Это должно быть не стихийное внедрение технологий, а процесс, основанный на результатах педагогических, психологических, социологических и технических исследований [2].

Не менее важным является государственное участие: на уровне образовательной политики должны поддерживаться инициативы по цифровизации, создаваться условия для инфраструктурного развития, в том числе в регионах, обеспечиваться доступность технологий для всех категорий граждан.

Необходимо поддерживать и гуманистическую направленность образования: технологии должны усиливать, а не подменять личностные аспекты воспитания и образования.

Заключение. Интеграция искусственного интеллекта в систему образования представляет собой не просто внедрение технологических решений в учебный процесс, а глубокую трансформацию самой природы образовательной деятельности. Речь идет о переходе от традиционной модели передачи знаний к новой парадигме, основанной на анализе больших данных, адаптивности, интерактивности и персонализации обучения.

Искусственный интеллект способен выступать мощным инструментом повышения эффективности образовательного процесса. Он открывает широкие возможности для индивидуализации обучения, повышения доступности качественного образования, совершенствования методов оценки знаний и сопровождения обучающегося на всех этапах его образовательного маршрута. Все это, безусловно, способствует формированию более гибкой, современной и конкурентоспособной модели подготовки кадров, отвечающей вызовам времени.

Важнейшая задача научного и педагогического сообщества сегодня – обеспечить разумное, научно обоснованное и этически выверенное внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду. Это требует комплексного подхода: сочетания технической модернизации, педагогических инноваций, нормативного регулирования, а также развития исследовательской и методической базы.

Таким образом, интеграция ИИ в образование – это не просто технологический выбор, а стратегическое на-

правление развития всей образовательной системы. Оно должно быть направлено не только на повышение формальных показателей, но и на качественное изменение подготовки кадров: на развитие способности к самообучению, к принятию решений в условиях неопределенности, к взаимодействию с цифровыми и гибридными средами. Искусственный интеллект не должен подменять человека, он должен работать вместе с человеком и ради человека. Образование будущего должно сохранять свое гуманистическое ядро, опираясь на технологии как на средство, а не как на цель.

Список источников

1. Жигалов К. Ю., Подлевских А. П., Аветисян К. Р. Направления развития систем обеспечения безопасности электронного документооборота в современных условиях // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 2. С. 52–56.
2. Николаева Н. В., Смирнова Л. Я., Клементьева В. С. Проблемы и преимущества дистанционных технологий в преподавании психолого-педагогических дисциплин в ведомственной высшей школе // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 111–115.
3. Федорова И. В., Калинина С. В., Самохвалов В. В. Особенности административной деятельности полиции в сфере информационной безопасности // Вестник МВД России имени В.Я. Кикотя. 2023. № 6. С. 168–172.
4. Федорова И. В., Ржаницына И. А., Егорова В. С. К вопросу об административных правонарушениях и преступлениях в области информационных технологий // Международный журнал гражданского и торгового права. 2025. № 1. С. 49–55.

References

1. Zhigalov K. Yu., Podlevskikh A. P., Avetisyan K. R. Directions for the Development of Electronic Document Management Security Systems in Modern Conditions // Modern Science-Intensive Technologies. 2019. No. 2. P. 52–56.
2. Nikolaeva N. V., Smirnova L. Ya., Klementyeva V. S. Problems and Advantages of Distance Technologies in Teaching Psychological and Pedagogical Disciplines in Departmental Higher Education // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2023. No. 1. P. 111–115.
3. Fedorova I. V., Kalinina S. V., Samokhvalov V. V. Features of Administrative Activities of the Police in the Sphere of Information Security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. 2023. No. 6. P. 168–172.
4. Fedorova I. V., Rzhantsyna I. A., Egorova V. S. On the issue of administrative offenses and crimes in the field of information technology // International Journal of Civil and Commercial Law. 2025. No. 1. P. 49–55.

Информация об авторе

И. А. Ржаницына – научный сотрудник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. A. Rzhantsyna – Research Fellow at the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 16.09.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 796:005.591.6; ББК 75.1

EDN: <https://elibrary.ru/jhpcpc>

НИОН: 2018-0077-1/26-729

MOSURED: 77/27-024-2026-01-928

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Влияние физической подготовки на стрессоустойчивость и психологическую готовность курсантов МВД России к оперативно-служебной деятельности

Александр Лукич Славко¹, Ксения Владимировна Парфенова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, slavko-a@mail.ru

Аннотация. Рассматривается комплексное влияние физической подготовки на формирование стрессоустойчивости и психологической готовности курсантов образовательных организаций МВД России. Проведен анализ взаимосвязи физического и психического состояний, которые обеспечивают эффективность в экстремальных условиях, доказано, что целенаправленная и систематическая физическая подготовка курсантов является не только инструментом развития физических качеств, но и ключевым фактором в становлении профессионально важных психологических аспектов сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: физическая подготовка, стрессоустойчивость, сотрудник, оперативно-служебная деятельность, полиция, психологическая готовность.

Для цитирования: Славко А. Л., Парфенова К. В. Влияние физической подготовки на стрессоустойчивость и психологическую готовность курсантов МВД России к оперативно-служебной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 177–179. EDN: JHPCPC.

Original article

The influence of physical training on stress resistance and psychological readiness of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia for operational and service activities

Alexander L. Slavko¹, Ksenia V. Parfenova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, slavko-a@mail.ru

Abstract. This article examines the comprehensive impact of physical training on the development of stress resilience and psychological preparedness in cadets at educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. An analysis of the relationship between physical and mental states that ensure effectiveness in extreme conditions is conducted, demonstrating that targeted and systematic physical training of cadets is not only a tool for developing physical qualities but also a key factor in developing professionally important psychological aspects of law enforcement officers.

Keywords: physical fitness, stress resistance, employee, operational and service activities, police, psychological readiness

For citation: Slavko A. L., Parfenova K. V. The influence of physical training on stress resistance and psychological readiness of cadets of the Ministry of Internal Affairs for operational and service activities. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):177–179. (In Russ.). EDN: JHPCPC.

На сегодняшний день высокая степень стрессовых ситуаций, которые оказывают существенное влияние на жизнь каждого человека, представляет собой актуальную проблему, которая требует комплексного изучения. Для сотрудников полиции это воздействие приобретает первостепенное значение, поскольку их

деятельность связана с постоянным риском и непредсказуемостью. В этой связи проблема формирования стрессоустойчивости и психологической готовности у курсантов МВД России как будущих специалистов является одной из наиболее важных в системе ведомственного образования.

Традиционно физическая подготовка обучающихся направлена на формирование практических умений и двигательных навыков, развитие физических показателей и психических качеств, обеспечивающих успешное выполнение оперативно-служебных задач и поддержание высокой работоспособности. Она включает развитие общей и специальной выносливости, силы, скорости и координации, а также совершенствование психологической устойчивости, навыков саморегуляции и быстрого принятия решений в экстремальных условиях [1].

Безусловно, для сотрудников органов внутренних дел стрессоустойчивость выступает одним из основополагающих профессиональных качеств.

Проблема стрессоустойчивости личности представляет большой практический интерес и является объектом пристального внимания самых различных специалистов: врачей, физиологов, психологов, социологов и др. Можно сказать, что данная тема на сегодняшний день изучена не столь глубоко, насколько это необходимо. Об этом свидетельствует немногочисленность исследований, конкретно посвященных изучению стрессоустойчивости.

Т. Г. Вознесенская определяла стрессоустойчивость как свойство личности, которое обеспечивает гармоничное взаимодействие всех компонентов психической деятельности в условиях эмоциогенной ситуации, тем самым способствуя успешному выполнению профессиональных функций [2].

В целом мы можем сказать, что стрессоустойчивость – это совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья. В более широком контексте стрессоустойчивость проявляется как способность преодолевать трудности, эффективно контролировать эмоции, понимать эмоциональное состояние других людей и проявлять выдержку и такт. Данная способность, определенно, позволяет выдерживать значительные умственные, волевые и эмоциональные нагрузки, обусловленные профессиональной деятельностью, без ущерба для ее качества. Именно поэтому такое качество является необходимым в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Развить его можно с помощью физической подготовки, тем более в образовательных организациях МВД России ей уделяют достаточно внимания [3].

Физическая подготовка является важным, что не может быть опровергнуто. Как известно, недостаточный уровень физической подготовки сотрудников полиции может стать причиной целого ряда негативных последствий, оказывающих влияние на психоэмоциональное состояние. Можно сказать, что физически неподготовленные курсанты образовательных организаций МВД России чаще подвержены повышенному риску эмоционального пере-

утомления и соответственно стрессу. Это напрямую может сказаться на качестве выполнения служебных обязанностей и может привести к серьезным ошибкам в профессиональной деятельности. Помимо этого, отсутствие регулярной физической активности существенно повышает вероятность возникновения различных заболеваний. И, конечно, эти заболевания также могут сказываться на психологическом благополучии, способствуя снижению уровня стрессоустойчивости сотрудника.

Некоторые исследования доказали, что регулярные занятия спортом оказывают положительное влияние на психоэмоциональное состояние курсантов, способствуя повышению уровня самоконтроля [4].

На занятиях по физической подготовке выполнение различных упражнений (бег, прыжки, силовые упражнения и др.) обеспечивает курсантам эффективную эмоциональную разрядку, позволяя им частично нейтрализовать негативное воздействие стресса. Этот механизм объясняется тем, что физическая нагрузка стимулирует выработку эндорфина, то есть «гормонов счастья», которые снижают и улучшают состояние. А малоподвижный образ жизни (гиподинамия) курсантов способствует накоплению стресса и, как следствие, повышает риск развития различных психологических расстройств, включая депрессию и нарушения сна, что, в свою очередь, негативно сказывается на осуществлении служебных обязанностей.

В связи с этим мы можем утверждать, что сотрудники, которые поддерживают хорошую физическую форму, демонстрируют более устойчивое психическое состояние, что позволяет им эффективно справляться с непредсказуемыми и стрессовыми ситуациями, возникающими в ходе выполнения служебных обязанностей, сохраняя хладнокровие и принимая важные и взвешенные решения. Более того, высокий уровень физической подготовки, в сочетании с психологической устойчивостью, играет ключевую роль в воспитании дисциплины и ответственности у курсантов образовательных организаций МВД России.

Курсанты, преодолевая усталость, достигая предельных нагрузок в ходе тренировок, могут развить следующие качества: целеустремленность, настойчивость, самообладание и дисциплину. Все это, безусловно, способствует повышению уровня стрессоустойчивости. Сотрудник полиции, который уверен в своих силах, способен грамотно поступать в экстремальных ситуациях [5].

Подводя итоги, мы можем отметить, что физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России и в целом всех сотрудников правоохранительных органов является ключевым и фундаментальным фактором в формировании не только физической, но и психологической готовности к оперативно-служебной деятельности [5]. Выявлено, что систематические и целенаправленные занятия спортом играют ключевую роль в развитии таких

психофизиологических качеств, как волевой контроль, способность к быстрому и адекватному принятию решений в условиях дефицита времени и повышенного риска. Повышенная физическая подготовка формирует у курсантов чувство уверенности в собственных силах, снижает уровень тревожности и способствует развитию профессиональной надежности и психологической готовности к выполнению оперативно-служебной деятельности. Физическая активность предотвращает развитие стресса и профессионального выгорания, что крайне необходимо для службы в органах внутренних дел.

Список источников

1. Бизяев С. М. Формирование стрессоустойчивости курсантов военного вуза на занятиях по физической подготовке на основе авторской интегративной программы // Образование и право. 2022. № 9. С. 231–236.
2. Вознесенская Т. Г. Эмоциональный стресс и профилактика его последствий. М., 2017. С. 67–68.
3. Севостьянова Е. С., Бабаков С. Н., Губа О. П. Теоретические аспекты психологической подготовки курсантов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-3 (64). С. 13–16.
4. Васечко Е. П., Кононова Т. А. Системные особенности процесса формирования стрессоустойчи-

вости у курсантов военных образовательных организаций // Системная психология и социология. 2022. № 4 (44). С. 59–67.

5. Фарафонов А. Ю. Педагогические условия формирования стрессоустойчивости военнослужащих средствами физической подготовки : дис. ... канд. наук. Калининград, 2017. 206 с.

References

1. Bizyaev S. M. Formation of stress resistance of cadets of a military university in physical training classes based on the author's integrative program // Education and Law. 2022. No. 9. P. 231–236.
2. Voznesenskaya T. G. Emotional stress and prevention of its consequences. Moscow, 2017. P. 67–68.
3. Sevostyanova E. S., Babakov S. N., Guba O. P. Theoretical aspects of psychological training of cadets // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2022. No. 1-3 (64). P. 13–16.
4. Vasechko E. P., Kononova T. A. Systemic features of the process of stress resistance formation in cadets of military educational organizations // Systems Psychology and Sociology. 2022. No. 4 (44). P. 59–67.
5. Farafonov A. Yu. Pedagogical conditions for the development of stress resistance in military personnel by means of physical training : diss. ... cand. sci. Kaliningrad, 2017. 206 p.

Информация об авторах

А. Л. Славко – заместитель начальника кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент;

К. В. Парфенова – курсант 533 взвода международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. L. Slavko – Deputy Head of the Department of Physical Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', candidate of Sociological Sciences, Associate Professor;

K. V. Parfenova – Cadet of the 533 Platoon of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 37

EDN: <https://elibrary.ru/jiiqxu>

ИИОН: 2018-0077-1/26-730

MOSURED: 77/27-024-2026-01-929

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Структура общепрофессиональных умений социального педагога: рефлексивный компонент

Евгений Игоревич Третьяченко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, trethohol@mail.ru

Аннотация. Раскрывается значимость рефлексии как важного компонента профессиональной деятельности выпускника университета МВД России, обучающегося по направлению подготовки 44.05.01 и узкой специализации «Социальный педагог». Немаловажное внимание уделяется структуре рефлексивного компонента, которая предопределяет успешность и дальнейшее развитие деятельности социального педагога.

Ключевые слова: рефлексия, социальный педагог, умения, структура, профессиональная деятельность

Для цитирования: Третьяченко Е. И. Структура общепрофессиональных умений социального педагога: рефлексивный компонент // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 180–183. EDN: JIIQXU.

Original article

Structure of general professional skills of a social teacher: reflective component

Evgeny I. Tretyachenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, trethohol@mail.ru

Abstract. The article reveals the significance of reflection as an important component of a social teacher's professional activity, and pays significant attention to the structure of the reflective component, which determines the success and further development of a social teacher's activity.

Keywords: reflection, social teacher, skills, structure, professional activity

For citation: Tretyachenko E. I. Structure of general professional skills of a social teacher: reflective component. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):180–183. (In Russ.). EDN: JIIQXU.

В условиях современной социальной реальности, характеризующейся высокой степенью неопределенности, динамизмом нормативно-правового поля и усложнением механизмов социализации подрастающего поколения, профессиональная деятельность социального педагога приобретает особый статус. Это уже не просто функциональное исполнение предписаний по опеке или воспитанию, а сложный процесс проектирования жизненных траекторий, гармонизации отношений в системе «личность – общество» и защиты прав детства. Специфика труда специалиста подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН), имеющего квалификацию «социальный педагог» заключается в том, что объектом его воздействия является не толь-

ко ребенок, но и его ближайшее окружение (семья, неформальные группы), а также социум в целом. Такая многовекторность задач требует от специалиста наличия не только фундаментальных знаний в области педагогики, психологии и права, но и, прежде всего, развитых общепрофессиональных умений, позволяющих гибко адаптировать теоретические конструкты к живой, постоянно меняющейся практике. Центральное место в иерархии этих умений занимает рефлексивный компонент, который выступает своего рода «мета-компетенцией», обеспечивающей осознанность, этичность и эффективность всех профессиональных действий. Актуальность исследования структуры общепрофессиональных умений через призму рефлексии обуслов-

лена необходимостью преодоления формализма в профилактической и социальной работе и перехода к личностно-ориентированным технологиям сопровождения несовершеннолетних.

Нормативные основания профессиональной деятельности социального педагога в Российской Федерации претерпевают существенные изменения, направленные на стандартизацию и повышение качества оказываемых услуг. Утвержденный приказом Минтруда России от 30 января 2023 г. № 53н профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания» задает вектор развития квалификационных требований. Документ четко регламентирует трудовые функции, среди которых особое внимание уделяется аналитической и прогностической деятельности. В частности, стандарт требует от специалиста умения «анализировать социальную ситуацию развития», «прогнозировать риски социализации» и «оценивать результативность профилактических мероприятий» [4]. Выполнение данных требований невозможно без сформированной способности к рефлексии, так как анализ социальной ситуации предполагает выход специалиста в надситуативную позицию, позволяющую отделить объективные факты от субъективных интерпретаций и эмоциональных реакций. Стандарт фактически легитимизирует рефлексивную как рабочий инструмент, без которого невозможно квалифицированное выполнение трудовых действий по педагогическому сопровождению обучающихся. В этой связи существенную значимость играет развитие навыков рефлексии как важного компонента профессиональной компетенции социальных педагогов. Рефлексия способствует «формированию профессиональных ценностей, определению целей, задач и направления развития специалиста в сфере педагогики» [6, с. 169–172].

Традиционно в педагогической науке структура общепрофессиональных умений рассматривается через классификацию Н. В. Кузьминой, включающую гностический, проектировочный, конструктивный, организаторский и коммуникативный компоненты. Однако механическое перенесение этой схемы на социально-педагогическую деятельность без учета специфики рефлексивных процессов не дает полной картины профессионализма. Как справедливо отмечает Е. И. Третьяченко, «рефлексивное осмысление своего сознания, деятельности, поведения, опыта является конструктивным путем профессионального развития личности, именно способность педагога к осуществлению деятельности рефлексивного характера сводится к одному из важнейших показателей ее компетентности, конкурентоспособности и перспективности в осуществлении дальнейшей профессиональной деятельности» [7, с. 198–204]. Рассмотрим более детально, как рефлексивный компонент трансформирует содержание каждой группы умений, наполняя их новым смыслом и повышая их практическую эффективность.

В группе гностических (познавательных) умений рефлексия выполняет функцию критического фильтра и верификатора информации. Сотрудник ПДНг посто-

янно работает с большими массивами данных: характеристиками с места учебы, актами обследования жилищно-бытовых условий, медицинскими заключениями, результатами психологической диагностики. Без рефлексивного осмысления эти данные остаются «мертвым грузом» или, что хуже, приводят к стигматизации клиента (навешиванию ярлыков «трудный», «неблагополучный»). Рефлексивный компонент гностических умений позволяет специалисту задать себе вопросы: «Достаточно ли у меня информации для вывода?», «Не влияют ли мои личные стереотипы на восприятие этой семьи?», «Какие скрытые ресурсы есть у ребенка, которые я не заметил?». Т. Б. Беляева и Т. Г. Хащенко в своих исследованиях указывают, что именно дефицит рефлексии в познавательной деятельности приводит к ошибкам атрибуции, когда педагог приписывает поведению подростка мотивы, которых у того нет, игнорируя реальные причины девиации [1, с. 14–17]. Таким образом, гностические умения, обогащенные рефлексией, трансформируются из простого сбора фактов в процесс глубокого социального исследования.

Проектировочный компонент деятельности социального педагога связан с антиципацией – предвосхищением результатов работы и планированием стратегии сопровождения. Здесь рефлексия выступает как инструмент моделирования будущего. Составляя индивидуальную программу реабилитации, сотрудник ПДН должен мысленно «проиграть» различные сценарии развития событий, оценить реалистичность поставленных целей и соотнести их с имеющимися ресурсами. Рефлексивное проектирование предполагает постоянный возврат к исходной точке и корректировку плана: «Если я применю эту меру воздействия, какой ответной реакции стоит ожидать?». Это особенно важно в работе с семьями группы риска, где жесткое, линейное планирование часто разбивается о непредсказуемость человеческого фактора. Способность к сценарному мышлению и многовариантному прогнозированию, базирующаяся на рефлексии, позволяет избежать педагогических тупиков и выбрать наиболее экологичный путь решения проблемы.

Конструктивный компонент предполагает отбор и композицию содержания, форм и методов работы. Рефлексия здесь обеспечивает обоснованность выбора педагогического инструментария. Социальный педагог, обладающий развитым рефлексивным компонентом, не использует методики только потому, что они «модные» или «рекомендованные сверху». Он адаптирует их под конкретную ситуацию. Например, выбирая форму профилактической беседы, он рефлексивно задает себе вопросы: «Готов ли обучающийся сейчас к откровенному разговору? Или лучше использовать косвенные методы воздействия через игру или совместный труд?».

Наиболее ярко роль рефлексивного компонента проявляется в группе коммуникативных умений. Социально-педагогическая деятельность на 90 % состоит из общения – с подростками, родителями, учителями, представителями организаций и ведомств, комиссии по делам несовершеннолетних. Рефлексия в комму-

никации – это, прежде всего, эмпатия и децентрация, способность выйти за пределы собственного «Я» и взглянуть на ситуацию глазами партнера по общению. И. А. Стеценко определяет рефлексивную культуру как базовый компонент профессионализма, позволяющий выстраивать диалогическое взаимодействие, основанное на доверии и принятии [5, с. 131–136]. Педагог должен постоянно отслеживать: «Как меня сейчас воспринимает собеседник? Не звучу ли я слишком авторитарно? Поняты ли мой язык?». Коммуникативная рефлексия также служит мощным средством профилактики конфликтов. Осознавая свои эмоциональные триггеры (например, раздражение на агрессивное поведение родителя), педагог может вовремя остановиться, взять паузу и перевести общение в конструктивное русло, не допуская эскалации конфликта. Без этого навыка коммуникация превращается в обмен монологами или взаимными претензиями, что делает помощь невозможной.

Организаторский компонент деятельности сотрудника ОВД, реализующего функции социального педагога, включающий координацию усилий различных субъектов профилактики, также не может быть эффективно реализован без рефлексии. В современной практике это называют «кооперативной рефлексией» – умением удерживать в сознании общую цель коллективной деятельности и соотносить с ней действия каждого участника. Ему необходимо понимать логику и интересы каждой стороны, чтобы организовать эффективное межведомственное взаимодействие. Т. И. Шалаева подчеркивает, что развитие рефлексивных умений позволяет будущему специалисту преодолевать узковедомственные стереотипы и выстраивать работу команды на принципах синергии [2, с. 169–173]. Организаторская рефлексия помогает распределять ответственность, делегировать полномочия и адекватно оценивать вклад каждого в общий результат, избегая как дублирования функций, так и провалов в работе.

Особый аспект проблемы составляет связь рефлексивного компонента с профессиональным самосохранением. Работа социального педагога сопряжена с высоким уровнем стресса, несправедливостью. Риск эмоционального выгорания в этой профессии чрезвычайно высок. Рефлексия выступает главным психогигиеническим средством. Способность к самоанализу позволяет специалисту вовремя заметить признаки усталости, цинизма или эмоционального истощения и принять меры (обратиться за супервизией, взять отпуск, переключиться на другой вид деятельности). Н. Ф. Яковлева утверждает, что рефлексивная компетентность является фактором успешной деятельности именно потому, что она обеспечивает психологическую устойчивость и долголетие в профессии [9, с. 182–186]. Педагог, который не рефлексит свое состояние, быстро становится профнепригодным, начиная транслировать агрессию на подопечных.

Следует отметить, что рефлексия в структуре умений имеет уровневую организацию. На начальном этапе профессионального становления она носит преимуще-

ственно ретроспективный характер (анализ прошлых ошибок). Ретроспективной рефлексии способствуют воспоминания о произошедших событиях, анализ совершенных действий, поиск путей решения и выработка алгоритмов поведения [7, с. 198–204]. Молодой специалист анализирует, что пошло не так после завершения ситуации. По мере роста мастерства развивается ситуативная рефлексия – способность корректировать действия непосредственно в процессе их выполнения («reflexion-in-action»). Высшим этапом считается перспективная рефлексия, когда на основе имеющегося опыта поведения педагог предвидит возможное развитие событий, анализирует свои возможные действия, производит планирование и вырабатывает алгоритм возможного поведения в прогнозируемой ситуации [8, с. 156–159]. Развитие этих уровней должно быть заложено в систему подготовки кадров в вузах. Простого чтения лекций недостаточно, необходимы тренинговые формы, разбор кейсов, видеоанализ педагогических ситуаций, ведение рефлексивных дневников практики.

Важным аспектом является и этическая составляющая рефлексии. Социальный педагог постоянно находится в поле морального выбора: сообщить ли о факте правонарушения или попытаться решить проблему внутри учреждения. Этический кодекс не дает готовых ответов на все случаи жизни. Только развитая личностная рефлексия, опирающаяся на гуманистические ценности, позволяет принимать решения, которые не навредят подопечному. Отсутствие такой рефлексии превращает педагога в формального функционера, равнодушного к судьбам людей, что абсолютно недопустимо в социальной сфере.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что структура общепрофессиональных умений социального педагога-выпускника университета МВД России представляет собой сложную динамическую систему, ядром которой является рефлексивный компонент. Он не существует изолированно, а имплементирован в каждый акт профессиональной активности – от диагностики и планирования до коммуникации и организации. Рефлексия трансформирует знания в убеждения, а навыки – в искусство воспитания. В условиях модернизации образования и социальной сферы, когда на первый план выходят требования к гибкости, адаптивности и субъектности специалиста органов внутренних дел, целенаправленное формирование рефлексивной компетентности становится приоритетной задачей профессиональной подготовки. Социальный педагог, владеющий навыками рефлексии, способен не просто реагировать на социальные вызовы, а проактивно управлять ситуацией развития, обеспечивая наилучшие условия как для социализации подрастающего поколения, так и для профилактики девиантного поведения. Это требует пересмотра методических подходов в образовании и введения процедур оценки сформированности рефлексии (через портфолио, эссе, защиту проектов) как обязательного элемента аттестации специалистов. Только так можно обеспечить приток высококвалифицированных кадров, способных отвечать на сложные

вызовы современности не шаблонными мерами, а глубоко осознанными, профессионально выверенными и человечными решениями.

Библиографический список

1. Беляева Т. Б., Хащенко Т. Г. Особенности рефлексии студентов – будущих социальных педагогов // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 79. С. 14–17.
2. Колокольникова З. У., Алимова Е. Р. Формирование рефлексивной деятельности будущего социального педагога // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12-1. С. 169–173. URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=7839>.
3. Ольховская Е. Б. Структура профессиональной компетентности социального педагога // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 136–140. URL: cyberleninka.ru/article/n/struktura-professionalnoy-kompetentnosti-sotsialnogo-pedagoga.
4. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 января 2023 г. № 53н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист в области воспитания"» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2023. 3 марта.
5. Стеценко И. А. Рефлексивная культура как базовый компонент профессионализма социального педагога // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2011. № 1. С. 131–136. URL: cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-kultura-kak-bazovyy-komponent-professionalizma-sotsialnogo-pedagoga.
6. Тихомиров С. Н., Третьяченко Е. И. К вопросу о формировании рефлексивного компонента у курсантов образовательных организаций МВД России посредством изучения гуманитарных дисциплин // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 169–172. URL: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-2-169-172>.
7. Третьяченко Е. И. Развитие рефлексивного компонента профессиональных компетенций курсантов: некоторые результаты эмпирического исследования // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 2А. С. 198–204. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2025-2/c1-tretyachenko.pdf>.
8. Третьяченко Е. И. Проблемы формирования рефлексивных умений курсантов образовательных организаций МВД России // Современное профессиональное образование. 2025. № 5. С. 156–159.
9. Яковлева Н. Ф. Рефлексивная компетентность как фактор успешной профессиональной деятельности социального педагога // Вестник Красноярского государственного педагогического университета

им. В. П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 182–186. URL: cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-kompetentnost-kak-faktor-uspeshnoy-professionalnoy-deyatelnosti-sotsialnogo-pedagoga.

Bibliographic list

1. Belyaeva T. B., Khaschenko T. G. Features of reflection of students – future social educators // Bulletin of Novgorod State University. 2014. No. 79. P. 14–17.
2. Kolokolnikova Z. U., Alimova E. R. Formation of reflective activity of future social educators // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2015. No. 12-1. P. 169–173. URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=7839>.
3. Olkhovskaya E. B. Structure of professional competence of a social educator // Pedagogical education in Russia. 2012. No. 4. P. 136–140. URL: cyberleninka.ru/article/n/struktura-professionalnoy-kompetentnosti-sotsialnogo-pedagoga.
4. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of January 30, 2023 No. 53n «On Approval of the Professional Standard "Specialist in the Field of Education"» // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2023. March 3.
5. Stetsenko I. A. Reflexive Culture as a Basic Component of the Professionalism of a Social Educator // Bulletin of the A.P. Chekhov Taganrog Institute. 2011. No. 1. P. 131–136. URL: cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-kultura-kak-bazovyy-komponent-professionalizma-sotsialnogo-pedagoga.
6. Tikhomirov S. N., Tretyachenko E. I. On the Formation of the Reflective Component in Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia Through the Study of Humanities // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2022. No. 2. P. 169–172. URL: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-2-169-172>.
7. Tretyachenko E. I. Development of the Reflective Component of Cadets' Professional Competencies: Some Results of an Empirical Study // Pedagogical Journal. 2025. Vol. 15. No. 2A. P. 198–204. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2025-2/c1-tretyachenko.pdf>.
8. Tretyachenko E. I. Problems of Formation of Reflective Skills of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Modern Professional Education. 2025. No. 5. P. 156–159.
9. Yakovleva N. F. Reflective Competence as a Factor in Successful Professional Activity of a Social Educator // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev. 2015. No. 2 (32). P. 182–186. URL: cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-kompetentnost-kak-faktor-uspeshnoy-professionalnoy-deyatelnosti-sotsialnogo-pedagoga.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья

УДК 37+796

EDN: <https://elibrary.ru/jghibz>

НИОН: 2018-0077-1/26-731

MOSURED: 77/27-024-2026-01-930

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

Методы активного восстановления в системе физической подготовки курсантов и слушателей МВД России

Михаил Андреевич Ушаков¹, Денис Вячеславович Золотухин², Анастасия Игоревна Серпионова³

^{1, 2, 3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ adm.law@yandex.ru

² adm.law@yandex.ru

³ anastasia.serpionova@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются методы активного восстановления как неотъемлемый компонент системы физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Проанализированы современные подходы к использованию средств активного восстановления в процессе профессионально-прикладной физической подготовки, а также их влияние на функциональное состояние и динамику физической подготовленности обучающихся. Особое внимание уделяется обоснованию целесообразности включения методов активного восстановления в учебно-тренировочный процесс с учетом специфики служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Авторами предложены перспективные направления совершенствования системы физической подготовки курсантов и слушателей МВД России за счет рационального применения методов активного восстановления.

Ключевые слова: активное восстановление, физическая подготовка, курсанты и слушатели МВД России, физическая работоспособность, профессионально-прикладная подготовка

Для цитирования: Ушаков М. А., Золотухин Д. В., Серпионова А. И. Методы активного восстановления в системе физической подготовки курсантов и слушателей МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 184–189. EDN: JGHIBZ.

Original article

Methods of active recovery in the physical training system for cadets and students of Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation

Mikhail A. Ushakov¹, Denis V. Zolotukhin², Anastasia I. Serpionova³

^{1, 2, 3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ adm.law@yandex.ru

² adm.law@yandex.ru

³ anastasia.serpionova@gmail.com

Abstract. The article discusses active recovery methods as an integral component of the physical training system for cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Modern approaches to the use of active recovery methods in the process of professional and applied physical training are analyzed, as well as their impact on the functional state and dynamics of students' physical fitness. Particular attention is paid to justifying the feasibility of including active recovery methods in the training process, taking into account the specifics of the official activities of internal affairs officers. The authors propose promising directions for improving the physical training system for cadets and students of the Russian Ministry of Internal Affairs through the rational use of active recovery methods.

Keywords: active recovery, physical training, cadets and students of the Russian Ministry of Internal Affairs, physical fitness, professional and applied training

For citation: Ushakov M. A., Zolotukhin D. V., Serpionova A. I. Methods of active recovery in the physical training system for cadets and students of Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):184–189. (In Russ.). EDN: JGHIBZ.

© Ушаков М. А., Золотухин Д. В., Серпионова А. И., 2026

Организация процесса физической подготовки, включающей применение высокоинтенсивных подготовительных методик, в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации носит строго регламентированный, целевой и профессионально-прикладной характер, что и составляет его принципиальную специфику. Данный процесс детерминирован особыми условиями и высокой ответственностью будущей служебной деятельности обучающихся – курсантов и слушателей. В отличие от спортивной или оздоровительной систем, физическая подготовка в ведомственных образовательных учреждениях является «неотъемлемым элементом служебной деятельности» и нацелена на формирование профессиональных двигательных навыков, а также на развитие физических качеств, непосредственно влияющих на эффективное и безопасное выполнение оперативно-служебных задач.

Высокоинтенсивные тренировочные нагрузки, являющиеся основным средством развития специальной выносливости, силовых и скоростно-силовых способностей, неизбежно сопряжены с возникновением выраженных построговочных изменений в состоянии организма. Ключевым следствием таких нагрузок выступает комплекс болезненных ощущений, определяемых как синдром отсроченной мышечной болезненности («крепатура»), который развивается через 24–72 часа после выполнения непривычной или тяжелой физической работы.

Данное состояние, как отмечается в научной литературе [7], обусловлено совокупностью факторов, среди которых ведущая роль отводится структурным микроскопическим повреждениям (микротравмам) сократительных элементов мышечных волокон и окружающей их соединительной ткани, а также сопутствующему воспалительному процессу, например, растяжению мышц, миозиту (воспаление мышечной ткани), тендиниту (воспаление сухожилий). Вместе с тем в результате интенсивной мышечной деятельности происходит значительное накопление продукта метаболизма – лактата (соли молочной кислоты), что приводит к временному сдвигу кислотно-щелочного равновесия в сторону повышения кислотности (ацидозу), что одновременно усиливает ощущение утомления [8].

В связи с этим актуальной задачей современных методик организации физической подготовки в МВД России становится не только планирование физических нагрузок, но и эффективная реализация процессов восстановления, что непосредственно влияет на состояние организма сотрудников.

В этом контексте особое значение приобретают методы активного восстановления, представляющие собой комплекс организованных мероприятий, направленных на ускоренное возвращение функциональных возможностей организма к исходному уровню или к оптимальному состоянию, способствующему выполнению последующей нагрузки.

Принципиальное отличие активного восстановления от пассивного заключается в целенаправленном использовании дозированных вспомогательных средств,

которые через умеренную стимуляцию кровообращения, лимфотока и нервной регуляции способствуют скорейшей нормализации гомеостаза – динамического постоянства внутренней среды организма.

Существует общепринятая в теории и практике спортивной медицины и адаптивной физической культуры классификация методов восстановления, которая в полной мере может быть адаптирована к условиям системы физической подготовки в ОВД [12]. Данная классификация включает разновидность методов, различающихся по своей природе и механизму воздействия.

Первой и фундаментальной группой выступают педагогические методы, которые выступают ключевыми, поскольку органично встраиваются в структуру тренировочного процесса. К ним относятся: рациональное планирование микро- и мезоциклов тренировки с чередованием нагрузок разной направленности и объема; использование в конце тренировочного занятия фазы «заминки» – упражнений низкой интенсивности (например, спокойный бег, ходьба); проведение в дни, следующие за высокоинтенсивными нагрузками, специальных восстановительных тренировок, а также включение в программу занятий упражнений на гибкость.

Физиологический эффект этих методов основан на принципе «активного отдыха», когда умеренная, отличная по характеру от основной, мышечная деятельность ускоряет процессы устранения продуктов метаболизма за счет улучшения капиллярного кровотока в утомленных мышцах и нормализации тонуса центральной нервной системы.

Вторая группа – психологические и психогигиенические методы. К ним относятся приемы психической саморегуляции (аутогенная тренировка, дыхательные упражнения, визуализация), а также соблюдение основ психогигиены: оптимизация режима труда и отдыха, обеспечение достаточной продолжительности и качества сна, создание благоприятного психологического климата в коллективе. Значимость этой группы обусловлена тем, что нервная система является ведущим звеном в регуляции всех восстановительных процессов. Полноценный сон, в частности, является незаменимым фактором восстановления, так как именно в этой фазе происходит наиболее активный синтез белка и выработка эндогенных гормонов, отвечающих за регенерацию тканей.

Правовую основу данного процесса составляет Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1], определяющий полномочия государства в данной сфере и дающий толкование понятию «физическая подготовка».

Поскольку центральной особенностью выступает глубокая интеграция физической подготовки, в том числе ее высокоинтенсивных форм, в единый процесс профессионального становления сотрудника органов внутренних дел, Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] устанавливает специальные правовые основы службы в ОВД

и закрепляет необходимость поддержания сотрудниками ОВД должного уровня физической подготовленности.

В свою очередь, более детально организация подготовки кадров, включая раздел физической подготовки сотрудников, регламентирована ведомственными нормативными актами, ключевым из которых является приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [3].

Согласно утвержденному Порядку организации подготовки кадров в ходе освоения образовательных программ сотрудники в обязательном порядке «проходят специальную подготовку к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, к участию в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка, выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях». Это предъявляет требования к содержанию учебно-тренировочных занятий: они должны моделировать экстремальные ситуации служебной деятельности, характеризующиеся высоким психоэмоциональным напряжением, дефицитом времени, необходимостью совершения взрывных двигательных действий и работой в условиях нарастающего утомления. Следовательно, высокоинтенсивные тренировки в системе МВД не ставят перед собой цель роста спортивных результатов, а выступают инструментом адаптации организма и психики курсанта к экстремальным рабочим нагрузкам, формируя «специальную работоспособность».

В контексте физической подготовки сотрудников органов внутренних дел под «высокоинтенсивными тренировками» (ВИТ) понимаются методы, связанные с выполнением упражнений с мощностью, вызывающей значительные физиологические изменения, прежде всего в анаэробных энергетических системах организма.

Частным, но наиболее распространенным случаем ВИТ является метод «высокоинтенсивного интервального тренинга» (ВИИТ). Сущность данной системы заключается в «чередовании низкоинтенсивных нагрузок (аэробных) и высокоинтенсивных нагрузок (анаэробных)». Физиологический смысл такой организации нагрузки состоит в последовательном превышении так называемого «анаэробного порога» – уровня интенсивности работы, при котором образование лактата (соли молочной кислоты) в мышцах начинает превышать скорость его утилизации, что ведет к метаболическому ацидозу (закислению) мышечной ткани.

В условиях ведомственной подготовки ВИИТ приобретает выраженное профессиональное содержание: рабочие интервалы часто моделируют служебные действия (спринтерский бег в экипировке, серии силовых приемов борьбы или самбо, преодоление полосы препятствий), а периоды активного восстановления – элементы оперативной деятельности в режиме умеренной интенсивности.

Как отмечается в научных работах, «физическая подготовка как дисциплина имеет сильную прикладную

направленность, в связи с наличием высочайших требований, предъявляемых к физической подготовленности студентов» [10].

Таким образом, особенность заключается в комплексном, интегративном характере высокоинтенсивных нагрузок, совмещающих развитие физических упражнений (силы, быстроты, силовой выносливости) и отработку профессиональных двигательных навыков в условиях, приближенных к реальным.

Так, интенсивная физическая работа, сопровождающаяся метаболическим ацидозом и микрповреждениями мышечных волокон, выступает ключевым фактором развития синдрома отсроченной мышечной болезненности, или «крепатуры» [5]. В контексте профессиональной подготовки игнорирование данного фактора недопустимо, так как может привести к хроническому утомлению, перетренированности, травматизму и, как следствие, к снижению «боевой готовности» сотрудника.

Особенность организации – обязательный учет высокой травмоопасности при работе на пределе функциональных возможностей, поэтому «к высокоинтенсивным тренировкам необходимо обязательно готовить», обеспечивая предварительную общефизическую и координационную базу.

Планирование тренировочных микроциклов в образовательных организациях строго лимитирует частоту таких нагрузок (как правило, не более 2–3 раз в неделю) и обязательно включает в себя дни активного восстановления, работы над техникой и развития других физических качеств. Указанное требование продиктовано необходимостью предотвращения «перетренированности» – патологического состояния, негативно влияющего на опорно-двигательный аппарат, центральную нервную и сердечно-сосудистую системы [11].

В соответствии с приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44, руководство образовательной организации, профильных кафедр и непосредственно «руководители (начальники) органов, организаций, подразделений МВД России» несут прямую ответственность за состояние физической подготовки, обязаны «принимать непосредственное участие в проведении занятий с сотрудниками, осуществлять контроль за организацией и состоянием подготовки кадров», что обуславливает еще одну ключевую особенность – наличие многоуровневой системы педагогического и медицинского контроля за применением ВИТ.

Контроль включает предварительную оценку уровня физической подготовленности, текущий мониторинг реакции организма на нагрузку и итоговую проверку «профессиональных знаний, умений и навыков сотрудников, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы». Оценка эффективности всего процесса подготовки осуществляется в ходе инспектирования, где проверяются «качество, эффективность, практическая направленность» обучения.

С учетом вышесказанного система физической подготовки в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации носит профессио-

нально-прикладной характер. Высокоинтенсивная тренировочная нагрузка, являющаяся неотъемлемой частью учебно-тренировочного процесса, предъявляет повышенные требования к адаптационным ресурсам организма курсанта. Ключевым физиологическим процессом, лимитирующим работоспособность во время и после такой нагрузки, выступает накопление продуктов метаболизма, прежде всего лактата (соли молочной кислоты) и ионов водорода (H⁺) в мышечной ткани и крови [4].

Совокупность метаболических и структурных сдвигов, вызванных с интенсивной работой, в специальной литературе определяется как «состояние утомления». Современные данные свидетельствуют, что «уровень лактации» (имеется в виду концентрация лактата) сам по себе не является прямой причиной мышечной боли, но служит маркером преимущественно анаэробного гликолиза и коррелирует с развитием ацидоза, нарушающего сократительную функцию и энергообеспечение мышц [13].

Следовательно, целью восстановления после высокоинтенсивной нагрузки является не просто удаление лактата, а комплексная «оптимизация репаративных процессов», нормализация гомеостаза и стимуляция синтеза белковых структур, что в итоге ведет к восстановлению и росту тренированности.

В контексте профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, где физические качества напрямую определяют служебную эффективность и безопасность, управление восстановлением приобретает особое значение. Исследования, в том числе ретроспективный анализ различных тренировочных подходов, показывают, что «тренировочные протоколы могут повысить производительность и оптимизировать способность к выполнению служебных задач у сотрудников» [6]. Однако длительное применение высокоинтенсивных режимов без восстановления ведет к кумуляции утомления, повышает риск «костно-мышечных травм» и снижает уровень мотивации человека к выполнению высокоинтенсивных физических нагрузок.

Методы восстановления традиционно делятся на пассивные (полный покой) и активные. Активное восстановление (АВ) – это выполнение деятельности низкой интенсивности в периоды после основной тренировки или между интенсивными нагрузками. Его физиологический эффект основывается на нескольких механизмах.

Во-первых, поддерживаемая мышечная активность усиливает кровоток и лимфоотток, что способствует более быстрому выведению метаболитов из мышечной ткани и доставке кислорода и питательных веществ.

Во-вторых, активируется работа «мышечного насоса», улучшая процессы кровообращения.

В-третьих, низкоинтенсивная аэробная работа способствует утилизации лактата как энергетического субстрата в ненагруженных мышцах и таких органах, как сердце. Кроме того, активное восстановление оказывает благотворное влияние на центральную нервную систему, нормализуя психоэмоциональный статус курсанта после стрессовой нагрузки.

По нашему мнению, внедрение научно обоснованных методов восстановления является не вспомогатель-

ным, а интегральным элементом методики физической подготовки, напрямую влияющим на успешность прохождения курса обучения и дальнейшую профессиональную деятельность курсантов и слушателей МВД России [5].

К основным методам активного восстановления, применимым в условиях образовательной организации МВД, относятся:

1. Низкоинтенсивная аэробная деятельность: равномерный бег, ходьба продолжительностью 15–30 минут. Это базовый и наиболее доступный метод.

2. Плавание: упражнения в водной среде, где гидростатическое давление способствует уменьшению отечности и снижению нагрузки на опорно-двигательный аппарат.

3. Растяжка: выполнение статических упражнений на растягивание мышц и использование специальных роликов для самомассажа способствует улучшению эластичности мышц, снижению тонуса и локальных гипертонусов.

4. Целенаправленная восстановительная физкультура: комплекс упражнений на подвижность суставов, стабилизацию и расслабление, выполняемый в зале.

Эффективность применения данных методов в системе МВД оценивается не только по субъективным ощущениям, но и по объективным критериям: динамике времени выполнения нормативных упражнений (например, бег на 1 км или 100 м), показателям силовых тестов (жим лежа, подтягивания, отжимания) [14].

Важно подчеркнуть, что «стандартизированные программы силовых тренировок с запланированной периодизацией», включающие фазы активного восстановления, демонстрируют большую эффективность в улучшении силовых показателей и предотвращении травматизма по сравнению с традиционными высокообъемными тренировками на выносливость. Следовательно, интеграция методов активного восстановления в учебно-тренировочный процесс требует индивидуального подхода, учета периодизации нагрузки и четкого методического обеспечения.

Организация восстановительного процесса в рамках учебных занятий по физической подготовке в системе МВД базируется на принципах системности, индивидуализации выполняемой физической нагрузки.

Ключевой организационный аспект – разделение восстановления на срочное (в рамках одного занятия) и отсроченное (между занятиями), при этом методы активного восстановления наиболее эффективны для решения задач срочного восстановления. Практическая реализация начинается с точного дозирования нагрузки, где «лактатный порог» (ЛП), часто отождествляемый с «порогом анаэробного обмена (ПАНО)», служит важным ориентиром.

«ЛП представляет собой такой максимальный уровень нагрузки, при котором вырабатываемый лактат превышает нормальные значения. Лабораторно ЛП определяется при уровне лактата в крови более 4 ммоль/л» [8]. Контроль за соответствием нагрузок

индивидуальному уровню ПАНО курсанта позволяет планировать интенсивность, которая будет эффективно стимулировать адаптацию, но не приведет к чрезмерному и длительному закислению, затрудняющему восстановление [7].

Так, по нашему мнению, содержание восстановительного процесса должно включать комплекс упражнений, выполняемых непосредственно после интенсивной тренировочной работы. К ним можно отнести следующие виды физической активности, способствующей активному восстановлению организма после выполненной физической нагрузки.

1. Активная низкоинтенсивная заминка: выполнение аэробной работы (ходьба, легкий бег, работа на кардиотренажере) с интенсивностью 40–50 % от максимального потребления кислорода или ниже индивидуально-аэробного порога (уровень лактата около 2 ммоль/л) в течение 10–20 минут. Данный метод способствует поддержанию повышенного кровотока, что ускоряет транспорт лактата из рабочих мышц в печень, сердце и другие ткани, где он используется как субстрат для окисления или глюконеогенеза (превращения обратно в глюкозу). Исследование 2024 г. демонстрирует, что регулярные тренировки, особенно по протоколам «высокоинтенсивного интервального тренинга (НИТ)», статистически значимо повышают скорость клиренса лактата в период отдыха после нагрузки [17].

2. Современные восстановительные технологии и средства: целенаправленное использование таких методик, как «прокатывание массажным роллом» (миофасциальный релиз), направленное на улучшение скольжения фасциальных оболочек мышц и снижение гипертонуса, а также «динамическая и статическая растяжка», способствующая нормализации мышечного кровообращения и эластичности. Внедрение «контрастных водных процедур» и «криотерапии» локального или общего действия способствует рефлекторной регуляции сосудистого тонуса, снижению воспалительных реакций и субъективных ощущений утомления, связанных с микроповреждениями мышц, которые, в отличие от лактата, являются основной причиной «синдрома отсроченной мышечной боли (DOMS)» [13].

3. Дыхательные и нервно-регуляторные техники: важнейшим, но часто игнорируемым аспектом является перевод организма из состояния симпатикотонии («боевой готовности») в состояние парасимпатической доминанты («восстановления»). «Простая практика глубокого дыхания (например, «боксовое дыхание»)» непосредственно после нагрузки активирует парасимпатическую нервную систему, что ускоряет стабилизацию сердечного ритма и гормонального фона, создавая оптимальные внутренние условия для метаболического восстановления.

Так, контроль за ЧСС в зоне восстановления и, при наличии оборудования, «экспресс-тестирование уровня лактата в капиллярной крови» с помощью портативных анализаторов позволяют объективно оценить эффективность применяемых восстановительных методик у конкретного курсанта и скорректировать их.

Таким образом, научно обоснованная интеграция методов активного восстановления в учебно-тренировочный процесс образовательных организаций МВД России представляет собой не дополнительный, а обязательный структурный элемент, напрямую влияющий на рост специальной работоспособности, профилактику переутомления и общую успешность профессиональной подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел.

Внедрение научно обоснованных методов восстановления является не вспомогательным, а интегральным элементом методики физической подготовки, напрямую влияющим на успешность прохождения курса обучения и дальнейшую профессиональную деятельность курсантов и слушателей МВД России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ч. 1. Ст. 7020.
3. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. Аулик И. В. Определение физической работоспособности в клинике и спорте. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Медицина, 1990. 192 с.
5. Карданов А. А. Совершенствование особенностей преподавания физической культуры в образовательных организациях МВД России // Научные высказывания. 2023. № 17 (41). С. 45–52.
6. Кикоть В. Я. Физическая культура и физическая подготовка : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России / В. Я. Кикоть, И. С. Барчуков ; под ред. В. Я. Кикотя. Москва : Юнити-Дана, 2017. 431 с.
7. Селуянов В. Н. Восстановление работоспособности в спорте : научно-методическое пособие / В. Н. Селуянов, С. К. Сарсания. Москва : ТВТ Дивизион, 2016. 120 с.
8. Теория и методика физической культуры : учебник / под ред. Ю. Ф. Курамшина. Москва : Советский спорт, 2019. 464 с.
9. Физическая подготовка в органах внутренних дел : учебное пособие / под ред. В. А. Томилина. Москва : ДГСК МВД России, 2019. 315 с.
10. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел : сборник научных трудов / под ред. Р. В. Камнева. Волгоград : ВА МВД России, 2022. Вып. 7. 145 с.

11. Калашников А. В. Физическая подготовленность сотрудников полиции, проходящих первоначальную профессиональную подготовку в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (93). С. 112–118.

12. Романенко М. И. Применение восстановительных средств в спортивной тренировке : монография / М. И. Романенко, А. Н. Тихонов. Краснодар : КГУФКСТ, 2020. 168 с.

13. Физическая подготовленность сотрудников полиции, проходящих первоначальную профессиональную подготовку в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (93). С. 112–118.

14. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел : сборник научных трудов / под ред. Р. В. Камнева. Волгоград : ВА МВД России, 2022. Вып. 7. 145 с.

15. Dopsaj M., Janković R. Validnost poligona specifične spretnosti kod studenata KPA: Metabolički i funkcionalni pokazatelji fizičkog opterećenja // Nauka-bezbednost-policija. 2014. T. 19. № 1. С. 185–199.

16. Effect of high-intensity interval training and moderate-intensity continuous training on blood lactate clearance in adult males // *Frontiers in Physiology*. 2024. Vol. 15. DOI: 10.3389/fphys.2024.1451464.

17. Implementation of High Intensity Interval Training and Autoregulatory Progressive Resistance Exercise in Police Cadets // *Journal of Exercise Science*. 2022. Vol. 15. № 4. P. 1246–1261.

Bibliographic list

1. Federal Law of December 4, 2007, No. 329-FZ «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2007. No. 50. Art. 6242.

2. Federal Law of November 30, 2011, No. 342-FZ «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 49 (Part 1). Art. 7020.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 2, 2024, No. 44 «On Approval of the Procedure for Organizing the Training of Personnel to Fill Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // *Official Internet Portal of Legal Information*. URL: <http://pravo.gov.ru>.

4. Aulik I. V. Definition of physical performance in clinical practice and sports. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : Meditsina, 1990. 192 p.

5. Kardanov A. A. Improving the Features of Teaching Physical Education in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Scientific Statements*. 2023. No. 17 (41). P. 45–52.

6. Kikot' V. Ya. Physical Education and Physical Training: a textbook for cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. Ya. Kikot', I. S. Barchukov ; edited by V. Ya. Kikot'. Moscow : Unity-Dana, 2017. 431 p.

7. Seluyanov V. N. Restoration of Performance in Sports: a scientific and methodological manual / V. N. Seluyanov, S. K. Sarsaniya. Moscow : TVT Division, 2016. 120 p.

8. Theory and Methods of Physical Education : textbook / edited by Yu. F. Kuramshin. Moscow : Sovetsky Sport, 2019. 464 p.

9. Physical Training in Internal Affairs Bodies: study guide / edited by V. A. Tomilin. Moscow : DGSK MVD of Russia, 2019. 315 p.

10. Physical Training of Internal Affairs Bodies' Employees: collection of scientific papers / edited by R. V. Kamnev. Volgograd : VA MVD of Russia, 2022. Issue 7. 145 p.

11. Kalashnikov A. V. Physical Fitness of Police Officers Undergoing Initial Professional Training in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 1 (93). P. 112–118.

12. Romanenko M. I. Use of Restorative Aids in Sports Training : monograph / M. I. Romanenko, A. N. Tikhonov. Krasnodar : KSUFKST, 2020. 168 p.

13. Physical Fitness of Police Officers Undergoing Initial Professional Training in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 1 (93). P. 112–118.

14. Physical Fitness of Employees of Internal Affairs Bodies: Collection of Scientific Papers / ed. by R. V. Kamnev. Volgograd : VA MVD of Russia, 2022. Issue 7. 145 p.

15. Dopsaj M., Janković R. Validnost poligona specifične spretnosti kod studenata KPA: Metabolički i funkcionalni pokazatelji fizičkog opterećenja // *Nauka-bezbednost-policija*. 2014. T. 19. № 1. P. 185–199.

16. Effect of high-intensity interval training and moderate-intensity continuous training on blood lactate clearance in adult males // *Frontiers in Physiology*. 2024. Vol. 15. DOI: 10.3389/fphys.2024.1451464.

17. Implementation of High Intensity Interval Training and Autoregulatory Progressive Resistance Exercise in Police Cadets // *Journal of Exercise Science*. 2022. Vol. 15. № 4. P. 1246–1261.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 12.03.2026.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 12.03.2026.

Научная статья

УДК 167; ББК 72.5

EDN: <https://elibrary.ru/mfgeew>

НИОН: 2018-0077-1/26-732

MOSURED: 77/27-024-2026-01-931

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Татьяна Николаевна Фролова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Frolova_tn@mail.ru

Аннотация. При всей противоречивости понятия «научное творчество» науку нельзя представить без творческой составляющей. Получение нового знания, эмоциональная окрашенность, связь с личностью исследователя и его субъективными характеристиками подтверждают это. Методология, в свою очередь, обеспечивает исследовательский процесс систематизированными выверенными принципами, методами, нормами и алгоритмами. Рассматривается связь научной методологии и творческой деятельности исследователя.

Ключевые слова: наука, творчество, методология, абстрагирование, гипотеза, эксперимент, теория, философский подход

Для цитирования: Фролова Т. Н. Основы методологии научного творчества // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 190–193. EDN: MFGEEW.

Original article

Fundamentals of the methodology of scientific creativity

Tatiana N. Frolova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Frolova_tn@mail.ru

Abstract. Despite the contradictory nature of the concept of "scientific creativity," science cannot be imagined without a creative component. The acquisition of new knowledge, emotional coloring, and connection to the researcher's personality and subjective characteristics confirm this. In turn, methodology provides the research process with systematic and accurate principles, methods, norms, and algorithms. This article explores the relationship between scientific methodology and the researcher's creative activities.

Keywords: science, creativity, methodology, abstraction, hypothesis, experiment, theory, philosophical approach

For citation: Frolova T. N. Fundamentals of the methodology of scientific creativity. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):190–193. (In Russ.). EDN: MFGEEW.

Тема научного творчества сегодня представляется достаточно актуальной и многосторонней, в особенности в контексте проблем подготовки научных кадров в системе высшего образования, и в настоящей статье мы рассмотрим некоторые его аспекты, наиболее значимым среди которых является методологический.

Развитие науки вообще невозможно рассматривать вне понятия творчества, и, выделяя главное в творчестве научном, следует сказать, что оно проявляется, прежде всего, в стремлении и потенциале исследователя проникнуть в глубинную суть явлений, недоступную для обыденного взгляда. Субъективные качества ученого, такие как его образование, компе-

тенции, целеустремленность в достижении поставленной цели, в конечном счете определяют результат своего проявления, ведущий к наивысшему ее проявлению – созданию новых форм научного знания, таких как теории, целые научные направления или даже законы.

Сегодня наука в своем развитии уже не может довольствоваться кумулятивным эффектом, когда процесс направлен лишь на постепенное приращение новых положений к накопленной сумме знаний. «В лучшем случае это может относиться к отдельным этапам и периодам развития науки, но не отражает целостной картины ее развития, ибо на протяжении более длительных периодов наблюда-

ется пересмотр прежних представлений и концепций» [7, с. 308].

Именно благодаря творческой активности ученого наука приходит к величайшим открытиям, изменяющим границы какой-то отдельной научной отрасли или научной картины в целом.

В творческом процессе исследователь имеет дело с ситуацией в той или иной степени неопределенной, с объектами, наполненными ранее непознанным содержанием. История науки показывает, что ее развитие невозможно рассматривать лишь как строго последовательный поступательный процесс, не допускающий отклонений и допущений. Научное познание представляется сложным и противоречивым, далеким от линейности творческим поиском. Оно «представляет собой движение в условиях действия разнообразных и противоречивых внутренних и внешних факторов, характеризуется как совпадением точек зрения, так и конкурентной борьбой между ними» [5, с. 174].

Прогресс научного знания неизбежно сопровождается столкновением научных школ и концепций, выдвижением и крушением гипотез, конфронтацией теорий, периодами бурного подъема и спадов. Это объясняется тем, что познание характеризуется совокупностью таких противоположных свойств, как кумуляция и элиминация, эволюционные изменения и научные революции, гармония и дисгармония эмпирического и теоретического знания, утверждение или опровержение нового и т. д. Сама история общества характеризуется противоречивостью действующих условий и факторов, традициями и новациями, интеграцией и конфликтами различных социальных групп и общностей, сложным сплетением периодов прогрессивного движения и кризисов.

Научная деятельность, воодушевленная творчеством, имеет свою методологию и представляет собой целенаправленный процесс, начало которому дает постановка научной проблемы. Исследовательский процесс всегда начинается с попытки устранить возникшее затруднение в решении поставленной задачи, того момента, когда имеющихся научных средств бывает недостаточно для его преодоления. Цель любого научного исследования заключается в разрешении образовавшихся проблем путем поиска средств более глубокого проникновения в сущность окружающей реальности, применении найденных решений в практической плоскости и творческом ее освоении. Для этого существует целый арсенал научных методологических разработок, действующих как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне.

Абстрагирование рассматривается как наиболее востребованный метод и применяется на теоретическом этапе исследования, где эффективно проявляет свои возможности при переходе от действий созерцательных к настоящим высотам абстрактного мышления, позволяющим творчески применять полученные знания в практике создания принципиально новых теоретических моделей и концептуальных конструк-

ций [4]. На этапе теоретизации знания глубокого осмысления требует понимание сути научной гипотезы, которое является логическим продолжением постановки проблемы [6]. Под гипотезой мыслится знание вероятностное, обоснование которого не носит убедительный и заверченный характер, но содержит возможные предположения, способствующие разрешению поставленной проблемы. Творческий потенциал ученого раскрывается наиболее ярко именно на этом этапе исследования, ведь именно талант человека, сопряженный с его интуицией, позволяет сделать правильный выбор. Проверка научной гипотезы – важный шаг на пути построения теории, поскольку истинная, доказанная и непротиворечивая гипотеза и становится основой научной теории. История науки знает примеры, когда гипотезы, воспринимавшиеся как абсурдные или невероятные, все-таки подтверждались и становились общепризнанными научными теориями. Таковы, например, гипотеза К. Шварцшильда о существовании во Вселенной «черных дыр» или доказательство гипотезы Пуанкаре российским математиком Г. Перельманом. Важнейшие характеристики научного творчества раскрываются путем разработки обоснования и доказательства гипотез, которые являются результатом применения научной логики и отвечают всем требованиям истинного научного поиска.

Эксперимент рассматривается как средство научного творчества, обладающее собственной спецификой именно в его реальном практическом воплощении, применяемое для обогащения и расширения имеющихся теоретических контуров. Эксперимент, будучи строго регламентированным и нацеленным на определенный результат, является, в то же время, важным элементом творческого процесса. В эмпирическом исследовании проявляется творческий характер, выражающийся в умении использовать специальную научную аппаратуру и технику, учитывая специфические особенности конкретно взятой науки, в рамках которой оно проводится. В результате его применения происходит не только накопление проверенных на практике научных данных и фактов, но и приращение всего потенциала научных знаний. Так, Г. Эббингауз в ходе экспериментов и на основе их результатов сформулировал законы, имеющие значение для развития прикладной психологии. Изобретенные им «бессмысленные слоги» привели к открытию закономерностей долговременной памяти [2, с. 11].

Говоря об эксперименте педагогическом, рассматриваем его как опытное изменение образовательной деятельности, целью которого является подтверждение или опровержение выдвинутой гипотезы в четко обозначенных условиях. Подобные эксперименты, в ходе которых вырабатываются новые формы, совершенствуются методы и приемы образовательной и воспитательной деятельности, разрабатываются образовательные программы, направлены как на теоретическое исследование, так и на решение практических педагогических проблем. Задачи педагога-исследователя заключаются в оценке состояния

экспериментальных групп и фиксации результатов, а также в количественном и качественном анализе педагогического воздействия, как положительного, так и отрицательного.

Систематизация форм научного исследования, когда полученные новые знания органично вводятся в существующую информационную систему, рассматривается как существенно важный творческий этап всей научной деятельности ученого. Синтез и дифференциация знаний, образующих научную систему, представляют собой некий эволюционный процесс в формировании системного знания, процесс, обладающий большим творческим потенциалом и представляющий собой логический переход к знаниям нового уровня иерархически построенной научной системы. Научная теория в таком контексте представляется оформленным результатом проведения сложнейшего этапа исследования, являющим собой логическое завершение большой научной работы.

Теория, будучи наиболее организованным научным знанием, отличающимся строгостью и доказательностью, дает целостное представление о существенных взаимосвязях и закономерностях развития какой-либо области действительности. Требования к теории в гносеологическом аспекте следующие: полнота описания объективной реальности, интерпретируемость, эмпирическая проверяемость, логичность, обоснованность и практичность.

В основе современной науки лежат два противоположных методологических принципа – верификация и фальсификация. Принцип верификации диктует необходимость опытной проверки положений любой научной теории. Истинность научных положений устанавливается путем их эмпирической проверки, исследователь в этом процессе ищет подтверждение гипотезы. Утверждения и теории, в принципе не верифицируемые, как правило, не считаются научными.

Этот принцип К. Поппер дополнил принципом фальсификации, согласно которому теория может считаться научной лишь в том случае, если она в принципе может быть опровергнута. Даже при большом числе фактов, подтверждающих ее, новое знание остается вероятным. Для опровержения достаточно одного бесспорного контрпримера. Если первый принцип ориентирован на нахождение истинного, второй – на отсечение ложного в научном знании. Получение следствий, предсказанных гипотезой, их подтверждение достоверными практическими результатами служит критерием ее истинности, их несоответствие – критерием ложности. Однако одного факта подтверждения или опровержения недостаточно для установления истинности знания.

Итак, при анализе алгоритма процесса познания становится понятным такой критерий истины, как эмпирическая проверка. Задача разрешения научной проблемы приводит исследователя к формулированию гипотезы. Посредством различных логических приемов, операций и форм вывода из гипотезы выводятся следствия – ожидаемые результаты, возможные

факты. Совпадение ожидаемых и фактических результатов в ходе множественных испытаний позволяют признать гипотезу как истинную и приобрести уже статус научной теории.

Гносеологически приблизить знание к объекту и вывести заключение об его истинности можно лишь благодаря длительному многоактному процессу верификации и фальсификации [1]. В то же время оба принципа не являются в строгом смысле слова необходимыми и достаточными критериями научности теории. Критерий истинности уже критерия научности. Гипотеза, будучи научной, может оказаться ошибочной, что случалось в истории науки.

Выделяя важнейшие черты процесса научного творчества, на первое место можно поставить реалистичный взгляд на изучаемую область, критичность и объективность ее изучения, а также объективную всесторонность научного взгляда ученого. Кроме того, необходимо отметить огромную роль методологии в организации и проведении всей творческой научной работы. Сознательно и целенаправленно анализируя существующие научные методы, используя имеющиеся и апробированные научные методики, в качестве базиса своей творческой работы исследователь опирается на философские методы и научное мировоззрение. Из множества умозрительных комбинаций исследователь реализует только те из них, которые согласуются с его мировоззрением [3].

В философском подходе мы выделяем несколько важных аспектов: социально-философский, рассматривающий специфику социального бытия науки, культурно-исторический, анализирующий развитие науки в определенную культурную эпоху и, пожалуй, ведущий – эпистемологический, раскрывающий науку через призму знания.

Философский подход, таким образом, рассматривается как первоочередная и неизменная основа всей методологии научного творчества. Это становится возможным и необходимым благодаря гносеологической функции философии, которая убедительно обосновывает позицию методологической основы подлинного научного творчества.

Философская гносеология в числе других своих задач определяет творчество как активную целенаправленную деятельность субъекта, создающую в данном конкретном социокультурном контексте принципиально новые, социально значимые результаты, одновременно способствуя самореализации личности и развитию ее способностей и творческого потенциала. Философский подход к пониманию сущности научного творчества исходит из определения его как целенаправленного действия, постигающего истину. Это самая эффективная научная работа, результатом которой становится общественно значимое направление, выделяющееся своей креативностью и нетрадиционностью используемых методов и выводов. Только в творческом поиске исследователь способен получить глубокое и содержательное всесторон-

нее знание об истинной сущности изучаемого объекта или явления.

Методология в этом контексте рассматривается как научный арсенал средств, направленных на глубокое понимание логической организации, приемов и алгоритмов проводимой работы. Посредством научной методологии происходит всестороннее изучение творческой активности в познавательном процессе, с одной стороны, а с другой – она сама представляет собой важнейший компонент современной философии науки [8]. Научная методология объединяет в себе большую совокупность представлений о философских основах творческой деятельности исследователя, изучает ее внутренний механизм и саму логику развития организации творческого процесса.

Таким образом, научное знание отличает сложность своей структуры, функций, способов его получения, обоснования и применения. Одну из ключевых ролей в развитии науки играет творчество. Творчество сопровождает процесс поиска принципиально новых знаний, обогащения науки идеями и концепциями, разрешения сложных проблем, нахождения истины и ее доказательств.

Список источников

1. Губанов Н. И., Губанов Н. Н., Третьяков Н. Г. Критерии некоторых аспектов научного знания // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2016. № 1. С. 25–33.
2. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. Учебное пособие. М., 1997. 256 с.
3. Козиков И. А. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Философия и общество. 2014. Вып. 1 (73). С. 164–176.
4. Лазарев Ф. В. Абстрагирование и смыслообразование: конститутивные основания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. № 1. Т. 3 (69). С. 23–34.
5. Майданов А. С. Творческое мышление. М., 2014. 444 с.

Информация об авторе

Т. Н. Фролова – доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

T. N. Frolova – Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

6. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 605 с.

7. Сосненко С. В., Садыкова Э. Ф., Ваганов М. Г. Эволюционные формы научных знаний // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 307–309.

8. Фролова Т. Н., Шашурина Г. В. К вопросу о совершенствовании методологической культуры в современном образовании // В сб. : Проблемы и перспективы гуманитарного образования в свете актуальных вызовов и угроз : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Старотеряево. 2025. С. 316–319.

References

1. Gubanov N. I., Gubanov N. N., Tretyakov N. G. Criteria of Some Aspects of Scientific Knowledge // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 2016. No. 1. P. 25–33.
2. Druzhinin V. N. Experimental Psychology. Study Guide. Moscow, 1997. 256 p.
3. Kozikov I. A. Vernadsky V. I. on the Scientific Worldview // Philosophy and Society. 2014. Issue 1 (73). P. 164–176.
4. Lazarev F. V. Abstraction and Meaning-Formation: Constitutive Foundations // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Philosophy. Political Science. Cultural Studies. 2017. No. 1. Vol. 3 (69). P. 23–34.
5. Maidanov A. S. Creative Thinking. Moscow, 2014. 444 p.
6. Popper K. Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Moscow, 1983. 605 p.
7. Sosnenko S. V., Sadykova E. F., Vaganov M. G. Evolutionary Forms of Scientific Knowledge // The World of Science, Culture, Education. 2013. No. 4 (41). P. 307–309.
8. Frolova T. N., Shashurina G. V. On Improving the Methodological Culture in Modern Education // In the collection: Problems and Prospects of Humanitarian Education in Light of Current Challenges and Threats : Collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference. Staroteryaev. 2025. P. 316–319.

Научная статья

УДК 378.14

EDN: <https://elibrary.ru/lzkqfe>

ИИОН: 2018-0077-1/26-733

MOSURED: 77/27-024-2026-01-932

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Экопедагогика: актуальные аспекты

Александр Викторович Хренков¹, Юлия Александровна Иванова²,

Муслимат Айдабековна Аливердиева³

¹ Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Международный институт информатики, управления, экономики и права г. Москве», Москва, Россия, info@miiimel.ru

² Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия, julia-ivanova-77@yandex.ru

³ Юридический институт Дагестанского государственного университета, Махачкала, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Экопедагогика – экологический подход к преподаванию и обучению, направленный на сохранение окружающей среды и решение социальных проблем. В процессе глобализации под угрозой оказались местные культуры и их ценности, экопедагогика начала работать над решением данных актуальных проблем. В настоящее время возрастает осведомленность о важности экологического образования, которое играет ключевую роль в процессе обучения.

Ключевые слова: экология, природа, окружающая среда, педагогика, образование, учебный процесс, природопользование

Для цитирования: Хренков А. В., Иванова Ю. А., Аливердиева М. А. Экопедагогика: актуальные аспекты // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 194–197. EDN: LZKQFE.

Original article

Ecopedagogy: relevant aspects

Alexander V. Khrenkov¹, Yulia A. Ivanova², Muslimat A. Aliverdiyeva³

¹ Non-governmental Private Educational Institution of Higher Education «Moscow International Institute of Informatics, Management, Economics, and Law in Moscow», Moscow, Russia, info@miiimel.ru

² Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia, julia-ivanova-77@yandex.ru

³ Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. Ecopedagogy is an ecological approach to teaching and learning aimed at preserving the environment and solving social problems. With globalization under threat, local cultures and their values have come under threat, and ecopedagogy has begun to address these pressing issues. Awareness is currently growing of the importance of environmental education, which plays a key role in the learning process.

Keywords: ecology, nature, environment, pedagogy, education, educational process, nature management

For citation: Khrenkov A. V., Ivanova Yu. A., Aliverdiyeva M. A. Ecopedagogy: relevant aspects. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):194–197. (In Russ.). EDN: LZKQFE.

В современный период экопедагогика – это ответ на планетарный экологический кризис. Во многом данный планетарный кризис является коллективной ответственностью человечества, современное общество оказывает разрушительное воздействие на окружающую среду. Однако особая ответственность за последние пятьдесят лет лежит на силах корпоративной

глобализации и потребления, а также на гегемонии западных идеологий, связанных с неолиберализмом. За последние тридцать лет неолиберальные идеологии стали доминирующими в планетарном масштабе.

Основные принципы неолиберализм – дерегулирование, приватизация, превращение в товар, маркетинг и подчинение социальной политики рыночным

силам – привели к неумолимому распространению капитализма и его беспрецедентному господству во всех сферах человеческой жизни. Так, например, в книге «Критическая педагогика, экологическая грамотность и планетарный кризис: движение экопедагогике» Ричард Кан начинает с описания масштабов экологического кризиса на Земле за последние полвека. За это время человечество изменило и в значительной степени ухудшило состояние всех экосистем Земли.

В период с 1960 по 2025 год население планеты удвоилось, а мировая экономика выросла в шесть раз из-за беспрецедентного потребления и, как следствие, спроса на ресурсы биосферы. За последние десятилетия под сельское хозяйство было отведено больше земель, чем за предыдущие 150 лет. Крупномасштабное промышленное сельское хозяйство ухудшает качество почвы и приводит к дальнейшему опустыниванию.

На сегодняшний день виды животного и растительного мира вымирают более чем в 1000 раз быстрее, чем обычно. С 2000 года потребление воды удвоилось, половина всех водно-болотных угодий была освоена, а 50 % лесов Земли исчезли. По словам Кана и его исчерпывающему списку источников, эти тенденции не только усиливаются, но и ускоряются. «За последние 50 лет особенно пагубная экономическая парадигма, подобно ударной волне, прокатилась по всему земному шару. Она привела к экспоненциальному росту мирового капитала и поразительным достижениям в науке и технологиях, но также оказала разрушительное воздействие на экосистемы как по отдельности, так и в целом».

Согласно докладу Программы ООН по окружающей среде GEO-3, концепция непрерывного экономического роста такого типа возможна только при условии вымирания человечества. К 2032 году, если глобальный образ жизни не претерпит значительных изменений, мир столкнется с необратимыми социальными и экологическими катастрофами.

Являясь ответвлением критической педагогики, экопедагогика направлена на понимание и реализацию форм справедливости, которые охватывают все живые формы в мире, существующем помимо человека. Она отличается от подходов, лежащих в основе «экологического образования» и «образования в интересах устойчивого развития», которые считаются увековечивающими антропоцентрические и капиталистические идеалы.

Экопедагогика направлена на формирование «планетарного сознания», основанного на экограмотности (концептуальном понимании природных систем Земли, обеспечивающих жизнь), мотивированного на реагирование на растущую нагрузку на экосистему и ориентированного на преобразование экономических и политических систем. Экопедагогика согласуется с идеями критической педагогики и уделяет особое внимание темам, рассматриваемым в когнитивной биологии и др.

На сегодняшний день необходимо выделить четыре системы экопедагогического обучения. Во-первых,

обучение, связанное с социальной и природной средой, а именно подготовка текстов для детей на экологическую тематику. Благодаря этому дети могут узнать о текущих экологических проблемах, их причинах, а также о стратегиях решения проблем как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Во-вторых, обучение в социальной и природной среде, а именно: формирование у учащихся понимания их взаимосвязи с окружающей средой, как социальной, так и природной. В-третьих, обучение в социальной и природной среде. А именно – адаптация заданий, письменных упражнений, групповой работы, опыта, соглашений с сообществом для преобразования знаний в социальные действия, направленные на экологическую справедливость, процветание и устойчивое развитие. В-четвертых, обучение осознанию постоянной взаимосвязи между живыми существами.

Экопедагогика – это критическое, преобразующее образование, направленное на практику, которая призвана положить конец социально-экологической несправедливости и господству человека над природой, а также противостоять обучению, которое разделяет социальное и экологическое насилие и отдаляет нас (людей), от остальной природы.

Необходимо отметить, что концепция экопедагогике, которая является множественной по определению, вместе с другими возникла на основе работ Паулу Фрейре о народном образовании, как непосредственно из его более поздних работ, так и из фрейристских переосмыслений.

Фрейре, специалист по обучению грамоте, утверждал, что образование должно учить обучающихся критически воспринимать мир. Экопедагогика расширяет это понятие, включая в него всю Землю, где мир (антропоцентрическая сфера) является частью Земли (планетарной сферы), тем самым развивая у учащихся экопедагогическую грамотность.

Экологическое просвещение слишком часто опирается на финансовые модели, которые не являются диалектическими, демократическими, контекстуальными и критическими, что приводит к поверхностному пониманию и решению проблем. Без критического осмысления истинных причин экологических проблем их источники остаются неизвестными, а эффективное решение проблем – невозможным [3, с. 340].

Экопедагогическая грамотность способствует более глубокому и широкому пониманию действий, которые могут быть результатом критического теоретизирования (то есть практики), в отличие от экологической педагогики, основанной на количественных знаниях об окружающей среде.

Современные экопедагоги учат слушателей деконструировать и, таким образом, отучать от идеологических «рассуждений», которые приводят к нерациональному насилию над окружающей средой в интересах некоторых групп населения (например, ради электричества или топлива и т. п.).

Экопедагогическая работа ставит вопрос о том, «кто» получает выгоду, и «кто» страдает от такого дей-

ствия, а также о политике в сфере образования, о неразрывной связи между экологическим и социальным насилием и о обесценивании неантропоцентрической сферы. Обучение экопедагогической грамотности может дать учащимся инструменты для критического осмысления политики в социально-экологических вопросах через призму различных социально-исторических подходов, от локального до глобального и планетарного, а также для постоянного осмысления нашей позиции и ограничений «знания» о мире и Земле. Это позволяет учащимся понять, как социально-исторические формы угнетения (колониализм, расизм, патриархат, неолиберализм, глобализация сверху, отсутствие гражданства, эпистемоцид со стороны эпистемологий Севера, гетеронормативность) создают, поддерживают и (или) усугубляют социально-экологические проблемы.

Экопедагогика – это не образование по экологии, а образование через экологию, то есть образование, основанное на экологическом мировоззрении. Мировоззрение – это фундаментальное понимание жизни и мира. Экологическое мировоззрение означает экологический подход к пониманию жизни и мира. Основные идеи экологического мировоззрения берут начало в науке экологии, которая имеет две интерпретации: «экология стабильности» и «экология нестабильности».

Обе интерпретации дают общее представление о мире и о том, как он устроен, но каждая из них предлагает свои ценности в области философии, этики, культуры и общества в отношении экосистемы. Экопедагогика, которая включает в себя как экологическое мировоззрение, так и образование, развивается в двух основных направлениях: философская экопедагогика и критическая экопедагогика. Первое направление, называемое экософией, сосредоточено на метафизическом исследовании взаимоотношений человека и природы и связанных с этим вопросов в сфере образования. Второе направление, экоправосудие – миссия состоит в том, чтобы критиковать несправедливость и угнетение, связанные с экологическими проблемами, и строить утопическое общество планетарной цивилизации.

Являясь формой критической теории образования, экопедагогика работает на метауровне, предлагая диалектическую критику экологического образования и образования в интересах устойчивого развития как гегемонистских форм образовательного дискурса, созданных государственными органами, которые стремятся создать видимость разработки педагогики, способствующей преодолению нарастающего глобального экологического кризиса.

Хотя стратегии экологического просвещения, несомненно, приносят много пользы с точки зрения экопедагогики, экопедагогика ставит под сомнение тот факт, что экологическое просвещение часто сводится к эмпирической педагогике и обучению на открытом воздухе, которые могут некритично относиться к предлагаемому опыту взаимодействия с «природой» – иде-

ологической зоне представлений о дикой природе, которые потенциально основаны на смешении расистских, сексистских, классовых и видовых ценностей.

Экопедагогика начала ставить под сомнение тот факт, что экологическое образование привязано к государственным и корпоративным стандартам в области естественных и социальных наук, или же не может сформулировать политическую потребность в распространении знаний о том, как современное общество и индустриальная культура способствуют формированию неустойчивого образа жизни, даже несмотря на то, что эта тема остается на периферии исследовательских программ, программ подготовки учителей и образовательных лидеров в высших учебных заведениях.

Экопедагогика стремится использовать проходящее в настоящее время Десятилетие образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций (2005–2015 гг.) для принятия стратегических мер в интересах угнетенных, экопедагогика также пытается привлечь внимание к концепции устойчивого развития и тем самым избавить ее от той двусмысленности, в которой она пребывает в настоящее время [1, с. 96].

Библиографический список

1. Ангеловская С. К. О применении проектного подхода в системе экологического воспитания обучающихся профессиональной образовательной организации // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 2. С. 96–101.
2. Волкова О. Н. Экологический туризм как интегративный компонент экологического просвещения населения // Экосистемы. 2021. № 27. С. 139–145.
3. Гладкова О. В. Экологическое образование, журналистика и просвещение. 30 лет Программе «Шаг в будущее»: юбилейный сборник научно-методических трудов. Москва: Региональная общественная организация «Научно-техническая ассоциация «Актуальные проблемы фундаментальных наук». 2020. С. 338–344.

Bibliographic list

1. Angelovskaya S. K. On the Application of a Project-Based Approach in the System of Environmental Education of Students of a Professional Educational Organization // Innovative Development of Professional Education. 2020. No. 2. P. 96–101.
2. Volkova O. N. Ecotourism as an Integrative Component of Environmental Education of the Population // Ecosystems. 2021. No. 27. P. 139–145.
3. Gladkova O. V. Environmental Education, Journalism, and Enlightenment. 30 Years of the Step into the Future Program: Anniversary Collection of Scientific and Methodological Papers. Moscow: Regional Public Organization «Scientific and Technical Association «Actual Problems of Fundamental Sciences». 2020. P. 338–344.

Информация об авторах

А. В. Хренков – ректор негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Международный институт информатики, управления, экономики и права г. Москве»;

Ю. А. Иванова – доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент; старший преподаватель кафедры земельного и экологического права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Член Совета Российского экологического общества;

М. А. Аливердиева – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета.

Information about the author

A. V. Khrenkov – Rector of the International Institute of Informatics, Management, Economics and Law in Moscow, a non-governmental educational private institution of Higher Education;

Yu. A. Ivanova – Associate Professor of the Department of National Security Law at the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Law Sciences, Associate Professor; Senior Lecturer at the Department of Land and Environmental Law at the Peoples' Friendship University of Russia Patrice Lumumba, Member of the Council of the Russian Ecological Society;

M. A. Aliverdieva – Senior Lecturer at the Department of Civil Procedure at the Law Institute of Dagestan State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Психология и педагогика : учебник / [А. М. Столяренко и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. Гриф МО РФ. Одобрено УМО по психологии университетов России . Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник".

В учебнике рассматриваются уникальные, тесно взаимосвязанные друг с другом дисциплины – психология и педагогика. На основе современных достижений этих наук уделяется внимание проблемам личности, социальной среды, группы, коллектива, общества, профессионального обучения, образования, адаптации и жизнедеятельности специалиста и т. д. При этом сложные вопросы психологии и педагогики излагаются просто, популярно, хорошо иллюстрируются, сочетаясь с раскрытием их практической значимости для жизни и деятельности не только обучающегося, но и уже состоявшегося специалиста.

Изучение содержания каждой главы завершается краткими выводами, систематизацией усвоенной информации по алгоритму, определенному в модульной таблице с клетками-файлами, вопросами и заданиями для самоконтроля и размышлений, помогающих оптимизировать усвоение теоретического материала.

Содержание учебника соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования Российской Федерации последнего поколения, включает все необходимые для изучения вопросы и проблемы по дисциплине "Психология и педагогика".

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, слушателей системы повышения квалификации и профессиональной подготовки, а также всех читателей, интересующихся вопросами психологии и педагогики.

Научная статья

УДК 316.6

EDN: <https://elibrary.ru/llfnpv>

НИОН: 2018-0077-1/26-734

MOSURED: 77/27-024-2026-01-933

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Смешанное передвижение на занятиях физической подготовкой как средство развития функциональных возможностей курсантов образовательных учреждений МВД России

Вадим Анатольевич Хромов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, hromov1967@mail.ru

Аннотация. Рассматривается возможность использования смешанного передвижения на занятиях физической подготовкой как средства развития функциональных возможностей обучающихся образовательных учреждений МВД России. Анализируются особенности использования смешанного передвижения. Предлагаются рекомендации по повышению качества проведения занятий физической подготовкой.

Ключевые слова: физическая подготовка, смешанное передвижение, физическая подготовка сотрудников полиции, служебная подготовка, методика проведения занятий

Для цитирования: Хромов В. А. Смешанное передвижение на занятиях физической подготовкой как средство развития функциональных возможностей курсантов образовательных учреждений МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 198–200. EDN: LLFNPV.

Original article

Mixed movement in physical training classes as a means of developing the functional capabilities of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vadim A. Khromov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, hromov1967@mail.ru

Abstract. The article considers the possibility of using mixed movement in physical training classes as a means of developing the functional capabilities of students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The features of the use of mixed movement are analyzed. Recommendations for improving the quality of physical training are offered.

Keywords: physical training, mixed movement, physical training of police officers, service training, methods of conducting classes

For citation: Khromov V. A. Mixed movement in physical training classes as a means of developing the functional capabilities of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):198–200. (In Russ.). EDN: LLFNPV.

В современном мире физическая подготовка кадров для правоохранительных органов имеет существенное значение в эффективности выполнения, возложенных на них обязанностей. Так, в системе подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации большое

значение уделяется именно развитию физической выносливости обучающихся, в частности, это закреплено приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [1].

Под физической выносливостью в теории физической подготовки подразумевается комплексное понятие, которое помогает организму противостоять утомлению и поддерживать работоспособность в течение длительного времени, когда человек может выполнять определенные физические упражнения. Таким образом, выносливость приобретает важное значение в различных сферах повседневной жизни. Принято выделять два вида выносливости: общая – это способность длительно выполнять физическую работу умеренной интенсивности, и специальную – способность эффективно выполнять работу и противостоять утомлению в определенном виде деятельности. Развиваясь параллельно в процессе физической подготовки, улучшение одного вида влияет положительно на развитие другого.

Так, Э. В. Губанов считает, что физическая выносливость заключается в способности противостоять утомлению, вызываемому длительными нагрузками, что является базовым навыком, необходимым сотруднику правоохранительных органов [3].

Одним из наиболее успешных упражнений, позволяющих развивать физическую выносливость, являются циклические виды, такие как бег, лыжи, плавание, езда на велосипеде, быстрая ходьба на различные дистанции. Подготовка сотрудников органов внутренних дел предусматривает общую физическую подготовку для развития физических качеств (сила, быстрота, выносливость, ловкость, гибкость) и специальную физическую подготовку (боевые приемы борьбы, преодоление различных полос препятствий). Программой обучения в образовательных учреждениях МВД России предусмотрена сдача контрольных нормативов в беге на различные дистанции (1, 3, 5 и более километров). Помимо этого, для сотрудников полиции предусмотрены нормативы в челночном беге 10 * 10, 4 * 20 для развития скоростно-силовых качеств и общефизической подготовки. Для успешного освоения программы обучающимся необходимо не только соблюдать правильную технику бега, но и также использовать определенную методику бега, которая позволит избежать получения травм и наиболее эффективно повысить физические возможности сотрудника.

В теории физической подготовки тренировочный процесс подготовки к бегу на длинные дистанции предусматривает следующие методики подготовки:

1. Для повышения общей выносливости аэробный бег на длинные дистанции в пределах 1 ч 20 мин – 1 ч 40 мин.

Такая тренировка может заключаться в повторяющемся беге со сменой на быструю ходьбу меняя временные отрезки бега и ходьбы, а также скоростной режим внутри отрезков.

Основная цель – подготовка занимающегося к длительным нагрузкам.

2. Интервальный бег.

Включает чередование интенсивности бега на повторяющихся отрезках с достижением максимального уровня пульса.

3. Скоростная тренировка. Целью данной тренировки будет улучшение скоростных движений не только в беге, но и видах спорта (игровых, единоборствах), где скорость (быстрота) играет важную роль.

4. Повторная тренировка представляет собой многократное выполнение какого-либо упражнения через интервалы отдыха, когда происходит достаточно полное восстановление работоспособности.

Одной из наиболее базовых методик дистанционных тренировок, позволяющих развивать функциональные возможности обучающихся, является смешанное передвижение.

Такой подход позволяет организму потреблять большее количество кислорода, тренировка способствует расширению капилляров, потреблению большего запаса питательных веществ.

При этом исследователи отмечают, что дистанционные тренировки должны составлять более 70 % процесса подготовки обучающихся [4]. Применение смешанного передвижения позволяет снизить пульс на определенных отрезках, сокращая выделение молочной кислоты, что в свою очередь, позволяет восстановиться и преодолеть большее расстояние, нежели чем при тренировке без перехода на ходьбу. При этом потеря времени в общем соотношении при переходе на ходьбу незначительна, так как данная форма передвижения позволяет бегуну отдохнуть и увеличить темп во время передвижения бегом.

Помимо этого в результате чередования бега и ходьбы значительно снижается нагрузка на опорно-двигательный аппарат обучающихся, что в свою очередь сокращает вероятность получения травм, которые вызваны избыточной нагрузкой на мышцы и суставы.

Как отмечают Р. А. Кашапова и З. Ф. Хаматова, быстрая ходьба – самостоятельный и наиболее привычный вид передвижения человека [2]. При занятиях быстрой ходьбой также развивается физическая выносливость, увеличиваются показатели сердечно-сосудистой системы, риск же получения травм в этом случае минимален [5].

Важным аспектом в повышении эффективности функционального развития обучающегося является постоянное повышение нагрузки. Так, в случае смешанного передвижения рационально менять промежутки отдыха и бега – увеличение или уменьшение одного должно вести к уменьшению или увеличению другого. Это позволяет решать разные задачи данной формой передвижения.

Кроме того, необходимо постепенно увеличивать темп бега, ходьбы и общей длины дистанции. Такой подход позволит подготовить обучающихся к преодолению длинных дистанций, повысить физическую выносливость, что позволит минимизировать риск получения травм и деформаций мышц и суставов.

Не менее важным в вопросе функциональной подготовки обучающихся системы МВД России является психологический аспект – преодоление длинных дистанций с возможностью восстановления пульса на участках ходьбы позволяет снизить страх перед длинными дистанциями, повысить уверенность в своих силах.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно заключить: смешанное передвижение – это перспективное направление в развитии функциональных навыков обучающихся образовательных учреждений МВД России. Учитывая, что передвижение на длинные дистанции должно составлять свыше 70 % всего объема занятий, то применение такой техники позволит наиболее эффективно повысить общую физическую подготовленность обучающихся, снизить риск травматизма мышц и суставов и преодолеть психологический страх перед длинными дистанциями.

Список источников

1. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408598469/> (дата обращения: 14.09.2024).
2. Элективные курсы по физической культуре и спорту : учебник / А. Г. Горшков, А. Л. Волобуев, М. В. Еремин. Москва : KnoРус, 2023. 317 с.
3. Губанов Э. В. Методики развития физического качества выносливости у курсантов образовательных организаций МВД России // Наука-2020. 2019. № 3 (28). С. 77–81.

Информация об авторе

В. А. Хромов – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. A. Khromov – Associate Professor of the Department of Physical Training at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

4. Кузнецов М. Б., Фомина В. Э. Некоторые аспекты подготовки курсантов МВД России к бегу на длинные и средние дистанции // Наука-2020. 2021. № 3 (48). С. 97–101.

5. Хаматова З. Ф., Кашапова Р. А. Эффективность медленного бега и быстрой ходьбы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-1 (89). С. 242–244.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 2, 2024, No. 44 «On Approval of the Procedure for Organizing the Training of Personnel to Fill Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // RPE Garant-Service. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408598469/> (date of access: September 14, 2024).
2. Elective Courses in Physical Education and Sports : Textbook / A. G. Gorshkov, A. L. Volobuev, M. V. Eremin. Moscow : KnoРус, 2023. 317 p.
3. Gubanov E. V. Methods for Developing the Physical Quality of Endurance in Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Science-2020. 2019. No. 3 (28). P. 77–81.
4. Kuznetsov M. B., Fomina V. E. Some aspects of training cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia for long- and middle-distance running // Science-2020. 2021. No. 3 (48). P. 97–101.
5. Khamatova Z. F., Kashapova R. A. Efficiency of slow running and fast walking // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2024. No. 2-1 (89). P. 242–244.

Научная статья

УДК 167; ББК 72.5

EDN: <https://elibrary.ru/kpmetj>

ИПОН: 2018-0077-1/26-735

MOSURED: 77/27-024-2026-01-934

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.8. Педагогика

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Научное творчество как фактор развития познания

Галина Вячеславовна Шашурина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, galviach@yandex.ru

Аннотация. В современном мире значительно повышается значение науки. Рассматриваются предназначение науки как социального института, ее функции и роль творчества в научном процессе. Рассмотрены объективные и субъективные факторы, детерминирующие открытия в науке, подчеркнута уникальность творческого результата, в которой максимально проявляется роль исследователя в научном познании.

Ключевые слова: наука, научное творчество, социальный институт, методология, системный характер, науковедение

Для цитирования: Шашурина Г. В. Научное творчество как фактор развития познания // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 201–204. EDN: KPMCTJ.

Original article

Scientific creativity as a factor in the development of cognition

Galina V. Shashurina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, galviach@yandex.ru

Abstract. In the modern world, the importance of science is significantly increasing. The article examines the purpose of science as a social institution, its functions, and the role of creativity in the scientific process. It also explores the objective and subjective factors that determine scientific discoveries and emphasizes the uniqueness of the creative outcome, where the role of the researcher in scientific knowledge is maximized.

Keywords: science, scientific creativity, social institution, methodology, systemic nature, science studies

For citation: Shashurina G. V. Scientific creativity as a factor in the development of cognition. Psychology and pedagogy in official activity. 2026;(1):201–204. (In Russ.). EDN: KPMCTJ.

Совершенно очевидным и неоспоримым является тот факт, что в условиях развития современного общества важнейшую и даже определяющую роль играет наука и ее феномен – научно-технический прогресс. И касается это, прежде всего, его экономического направления, в частности, общественного производства. Происходит это во многом от того, что наука носит системный характер и рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, постоянно обменивающихся между собой информацией, что обеспечивает ее неуклонное развитие [5]. Важную роль в этом играет научное творчество, без которого ни существование научной системы, ни ее развитие, было бы просто невозможно.

Тема научного творчества представляется чрезвычайно важной также в системе высшего образования,

поскольку именно эта сфера рассматривается как обязательный элемент всего научного развития в целом.

Итак, научное творчество имеет яркий индивидуальный характер, обладающий как объективными, так и субъективными характеристиками [1, с. 1]. В нем находит отражение степень мастерства, упорного, целеустремленного человеческого труда, зависящего от способностей и талантов конкретного индивида, с одной стороны, и результат, имеющий огромный потенциал и способный внести порой значительные изменения в научные достижения большого масштаба, – с другой. Это не просто итог одаренности научного исследователя, это результат его упорства, высокого интеллекта и умения получить знания, способные обогатить существующий научный опыт.

В настоящее время результаты научно-исследовательской деятельности имеют большую востребованность во всех сферах развития общества, они рассматриваются как вложение не столько материальных, сколько интеллектуальных ресурсов во все более возрастающий объем научного познания, имеющий признанную социальную ценность. Современная цивилизация признает ограниченность своих природных ресурсов, и решение многих, в том числе глобальных проблем человечества, напрямую зависит от постоянного и непрерывного прироста научного знания, который может обеспечить человеческий потенциал. Характер инвестиционных вложений в науку имеет устойчивую тенденцию к постоянному увеличению, что позволяет рассматривать науку как социальный институт международного статуса, основой которого выступает познавательно-творческая деятельность человека.

Говоря о сущности науки, необходимо отметить единство ее важнейших составляющих подсистем – исторически развивающегося объективного знания, постоянно обновляющегося и отражающего окружающую реальность в специальных формах; профессионально подготовленных научных кадров, целью работы которых является получение нового знания посредством использования научной методологии и совокупности организационных форм работы в виде различных лабораторий, институтов и подобных им организаций. Кроме того, необходимо указать на многокомпонентность научного характера, выражающегося в тесном взаимодействии таких его важных частей, как предметно-логической, социально-научной и личностно-психологической. Каждая из названных частей имеет свою специфическую цель и, соответственно, инструментарий для ее достижения. Предметно-логическая цель выражается в формировании научной методологии любого проводимого в ее рамках исследования, социально-научная представлена сферой социологии науки со всей ее проблематикой, а личностно-психологическая формируется средствами научной психологии.

В связи с высоким темпом роста научных дисциплин и их интеграцией насущной проблемой становится анализ всего научного исторического опыта, а также определение его дальнейших путей развития, что вызвало появление такого нового направления в науке, как науковедение. Сегодня науковедение представляет собой самостоятельную научную отрасль, включающую в себя целый комплекс различных направлений, изучающих науку как сложное системное социальное явление с целью выявления закономерностей ее развития [7]. Среди первоочередных проблем этого направления следует отметить необходимость формирования основ научно-теоретической культуры, несомненно, важных для профессионалов высокого класса. Науковедение, способствуя гуманитаризации всех научных областей, и, в первую очередь, естественнонаучных, применяя философский подход, повышает теоретический потенциал ученого, раскрывая основы теории научных исследований, научного и технического творчества, прогнозирования, психологии и этики науки.

Кроме того, именно с помощью науковедения формируется организационная составляющая научных исследований, поскольку оно касается всестороннего рассмотрения таких важных прикладных научных областей, как научное право и политика, экономика и научное управление.

Наряду с этим важно отметить, что методологический инструментарий рассматривается как необходимый способ подготовки профессиональных научных кадров, в связи с чем методология науки всегда занимала ведущее место в ряду общеобразовательных и специальных дисциплин. Это является правильным, несмотря на то, что предмет изучения научной методологии в настоящее время четко не определен, представление о его содержательной и сущностной частях, как и сама структура, являются предметом научных дискуссий. Междисциплинарные связи считаются условными, предметная номенклатура также проходит этап своего творческого становления, однако, среди прочих элементов, в структуре науковедения специалисты выделяют базовые дисциплины, без которых определение этого предмета не представляется возможным.

Это – общая теория науки, представляющая собой основы всего науковедения, философия науки как самая широкая и исторически обусловленная дисциплина, на базе которой вырабатывается научный подход ко всему научному познанию, история науки, главной задачей которой является рассмотрение пространственно-временного развития научного знания, научные социология, этика и психология, а также сама наукометрия, дающая обоснование всех важнейших параметров и методов, используемых в методологии.

Посредством проведения научных исследований ученый постоянно расширяет и углубляет свою эпистемическую активность, результатом которой является не только получение и систематизация новых знаний, но и их обработка, оценка и практическое применение. Эпистемическая или эпистемологическая активность представляет собой достаточно сложное и комплексное явление, природа которого исходит из условий жизнедеятельности человека, осуществляемых в непрерывном взаимодействии с природой. Ее важнейшей целью является адаптация человека к внешней среде своей жизни, которая не всегда бывает расположена к нему. Научное знание рассматривается в этом контексте как защита, имеющая социальную направленность и противостоящая агрессивной внешней среде, обеспечивая таким образом выживание и развитие социума.

Важнейшей социальной функцией науки называют просветительскую и обучающую, поскольку именно она обеспечивает формирование и развитие научного потенциала, обладающего обязательным методическим мастерством. Отсюда логически вытекает и другая важная научная функция, о которой мы упоминали выше – эпистемологическая. Являясь элементом духовной культуры человека, она формирует и накапливает цели социума, его ценности, напрямую связанные с научным знанием. Здесь речь идет также об осознании человеком творческим своего интеллектуального

потенциала, который и выступает движущей силой его постоянного развития.

Рассматривая науку как социальный институт, можно отметить, что она не только адаптирует человека к окружающей среде, но и задает вектор его преобразующей деятельности, формируя наиболее эффективный алгоритм его поведения в социуме. Развивая свое научное творчество, исследователь создает глобальную мониторинговую систему контроля за развитием природной среды, которая не только наблюдает, но и получает проверенную и точную информацию об этом. В научном творчестве выражается важнейшая черта исследователя и ученого – реализация его интереса к окружающему миру, а, следовательно, и получение удовлетворения от познавательного процесса [4].

Этот процесс носит общезначимый для всего социума характер, потому что его результатом являются новые факты и открытия, достаточно важные для процесса прироста всего научного знания, а также рассматривается как реализация гедонистической социальной функции ученого [3].

Таким образом, развитие науки выступает важной и неотъемлемой чертой общего социального прогресса, в котором творческая активность познающего индивида играет первостепенную роль. Научное творчество базируется на созидательной активности научного общества, в которую каждый мыслящий индивид вносит свой значительный вклад, направленный на преобразование окружающего нас мира – как социального, так и природного, и материального, и духовного. Развитие социальной реальности определяется ее потребностями и зависит от его возможностей. Творческая деятельность носит субъективный характер, основанный на целенаправленной преобразовательной человеческой деятельности, отражающей глубокий внутренний духовный мира отдельного исследователя. Ее задачей является сложный поиск эффективного преобразования действительности, и на этом пути особенно важными выступают такой фактор человеческой индивидуальности, как свобода творческой личности. Именно она позволяет развиваться любому виду творчества, делает открытыми для критики и диалога полученные результаты и выражает готовность их пересмотра в случае любых сомнений [2].

При этом можно выделить некие закономерности, свойственные любому творческому процессу, так называемые стадии его организации и осуществления, необходимые наряду с интуитивными решениями. Этот процесс научная методология изучает достаточно давно, но только в начале XX века были выделены основные этапы научного творческого процесса.

Первоначально имеет место подготовительный процесс, который включает в себя глубокий анализ исходных условий поставленной задачи, когда подбираются различные версии и оптимальные стратегии, использующие уже отработанные алгоритмы решений. Однако для творческого подхода необходима их серьезная актуализация и переработка, поскольку разрешение поставленной проблемы бывает невозможно путем ис-

пользования уже имеющихся средств, необходим поиск инновационных путей исследования.

На следующем этапе творческого процесса имеют место подсознательные поиски нужного решения, когда исследователь напрямую не занят задачей, однако его мышление продолжает синтез и перегруппировку идей и вариантов в означенной области. Результатом этого этапа, как правило, является выведение нужного решения, которое приходит по наитию, в виде построения именно такой комбинации фактов, которая будет плодотворной и укажет путь к преодолению проблемной ситуации. Полученный итог необходимо верифицировать, то есть проверить на соответствие тем научным критериям и нормам обоснования и логичности, которые уже утверждены в науке и не вызывают никаких сомнений. Это обязательно уже для того, чтобы полученные рассуждения были объективно последовательными и убедительными для всех. Действия на этом этапе творческой деятельности в большей степени являются интуитивными, и на первых порах могут показаться необъяснимыми для самого исследователя, поскольку логическое доказательство и очевидная, убедительная доказуемость полученного решения происходит несколько позже. Именно вследствие этого понятие интуиции нередко приравнивается к понятию научного творчества, позволяющему рассматривать интуитивный процесс творчества как действие, чуждое принятой логике и рациональности, действие, по большей части имеющее спонтанный характер, не обусловленный никаким ранее полученным опытом.

Однако более глубокий анализ творческой интуиции научного исследователя, тем не менее, позволяет утверждать, что интуиция не обладает абсолютным характером, и ей свойственны характеристики, не имеющие принципиальных противоречий мышлению рациональному. В пользу этого говорит то, что проверка фактов, полученных в результате как будто необъяснимого открытия, сделанного исследователем, впоследствии проверяется и доказывается с помощью логики или утвержденной практики, а значит, не противоречит их постулатам. Творческое решение основывается на той же информации, поступающей извне, что и решение рациональное.

Научное творчество позволяет ученому освободиться от опыта уже имеющихся в науке решений и взглянуть на проблему по-новому, преодолевая любую предвзятость. Именно по-настоящему творческий подход исключает рассмотрение только ограниченного круга алгоритмов и стратегий решения заданной проблемы, помогает преодолеть косность имеющихся стереотипов и готовых схем и выйти за их пределы. Немаловажную роль в этом играет и сама постановка проблемы, вопрос, корректная формулировка которого определяет область поиска возможных правильных решений.

В целом научное творчество, как и любое другое, представляет собой феномен, который достаточно сложно поддается изучению, поскольку в этой области отсутствует парадигма, то есть четко прописанные положения, которые могли бы стать центром

исследования и обсуждения. Очевидно, что в основе творчества, как и ее неперемногого элемента – интуиции – лежит опыт отдельного индивида, порой даже не осознанный достаточно четко. Он и становится той базой, на которой синтезируются необходимые положения и проекты, выстраивается новое знание, которое уже вполне соответствует поставленной проблеме. Для того, чтобы результат был удовлетворительным, а сам творческий процесс результативным, исследователь должен правильно сформулировать цель и спроектировать его макет. Таким образом корреляция интуитивного и целенаправленного знания дает результаты, отличающиеся своей новизной и креативом, т. е. осуществляет продуктивный прирост научного знания.

Научное творчество подразумевает под собой осознанное преодоление имеющихся мыслительных стереотипов, тормозящих идеи научного прогресса, ему чужды предвзятость и догматизм. Духовный потенциал личности раскрывается в творчестве, результатом которого выступают принципиально новые идеи и выводы. Его сферы достаточно широки, но суть определяется в отражении сознанием субъекта невероятного разнообразия окружающей нас реальности, находящейся под перманентным контролирующим воздействием мышления и корректируемым практикой. Все это в полной мере относится к образовательной сфере, в которой закладываются основы научного творчества, формируется его методология [6]. Реализация задач подготовки высокопрофессиональных научных специалистов начинается с формирования и развития его научного творчества, результаты которого отражаются в процессе развития научного знания и его качественном и постоянном приросте.

Список источников

1. Бушуева В. В., Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Закономерности тройной детерминации научного творчества // Гуманитарный вестник. 2016. Вып. 5. С. 1–13.
2. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Черемных Л. Г., Тurova E. И. Социальная ответственность ученого и свобода научного творчества // Гуманитарный вестник. 2020. № 5. С. 1–14.

Информация об авторе

Г. В. Шашурина – доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

G. V. Shashurina – Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

3. Кузьмина Ю. Ю. Гедонистические основания художественного и научного творчества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 17.00.09. Барнаул, М., 2006. 26 с.

4. Оборский А. Ю. Становление современной науки как социального института // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 71–79.

5. Фролова Т. Н., Шашурина Г. В. Системный подход и его роль в научном исследовании // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 158–161.

6. Шашурина Г. В. Творческий аспект научного познания / В сборнике: Философские исследования и современность. Сборник научных трудов. М., 2020. С. 175–182.

7. Яркова Е. Н., Жуков А. В., Суворова Л. Г., Иванов А. Г. Науковедение как научная и образовательная дисциплина: опыт реконструкции. Образование и наука. 2024. № 26 (7). С. 116–141.

References

1. Bushueva V. V., Gubanov N. N., Gubanov N. I. Patterns of Triple Determinancy of Scientific Creativity // Humanitarian Bulletin. 2016. Issue 5. P. 1–13.

2. Gubanov N. N., Gubanov N. I., Cheremnykh L. G., Turova E. I. Social Responsibility of a Scientist and Freedom of Scientific Creativity // Humanitarian Bulletin. 2020. No. 5. P. 1–14.

3. Kuzmina Yu. Yu. Hedonistic Foundations of Artistic and Scientific Creativity : abstract of cand. sci. (philos.) dissertation : 17.00.09. Barnaul, Moscow, 2006. 26 p.

4. Oborsky A. Yu. Formation of Modern Science as a Social Institution // Social and Humanitarian Knowledge. 2017. No. 3. P. 71–79.

5. Frolova T. N., Shashurina G. V. A systems approach and its role in scientific research // Psychology and pedagogics in official activity. 2023. No. 1. P. 158–161.

6. Shashurina G. V. The creative aspect of scientific knowledge / In the collection: Philosophical research and modernity. Collection of scientific papers. Moscow, 2020. P. 175–182.

7. Yarkova E. N., Zhukov A. V., Suvorova L. G., Ivanov A. G. Science studies as a scientific and educational discipline: An experience of reconstruction. Education and science. 2024. No. 26 (7). P. 116–141.